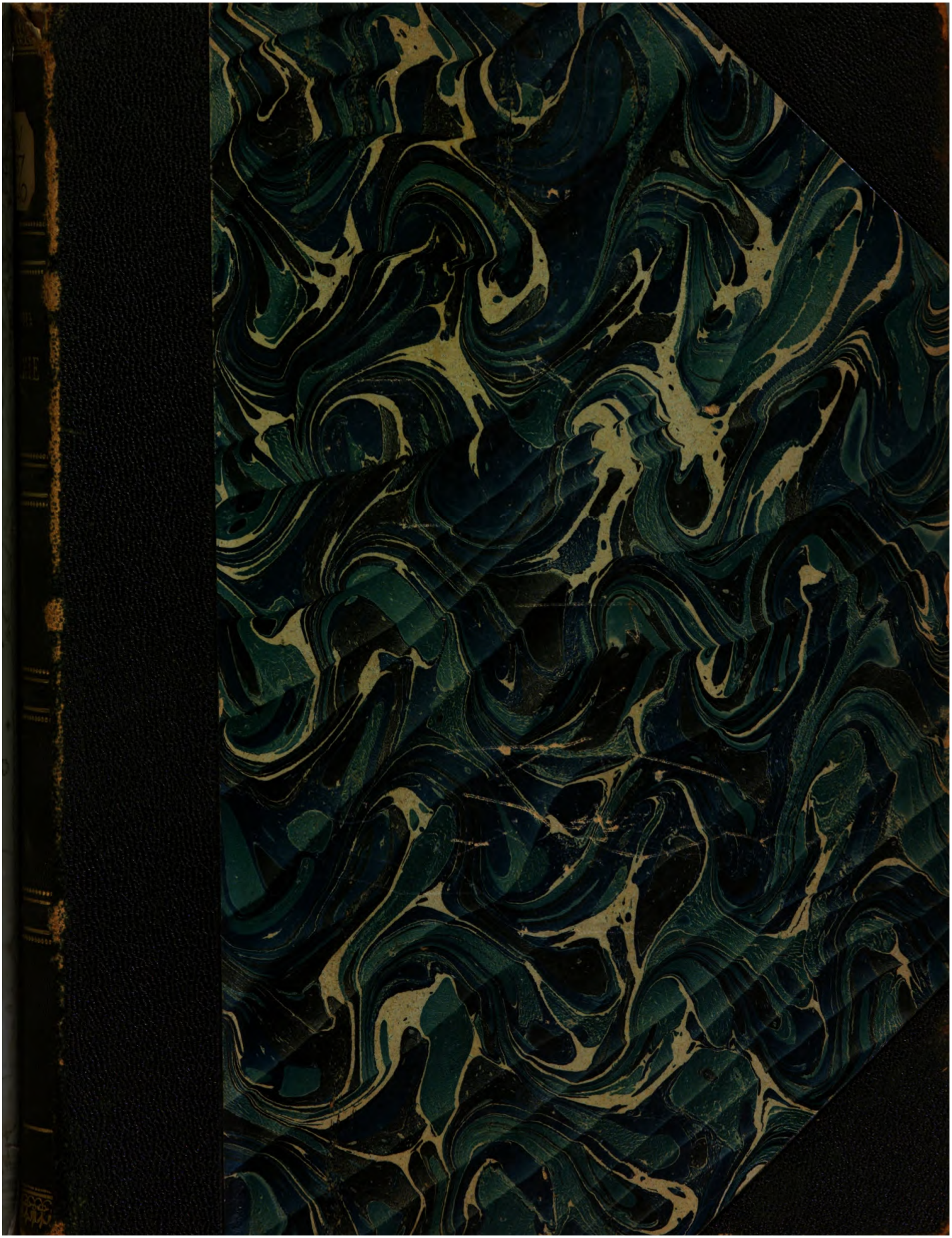
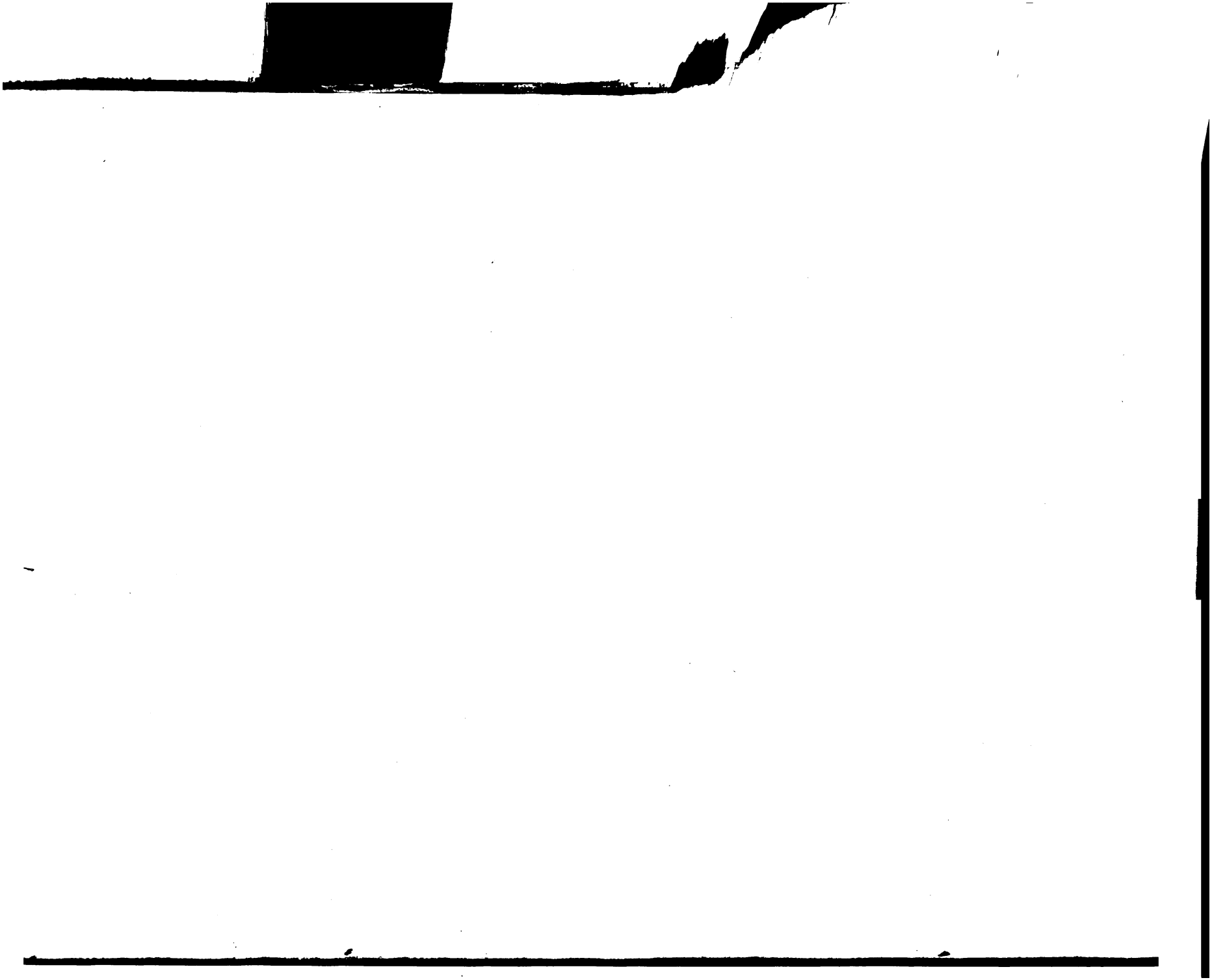


Slav 4337.1.40

Harvard College Library

BOUGHT WITH MONEY
RECEIVED FROM THE
SALE OF DUPLICATES



ЕВГЕНІЙ ЧИРИКОВЪ.

ИЗГНАНІЕ.

РОМАНЪ.

„МОСКОВСКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО“.
1913.

Slav 4337.4.40

HARVARD COLLEGE LIBRARY
BOUGHT FROM
DUPLICATE MONEY
April 29, 1938

Типографія „ЗЕМЛЯ", 1-я Мѣщанская,
МОСКВА.—1913.

ИЗГНАНІЕ.

Романъ.

I.

«... Послѣ долгихъ мытарствъ по «этапамъ» я, наконецъ, добрался до своего новаго мѣстожительства, и вотъ уже три дня и три ночи, какъ вышелъ изъ чрева китова на свѣтъ Божій. Чувствую себя великолѣпно: послѣ цѣлаго года тюрьмы и почти полугодового путешествія по этапамъ, въ которомъ станціями моего отдыха были все тѣ же тюрьмы, выходъ на волю уподобилъ меня тѣмъ чижикамъ, которыхъ я когда-то, въ далекомъ дѣтствѣ, будучи гимназистомъ, выкупалъ и выпускалъ изъ клѣтокъ подъ Благовѣщеніе. Бывало, отворишь дверцу клѣтки, уплативъ пятачокъ тюремщику—чижикъ рванется, пронзительно закричитъ отъ радости и, какъ стрѣла, выскочитъ на волю, но... крылышки у него работаютъ плохо, отвыкли, и чижикъ спѣшитъ сѣсть на первую крышу, дерево, будку и съ ужасомъ и удивленіемъ смотритъ оттуда, не рѣшаясь сдѣлать новую попытку къ бѣгству въ родные лѣса. А базарные оборванцы ждутъ: наберется чижикъ храбрости—полетитъ, упадетъ и снова попадетъ къ барышнику въ клѣтку... Въ первый день свободы мнѣ тоже хотѣлось улетѣть: явилась мысль бѣжать

изъ ссылки, но я вспомнилъ чижика... Теперь я—«человѣкъ безъ документовъ», а безъ паспорта, какъ безъ крыльевъ, у насъ далеко не улетишь... Да куда и зачѣмъ, мама, мнѣ теперь бѣжать? Никого, кромѣ тебя, у меня нѣтъ теперь, все оборвалось и ушло, между прошлымъ и настоящимъ образовалась пока пропасть, которую не перескочишь. Растеряны всѣ друзья и товарищи, порваны всѣ связи, а въ личной жизни такая трещина... Не бойся, всѣ сердечныя раны въ тюремномъ одиночествѣ и размышленіи закрылись, а главное—есть твердая рѣшимость бросить всѣ эти трагикомедіи; пора вспомнить, что я уже не мальчикъ, а взрослый человѣкъ: вѣдь мнѣ, мама, скоро исполнится двадцать четыре года, а я ничего еще не сдѣлалъ!.. Правда, я уже дважды сидѣлъ въ тюрьмѣ и теперь попалъ въ ссылку, но за что?.. Да, мамочка, тамъ много прожито, а сдѣлано такъ мало... И все это изъ-за этой самой «любви». Казалось, что можно быть счастливымъ, когда кругомъ—море горя и несчастій... Когда я вспомню, что изъ-за любви я хотѣлъ отправиться на тотъ свѣтъ, мнѣ такъ стыдно, что и передать тебѣ не умѣю. Цѣлую твою руку, удержавшую меня отъ этой позорной глупости... Однако, бросимъ все прошлое, не будемъ его вспоминать, а обратимся къ дѣйствительности. Я боюсь, что тебя пугаетъ слово «ссылка», какъ нѣкогда пугала «тюрьма». Насъ вообще пугаетъ то, чего мы не знаемъ. Не волнуйся и не безпокойся: вѣдь здѣсь три тысячи жителей, которые живутъ добровольно и для которыхъ моя родина была бы ссылкой. Все, мама, условно и относительно. Когда меня вели съ конвоемъ по улицамъ Архангельска, я увидалъ памятникъ Ломоносову и подумалъ:

— Я счастливѣе Ломоносова: онъ пришелъ въ Архангельскъ пѣшкомъ, а меня привезли этапнымъ порядкомъ. А что касается памятника, такъ можно вѣдь воздвигнуть себѣ и «нерукотворный... съ народною тропой».

Вообще, мамочка, нѣтъ такого положенія, хуже котораго уже не было бы. Въ тюрьмѣ хорошо, а на волѣ еще лучше. А вѣдь я относительно свободный человѣкъ. Въ тюрьмѣ я выходилъ на прогулку на маленькій дворикъ, окруженный каменными стѣнами, съ однимъ видомъ на небо, и думалъ: хорошо на волѣ! Теперь я буду гулять въ чертѣ городка Грязовска (за черту намъ воспрещается) и думать: «хорошо на свободѣ»!... А всѣ мы, люди, гуляемъ на песчинкѣ мірозданія, именуемой землей, и думаемъ: «какой безграничный просторъ»!.. Тюрьма и одиночество, а главное,—книги, которыхъ я проглотилъ цѣлую гору, сдѣлали меня, мама, большимъ философомъ: только мысль и чувство свободны, ну, а ихъ не посадишь въ тюрьму и не отправишь въ ссылку...

Не свободно лишь тѣло, а мысль, какъ всегда,
Птицей вольною по-свѣту носится...
Не поймать ея вамъ: она рвется туда,
Куда сердце, душа моя просится!..

Это, мамочка, написалъ въ тюрьмѣ поэтъ Геннадій Тархановъ, пока еще непризнанный... Я, мама, написалъ въ тюрьмѣ кучу стиховъ, повѣстей и разсказовъ, но пока критиками ихъ были только тюремные смотрителя и жандармскіе полковники. Не од бряютъ!..

Такъ вотъ, мамочка, сейчасъ моя мысль рвется и носится около тебя, на родинѣ, летитъ къ разбросаннымъ друзьямъ и товарищамъ. Одинъ изъ нихъ здѣсь, его фамилія—Касьяновъ. И всѣхъ васъ я вижу за тысячи верстъ, и со всѣми мысленно говорю, и всѣхъ васъ цѣлую. Не грусти же, будь спокойна, а лѣтомъ пріѣзжай въ гости. Твой блудный сынъ Геннадій Тархановъ».

Запечаталъ письмо и только было хотѣлъ двинуться на почту, какъ:

— Васъ спрашиваютъ!

— Кто?

— Наблюдающій...

Наблюдающій!.. Ахъ, да... Совершенно упустилъ изъ вида, что я не одинъ и что есть у нашего брата, ссыльнаго, нѣкій человѣкъ, сильно и непрестанно озабоченный нами и нашей жизнью.

— Г. наблюдающій! войдите и... понаблюдите!

Въ дверь просунулся и пролѣзъ бочкомъ человѣкъ въ барашковой поддевкѣ, въ большихъ валенкахъ съ горошкомъ, здоровенный мужчина среднихъ лѣтъ, съ сонной физіономіей, и въ комнатѣ запахло спиртными напитками. Онъ остановился у порога и, играя шапкой, виновато произнесъ:

— Вы, г. Тархановъ, у себя?..

— У себя, у самого себя!..

— Поселились?..

— Какъ видите...

Неловко наблюдающему, неловко и мнѣ. Я чувствую себя такъ, словно очутился внезапно съ незнакомой дамою, которую нужно занимать, а онъ... Чортъ его знаетъ, какъ и что онъ чувствуетъ! Мнется съ ноги на ногу, озираетъ потолокъ и стѣны, вздыхаетъ.

— Вы что вздыхаете?

— Нѣтъ, я такъ... не безпокойтесь! Привычка.

— Привычка?

— Да. У меня и отецъ всегда вздыхалъ, и старшій братъ вздыхаетъ...

— А дѣти?

— Я холостой...

Постоялъ, еще разъ вздохнулъ и произнесъ:

— А погода великолѣпная! Солнце на лѣто, а зима на морозъ. Никогда этого не было, чтобы въ февралѣ сосульки у крышъ...

— Сосульки?..

— Да-съ, сосульки, на солнечной сторонѣ, конечно... А такъ морозитъ.

— Это хорошо!..

— Какъ понравился нашъ городъ?

— Отличный городъ! Мало только улицъ... и жителей...

— Три улицы, да зато какія улицы: не меньше версты длиною кажняя!.. Да примите во вниманіе переулки: они тоже могутъ итти за улицы... Шесть переулковъ... А какой у насъ исправникъ!

— Хорошій?

— Для васъ лучшаго не найти. Конечно, многое и отъ наблюдающаго зависитъ: бываютъ такіе, что по слѣду за вами ходятъ и кажній шагъ доносятъ, а отсюда—непріятности для политическихъ. Я этого не люблю. Я самъ живу и другимъ не мѣшаю...

Замолчалъ, мнется, не уходитъ. Чего ему отъ меня надо? Видитъ, что я собрался уходить—и торчитъ, какъ пень.

— Спасибо, которые политическіе цѣнятъ... благодарятъ...

Ахъ, вотъ въ чемъ дѣло!

— Жалованье наше маленькое, а трешница образованному человѣку... Зато гуляй себѣ на полной свободѣ, не взирая, что ты—политическій, а не простой житель! Приходить, конечно, я обязанъ кажній день,—это долгъ моей службы, а помѣтку въ журналѣ я дѣлаю по своей совѣсти; написалъ: «дома, поведеніе скромное, ни въ чемъ не замѣчается»—и кончено! Обыски тоже могу дѣлать, а могу и не дѣлать... По-моему, разъ ты за политику терпишь, такъ ужъ эти тамъ прокламаціи и разныя разности тебя не испортятъ... Надо ужъ по совокупности...

Меня разбиралъ смѣхъ и досада. Я давно уже понялъ, что вся суть въ трешницѣ, но не хотѣлось поощрять «взятокъ». Если мы, жаждущіе правды и справедливости, будемъ прибѣгать къ «взяткѣ», то...

— Мы живемъ съ политиками дружно, они меня поддерживаютъ, а я ихъ не притѣсняю...

Однако, какой можетъ быть разговоръ о справедливости и правдѣ въ моемъ положеніи: для меня нѣтъ справедливости, я связанъ по рукамъ и ногамъ, а они... Чортъ съ ними! Глупо разсуждать съ волкомъ о справедливости.

— Вотъ вамъ три рубля!.. Получите!.. Расписки не надо.

— Расписки?.. Развѣ это можно!.. Что вы?.. Это ваша добрая воля, въ родѣ, какъ ваша признательность... Это между нами должно оставаться...

— Я пошутилъ... Не безпокойтесь... Берите!

— Да я очень благодаренъ, но только вы меня смутили...

— Будьте благонадежны, это умретъ вмѣстѣ со мною...

— Ну, это другое дѣло!.. Тогда благодарствую...

Наблюдающій сунулъ трешницу въ карманъ, встряхнулъ волосами и какимъ-то новымъ, повышеннымъ тономъ доброжелательно сказалъ:

— Такъ счастливо оставаться!..

— До пріятнаго свиданія!..

Онъ вышелъ, но сейчасъ же вернулся:

— Извините, главное, за чѣмъ шелъ, и запамятовалъ: исправникъ наказалъ вамъ явиться къ нимъ для ознакомленія... Сегодня къ полдню.

— Хорошо. Явлюсь.

Ну, ушелъ!.. Вонъ какъ весело зашагалъ по улицѣ,

словно крылья за спиной выросли. Гм!.. Прямо въ трактирное заведеніе!..

Будетъ пропивать мою трёшницу и думать: «вотъ, если бы побольше было въ городѣ политическихъ преступниковъ!..» Всякому свое: кому искоренить, а кому размножить... Однако, дешево здѣсь цѣнится свобода: три рубля въ мѣсяцъ!.. А вѣдь бывали въ моей жизни моменты, когда за одинъ часъ свободы я готовъ былъ отдать полжизни, а можетъ быть, и всю жизнь!..

Вышелъ на улицу и осмотрѣлся. Хорошо, весело на душѣ, какъ у выпущеннаго на волю подъ Благовѣщеніе чижика... Откуда эта радость въ душѣ? Отъ ласково и ярко сверкающаго солнышка, отъ ослѣпительно яркаго снѣга, отъ сосулекъ, что-то смутно напомнившихъ, или просто отъ свободы передвиженія?.. Хочу пойду, а хочу не пойду, хочу по этой улицѣ, а хочу по другой, по той сторонѣ или по этой, и быстро или вотъ такъ, какъ идутъ жители: съ прохладцей, не торопясь, нога за ногу... Наивно смотритъ улица, домики съ палисадниками и крыльчиками, заборы съ выглядывающими садами, окна съ занавѣсочками и цвѣточками... А нѣкоторые дома важничаютъ и просятъ сосѣдей посторониться. А воздухъ, словно родниковая вода: пьешь его грудью и не можешь досыта напиться!.. Солнышко слѣпитъ глаза, приходится жмуриться, а снѣгъ подъ ногами поскрипываетъ и повизгиваетъ подъ концомъ трости. И это удивительно пріятно: бодритъ, даетъ ощущеніе здоровья, силы, молодости и увѣренности въ чемъ-то... Въ чемъ? Богъ знаетъ!.. Дѣйствительно, солнце на лѣто, зима на морозъ. Есть въ этомъ блескѣ солнца и ощущаемой теплотѣ его какая-то пріятная противоположность морозцу и поскрипывающему снѣгу... Есть какой-то намекъ на скорую весну... Думается о веснѣ...

— А вы, милостивый государь, смотрите въ оба!..

— Простите, я не замѣтилъ...

— Чуть съ тротуара не столкнулъ!.. Человѣка не замѣтилъ!..

— Извините, пожалуйста, мадамъ!.. Я замечтался...

— Дома надо мечтать, а на улицѣ глядѣть надо...

Вотъ сердитая барыня! Я оглянулся, она тоже... И все еще ворчитъ:

— Мечтатель какой!..

Не любитъ мечтателей. Полныя дамы не склонны къ мечтамъ. Однако, гдѣ же почта? Вонъ торчитъ желтая пожарная каланча. Пойду по направленію къ каланчѣ: русскіе провинціальные города всѣ по одному типу. Полицейское управленіе съ пожарной каланчой—центръ всей городской жизни; около, обыкновенно, группируются всѣ учрежденія общественной, политической, экономической и умственной жизни, да и религіозной тоже! Иду на этотъ маякъ. Такъ и есть: площадь, полиція съ каланчой, соборъ, нѣсколько трактировъ, торговые ряды, базарныя лавочки, уѣздное училище, винная лавочка, библіотека... а вонъ и почта!.. Иду на почту: тихо и сонно сидятъ въ клѣткахъ съ окошечками, какъ птицы, почтовые и телеграфные чиновники и, скучая, перебраниваются между собою. Сдаю заказное письмо, а чиновникъ съ удивленіемъ и любопытствомъ разсматриваетъ меня...

— Вы что такъ смотрите на меня?

— Должно быть, вы—пріѣзжій?

— Нѣтъ, привозный!

— То-то будто бы никогда ранѣе не встрѣчалъ васъ...

— Представьте: и я тоже вижу васъ впервые!..

— Политическій?

— Самый настоящій политическій!

Теперь уже всѣ чиновники разсматриваютъ меня съ нескрываемымъ любопытствомъ; одинъ даже приблизился.

— Я понимаю. У насъ вѣдь много политическихъ... Пятеро.

— Семеро!—поправилъ вольный слушатель, и они стали спорить и перечислять по пальцамъ политическихъ ссыльныхъ. Но изъ сосѣдней комнаты вышелъ старшій, и всѣ вдругъ смолкли и сдѣлались усердными и молчаливыми. Какъ будто между нами не было никакихъ разговоровъ и имъ совсѣмъ неинтересно, что я за человѣкъ.

— Ваша расписочка!

— Спасибо.

— До виданья!—отвѣтилъ на мой поклонъ чиновникъ, и я вышелъ.

У крыльца на меня наткнулся мужикъ и спросилъ:

— Пошта здѣся?

— Здѣся, здѣся!..

— А ты грамотный?

— Есть тотъ грѣхъ!

— Почитай-ка вотъ, правильно ли написано!

Я прочиталъ адресъ письма съ великимъ затрудненіемъ.

— Тутъ нѣтъ губерніи и уѣзда...

— Да его всѣ знаютъ!..

— Да на почтѣ-то не знаютъ.

— А ты знаешь? Сдѣлай милость, напиши, какъ надо!

— Да я тоже не знаю.

Мужикъ махнулъ рукой и скрылся въ дверяхъ почты. Не успѣлъ я пройти площадь, какъ онъ обгонялъ меня.

— Что, дядя, приняли?

— Не приматъ, собачій сынъ!.. Въ трахтеръ надо... Тамъ знаютъ!.. Должны знать...

Какая вѣра въ трактиръ! Мужикъ пошелъ въ трактиръ, а я—къ исправнику «для ознакомленія».

— Скажите, гдѣ живетъ исправникъ?

— Какъ гдѣ!.. Обыкновенно!.. Гдѣ жилъ, тамъ и живетъ...

— Да мнѣ-то неизвѣстно.

Прохожій съ улыбкой посмотрѣлъ на меня, показалъ на каланчу и потомъ все оглядывался: поразилъ его я своимъ невѣжествомъ...

Подойдя къ каланчѣ, я удивилъ еще разъ торчавшаго у воротъ пожарнаго и пошелъ къ исправнику. Поднимаюсь по лѣстницѣ, а въ душѣ уже закипаетъ знакомое оппозиціонно-протестующее чувство противъ всѣхъ исправниковъ на свѣтѣ. Что мнѣ сдѣлалъ дурного этотъ неизвѣстный еще исправникъ? Ничего, ни дурного, ни хорошаго? А между тѣмъ я чувствую непримиримаго врага и дѣлаюсь злымъ и воинственнымъ. Мнѣ кажется, что на свѣтѣ не должно быть никакихъ исправниковъ. Я готовъ начать прямо съ дерзостей. Моя злоба прежде всего отразилась на звонкѣ исправника: я дернулъ за ручку съ такой силой, что было слышно, какъ звонокъ отчаянно забился въ судорогахъ и упалъ на полъ. Кто-то тамъ, за стѣной, затопалъ ногами и моментально пріоткрылъ дверь... Выглянулъ городовой съ испуганнымъ лицомъ.

— Исправникъ дома?

— Такъ точно, у себя. Пожалуйте!

Городовой сталъ вертѣться около меня на цыпочкахъ, помогая снять шубу. Надо сказать, что шуба была у меня не по средствамъ и не по общественному положенію: солидная, дорогая, съ енотовымъ воротникомъ; она перешла ко мнѣ по наслѣдству отъ отца и порождала всегда много разныхъ недоразумѣній въ моей тюремной жизни. Вышло недоразумѣніе и теперь: городовой, очевидно, принялъ меня за какую-нибудь значительную особу:

— Какъ прикажете доложить?..

— А развѣ необходимо докладывать?..

Городовой окончательно растерялся...

— Раньше всегда докладывали, а между прочимъ...

— Доложи, что по дѣлу. Политическій ссыльный г. Тархановъ!

— Сейчасъ они завтракаютъ... А между прочимъ звонить надо потише...

— Доложи немедленно!

Обаяніе шубы, видимо, исчезло:

— Они васъ требовали?

— Это не твое дѣло.

— Ежели не требовали, то не примутъ. Не велятъ зря тревожить.

Послѣ долгихъ препирательствъ городовой впустилъ меня въ кабинетъ, а самъ отправился на цыпочкахъ въ глубь комнатъ. Кабинетъ мрачный и воинственный: медвѣжьи шкуры, оружіе разныхъ временъ и народовъ, оленьи рога, шкапъ съ законами, столы съ пыльными дѣлами въ синихъ обложкахъ, съ пакетами, съ печатями; пахнетъ чѣмъ-то удушливо-тяжелымъ, не то нафталиномъ, не то бумагами, которыхъ не тревожили лѣтъ пять, табакомъ, уксусомъ... чортъ знаетъ, чѣмъ!.. Я оглядѣлъ эту обстановочку, понюхалъ и впалъ въ тоску и уныніе. Господи, какъ мнѣ надоѣли эти визиты и разговоры въ кабинетахъ!.. Можно умереть отъ скуки. Скользнулъ взоромъ по письменному столу и радостно улыбнулся: среди хаоса дѣлъ, бумагъ, табачнаго пепла, чернильницъ, яркимъ красочнымъ пятномъ, такимъ веселымъ, милымъ, почти сказочнымъ въ этой обстановкѣ,—бросалась въ глаза брошенная кукла съ небрежно распростертыми руками и ногами. Сразу пропала злость и захотѣлось громко расхохотаться. Пахнуло среди мертвячины чѣмъ-то живымъ, простымъ и искреннимъ. И казалось, что

кукла—единственно нужная вещь во всемъ кабинетѣ исправника... Кукла въ одномъ чулкѣ... Гдѣ же другой?.. А, другой на обложкѣ дѣла № 169!.. Я присѣлъ въ кресло и думалъ, какъ это странно, что куклинъ чулокъ на обложкѣ дѣла, и незамѣтно перенесся мыслями въ свое дѣтство, увидалъ свою дѣтскую, кровать съ веревочной сѣткою, ящикъ съ игрушками... И себя увидалъ!.. Странно: неужели вотъ этотъ человѣкъ съ усиками и бородкой, сидящій въ кабинетѣ исправника, и есть тотъ самый мальчикъ Геня, который игралъ въ дѣтской въ солдатиковъ?!. Я очнулся отъ смутныхъ воспоминаній, когда исправникъ былъ уже въ кабинетѣ. На лицѣ моемъ еще не пропала улыбка, когда я, привставъ съ кресла, сухо отвѣтилъ на поклонъ исправника.

— Садитесь, молодой человѣкъ!..

Исправникъ сѣлъ къ письменному столу, увидалъ куклу и немного сконфузился: кукла роняла престижъ власти и портила серьезность момента.

— Игнатъ!—сердито крикнулъ исправникъ и, когда прибѣжалъ городовой, молча показалъ ему пальцемъ на куклу.

— Я, ваше высокблагородіе, убиралъ... Значитъ, барышня опять здѣсь были!.

— Возьми!

— Слушаюсь...

Городовой почтительно принялъ изъ рукъ исправника куклу и унесъ ее куда-то, а я не могъ сдерживать улыбки и кусалъ губы, чтобы не расхохотаться: вышло такъ, словно куклу отправили въ часть за оскорбленіе власти при исполненіи служебныхъ обязанностей... Исправникъ замѣтилъ мою улыбку и постарался возстановить серьезность момента.

— Бѣда съ ребятами: для нихъ, знаете, нѣтъ ничего... неприкосновеннаго!..

А я видѣлъ еще около чернильницы куклинъ чулокъ и никакъ не могъ настроиться на серьезный тонъ.

— Вы—политическій?..

— Политическій...

— Насколько помню, на три года?

— На три...

— Вамъ извѣстны правила жизни политическихъ ссыльныхъ?..

— Не успѣлъ еще изучить...

— Я вамъ дамъ печатный экземпляръ... Потрудитесь прочитать и расписаться, чтобы потомъ не отговариваться незнаніемъ закона...

Исправникъ сталъ рыться въ бумагахъ и сердился, что не находилъ, а я прислушивался къ звонкому дѣтскому голоску въ дальнихъ комнатахъ, и мнѣ было странно, что у исправника есть дѣвочка, которая играетъ въ куклы и такъ заразительно весело смѣется.

— Игнатъ!

— Здѣсь, ваше высокблагородіе!

— Сходи въ канцелярію и принеси мнѣ правила жизни... для нихъ вотъ!

Игнатъ ушелъ, а исправникъ началъ на память излагать правила моей жизни: воспрещается выходить за черту города, воспрещается давать уроки и вообще заниматься педагогической дѣятельностью, воспрещается посѣщать клубы, театры, служить тамъ-то, дѣлать то-то, имѣть то-то, предписывается то-то... и т. д.

— Однимъ словомъ, разрѣшается только дышать воздухомъ?..

— Все будетъ зависѣть отъ вашего поведенія Лично я не люблю держаться буквы закона и отношусь гуманно къ политическимъ. Я требую только одного...

— А именно?

— Не разводить у меня политики; жить, какъ живутъ всѣ порядочные люди!..

— А какъ здѣсь живутъ порядочные люди?—перебилъ я съ ироніей.

— Обыкновенно-съ!..

— Нѣтъ ли и для нихъ правилъ жизни?..

Я началъ злиться и едва сдерживался отъ болѣе грубыхъ выраженій. Это отражалось и на исправникѣ. Нашъ разговоръ могъ бы кончиться очень скверно, если бы опять не вышло неожиданности: внезапно въ кабинетъ вспорхнула дѣвочка лѣтъ шести.

— Папка, отдай чулокъ!..

— Иди назадъ; я занятъ...

— Отдай чулокъ!..

— Что такое?..

Дѣвочка полѣзла къ отцу на колѣни, а я не выдержалъ и расхохотался.

— Вотъ онъ... мой чулочекъ... Безъ чулокъ ходить вредно...

— Что же ты не поздоровалась съ дядей? Это тоже нехорошо! — сказалъ исправникъ. — Поди и поздоровайся!..

Дѣвочка постояла нѣкоторое время въ нерѣшительности, но, встрѣтивъ на моемъ лицѣ улыбку, подошла и протянула лѣвую руку.

— Надо, Наточка, правую ручку!..—сказалъ исправникъ.

— Почему?

— Почему... Гм!..

— У тебя, дядя, есть дѣвочка?—спросила Наташа, довѣрчиво прижимаясь къ моимъ колѣнямъ.

Я смутился: какъ молнія, блеснуло въ душѣ далекое воспоминаніе о маленькомъ черноглазомъ мальчикѣ въ фескѣ, съ гуттаперчевой соской въ губахъ; на мгновеніе

рванула сердце пережитая въ Крыму драма, и вдругъ смѣнилась приливомъ такой нѣжности къ жавшемуся ко мнѣ ребенку, что я наклонился и поцѣловалъ Наташу.

— Нѣтъ, Наташа, у меня нѣтъ дѣвочки!..

Вошелъ городовой и положилъ на столъ бумагу.

— Вотъ потрудитесь прочитать и расписаться... Иди, Наташа, туда!..

Наташа убѣжала, и въ кабинетѣ снова стало пасмурно. Я взялъ бумагу, началъ было читать и бросилъ: скучно и длинно, раздражаетъ.

— Вамъ ручку?.. Садитесь сюда, на мое кресло!..

Я сѣлъ на мѣсто исправника, расписался на «правилахъ жизни» и всталъ.

— Надѣюсь, что мы съ вами будемъ жить въ дружбѣ?..—спросилъ исправникъ, подавая мнѣ руку.

Я не зналъ, какъ отвѣтить на это пожеланіе, и пожалъ плечами...

— Постараемся не дѣлать другъ другу непріятностей!—пояснилъ исправникъ, замѣтивъ мое затрудненіе...

— Для этого требуется, чтобы и я былъ по меньшей мѣрѣ исправникомъ!..

— Не скажите!.. Одинъ изъ вашихъ, г. Касьяновъ, надѣлалъ мнѣ такихъ хлопотъ, какихъ не могъ бы сдѣлать... даже губернаторъ!.. Будьте здоровы!.. Очень радъ познакомиться... Игнатъ!

— Здѣсь!..

— Подай имъ... шубу!..

Игнатъ нехотя подалъ мнѣ шубу, а когда выпускалъ изъ двери, тихо проворчалъ:

— А звонить надо осторожнѣе...

— Этого въ правилахъ моей жизни не сказано!— бросилъ я, не оборачиваясь, и быстро вышелъ вонъ...

II.

Обстановочка!.. Когда я возвращаюсь съ улицы и растворяю дверь въ свое жилище, мнѣ хочется плюнуть, повернуться и уйти обратно... Мѣщанская бонбоньерочка! Зальце въ два окна на улицу, обои—райскій лугъ въ цвѣтахъ замысловатой формы, кисейныя туго-накрахмаленныя занавѣски, подобранныя розовыми ленточками; межъ оконныхъ рамъ—ватка и на ней разноцвѣтныя шерстинки и бумажныя розы; въ простѣнкахъ—два симметрично поставленныхъ ломберныхъ столика, покрытыхъ вязанными скатерками; комодъ подъ такой же скатертью и на немъ зеркало, пустые пузырьки изъ-подъ духовъ, одеколона, аптекарскія коробочки, двѣ вазочки по бокамъ и въ нихъ опять бумажныя розы; на стѣнѣ олеографіи съ картинъ Маковскаго, свидѣтельство объ окончаніи курса въ уѣздномъ училищѣ и похвальный листъ, оба — въ рамкахъ съ позолотою; часы съ гирями, на циферблатѣ которыхъ — генералъ Скобелевъ на конѣ; по блестящему крашеному полу узкая дорожка-половичокъ, тянется отъ входной двери и аккуратно загибается, направляясь въ спальную комнату... А тамъ, въ спальной,—огромнѣйшая деревянная двухспальная кровать съ периной и грудою подушекъ въ цвѣтныхъ наволочкахъ, прикрытыхъ опять туго накрахмаленнымъ покровомъ! Около кровати—плевательница, а надъ кроватью—японскій вѣеръ и «Сусанна, купающаяся безпечно въ фонтанѣ, въ то время, какъ и т. д.». У этой Сусанны груди похожи на арбузы перваго сорта и каждая больше ея головы... А въ переднихъ углахъ обѣихъ комнатъ—образа и тоже всѣ въ бумажныхъ розахъ...

Входишь въ свое жилище, озираешься и думаешь:

— Туда ли я попалъ?..

Чистота и опрятность изумительныя: ни пылинки, ни окурочка, и все неизмѣнно на томъ же мѣстѣ. Попробую устроить нѣкоторый безпорядокъ, возвращаюсь,— все попрежнему. Тошно отъ этой чистоты, отъ розъ, отъ половичка, отъ кровати съ Сусанной...

— Хозяюшка!

— Что скажете, батюшка?

— Нельзя ли убрать съ пола половичокъ?

— Зачѣмъ, батюшка?

— Мм... ходишь и запинаешься...

— Смотрѣть подъ ноги, вотъ и все!.. А на что лучше и ходить по этому половичку, онъ — длинный, а зато полъ не будетъ портиться. Полъ только въ прошломъ году красили, жалко шаркать ногами-то...

— Я не могу по одной дорожкѣ ходить, сбиваюсь...

— Привыкнете!.. Это только спервоначалу трудно, а потомъ сами ноги...

— А еще я хотѣлъ васъ попросить насчетъ кровати... Очень ужъ большая! Нѣтъ ли у васъ поменьше?..

— И кровать не нравится?.. Мы съ мужемъ на ней двадцать лѣтъ спали, батюшка, и нарадоваться не могли, а вы недовольны...

Обидѣлась женщина, оскорбилъ я ее, видимо, до глубины души.

— Если все вамъ у насъ не нравится, такъ мы васъ не держимъ!..

— Да нѣтъ, въ общемъ нравится, а...

— Ужъ если къ этакой кровати привязываться, такъ я ужъ не знаю, чего вамъ хочется!.. Еще не всякій вашего брата пуститъ на квартиру-то...

— Я хочу купить шкапъ для книгъ и для платья, а кровать всю комнату занимаетъ... А такъ кровать— прекрасная, царственная кровать...

— Ну, это — другое дѣло... Сдѣлайте одолженіе, очень пріятно. Я вамъ поставлю мужнюю, а ему эту... Мы теперь врозь спимъ, такъ и поставили вамъ супружескую...

— И картину эту я вамъ отдамъ!..

— И картина не понравилась... Ну, съ этимъ я вполнѣ согласна: молодому холостому человѣку какъ-то... Я говорила мужу, что—нехорошо неженатому... Снимите, да и все тутъ!..

Я обрадовался, вытащилъ булавочки и, подавая картину хозяйкѣ, сказалъ:

— Очень ужъ соблазнительная!..

Хозяйка опустила глаза, перевернула картину на обратную сторону и, уходя, замѣтила:

— Перваго мужчину вижу, который... такой... Нарочно смотрѣть приходятъ.

Трудно здѣсь устроиться по-своему. Ну, слава Богу, что хотя Сусанну-то выдворилъ... Кровать и Сусанну!.. Что за шумъ?.. Ругаются, кажется... Прислушиваюсь: изъ-за кровати. Очевидно, оскорбленіе передалось супругу:

— Порядочные люди двадцать лѣтъ спали, а онъ!.. Не буду переставлять!

— Тѣсно, говоритъ... А ты не волнуйся, есть изъ-за чего себя такъ безпокоить...

— Ты должна была сказать прямо: не нравится, спите подъ кроватью!.. Я не позволю всякому свои порядки въ домѣ заводить... На кой чортъ ты сняла картину?..

— Нехорошо, онъ, Ваничка, холостой!..

— Не гляди, если ты, молокососъ, ничего не смыслишь!..

— Все-таки обнаженіе...

— Картина назначается въ спальню, а не въ залъ или гостиную. Въ спальной всегда вѣшаютъ такія... Сто-

лоначальникъ, Петръ Васильевичъ, образованный человѣкъ, почище этого... всѣхъ этихъ политическихъ, а что у него виситъ въ спальной?..

— Я у него въ спальной не была...

— Не была, такъ не спорь, а слушай, что тебѣ говорятъ!.. У него въ полномъ обнаженіи, все видать!.. А жена у него изъ хорошаго дома взята. Я понимаю приличія не хуже его... Если хочешь жить, такъ не смѣй ни до чего касаться! Стула не позволю переставить!..

Я слушалъ и сперва смѣялся, а потомъ мнѣ вдругъ сдѣлалось страшно. Вотъ она, глухая стѣна человѣческой тупости, пошлости, рутины и глупости!.. Попробуй сдѣлать изъ такого человѣка критически-мыслящую личность!.. А что, если такихъ много... большинство?.. Вѣдь это же ужасъ!.. Я плотно прихлопнулъ свои двери и сталъ ходить по комнатѣ, предаваясь грустнымъ размышленіямъ...

Солнышко ласково заглядывало въ окна, золотило занавѣски, косяки, подоконники, рисовало на блестящемъ крашеномъ полу переплетъ рамъ и звало на улицу...

А чортъ со всѣми вами!.. Пойду къ Касьянову...

Раскрылась дверь и появился хозяинъ квартиры... Ну, что ему нужно?..

— Было бы вамъ извѣстно, что по-вашему не будетъ!.. Эта картина будетъ висѣть тамъ, гдѣ висѣла, останется въ моей квартирѣ... Если вы не желаете помѣщаться совмѣстно, то ищите себѣ квартиру!..

И отставной чиновникъ прошелъ въ мою спальню, чтобы повѣсить «Сусанну» на прежнемъ мѣстѣ...

— Тоже и относительно кровати!—сказалъ онъ, проходя обратно и попридержавшись въ дверяхъ.—Я считаю за честь для васъ, что вы спите на этой кровати, а затѣмъ какъ вамъ будетъ угодно...

Все это было такъ неожиданно и комично, а солнышко такъ улыбалось въ окна, что моя злость и печальныя размышленія разлетѣлись, какъ испуганные воробьи, и я сталъ хохотать...

— Да это не драма, а водевиль!..

И съ хохотомъ я схватилъ шапку, влѣзъ въ свою енотовую шубу и вышелъ на улицу. Посмотрѣлъ на мой уютный, маленькій такой домикъ съ палисадничкомъ и сказалъ:

— Здѣсь въ безмятежномъ счастьи жили когда-то прекрасная Сусанна и Геннадій Тархановъ... Надо искать новую квартиру... Между мной и Сусанной все кончено...

Шутки шутками, а положеніе скверное. Съ такимъ трудомъ нашелъ себѣ здѣсь пристанище, а теперь снова ищи... Для человѣка въ моемъ положеніи это почти неразрѣшимая задача. «Порядочные люди» не держатъ квартирантовъ, считая это дурнымъ тономъ, а тѣ, которые отдаютъ комнаты, избѣгаютъ пускать политическихъ: еще грѣха съ ними не нажить бы! Здѣсь легче снять за безцѣнокъ цѣлый домъ, чѣмъ найти комнату съ подходящими хозяевами... Ахъ, Сусанна, Сусанна, что ты надѣлала!..

Я медленно шагалъ по деревянному обледенѣлому тротуару и глазѣлъ по воротамъ, отыскивая объявленія о комнатахъ. Нѣтъ и нѣтъ! Должно быть, здѣсь это не принято... Здѣсь даже ремесленники часто избѣгаютъ вывѣсокъ: вонъ наклеенъ на стеклѣ вырѣзанный изъ бумаги сапогъ, это значитъ—сапожникъ; вонъ прибитъ къ воротамъ обручъ, это значитъ—бондарь, а вонъ... Записка какая-то!.. Перехожу на другую сторону и читаю: «Отдаетца квартера подъ холостова»... Ну-ка, посмотримъ, какая квартира и почему — подъ холостого?.. Грязный дворикъ; гдѣ-то хрюкаетъ свинья; покосившееся крылеч-

ко съ гнилой лѣсенкой внизъ... Нагибаюсь, вхожу въ темныя сѣни и растворяю дверь:

— Здѣсь отдается комната?..

— Здѣсь, только для васъ не подойдетъ. Намъ надо попроще.

Куча грязныхъ ребятъ смотритъ изъ сосѣдней комнаты, а гдѣ-то еще плачетъ грудной ребенокъ... Вполнѣ понятно пристрастіе къ холостымъ...

— Извините!.. Дѣйствительно... тѣсновато

Прошелъ нѣсколько переулковъ—безрезультатно. Въ душѣ появилось такое ощущеніе, словно я безпріютный бродяга, не имѣющій пристанища, и зарождалось сожалѣніе, что я такъ легкомысленно порвалъ съ Сусанной. Не пришлось бы очутиться въ квартирѣ «подъ холостого»...

— Тарханов!..

— А я—къ тебѣ...

Хорошо встрѣтить въ такой моментъ близкую душу. Какъ только увидалъ Касьянова, на душѣ сразу полегчало. Въ Касьяновѣ—кусочекъ моей собственной жизни; здѣсь, за три тысячи верстъ отъ родины, въ невѣдомой еще странѣ, среди совершенно чужихъ людей и полной неизвѣстности касательно будущаго,—и вдругъ Касьяновъ, опять Касьяновъ, человѣкъ, съ которымъ связано столько воспоминаній, радостныхъ, которыя стали грустными, и грустныхъ, которыя стали радостными, съ которымъ прошли короткіе, но такіе яркіе дни студенчества, первые сознательные шаги общественной работы, первая тюрьма, первая любовь!.. Едва ли обрадовался бы такъ бѣднякъ внезапной находкѣ кошелька съ золотомъ, какъ я обрадовался встрѣчѣ съ Касьяновымъ... Хорошій парень! Поздоровѣлъ, обросъ русой бородкой и бакенами непринужденно вьющимися по румянымъ щекамъ, сдѣлался крупнѣе, солиднѣе, а въ голубыхъ

глазахъ—все та же безпечность, смѣхъ и радость жизни, въ походкѣ грудью впередъ съ развальцемъ и въ сдвинутой на затылокъ шапкѣ все то же удальство, ухарство, озорство, дерзкій вызовъ превратностямъ судьбы. Такъ и кажется, что даже передъ лицомъ смерти этотъ жизнерадостный забулдыга улыбнется, тряхнетъ русой лохматой головой и скажетъ:

— Ну, что жъ, помирать, такъ помирать!..

— Ты, братецъ, похожъ на Некрасовскаго «Огородника». Здравствуй!

Крѣпко обнялись и расцѣловались.

— Нѣтъ, ты-то на кого похожъ!.. Я не узналъ. Смотрю и думаю: откуда у насъ этотъ енотовый баринъ? Ты что же, братецъ, глазъ не кажешь ни ко мнѣ, ни въ коммуну? Или не знаешь правилъ приличія, или зазнался ты въ этой енотовой шубѣ. У насъ какъ привезутъ новаго звѣря, такъ онъ въ тотъ же день и часъ—съ визитомъ въ коммуну!..

— Искалъ квартиру. Хочется сперва наладить свою личную жизнь.

— А наши сердятся. Меня послали съ порученіемъ доставить тебя живымъ или мертвымъ. Всѣ сгораютъ отъ нетерпѣнія и любопытства, любознательности, духа праздности, унынія и празднословія. Заинтригованы твоей енотовой шубой. А женщины, такъ тѣ близки къ умопомѣшательству...

— Дѣло въ томъ, что я опять безъ пристанища: нашелъ и потерялъ уже.

— Почему? Узнали, что политическій?

— Нѣтъ, политика не замѣшана.

— Ну такъ... женщина, что ли? Ты, помнится, касательно сего деликатнаго предмета... вообще романистъ порядочный...

Касьяновъ любовно похлопалъ меня по плечу и расхохотался.

— Ты почти угадалъ...

И я разсказалъ Касьянову про свое столкновеніе изъ-за Сусанны.

— И вотъ, братъ, опять я на улицѣ, ищу комнату и чувствую себя непомнящимъ родства бродягой...

— Переѣзжай ко мнѣ! Хочешь, сочетаемся, а не хочешь—до пріисканія квартиры.

— Мое почтеніе!..

— Бонжуръ съ пардономъ!—отвѣтилъ Касьяновъ на поклонъ проходящаго господина и обратился ко мнѣ:

— Навсегда—боюсь: не сойдемся характерами, и дѣло кончится разводомъ. Я человѣкъ шумный, играю на гитарѣ, люблю гостей разнаго пола и всѣхъ слоевъ населенія, а ты... насколько помню, ты и во дни студенчества любилъ жить въ полномъ одиночествѣ...

— Да... и привыкъ уже: цѣлый годъ квартировалъ въ тюрьмѣ. Ты вылѣзъ скорѣе, а я запутался...

— Зато я раньше попалъ въ изгнаніе... Ну, дѣло, однако, не въ этомъ. Послѣ разберемся. Теперь ультиматумъ: сперва—ко мнѣ, а затѣмъ—въ коммуну!

— А какъ же съ квартирой?

— Пустяки. Ночуешь у меня или въ коммунѣ, а потомъ поищемъ вмѣстѣ, у меня здѣсь обширный кругъ знакомства. Меня не боятся, потому что я живу въ міру и грѣшу по силѣ возможности. Изъ меня, братъ, вышелъ пустой малый. Никакихъ добродѣтелей. Сперва на меня сердились, пробовали исправить, а потомъ плюнули... А все-таки любятъ маленько...

— А много всѣхъ-то васъ?

— Восемь душъ, не считая женщинъ и дѣтей, ты—девятый. Это выходитъ... три критически-мыслящихъ личности на тысячу жителей. Есть всѣ породы: народ-

ники, народовольцы, толстовцы, постепеновцы, однимъ словомъ,—Ноевъ ковчегъ...

— Дружно живете?

— Иногда дѣло чуть до драки не доходитъ... Но—милые бранятся, только тѣшатся. Богу-то вѣдь одному молимся, а только крестимся по-разному... Ну, налѣво въ переулокъ...

Только что свернули за уголъ, какъ носъ къ носу столкнулись съ хорошенькой барышней. На ея лицѣ—смущеніе, почти испугъ... Словно ее поймали на мѣстѣ преступленія...

— Козочка! Откуда, куда и зачѣмъ?..

Я прошелъ дальше, а Касьяновъ остановился и сталъ разговаривать...

Голосъ у него былъ зычный и до меня долетали его реплики:

— Ага!.. Не хватило терпѣнія... Мы сейчасъ придемъ... Геннадій!..

Я пріостановился и обернулся.

— Иди сюда!.. Скорѣе, братъ, а то у насъ терпѣнье лопнетъ.

— Будетъ вамъ глупости болтать!

— Вотъ познакомься: прекрасная политическая преступница, по метрикѣ числится дѣвицею боярскаго рода, Зинаидой Дмитріевной княжной Довлетъ-Гильдѣевой, а по нашимъ святцамъ—Козочкой, княжной Разгильдяевой...

Пока Касьяновъ произносилъ эту длинную метрическую справку, дѣвушка прятала свое лицо въ муфтѣ, и только быстрые черные глаза ея смѣялись веселымъ блескомъ...

— А это—онъ, тотъ самый Геннадій Николаевичъ Тархановъ, о которомъ вы наводите справки...

Не отнимая отъ лица муфты, дѣвушка протянула тонкую, почти дѣтскую руку и смущенно сказала:

— Я приходила къ вамъ за журналомъ, а вовсе не... Васенька всегда говоритъ глупости. До свиданія!..

— Куда вы, Козочка? Зайдемъ ко мнѣ, а оттуда всѣ вмѣстѣ—въ коммуну...

— Мнѣ некогда... Я тороплюсь...

— Врете все!.. Куда здѣсь торопиться?..

Но Козочка кивнула мнѣ головой и пошла прочь.

— Козочка! А какъ же журналъ-то, за которымъ вы приходили?

— Послѣ!—крикнула, не оглядываясь, дѣвушка и ускорила шагъ.

— Смутилъ дѣвицу. Экій ты болтунъ...

— Ничего, обойдется. Вотъ ее-то я тебѣ и хотѣлъ главнымъ образомъ показать. По-моему, это самое интересное явленіе... или—явленіе употреблено неправильно... не явленіе, а... событіе... Нѣтъ, и не событіе!.. Фу, чортъ, говорить разучился... Однимъ словомъ, это—наша единственная достопримѣчательность... Крымская татарка... Глаза, какъ у Тамары, съ узкимъ разрѣзомъ, а душа... какъ арабская сказка... Сюда, во дворъ!.:

— По какому же дѣлу эту достопримѣчательность передвинули съ южнаго полюса на сѣверный?

— За пылкій темпераментъ: совершила, братъ, плюходѣйствіе по начальству.

— А въ политическомъ отношеніи?

— Она и сама не знаетъ.. Дѣлали обыскъ у брата-студента, а она хотѣла его спасти и спрятала что-то преступное за лифчикъ. А это замѣтили, и жандармскій ротмистръ сдѣлалъ ей честь и собственноручно полѣзъ за пазуху... Вотъ и вся политика!. И теперь Козочка въ исключительномъ положеніи: всѣ партіи у насъ считаютъ дѣвицу своей...

Вошли въ полутемную переднюю.

— А васъ... Только что ушла госпожа Разгильдяева!

— Знаю, видѣлъ... Милости прошу къ моему шалашу!..

Большая комната въ три окна производитъ впечатлѣніе полнаго хаоса: не то съѣзжаютъ, не то только что переѣхали. Такой мерзости запустѣнія мнѣ давно уже не приходилось видѣть. На кровати все свалено въ одну кучу, на полу—газеты, сапогъ, пивныя бутылки, книги, на столѣ вакса и сапожная щетка, на стѣнѣ—балалайка и гитара... Спавшая въ единственномъ мягкомъ креслѣ легавая собака подняла голову, сердито метнула на меня умными карими глазами и заворчала.

— Тубо, Спартакъ! Свой.

Собака смолкла и спокойно спрятала голову подъ брюхо.

— Замѣчательный песъ! Скоро говорить будетъ. Я его натаскалъ не только по птицѣ: не пуститъ въ комнату ни единаго субъекта съ свѣтлыми пуговицами. Недавно исторія вышла: я удралъ тихимъ манеромъ въ Вологду. Повидаться съ Вѣрочкой Игнатовичъ, а пса оставилъ беречь квартиру...

— Вѣра Игнатовичъ? Да развѣ она... Казанская Игнатовичъ?

— Ну да, та самая... У ней скоро срокъ кончается... Такъ вотъ удралъ, а въ мое отсутствіе—съ обыскомъ. Не пустила. Полицейскому надзирателю брюки изъ дорогой діагонали изорвала, икру прокусила... Двѣ недѣли я подъ арестомъ просидѣлъ; одну за самовольную отлучку, другую за брюки надзирателя. По совокупности...

Касьяновъ разсказывалъ подробности, а я думалъ о Вѣрѣ Игнатовичъ, о Казани, о Зоѣ, о тюрьмѣ, о музыкѣ въ общественномъ саду, о послѣднихъ экзаменахъ на

аттестатъ зрѣлости, и такой грустью, тихой и нѣжной, наполнилась моя душа, что мнѣ хотѣлось обнять Касьянова и сказать ему:—«Помнишь ли ты, милый Касьяновъ, какъ мы съ тобой любили, страдали и были счастливы въ Казанской тюрьмѣ?.. Давай вспоминать прошлое!..»

— Ты что носъ на квинту повѣсилъ?

— Такъ... Сказалъ ты про Игнатовичъ, вспомнилась родина, университетъ...

— Тюрьма!

— Да, и тюрьма, конечно!.. Съ Казанью у меня всегда неразлучны университетъ и тюрьма...

— Да, братъ, пріятное пріятно и вспомнить... Вотъ, на-ка, посмотри и потерзайся!

Касьяновъ порылся на кровати, отыскалъ и подалъ мнѣ потертый порванный альбомъ съ фотографическими карточками.

— Ты займись обозрѣніемъ прошлой жизни, а мнѣ надо собаку покормить. Хотя она и въ ссылкѣ, но «кормовыхъ» отъ начальства не получаетъ, и мнѣ приходится съ ней дѣлиться... Спартакъ! Жрать!

Касьяновъ увелъ куда-то собаку, а я примостился къ столу и началъ перелистывать альбомъ. Трудно передать то чувство, которое рождалось и все разрасталось на душѣ по мѣрѣ того, какъ я перелистывалъ альбомъ. Словно я ходилъ по кладбищу, по милымъ роднымъ могиламъ своей собственной жизни... Вотъ я самъ, еще безусый и безбородый, только что принятый въ университетъ. Удивительно побѣдоносный видъ!.. Орелъ да и только!.. Гмъ!.. Что я рисовалъ себѣ въ тотъ моментъ, когда фотографъ готовился меня обезсмертить? Самъ чортъ не братъ. Міръ безъ всякихъ рычаговъ переверну. Странно... А вѣдь только четыре года прошло... Ну, орелъ, не превратись, братецъ, въ чижика!.. А все-таки

пріятно видѣть этого гордаго юношу. Вотъ именно такимъ былъ я, когда ѣхалъ съ Зоей на пароходѣ. Именно эту карточку я и приподнесъ ей тогда. Не эту, а такую же. Перевернулъ страницу,—цѣлая группа преступныхъ студентовъ, въ числѣ ихъ и мы съ Касьяновымъ. Сталъ всматриваться въ лица товарищей. Гдѣ они? что съ ними? Весь преступный кружокъ налицо. Какое удобство для жандармскаго полковника. Наивные ребята: такъ всѣ гуртомъ въ пасть щукѣ и лѣзутъ... Рука тряслась, тянуло перелистывать дальше, рождалось смутное желаніе поскорѣе найти что-то, еще болѣе интересное, близкое и дорогое... Вотъ она!.. моя Зоя. Игнатовичъ и Зоя... Я пристально всматриваюсь въ лица улыбающихся дѣвушекъ, и онѣ тоже начинаютъ улыбаться, словно радуются неожиданной встрѣчѣ. Одна нашлась, а гдѣ другая? Пропала безслѣдно изъ жизни, какъ прожитый день, яркій весенній день! Хотѣлось бы мнѣ съ ней встрѣтиться?.. Нѣтъ, нѣтъ!.. Осталась только тѣнь любви. Вотъ я смотрю на нее,—и только тихая нѣжная грусть звенитъ, какъ далекая струна, въ душѣ моей. Быть можетъ, эта грусть исходитъ не отъ нея, а отъ всего, что было съ ней связано, что ей сопутствовало. Не болитъ сердце прежней тоской, не мутится мой взглядъ невѣдомымъ приливомъ сладостнаго порыва, не хочется рвануться и крикнуть, а хочется только вздохнуть... Я продолжалъ всматриваться въ дорогія лица и не хотѣлось отъ нихъ оторваться, но вошелъ Касьяновъ, и я, какъ пойманный воръ, поторопился скрыть слѣды преступленія: быстро перевернулъ страницу, увидалъ красивую молодую женщину съ ребенкомъ на рукахъ, съ голенькимъ, похожимъ на амурчика мальчикомъ, и спросилъ:

— А кто это: женщина съ голымъ ребенкомъ?

— Аа, это—вашъ слуга съ покойной матерью...

— Ты? О, какъ ты прекрасенъ!

— Да, братъ, теперь ужъ такъ не снимешься... А Зою съ Вѣрой видѣлъ?

— Видѣлъ.

— Небойсь, екнуло сердечко-то?

Касьяновъ подошелъ, перелисталъ альбомъ и, отыскавъ портретъ дѣвушекъ, посмотрѣлъ и произнесъ:

— О, коварныя, какъ мы васъ любили!.. Что вы съ нами сдѣлали?.. Теперь мы съ тобой, друже, два отставныхъ жениха... Не знаю, какъ ты, а я вышелъ въ запасъ... Все еще, братъ, не совсѣмъ прошло... А у тебя? Ты вышелъ въ запасъ или въ чистую?

Я вздохнулъ и задумчиво отвѣтилъ:

— Я?.. Я признанъ негоднымъ, забракованъ и освобожденъ окончательно.

Касьяновъ позвалъ собаку и, трепля ее по щекамъ, говорилъ:

— Вотъ кто меня любитъ!.. Безкорыстно, пламенно, шею за меня оторветъ.—Спартакъ вдругъ насторожился и, приблизившись къ двери, замеръ у порога.

— Ага, стойка. Значитъ, дѣло не совсѣмъ ладно...

— Г. Касьяновъ у себя?

— Ахъ, вотъ въ чемъ дѣло!.. У себя, г. наблюдающій. Оба дома: я и Спартакъ.

— А новый политическій не у васъ?

— Здѣсь же!.. Войдите!

— Нѣтъ, не стоитъ... Я для порядку... Счастливо оставаться!

— Съ Богомъ!.. Ходите почаще мимо... Видѣлъ, какая дрессировка? Боится, брюки бережетъ. Ахъ, собачка, умница моя, убѣжденная политическая!..

— А здѣсь, однако, сильно безпокоятся о нашемъ здоровьи...

— Это меня ловятъ: надзиратель страстно желаетъ

мнѣ за брюки отомстить: «самовольной отлучки» ждетъ, чтобы еще на недѣльку посадить...

Гдѣ-то закуковала кукушка, то есть часы съ кукушкой. Касьяновъ бросилъ собаку.

— Ну, пора въ коммуну: тамъ ждутъ въ полномъ составѣ...

— Какъ это непріятно: словно смотрины какія-то...

— Событіе первѣйшей важности... Поживешь, такъ поймешь, друже, что значитъ свѣжій человѣкъ...

— Какой я свѣжій?.. Послѣ года въ тюрьмѣ и пяти мѣсяцевъ слишкомъ этапнаго путешествія!.. Я одичалъ, отвыкъ отъ большого общества и разговоровъ... Что я имъ скажу?..

— «Здравствуйте!»—вотъ и все... Достаточно, что ты будешь между нами, и всѣ будутъ видѣть новое лицо и слышать новый голосъ... Это уже большая заслуга съ твоей стороны... Поди, Козочка тамъ уже наболтала и довела интересъ до 90 градусовъ... Валяй, лѣзь въ свои еноты!..

— Нельзя ли отложить до вечера? Чувствую склонность къ одиночеству, усталъ, разбередилъ твоимъ альбомомъ душевныя раны... Иди, а я останусь одинъ и буду думать...

— Ну, это, братецъ, будетъ ужъ прямо свинство: сказали Козочкѣ, что скоро прибудемъ, и вдругъ... Колоссальное невѣжество!..

— Ей-Богу, я съ большимъ удовольствіемъ познакомился бы со всѣми по одиночкѣ, исподволь...

Сколько я не упирался, а пришлось надѣвать шубу...

III.

Я старался итти какъ можно медленнѣе. Хотѣлось не приходить дольше-дольше...

— Что ты, словно тебя на бойню ведутъ!..

— Глупое ощущеніе, словно у гимназиста передъ экзаменомъ...

Я смотрѣлъ подъ ноги, упрямился переходить на другую сторону. Однако, все-таки дошли.

— Ну, вотъ мы и у вратъ обители святой!.. Весь домъ снимаемъ...

Касьяновъ позвонилъ, и было слышно, какъ затопали торопливо чьи-то ноги. Мелькомъ скользнувъ взоромъ по фасаду дома, я замѣтилъ, что въ окна смотрятъ, словно ребятишки на проходящихъ съ музыкой солдатъ. Мнѣ стало еще болѣе неловко.

— Пожалуйте!—пѣвуче протянулъ женскій голосъ, и дверь распахнулась.

— А, Параша-Сибирячка!.. Какъ, однако, вы каблучками-то топаете: я думалъ, что мужчина...

— Башмаки у меня козловые, съ подковками... Здравствуйте!.. Милости просимъ!.. Васъ Геннадіемъ Николаевичемъ зовутъ, кажется?..

— Да.

— А меня Прасковьей Ивановной... Сюда!..

Вошли въ переднюю,—на вѣшалкѣ полно, некуда шубы повѣсить. Въ комнатахъ тихо-тихо. Точно наступилъ моментъ какого-то таинства. Слышно, какъ Параша пѣвуче, немного въ носъ, тихо сообщаетъ:

— Пришли. Оба...

Не понимаю этого глупаго чувства: хотѣлось схватить съ вѣшалки шубу и удрать. Почему-то вспомнилъ Подколесина и покраснѣлъ... Стою, обѣими руками приглаживаю волосы, покашливаю... Касьяновъ беретъ меня подъ руку и вводитъ въ большую комнату, полную мужчинъ, женщинъ и дѣтей.

— Ну вотъ, привелъ вамъ енотоваго барина!—сказалъ Касьяновъ, и тишина смѣнилась взрывомъ весела-

го смѣха. И сразу пропала напряженность момента, и исчезла неловкость. Я обходилъ присутствующихъ и всѣмъ крѣпко жалъ руки, приговаривая:

— Тархановъ!.. Тархановъ!.. Тархановъ!..

А тѣ тихо и неразборчиво называли свои фамиліи... Когда кончился процессъ рекомендаціи, меня кто-то взялъ за локоть,—я испуганно обернулся: подростокъ, лѣтъ семи, въ рубашкѣ съ пояскомъ и въ штанахъ въ сапоги, съ проборомъ посрединѣ головки, похожій на маленькаго мужика, шаркнулъ ножкой и протянулъ руку...

— Сережа Куренковъ!

Это снова всѣхъ развеселило, кромѣ самого Сережи, который смотрѣлъ на меня немигающими глазами такъ серьезно, словно я былъ заморскимъ чудомъ.

— Будущій террористъ!—пошутилъ Касьяновъ и погладилъ Сережу по головѣ.

— Извините, пожалуйста, врете: онъ въ народъ пойдетъ!—замѣтила пожилая женщина, вѣроятно, мать Сережи.

— Теперь ужъ не ходятъ...

— Глупо дѣлаютъ... Если въ народъ не ходятъ такъ, какъ раньше, то теперь сами превращаются въ народъ...

— Вотъ именно!—добавилъ чей-то мужскій голосъ. Я посмотрѣлъ въ сторону голоса и увидалъ, что слова сказаны пожилымъ господиномъ въ русской поддевкѣ и большихъ сапогахъ, похожимъ на старообрядческаго начетчика.

— А въ сущности мнѣ все равно... Дѣло родительское!..—отшутился Касьяновъ и, перейдя въ сосѣдство къ Козочкѣ, сталъ съ ней тихо болтать и смѣяться.

Наступила общая неловкость и молчаніе. Всѣ сдѣлались необычайно серьезными и хмурыми, изрѣдка перекидывались съ сосѣдомъ или сосѣдкой фразой вполголоса. Выручила Параша.

— Хотите, Тархановъ, чаю?.. Мое дежурство сегодня...

— Выпью, если...

— Если дамъ? Съ удовольствіемъ!.. Самоваръ у меня на парахъ...

Параша скрылась и сейчасъ же появилась съ самоваромъ, большимъ и тяжелымъ, клокотавшимъ бурными парами...

— Позвольте мнѣ, обваритесь еще!—предложилъ я, вскочивъ со стула и направившись навстрѣчу Парашѣ

— Ни Боже мой! Уходит !.. У насъ безъ кавалерства,—запѣла дѣвушка, остановившись и отстраняя отъ меня самоваръ.

— Тяжело вѣдь!—смущенно проговорилъ я, усаживаясь на мѣсто.

— Параша *васъ* подниметъ!..

— Одинъ разъ она Касьянова на колѣни поставила, —прогудѣлъ простуж ннымъ голосомъ Сережа.

— Она мнѣ палецъ вывихнула, — отозвался Касьяновъ.

Правда, Параша производила впечатлѣніе сильной и здоровой дѣвушки; отъ нея такъ и вѣяло здоровымъ тѣломъ, ровнымъ, спокойнымъ темпераментомъ и благодушнымъ настроеніемъ всегда здороваго человѣка. Миловидное круглое лицо, темно-каріе спокойные и добрые глаза, розовыя щеки, молодцеватая походка, сверкающіе при улыбкѣ зубы...

— Сибирь-матушка!..

Параша усѣлась разливать чай и дѣлала это съ красивой ловкостью и проворствомъ. Когда подошла къ столу Козочка, я заглядѣлся на эту контрастную парочку. Тонкая, гибкая, высокая, съ горящими черными глазами, порывистыми движеніями, съ длинной шеей, княжна Гильдѣева похожа на горную козу, и бѣлокурая

и кареглазая Параша, такая плотная и крѣпкая, тихая и плавная... съ кѣмъ сравнить Парашу?..

— Тархановъ! Идите, подавать чай я не намѣрена. Дежурный не обязанъ.

Я подошелъ, взялъ стаканъ, скользнулъ по плечамъ Параши глазами и отыскалъ сравненіе: сибирская лошадка, небольшая, коренастенькая и сильная, выносливая... Ко мнѣ подсѣлъ Куренковъ, завелъ длинный, тягучій разговоръ на серьезную тему о пропасти между народомъ и интеллигенціей, и поминутно спрашивалъ:

— Вы согласны?

Я плохо слушалъ и плохо соображалъ, а потому и отвѣчалъ уклончиво и съ запинками, словно ѣхалъ по кочкамъ. А другіе слушали и изрѣдка взглядывали на меня удивленными глазами, досадливо выражая свое несогласіе молчаливымъ отрицательнымъ жестомъ головою.

— Вы согласны?

— Виноватъ, я не понялъ... Сейчасъ не могу бесѣдовать на серьезныя темы: все еще не привелъ съ дороги въ порядокъ своихъ мыслей...

Одинъ за другимъ подсѣли ко мнѣ новые товарищи и тихо заводили разговоръ о тюрьмахъ, о ссылкѣ, о переживаемомъ моментѣ. Осторожно нащупывали почву, чтобы опредѣлить: единомышленникъ или противникъ? Я это чувствовалъ, и у меня рождалось желаніе оставить собесѣдника въ прежнемъ невѣдѣніи; да, откровенно говоря, я пока имѣлъ больше тяготѣнія и симпатій, чѣмъ строгой обоснованности своихъ политическихъ взглядовъ. Меня раздражалъ этотъ очередной допросъ, и я ловко переводилъ разговоръ на болѣе общія темы, а иногда прибѣгалъ къ помощи Касьянова, Параши или Козочки, дѣлая ихъ соучастниками бесѣды. Не подходилъ ко мнѣ только одинъ юноша, худой и блѣдный, одѣтый въ темную блузу. Онъ сидѣлъ со стаканомъ чая на подокон-

никѣ, издали прислушивался къ разговорамъ, слегка ухмылялся или хмурилъ высокій лобъ, но въ разговоры не вмѣшивался и казался чужимъ среди своихъ... Я самъ подсѣлъ къ нему на подоконникъ и спросилъ, давно ли онъ въ ссылкѣ и по какому дѣлу попалъ въ нее.

— Наборщикъ! По типографскому дѣлу... Третій годъ!.. Осталось два.

— Сколькихъ же лѣтъ вы попали?

— Семнадцати...

— Какъ живется?

— Скучно безъ дѣла, Образованія нѣтъ, желаніе большое все знать, а силы маленькія... Мнѣ руками надо работать, свое дѣло!.. Народу здѣсь много, а все одни разговоры... Теперь все-таки получше: Параша помогаетъ учиться, мечтаю въ университетъ попасть... Только вѣдь это такъ, себя тѣшишь... Я кончилъ уѣздное... А развѣ вы меня не помните?

— Нѣтъ. А развѣ мы съ вами встрѣчались?..

— Эхъ, вы!.. А я вамъ помогалъ шрифтъ-то въ Казани воровать!.. Вотъ Касьяновъ меня отлично знаетъ... Положимъ, я тогда мальчишкой былъ...

— Неужели вы—Гриша, Григорій?..

— Я самый...

— Голубчикъ, родной!.. Простите меня, вѣдь я никакъ не могъ и думать, что вы... что мы когда-нибудь встрѣтимся...

— Вы мнѣ еще «Хитрую механику» читать давали!..

— Касьяновъ! Что же ты, чортовъ сынъ, не сказалъ мнѣ про Григорія?.. Не знаю, какъ васъ по-батюшкѣ...

— По-батюшкѣ—Ивановичъ...

— Про Гришу-то... Забылъ! Какъ же, чай, помнишь?.. Изъ-за насъ вылетѣлъ... Мечтатель онъ ужасный: хочетъ преодолѣть латинскую, греческую и

прочую премудрость, чтобы потомъ снова попасть въ тюрьму и ссылку со званіемъ «бывшаго студента»...

— Не потому. Шутите все!..

— А зачѣмъ? Зачѣмъ?—громко выкрикнулъ Куренковъ.—Чтобы получить дипломъ и окончательно уйти отъ народа и въ качествѣ какого-нибудь прокурора или профессора кислыхъ щей усѣсться поудобнѣе на народномъ горбу?..

— А вы-то, сами-то, тоже вѣдь учились въ университетѣ!—злобно сверкнувъ глазами, съ нервной дрожью въ голосѣ, почти крикнулъ Гриша.

— Я, Куренковъ, имѣю званіе политическаго ссыльнаго, я оторванъ отъ народа насильственнымъ образомъ... И не собираюсь снова поступать... Слышали?.. И въ добавокъ я не кончилъ и диплома не имѣю...

— А почему вы знаете,—возразилъ Гриша,—что у меня въ душѣ? Можетъ, я хочу кончить да въ деревню уйти?

— Не пустятъ!—въ одинъ голосъ выкрикнули нѣсколько человѣкъ, словно были этому рады...

— Это очень грустно, а вы, господа, такъ закричали, словно рады этому...

— Рады не тому, что не пустятъ, а тому, что это обстоятельство опять возвращаетъ насъ къ основному положенію: надо сломать стѣну, въ которую всѣ мы уперлись!.. Надо сопротивляться злу насиліемъ...

Я понялъ, что Гриша явился только средствомъ побѣдить противника, и мнѣ стало непріятно и неловко передъ опустившимъ голову Гришей...

— Васъ не переспоришь!—грустно произнесъ онъ и, отвернувшись, сталъ смотрѣть въ окошко.

— А вонъ и наблюдающій идетъ!..—сказалъ Гриша и, махнувъ рукой, отошелъ отъ окна.

— Экая досада: Спартака я дома оставилъ...

Тихій, чуть слышный звонокъ.

— Травить людей собаками, кажется, Касьяновъ, не предусмотрѣно даже вашей партіей?—наставительно замѣтилъ Куренковъ.

— Я сверхъ программы!..

— Ничего этимъ никому не докажете.

— Я доказывать и не собираюсь. Просто ограждаю себя отъ разной сволочи,—огрызнулся Касьяновъ.

Звонокъ повторился.

— Идите, господа, отворите!.. Дежурный!

— Параша!

Параша встала, сдѣлала гримасу.

Всѣ смолкли. Появилась Параша, опять съ гримасою на лицѣ, а за нею всталъ въ дверяхъ наблюдающій.

— Какое собраніе, господа?

— Коммунальное. По случаю пріема дорогого гостя, г. енотоваго барина!

— Я понимаю. Только ужъ, господа, безо всякаго шума и скандалу... Чтобы до исправника не дошло... Между нами.

— Камо пойду отъ духа твоего?

— Служба, г. Касьяновъ, такая. Вы думаете, что мнѣ самому пріятно безъ особаго приглашенія въ гостяхъ появляться... Обязанность!

— А какъ вы передъ Богомъ и совѣстью скажете?— строго спросилъ Куренковъ.

— Съ Богомъ будетъ особый разговоръ!— отвѣтилъ наблюдающій, и опять всѣ развеселились, а поощренный этимъ наблюдающій добавилъ:

— А покуда съ надзирателемъ приходится разговаривать!..

Женщины стали аплодировать удачному возраженію наблюдающаго, а Касьяновъ закричалъ даже «браво».

— Такъ я буду надѣяться?

— На что? Относительно спокойствія въ городѣ?

— Н-да, и прочее... пѣніе, напримѣръ, запрещенныхъ пѣсенъ...

— Будьте благонадежны!.

— Въ такомъ случаѣ до скораго свиданія, счастливо провести время!..

Наблюдающій ушелъ. Куренковъ ходилъ по комнатѣ и сердито хмурился.

Покашлялъ и началъ:

— Когда человѣкъ намѣренъ говорить съ противникомъ серьезно, то, во-первыхъ, не слѣдуетъ вмѣшиваться, а во-вторыхъ,—нечестно и неумѣстно шутить, зубоскалить и этимъ давать въ руки противника оружіе противъ самихъ же себя.

Послѣ маленькой паузы, Касьяновъ произнесъ:

— Сказано было умно и возразить было нечего...

— Вы такъ думаете? Совершенно напрасно. Быть можетъ, вамъ было нечего возразить этому болвану, а я... я имѣлъ что возразить ему, а потому и... и вамъ,,, всѣмъ, кричавшимъ «браво» и аплодировавшимъ глупости...

— Не горячитесь, Павелъ Петровичъ!—замѣтила жена Куренкова.

— Любопытно, какое вы сдѣлали бы ему возраженіе?

— Я... Я сказалъ бы ему: «если для тебя надзиратель важнѣе Бога, то, стало быть, ты служишь не Богу, а дьяволу»...

— А онъ бы вамъ отвѣтилъ, что у него такая служба и попросилъ бы у васъ добродѣтельной службы съ приличнымъ содержаніемъ... Вы ему предложили бы, конечно, сѣсть на землю, а онъ попросилъ бы васъ дать ему эту землю...

Въ воздухѣ висѣлъ крупный разговоръ. Это сразу почувствовала Параша:

— Господа, я властью дежурнаго прекращаю споръ! У насъ гость...

— Спорить съ Касьяновымъ все равно, что въ ступѣ воду толочь!—проворчалъ Куренковъ и вышелъ въ другую комнату.

— По-моему, разъ люди стоятъ на разныхъ полюсахъ, такъ не слѣдуетъ и спорить, — добавила жена Куренкова...

Наступило упорное молчаніе; только гдѣ-то въ уголкѣ тихо ворковала Козочка. Я вскинулъ глаза: сидитъ на подоконникѣ рядомъ съ Гришей и кокетничаетъ съ наивностью гимназистки.

— Папаша непогрѣшимъ!—неожиданно произнесъ за моей спиною молодой басокъ. Я оглянулся и словно открылъ совершенно новое для меня лицо. Это былъ высокій и тонкій интеллигентъ, очень похожій на Куренкова, съ какимъ-то измученнымъ, страдальческимъ выраженіемъ на лицѣ... Должно быть, сынъ... Такъ и есть: жена Куренкова недовольно посмотрѣла на юношу и бросила:

— Не вмѣшивайся, пожалуйста!

Окна потускнѣли. Незамѣтно подкрались сумерки. Въ людной, но молчаливой комнатѣ сдѣлалось вдругъ скучно и тягостно. Гриша вздохнулъ и, поигравъ своей шапкой, неожиданно и молча сталъ со всѣми прощаться.

— Погоди, Гриша, я съ тобой!..—сказалъ интеллигентъ съ измученнымъ лицомъ и, пожавъ мнѣ руку, подошелъ и вяло, механически, поцѣловалъ мать въ сѣдую голову.

— Вечеромъ не зайдешь?..

— Мм... не знаю! Едва ли...

Съ остальными онъ не прощался.

— Это вашъ сынъ?—спросилъ я жену Куренкова, когда Гриша и его спутникъ вышли.

— Сынъ.

— Онъ живетъ...

— Отдѣльно! Мы—здѣсь, а онъ только обѣдаетъ и... часто заходитъ... Вмѣстѣ тѣсно, а врозь скучно. А вы устроились уже?

— Не совсѣмъ...

— Если хотите, можно устроить васъ въ коммунѣ: комната старшаго сына теперь свободна...

— Благодарю. Комнату я уже нанялъ, только...

— А гдѣ будете обѣдать?

— Вотъ съ обѣдомъ у меня не выяснилось...

— Присоединяйтесь!..

— Спасибо.

— Господа! Кто завтра дежурный?..

Начался споръ, кто завтра дежурный.

— Опять Параша!.. Она одно дежурство пропустила...

— Завтра Гришина очередь... А, впрочемъ, я, такъ я!..

— Такъ имѣйте въ виду, что завтра начинаетъ столоваться еще одинъ человѣкъ...

Козочка радостно посмотрѣла въ мою сторону и спросила:

— Кто еще будетъ съ нами обѣдать?..

— Геннадій Николаевичъ.

— Аа!..

— Завтра — базаръ. Касьяновъ, имѣйте въ виду лишняго человѣка.

— Не лишняго, а новаго,—поправила Козочка.

— Знаю!—выкрикнулъ Касьяновъ.

Публика перемѣшалась, начала болтать о пустякахъ. Послышался женскій смѣхъ, заразительный такой смѣхъ... Кто такъ пріятно смѣется и надъ чѣмъ?.. Ну,

конечно, Параша! Смѣется надъ Касьяновымъ, называетъ его кухоннымъ мужикомъ.

— Почему, Прасковья... Прасковья...

— Да ну васъ, зовите просто Парашей!..

— Ну, ладно... Почему вы его кухоннымъ мужикомъ называете?

— Онъ у насъ на базаръ ходитъ и печку топитъ...

По разъясненіи оказалось, что Касьяновъ уволенъ навсегда отъ дежурства, но взамѣнъ того принялъ на себя обязательства: ходить на базаръ, затапливать кухонную печь, приносить дрова и воду...

— Эксплуатируютъ, братъ!—пожаловался съ притворнымъ вздохомъ Касьяновъ.

— Больше вы, Касьяновъ, ни начто негодны...

— Въ родѣ ломовой лошади!.. По-моему, такъ все это долженъ дѣлать толстовецъ по убѣжденіямъ. Дрова, вода, огонь... все это приближаетъ къ землѣ, къ народу...

— Заболтались, милостивый государь!—оборвала жена Куренкова...

— Вѣрно! Идемъ, енотовый баринъ!

— Да, пора...

Мы попрощались съ публикой и ушли. Когда проходили мимо оконъ, сидѣвшая на подоконникѣ Козочка стукнула въ стекло и торопливо закивала головой...

— Ну, какъ тебѣ наша публика показалась?

— Развѣ сразу разберешься!.. Откуда столько народу?

— Тутъ—жены, родственники, дѣти... Народъ хорошій, особенно бабье, только дѣлать нечего... Въ своемъ соку варимся... Не люблю я только одного стараго Куренкова... Это, братъ, свой собственный наблюдающій!.. Родной сынъ убѣжалъ, не вытерпѣлъ. Святой человѣкъ. Намъ, грѣшникамъ, тяжеловато съ нимъ. Правда его заѣла, а онъ насъ ѣстъ. Обличаетъ все въ неправильной

жизни. И вѣдь въ большинствѣ случаевъ вѣрно говоритъ!.. У насъ его всѣ уважаютъ, но... не любятъ... Одинъ разъ идемъ мы съ нимъ мимо собора, обѣдня отошла, народъ расходится, за народомъ нищіе бѣгутъ... Вотъ онъ вынулъ кошелекъ и далъ старику пятачокъ, а тамъ другой, молодой, бѣжитъ и гнуситъ, протягивая руку:

— Безносому-то! Безносому-то!..

А Павелъ Петровичъ остановился, строго посмотрѣлъ на безносаго и сказалъ:

— Самъ виноватъ!

И, махнувъ рукой, пошелъ дальше. Очень можетъ быть, что парень самъ виноватъ, что онъ—безносый, однако зачѣмъ ему вмѣсто пятака это вѣрное обличеніе? Вѣдь носъ у него отъ этого не вырастетъ?.. Такъ вѣдь и всегда: вѣрно, но... скверно.

Я спросилъ про сына.

— Петръ? Онъ человѣкъ любопытный. Лелѣяли его родители въ духѣ стараго народничества, а вышелъ ярый народоволецъ, мечтающій совершить террористическій актъ. Въ прошломъ году бывали интересные диспуты между отцомъ и сыномъ. Кончилось полнымъ разрывомъ. Отецъ по ночамъ плакалъ. Я жилъ тогда въ коммунѣ. Бывало ночью, послѣ такого диспута, когда все кончится, и страсти погаснутъ, а коммунисты улягутся спать по своимъ комнатамъ,—старикъ выйдетъ въ сѣни, запрется въ чуланъ и потихоньку плачетъ... Драма, братъ!.. Теперь не надышится на своего младшаго, Сережу; надѣется, что оставитъ продолжателя и послѣдователя... Даже одѣваютъ они его подъ мужика...

— А есть у него здѣсь послѣдователи, т. е. толстовцы?

— Былъ въ прошломъ году еще одинъ интеллигентъ, тоже пожилой; теперь онъ живетъ гдѣ-то въ коло-

ніи, около Чернаго моря... А изъ молодежи—никого. Уважаютъ, не спорятъ, а не вразумляются. Попалъ-было Гриша одно время подъ его вліяніе, да я его оттуда вытащилъ.

— А Параша?

— Террористка!..

— А видъ у ней совсѣмъ не террористическій.

— Въ тихомъ омутѣ черти водятся...

— У тебя, братъ, всѣ террористы!.. Пожалуй, и Козочка?

—Да женщины вообще больше склоняются въ эту сторону.

— До замужества... Выйдетъ твоя Параша замужъ и такая изъ нея выработается мамаша, что только пальчики оближешь...

— Куда мы теперь?.. Хочешь на билліардѣ сразиться?..

— Нѣтъ, я не умѣю на билліардѣ...

— Единственное развлеченіе... Лыжи и билліардъ... Но лыжи связаны съ самовольной отлучкой за черту города, а теперь меня ловятъ...

— Съ кѣмъ же ты играешь?..

— Съ жителями, безъ различія убѣжденій... Павелъ Петровичъ много крови испортилъ изъ-за этой моей слабости и все-таки не доказалъ мнѣ, что играть на билліардѣ предосудительно... Доказалъ только, что это безполезно, но нравственность и билліардъ остались на своихъ мѣстахъ.

Кое-гдѣ мигнули огоньки, красенькіе и зелененькіе: пристрастіе къ розовымъ фонарикамъ и зеленымъ абажурамъ... Я вспомнилъ свою квартирку, столъ, лампу съ абажуромъ въ видѣ бумажной танцовщицы, двуспаль-

ную постель, теплую лежанку, чистоту и опрятность, тишину и одиночество, и подумалъ:

«И что мнѣ помѣшала Сусанна?... двуспальная кровать?.. бумажныя розы?»

— У меня ночуешь?..

— Нѣтъ. Пойду къ себѣ... У меня заплачено впередъ и прожить мѣсяцъ я имѣю полное право... А тамъ осмотрюсь и увижу...

— Я тебя провожу...

— Не провожай, а только доведи до той улицы, гдѣ живетъ моя Сусанна, а тамъ я и самъ найду...

— Налѣво. А вонъ, гдѣ высокія березы, твой домъ...

— Такъ завтра обѣдаемъ въ коммунѣ?..

— Да.

Мы пожали другъ другу руки и разошлись.... Позвонилъ. Хозяинъ вышелъ, отперъ и любезно посторонился. Вошелъ я въ переднюю, вышла съ лампой хозяйка, посвѣтила и пронесла лампу въ мои комнаты. Что за метаморфоза въ отношеніяхъ?

— Все устроили, какъ вы желали... Вы не обращайте на мужа никакого вниманія: онъ сегодня получилъ пенсію и немного выпилъ... Ну, гордость и завладѣла человѣкомъ... Это ужъ разъ въ мѣсяцъ бываетъ, ничего не подѣлаешь...

Хозяйка ушла. Я осмотрѣлъ комнаты и пріятно улыбнулся: ни половичка, ни двуспальной кровати, ни Сусанны!.. Полная побѣда. А теперь надо двинуться въ тылъ отступающему врагу: я собралъ съ комода всѣ пузырьки, коробочки и баночки, вазочки съ розами, уложилъ все это въ картонъ изъ-подъ шляпы и выпесъ за дверь:

— Хозяюшка!

— Что, батюшка?

— Возьмите-ка, матушка!.. Это мнѣ лишнее, а вамъ годится...

— Спасибо, батюшка!..

— Не стоитъ, матушка...

Не понимаю, почему я вдругъ развеселился; началъ прыгать и танцовать, какъ школьникъ... Велѣлъ подать самоваръ, удобно расположился въ тихомъ одиночествѣ около лампы и, прихлебывая чаекъ, долго писалъ о своихъ впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ изъ коммуны. Всѣхъ ярче мнѣ рисовались Куренковъ, Гриша, Касьяновъ и двѣ контрастныхъ дѣвушки: Параша и Козочка. Остальные пропадали въ туманѣ... Уже било двѣнадцать, когда я, перенеся лампу къ кровати, началъ раздѣваться... Улегся, протянулъ ноги, загасилъ огонь...

— Прощай, Сусанна!.. Между нами все кончено...

IV.

Обѣдъ въ коммунѣ...

Я пришелъ рано: въ коммунѣ пока были только коренные члены ея, живущіе здѣсь, на общей квартирѣ: супруги Куренковы съ Сережей, Параша и Козочка, да и тѣ еще прятались по своимъ комнатамъ. Только Параша возилась въ кухнѣ. Прислуги не держали, отчасти по принципу, отчасти изъ экономіи, а всего больше по конспиративности, во имя полной свободы слова и гарантіи отъ лишнихъ ушей.

Въ залѣ было пусто. Я заглянулъ въ кухню: Параша въ бѣломъ передникѣ съ румянымъ лицомъ и засученными по локоть рукавами возилась около пылающей печки...

— Эге!.. Вы уже проголодались?—сказала она, привѣтливо улыбаясь и отирая влажный лобъ.—Я сегодня кухарка... Всѣ проспали... Поздно вчера легли... Ахъ,

язви тебя! — закричала она, хватаясь за ухватъ, и я ушелъ.

— Коза! Да что жъ это: долго ты будешь стоять передъ зеркаломъ?..—пропѣлъ на всѣ комнаты голосъ Параши изъ кухни.

— Сейчасъ!.. Вотъ надоѣла...—отвѣтилъ другой женскій голосокъ.

— Уже пришли, а ты и въ комнатахъ не подмела...

— Да слышу же, слышу!..

Я сидѣлъ въ залѣ—нейтральной комнатѣ живущихъ и приходящихъ—и просматривалъ толстые журналы, грудой сложенные на кругломъ столѣ. Тутъ были все старые знакомые: «Русская Мысль», «Русское Богатство», «Вѣстникъ Европы», изъ газетъ — только однѣ «Русскія Вѣдомости»... Давно я не встрѣчался съ этими друзьями и теперь испытывалъ какую-то жадность, торопливо перебирая книжки и проглядывая заглавія статей... Мелькали имена любимыхъ писателей, дразнили заглавія серьезныхъ статей и хотѣлось проглотить все это единымъ духомъ... Даже руки дрожали!.. Въ тюрьмѣ не давали ничего злободневнаго; питался капитальными научными трудами или классиками и совсѣмъ отсталъ отъ текущей родной литературы... Попадаются прошлогоднія книжки, но и онѣ для меня такъ же новы, какъ самая послѣдняя... Развертываю одну изъ такихъ книжекъ, мимолетно пробѣгаю глазами оглавленіе и чуть не гадаю въ обморокъ:

«Въ тюрьмѣ»—стихотвореніе Г. Тарханова.

Что за чудо?!.. Вѣдь и у меня есть стихотвореніе подъ такимъ заглавіемъ, написанное мною еще во дни первой тюрьмы... Г. Тархановъ! Вотъ удивительное совпаденіе. Здѣсь, вѣроятно, думаютъ, что это я написалъ... Эти мысли вспыхивали въ мозгу электрическими искорками, а руки торопливо перелистывали книгу... Вотъ

оно.. Господи, что же это?.. Помутилось въ головѣ отъ удивленія и невѣроятнаго радостнаго чуда:

Въ тюрьмѣ. (Посв. З.).

Ярко блещутъ звѣзды въ синевѣ небесной,
Чрезъ окно струится ароматъ весны,
Надъ землей уснувшей роемъ безтѣлеснымъ
Носятся на крыльяхъ феи грезъ и сны...

Мое! Мое!. Это мое, то самое стихотвореніе... Но какъ же это?.. Господи!.. Все еще не вѣрится... Скольжу по страницѣ и пробѣгаю конецъ стихотворенія:

Надо мной склонилась русая головка,
И коса упала ко мнѣ на плечо,—
Въ полутьмѣ сверкнула глазками плутовка
И поцѣловала крѣпко, горячо.

Геннадій Тархановъ.

Я!.. Я!.. Именно я, Геннадій Тархановъ!.. Но зачѣмъ они поставили въ концѣ точку? Надо многоточіе... Экая досада!.. Многоточіе надо... Лицо мое горѣло не меньше, чѣмъ у Параши передъ псчкой, руки дрожали и такая радостная гордость играла въ душѣ и тѣлѣ, что не опишешь этого никакими словами... Я сразу выросъ на цѣлую голову въ собственномъ мнѣніи, книжка съ моимъ стихотвореніемъ казалась мнѣ лучшей изъ всѣхъ и такой родной, что я нѣжно приложилъ губы къ ея обложкѣ... и въ этомъ положеніи меня застала вошедшая въ залъ Козочка съ половой щеткой въ тонкихъ ручкахъ... Я растерялся до послѣдней возможности и выбросилъ изъ рукъ книгу... Сердце стучало такъ быстро и громко, что я боялся, какъ бы не услышала его Козочка... Словно я вбѣжалъ безъ отдыха на колокольню и съ огромной высоты смотрѣлъ теперь на Козочку... Я даже забылъ съ ней поздороваться...

— Здравствуйте!—съ упрекомъ произнесла дѣвушка со щеткой, въ бѣломъ платочкѣ.

— Ахъ, да... Конечно, здравствуйте!. Т. е. не здравствуйте, а—виноватъ... Нѣтъ, и виноватъ, и здравствуйте!..

Козочка съ удивленіемъ вскинула на меня черные глаза и начала мести полъ.

У меня кружилась голова отъ тысячи неясныхъ, радостныхъ и тревожныхъ ощущеній. Я смотрѣлъ на Козочку, и мнѣ казалось, что она плаваетъ со щеткой, не касаясь ногами пола... Подъ бѣлымъ платочкомъ ея черные восточные глаза рѣзко очерчивались страннымъ разрѣзомъ, а тонкія брови казались нарисованными...

— Вы—татарка?.. — хотѣлъ я только подумать, но нечаянно спросилъ.

— Предки—татары, а я... А почему вы спросили?..

— Извините... Такъ я... И самъ не знаю... Самъ я долго жилъ въ Казани, а тамъ много татаръ... Я ужасно люблю татаръ, и мнѣ хочется вамъ сказать: «Саля малыкомъ!..»

— Не понимаю. Казанскіе татары—другіе, они говорятъ иначе...

Мнѣ было весело и хотѣлось говорить и дѣлать чепуху. И я сталъ болтать.

— Въ Казани, какъ только зацвѣтаетъ сирень, по улицамъ съ лотками на головахъ ходятъ татары и поютъ ломаннымъ русскимъ языкомъ:

Апель-си-на, лимо-о-онъ!..
А-апельсина-а, лиммо-о-онъ!..

Рано еще, лежишь въ постели, а за окномъ поютъ уже птицы и татары-разносчики... А въ окно подуваетъ ласковый вѣтерокъ и наноситъ изъ сада сиренью... Хорошо!..

И я вдругъ, подражая татарину, запѣлъ потихоньку:

Апель-си-и-на, лимо-о-онъ!..
Апельси-наа, лимо-о-онъ!..

Изъ двери выглянула удивленная физіономія Куренкова и спряталась. И было это такъ смѣшно, что я не выдержалъ и расхохотался.

— Эхъ, какъ у васъ тутъ весело!..—сказала Параша, появившаяся съ горой тарелокъ.—Ну-ка, пособляйте на столъ накрывать!.. Геннадій Николаевичъ! Горничная, что ты развѣсила уши?.. Давай скатерть!.. Живо!.. Народъ собирается...

Я вскочилъ съ дивана и присоединился къ кухаркѣ и горничной. Звонко постукивали тарелки, ножи, вилки и ложки, мелькали въ воздухѣ перебрасываемыя съ одного конца стола на другой салфетки, смѣялись и озорничали, пока не появился снова Куренковъ.

— Называете себя критически-мыслящими личностями, а сами...

— Молодо-зелено, поиграть велѣно!—звонко отвѣтила Параша и, притоптывая каблучками, пошла на звонокъ въ передней...

— Здравствуйте!.. И васъ заставили трудиться на общую пользу?..—сухо поздоровался и спросилъ меня Куренковъ.

— И меня, Павелъ Петровичъ!

— Дѣло хорошее... А я сейчасъ читалъ полемику Михайловскаго... Не даетъ ему покою «непротивленіе злу»... Вышучиваетъ и не замѣчаетъ, что всѣ стрѣлы пролетаютъ мимо...

Голосъ у Куренкова звучалъ хрипло и казался злымъ. Я чувствовалъ, что Павлу Петровичу хотѣлось на комъ-нибудь разрядиться и не принималъ репликъ. А онъ, заложа руки за спину, ходилъ, мягко ступая валенками, и ворчалъ:

— И примѣры приводитъ глупые и не понимаетъ, что глубину не мѣряютъ аршинами...

Опять ходитъ, покашливаетъ... Появляются Касьяновъ и Параша.

— Христа тоже искушали, напримѣръ, монетою... Христосъ даетъ вѣчную идею всему міру, всему человѣчеству, а къ нему подлетаетъ житель города Грязовска и спрашиваетъ: «а какъ же, Господи, у насъ на Грязной улицѣ съ винной лавочкой быть? Начальство не соглашается ее закрыть». Что жъ могъ бы Христосъ отвѣтить этому муравью? Кесарево—Кесареви! Однако, это не значило бы, что Христосъ проповѣдуетъ неосуществимое.

— Вы что тутъ о винной лавочкѣ разсуждаете?— спросилъ Касьяновъ и добавилъ, потирая руки:

— Хорошо бы передъ обѣдомъ по рюмочкѣ! Давно бы пора отмѣнить этотъ драконовъ законъ нашей коммуны... Ты какъ полагаешь, енотовый баринъ? Сегодня здорово морозитъ.

— Въ трактирѣ у Жукова—обѣды съ горячими напитками. Желающіе могутъ обѣдать въ трактирѣ!— отвѣтилъ за меня Куренковъ.

— Прошу здѣсь не курить: потрудитесь прочитать на стѣнкѣ! — офиціально-ласковымъ тономъ обратился онъ ко мнѣ, замѣтивъ въ моихъ рукахъ портсигаръ. Я взглянулъ на стѣну: объявленіе крупными печатными буквами:

«Курить воспрещается».

— Виноватъ. Не зналъ...

— Въ кухнѣ можете или въ сѣняхъ!..

— А въ форточку?—спросилъ Касьяновъ.

— Можете! Жизнь есть высшее благо, и если мы сами не дорожимъ ею, то не имѣемъ права сокращать ее другимъ... Съ нами—женщины и дѣти...

— О, Господи! — подражая толстовскому мужику, прошепталъ Касьяновъ...

Появились Гриша, Петръ Куренковъ, Сережа, пожилая особа въ очкахъ, съ ридикюлемъ.

— Ну, какъ ваши хлопоты?—спросилъ Павелъ Петровичъ.

— Принимайте, говоритъ, только, чтобы я не зналъ. По закону разрѣшить не имѣю права. Я говорю: согласитесь, что это—глупо, въ городѣ только двѣ акушерки; представьте, говорю, такое положеніе: одна—въ отъѣздѣ, а другая—занята; что же дѣлать, если кто-нибудь изъ жителей неожиданно разрѣшается отъ бремени?..

— А онъ?

— Онъ поводитъ плечами, улыбается и твердитъ одно: «не предусмотрѣно».

— Практикуйте и никакихъ разговоровъ! Они хотятъ само рожденіе и саму смерть отдать подъ надзоръ полиціи... Стыдно будетъ исправнику посадить васъ, если вы исполните свой долгъ...

— Я—свое, а онъ—свое... Практикуйте, только чтобы я не зналъ объ этомъ, и безъ вывѣски...

— На вывѣску наплевать!—замѣтилъ Касьяновъ.— Я вырѣжу вамъ изъ бумаги ребеночка и наклеемъ его на стекло...

Козочка покраснѣла, ухмыльнулась и отвернулась къ окну, а Касьяновъ продолжалъ о вывѣскѣ:

— Вырѣжемъ, Марья Петровна, изъ сахарной бумаги младенца мужского пола съ брыкающимися ногами и приклеемъ къ стеклу, и всякій проходящій пойметъ этотъ кричащій символъ...

— Погодите, люди говорятъ серьезно, а вы—съ глупостями!.. Наклеивайте себѣ, а мнѣ не надо...

— Мнѣ?.. Не такъ поймутъ...

— Г. Касьяновъ, вы не въ трактирѣ!—сердито отрѣзалъ Куренковъ, и всѣ примолкли.

Параша принесла огромную миску щей, и всѣ шумно и оживленно стали разсаживаться. Петръ Куренковъ сѣлъ подальше отъ отца. Касьяновъ сѣлъ около Параши, я очутился между Козочкой и Сережей. Ѣли дружно, почти молча и очень быстро,—всѣ, видимо, были голодны и не расположены терять даромъ время. Только Сережа задавалъ неумѣстные вопросы.

— А зачѣмъ въ супъ таракана положили?..

— Вынь и кушай!.. Самъ попалъ, по неосторожности.

— А гдѣ-нибудь ѣдятъ таракановъ?..

— Нигдѣ, нигдѣ!..

— Лягушекъ же китайцы ѣдятъ!..

Павлу Петровичу жена подала отдѣльную мисочку:

— Вотъ тебѣ, старовѣръ, въ отдѣльной посудинкѣ...

— Папа у насъ не ѣстъ ни коровъ, ни овецъ, ни барановъ... ничего, ничего! — разсказывалъ мнѣ Сережа,—ей-Богу, не ѣстъ!.. Думаете, вру? Папа, вѣдь ты не ѣшь коровъ?..

— Я не ѣмъ *никого*...

— Вотъ видите!.. Онъ у насъ даже рябчиковъ не ѣстъ!—старался поразить меня Сережа.—Онъ называется... Какъ онъ называется, мама, я все забываю...

— Вегетаріанецъ. Ве-ге-та-ріа-нецъ...

Сережа, видимо, гордился своимъ папой, особенно же тѣмъ, что онъ не ѣстъ быковъ, коровъ и овецъ, и такъ трудно называется.

— Ве-ге-те-... мама, опять забылъ!

— Будетъ болтать, ѣшь!..

— Онъ у насъ три раза въ тюрьмѣ сидѣлъ. А вы сколько разъ?

— Я... два раза...

— Только-то!.. А папа—три...

— Такъ онъ еще сядетъ, Сережа!—сказалъ въ мою защиту Касьяновъ, и всѣ расхохотались. Сперва Сережа опѣшилъ, но очень скоро вывернулся:

— Ну такъ что же! Тогда будетъ поровну, а папа еще сядетъ и еще, еще...

Тутъ ужъ и папа развеселился, засмѣялся и спросилъ:

— Неужели тебѣ хочется, чтобы я сѣлъ опять въ тюрьму?

— А если посадятъ?—уклонился Сережа...

Параша съ Козочкой мѣняли тарелки; утолившіе голодъ коммунисты сдѣлались разговорчивѣе... На другомъ концѣ уже двое спорили: акушерка Марья Петровна сцѣпилась съ Петромъ Куренковымъ и обиженно-истеричнымъ голосомъ спрашивала:

— А у васъ есть данныя? Данныя есть?..

Но Параша принесла огромный горшокъ гречневой каши, а Козочка жбанъ молока, и споръ потонулъ въ общемъ движеніи, звонѣ стакановъ и ложекъ...

— Съ вами спорить надо поѣвши...

— И съ вами тоже!..

Послѣ обѣда послали кухоннаго мужика ставить самоваръ; Гриша съ Петромъ Куренковымъ сейчасъ же ушли, не прощаясь съ публикой; супруги Куренковы скрылись въ своихъ комнатахъ; съ ними ушла и акушерка. Въ залѣ остались только Параша, Козочка, Сережа и я... Дѣвушки возились еще около стола, а мы съ Сережей усѣлись на диванѣ. Меня тянуло еще разъ посмотрѣть на свое напечатанное стихотвореніе, и я, какъ бы отъ нечего дѣлать, началъ снова пересматривать журналы. Именно поэтому я и не ушелъ сейчасъ же послѣ обѣда, а остался пить чай, котораго вовсе не хотѣлъ. О, какъ тянула меня милая книга, въ которой какимъ-то

непонятнымъ чудомъ появилось мое произведеніе! Только разъ въ жизни я испытывалъ нѣчто подобное: въ Крыму, къ маленькому султану, когда узналъ тайну его рожденія... И теперь я схватилъ бы книгу съ моими стихами, убѣжалъ бы домой, скрылся отъ постороннихъ взглядовъ и сталъ вслухъ читать это прекрасное произведеніе... Развѣ это такъ неисполнимо?.. Отчего я такъ боюсь прямо сказать: «дайте мнѣ книжку журнала, гдѣ напечатаны мои стихи!..» Словно я сдѣлалъ что-то очень дурное... А, главное, всѣ вѣдь здѣсь знаютъ, что написалъ эти стихи я!.. Страшно и стыдно заговорить о нихъ... Странное, необъяснимое чувство.

Сережа что-то спрашивалъ, звенѣлъ крикливо надъ самымъ моимъ ухомъ, лѣзъ ко мнѣ на колѣни, я утвердительно кивалъ головою, говорилъ: «Ну!», гладилъ его по головѣ, одинъ разъ поцѣловалъ даже, но все время мои мысли были прикованы къ завѣтной страницѣ, гдѣ подъ стихами стояло: «Геннадій Тархановъ»...

Козочка, кончивъ работу около стола, присѣла къ окну съ какимъ-то рукодѣльемъ, кажется, вышивала; склонивъ свою черную головку надъ работой, она тихо и грустно напѣвала какую-то восточную пѣсенку, и мотивъ ея рождалъ въ воображеніи жаркую степь, палящее солнце, тонкую гибкую дѣвушку въ бѣломъ, жалобно плачущую около кочевья... Я машинально ловилъ этотъ заунывный мотивъ и вкладывалъ въ него слова моего стихотворенія...

Вышелъ Павелъ Петровичъ и спросилъ, не играю ли я въ шахматы.

— Да, но очень слабо...

Онъ обрадовался, принесъ шахматный ящичекъ съ фигурами и усадилъ меня играть. Я былъ разсѣянъ, дѣлалъ промахъ за промахомъ и быстро получилъ матъ, чѣмъ страшно обрадовалъ Сережу:

— Ура, папа обыгралъ!.. Козочка, папа обыгралъ!.. Параша!.. Мамочка!—закричалъ мальчуганъ и убѣжалъ еще кому-то сообщить о томъ, какой молодецъ у него папа... Касьяновъ несъ изъ кухни скипѣвшій самоваръ, а Сережа прыгалъ впереди и кричалъ:

— Касьяновъ! Папа обыгралъ Тарханова!..

— Пошелъ прочь! Подъ самоваръ попадешь...

— Проиграли?—съ упрекомъ спросила Козочка.

Въ другое время мнѣ было бы досадно, и вопросъ Козочки увеличилъ бы эту досаду и затронулъ самолюбіе, но теперь ни досады, ни укола самолюбія я не чувствовалъ...

— Да, проигралъ,—сказалъ я весело, подошелъ къ Козочкѣ и сталъ разсматривать, чѣмъ она занимается.

— Вышиваете?

— Да, на рубашку Гришенькѣ ..

— Вотъ какъ?!.

— Проспорила...

— Давайте и со мной поспоримъ! Я тоже желаю такую рубашку...

— Не дождетесь!.. Я и одну-то скоро годъ вышиваю...

Пили чай, перебрасывались словами, острили, бросались хлѣбными шариками. Касьяновъ смѣшилъ насъ всѣхъ и раздражалъ своимъ легкомысліемъ Павла Петровича. Вышла жена Куренкова съ акушеркой и тоже подсѣли къ самовару. Марья Петровна стала меня допрашивать, по какому я дѣлу сидѣлъ въ первый разъ, не знаю ли такихъ-то и такихъ-то, сознательно ли я пошелъ въ революцію...

— Ей-Богу, не знаю!..

— Вотъ тебѣ и здравствуйте!.. Не знаетъ... Да вамъ сколько лѣтъ?

— Мнѣ-то?..

— Вамъ-то.

— Да скоро двадцать четыре...

— Пора бы знать, очень пора!

— Какая вы строгая...

— Я стою за то, что надо вступать на революціонный путь съ солиднымъ багажемъ знаній, познавши міръ и самого себя...

— Вѣкъ живи, вѣкъ учись, а дуракомъ умрешь, Марья Петровна!—возразилъ Касьяновъ...

— Ну, это кто какъ!—бросилъ Павелъ Петровичъ.

— А вы, Марья Петровна, познали міръ?..

— По силѣ возможности... старалась познать и теперь продолжаю познавать...

— Примите во вниманіе нашу молодость!—иронически замѣтилъ Касьяновъ.—Мы тоже продолжаемъ познавать, и возможно, что къ вашимъ годамъ вполнѣ оріентируемся...

— При чемъ тутъ года?.. Я шла въ революцію уже съ подготовкой...

— А мы впитали эту подготовку съ молокомъ матери...

Я взглянулъ на Козочку: личико ея было грустное, смотрѣло съ благоговѣніемъ на Марью Петровну, на лбу появлялись складочки отъ напряженнаго мышленія...

— Зиночка! Кончили вы «Основы народничества»?—строго спросила Марья Петровна.

Козочка вздрогнула, кашлянула и тихо отвѣтила:

— Почти кончила... Но многое тамъ... Мы послѣ поговоримъ...

— Хорошо. Кончайте поскорѣе, а то есть желающіе...

— А гдѣ и у кого «Въ чемъ моя вѣра?»—спросилъ Павелъ Петровичъ.

— У меня же!—виновато проговорила Козочка...

— Надо сперва кончить одно, а потомъ приниматься за другое...

— Я могу отдать...

— Пока мнѣ не надо, но... если не интересуетъ, то нечего и держать.

— Я читаю...

— И ничего не понимаю!—добавилъ Касьяновъ...

— Хочется прочитать все, но... всѣ даютъ и назначаютъ сроки...

— Я такого чтенія не понимаю,—сказала Марья Петровна.—Надо читать въ извѣстной послѣдовательности, иначе у васъ въ головѣ получится каша. Я дамъ вамъ систематическій каталогъ для чтенія, вы намѣтите какую-нибудь опредѣленную отрасль знанія и будете ее изучать... Трудно здѣсь найти всѣ книги, но кое-что найдется... Господа, получена новая книжка «Русскаго Богатства»! Сегодня вечеромъ назначается общее чтеніе и бесѣда. Желающіе благоволятъ пожаловать...

— Когда можно на руки?—спросилъ Касьяновъ.

— Что за вспросъ? По правиламъ: три дня книжка остается здѣсь, въ нейтральной комнатѣ, а затѣмъ поступаетъ въ очередь... по жеребьевкѣ.

Я воспользовался моментомъ.

— Господа, нельзя ли мнѣ взять на домъ нѣсколько старыхъ книжекъ?

— За этимъ обратитесь къ Парашѣ...

Я поговорилъ съ Парашей, отобралъ нѣсколько книжекъ, въ числѣ которыхъ была, конечно, и завѣтная, и, попрощавшись, ушелъ. Крѣпко прижималъ я къ себѣ дорогую ношу, а ноги мои бѣжали сами, словно я боялся, что Марья Петровна догонитъ меня и отниметъ...

Придя къ себѣ, я заперся на крючокъ, дрожащими руками раскрылъ завѣтную книгу и не могъ оторвать любовнаго взора отъ своихъ стиховъ... Читалъ про себя и вслухъ, любовался фамиліей автора и тихо шепталъ:

— Поэтъ Геннадій Тархановъ!.. Поэтъ Геннадій Тархановъ!..

Пригодилось и зеркало на комодѣ: смотрѣлъ на себя съ удивленіемъ, поглаживалъ себя по головѣ, старался взглянуть объективно...

— Гм!.. поэтъ Геннадій Тархановъ...

Ходилъ возбужденнымъ шагомъ по комнатамъ и чувствовалъ такъ, словно теперь насъ было двое—я и поэтъ Тархановъ! Съ этимъ, вторымъ, я даже разговаривалъ:

— Стихотвореніе ваше очень недурно... У васъ—несомнѣнный талантъ, только не зарывайте его въ землю...

— Зачѣмъ зарывать!..

А потомъ я превращался въ кого-то третьяго, который удивлялся:

— Неужели даже Касьяновъ не читалъ этого стихотворенія?.. Хороши читатели!.. Впрочемъ, что они смыслятъ въ поэзіи?.. Марья Петровна, напримѣръ... Какъ свинья въ апельсинахъ... Не больше!.. Къ стихамъ у нея, вѣроятно, презрѣніе... Стишки!.. Однако, выслушайте, Марья Петровна!

И, вставъ въ позу, я декламировалъ:

Ярко блещутъ звѣзды въ синевѣ небесной,
Чрезъ окно струится ароматъ весны...

— Впрочемъ, не стоитъ вамъ читать...

Опять возбужденно ходилъ по комнатамъ и мучился неразрѣшимымъ вопросомъ: какъ попало въ журналъ мое произведеніе?.. Очевидно, кто-нибудь послалъ его въ редакцію... Но кто?.. Неужели она?.. Зоя?.. Больше некому: только у Зои былъ экземпляръ этого стихотворенія... Первоначально оно было начертано обгорѣлой спичкой на тюремной стѣнкѣ моей одиночной камеры, потомъ записано на клочкѣ бумаги...

Воскресъ далекій обрывокъ прошлаго:

— Это—тебѣ!.. Только не читай сейчасъ, при мнѣ, а потомъ... одна.

— Да что тутъ?.. Ты меня пугаешь... Позволь—сейчасъ!..

— Нѣтъ. Не могу... Давай твою сумку, я положу туда...

— Ну, хорошо...

А на другой день пришла въ больницу на свиданіе съ огромнымъ букетомъ сирени и поцѣловала, обвивъ меня рукой, сиренью и ароматомъ...

— Геня, Геня!.. ты поэтъ!.. Боже, какое счастье!.. Это ты мнѣ посвящаешь? мнѣ?..

— Да... конечно... Первое, что появится когда-нибудь въ печати, будетъ, голубка, посвящено тебѣ...

Надо мной склонилась русая головка,
И коса упала ко мнѣ на плечо...
Въ полутьмѣ сверкнула глазками плутовка
И поцѣловала... крѣпко, горячо...

V.

Плохо спалось мнѣ этой ночью: призраки прошлаго витали надъ моей постелью и сплетали яркіе узоры изъ причудливыхъ отраженій прожитой жизни, легкокрылыхъ, пугливыхъ и хрупкихъ сновидѣній... Словно мыльные пузыри, разростались эти сновидѣнія, блестя и обманывая, очаровывая сказками радужныхъ отраженій, и вдругъ лопались и исчезали, оставляя капли мыльной воды... Хитрили и подсмѣивались призраки прошлаго: соткавъ сказку о былой радости и счастьи, они неожиданно впутывали въ нее героевъ настоящей моей жизни, и мыльный пузырь лопался: я просыпался и вздыхалъ...

...Казань. Городъ залитъ розовыми огнями вечерней зари. Гдѣ-то играетъ музыка. Въ сирени стоитъ дѣвушка, ищетъ вѣнчикъ съ пятью лепестками...

— Что вы ищете?

— Счастье!..

— Будемъ заниматься алгеброй...

— Да, сейчасъ... Нашла!..

Сидимъ рядомъ... Рѣшаемъ задачу съ иксами, игреками и зетами. Вдругъ появляется Марья Петровна съ ридикюлемъ и строго говоритъ:

— Вотъ вамъ систематическій каталогъ! Иначе получится въ головѣ каша...

Просыпаюсь, съ трудомъ вспоминаю, гдѣ я и что со мной, а передъ глазами ярко рисуется страница журнала, стихи и подпись: «Геннадій Тархановъ»...

— Кажется, съ ума схожу...

Опять дрема, опять грезы... Лѣниво катитъ воды родимая Волга, ласково поплескиваетъ набѣгающей волной въ песчаную отмель... Небесная синева съ бѣлымъ облачкомъ, дымокъ далекаго парохода, смутный контуръ синѣющихъ горъ... Я сижу на плотахъ и ловлю удочками рыбу... Вотъ судорожно встряхнулся поплавокъ, еще разъ, еще... Я подсѣкаю и тащу... Попало что-то огромное!.. Тянетъ, крутитъ, гнетъ удилище... Я въ отчаяніи: оборветъ лесу, уйдетъ моя рыбища... Кричу:

— Эй! Кто-нибудь!.. Дайте сачокъ!.. Скорѣе!..

Появляется Параша съ засученными рукавами и даетъ мнѣ ухватъ...

Зачѣмъ ухватъ?.. Эхъ! Безпомощно оглядываюсь: ко мнѣ бѣгутъ Касьяновъ, Марья Петровна, Куренковы, Козочка, Сережа... Всѣ машутъ руками и кричатъ... Рванула рыбина и оторвала лесу...

— Опоздали!.. Сорвалась...

Козочка прыгаетъ съ хохотомъ въ воду, исчезаетъ, кувыркается, какъ дельфинъ, стараясь поймать рыбину, а я удивляюсь и спрашиваю:

— Господа! Что это значитъ?..

— Да вѣдь она—крымская татарка!—объясняетъ Параша...

— А я, я и забылъ..

Всѣ мы съ нетерпѣніемъ смотримъ, слѣдимъ и ждемъ, когда Козочка поймаетъ рыбину... Вотъ, наконецъ, вынырнула, смѣется, бултыхается въ водѣ и тащитъ что-то волокомъ...

— Она уже мертвая!—звонко кричитъ Козочка и тащитъ за собой на берегъ утопленницу, похожую на Офелію... Я наклоняюсь и въ отчаяніи кричу:

— Зоя! Это Зоя!.. Зоя!..

Всѣ потихоньку расходятся... Я остаюсь на берегу около утопленницы и плачу горько-горько... Потомъ читаю надъ Зоей свои напечатанные стихи, и она оживаетъ, улыбается и шепчетъ:

— Поцѣлуй меня!..

Я оглядываюсь, а позади—наблюдающій:

— Васъ исправникъ къ себѣ требуетъ...

Раскрываю глаза, не могу опомниться отъ фантастическаго сновидѣнія, стараюсь припомнить лицо Зои, но не могу, и чувствую злобу къ исправнику и къ наблюдающему...

Кошмарная ночь. Всталъ съ головной болью и печалью въ душѣ, усталый и разбитый. Пилъ чай и думалъ:

— Во снѣ любилъ Зою, какъ прежде, а на яву... нѣтъ этой любви... Какъ рыдалъ я надъ утопленницей!.. Какое безграничное отчаяніе охватило мою душу, когда я въ этой утопленницѣ неожиданно открылъ Зою!.. А теперь вотъ не плачу и нѣтъ безысходной тоски...

«Прошло» и «не было»—равны между собой... Все, что прошло—сонъ, радостный или мрачный. И радость прошлаго, какъ и печаль его—только эхо, только отраженіе... Быть можетъ, если бы Зоя утонула въ ту пору,

когда я горѣлъ въ сладкомъ трепетѣ любви къ ней, я теперь только съ грустью подумалъ бы о прошломъ и не могъ бы пережить той глубины темнаго отчаянія, какую пережилъ во снѣ. Гдѣ же различіе между сномъ и прошлымъ?..

Я старался вспомнить всѣ подробности сна, но онъ не поддавался, и оставалась грусть о томъ, что нѣтъ потерянной грусти и нѣтъ пережитыхъ страданій... Захотѣлось мнѣ вдругъ сказать объ этомъ людямъ, схватила душу горячка вдохновенія, въ головѣ смутно зарѣяли слова и образы, облекаясь въ элегическую музыку ритма. Я схватилъ бумагу и перо, и рука проворно забѣгала, едва поспѣвая за рождающимся стихомъ...

Вотъ и стихи!.. Перечиталъ, сдѣлалъ нѣсколько поправокъ и снова прочиталъ вслухъ... Трогательно: на глазахъ слезы... Странно: самъ написалъ и самъ же плачу! Вѣдь все это неправда, сонъ?.. Онъ далъ тему и навѣялъ въ яркихъ образахъ грусть о ничтожествѣ всего человѣческаго... Словно во снѣ написалъ я это стихотвореніе... Какъ его назвать?..

— Все—какъ сонъ и все—какъ дымъ... Такъ и назову!.. «Все—какъ сонъ и все—какъ дымъ...»

Прекрасное стихотвореніе! Надо послать его въ журналъ... Сейчасъ же послать! Загорѣлось, не могу медлить ни одной секунды... Переписываю на-чисто, дѣлаю кляксы или ошибки, рву бумагу, пишу снова: некрасиво, опять рву... На полу клочки бумаги, чернильныя пятна, на вязанной скатерти—пролитыя чернила... Ахъ, чортъ!.. забылъ подписаться... Рву конвертъ, четко подписываю «Геннадій Тархановъ», снова заклеиваю и съ вдохновеннымъ лицомъ стремлюсь на почту... Чувствую себя совсѣмъ особенно, какъ еще никогда до сихъ поръ не чувствовалъ: таится во мнѣ какая-то особенная, кротко-ласковая гордость ко всему окружающему... Вотъ я иду

по этому захудалому, ничтожному городку и никто не подозрѣваетъ, что это идетъ поэтъ Геннадій Тархановъ... Я снисходительно смотрѣлъ на домики, встрѣчныхъ жителей, унылыхъ собакъ, я даже не обидѣлся, когда какая-то женщина догнала меня и спросила:

— Ты дьяконъ, что ли?

— Нѣтъ, голубушка... Къ сожалѣнію, не дьяконъ...

— А мнѣ показалось издали-то... Волосья-то у тебя долгіе же...

— Негдѣ, голубушка, постричься...

Дьяконъ... Поэтъ Тархановъ, а она—дьяконъ!.. Эхъ, простота!..

— А шуба-то у него похожая же на твою, вотъ я и промахнулась...

На почтѣ мое письмо въ редакцію журнала произвело внушительное впечатлѣніе. Тотъ же чиновникъ, который говоритъ «до свиданья!», прочитавъ адресъ, осмотрѣлся и шопотомъ сказалъ:

— Хорошенько всѣхъ ихъ надо!..

— Кого?..

— Всѣхъ! Они боятся корреспондентовъ, какъ огня... Всегда заказнымъ посылайте!..

Опять оглянулся, подалъ расписку и сказалъ:

— У меня хорошій матерьялецъ есть... Какъ-нибудь при случаѣ... Вы гдѣ квартируете?..

Я отвѣтилъ, но послышались шаги въ дальней комнатѣ, и чиновникъ сухо бросилъ:

— До свиданья-съ!..

То дьяконъ, то корреспондентъ... Отлично, пусть дьяконъ!.. Теперь спокойно: письмо отправлено. Возвращаюсь съ почты медленнымъ, солиднымъ шагомъ, а на душѣ такъ свѣтло и радостно, что хочется разбѣжаться и покатиться, какъ на конькахъ, по скользкому обмерзлому тротуару... Ярко сверкаетъ солнышко, горятъ алма-

зами крыши домовъ, накрытыя чистенькими скатертями за ночь выпавшаго снѣга, мохнатятся колючимъ инеемъ деревья за заборами, хрустятъ подъ ногами тротуарныя доски... Хочется итти и притопывать. Крѣпко отбиваю шаги,—на всю улицу слышно, что человѣкъ идетъ... Это выходитъ такъ значительно... Прислушиваюсь къ звуку своихъ шаговъ, и мнѣ кажется, что они выговариваютъ:

Поэтъ-Тархановъ!
Поэтъ-Тархановъ!

Удивительно радостный день; даже улица улыбается! Гдѣ-то звенятъ колокольчики, все ближе и ближе. Пріятный звонъ. Кто-то куда-то поѣхалъ... Изъ-за угла вывернулась тройка гусемъ, съ расписной дугой, и вынырнулъ кузовъ обитаго рогожей возка; ямщикъ съ мѣдной бляхой на гречушникѣ хлопнулъ, какъ пастухъ, длиннымъ кнутомъ, и тройка, словно длинный поѣздъ, поплыла мимо меня; блеснули въ возкѣ золотыя пуговицы, золотой гербъ на шапкѣ; путникъ посмотрѣлъ въ мою сторону и отдалъ честь... Странно. Я неувѣренно взялся за шапку... оглянулся вокругъ: быть можетъ, не мнѣ честь, а кому-нибудь другому? Никого не видать. Значитъ, мнѣ... Тройка проѣхала и свернула за уголъ, а колокольчики все пѣли, и отъ этой музыки рождались какія-то смутныя воспоминанія, далекія, обвѣянныя тревожной грустью. Захотѣлось куда-то ѣхать и почувствовалось одиночество... Когда я свернулъ за тотъ же уголъ, я наткнулся на жителя въ задумчивой позѣ; остановившись посреди тротуара, онъ провожалъ взорами чуть видную уже въ перспективѣ улицы тройку... Я вопросительно взглянулъ на жителя, а онъ вздохнулъ и сказалъ:

— Г. исправникъ куда-то поѣхали!..

Покачалъ головою и медленно пошелъ своей дорогой.

Исправникъ... Да, конечно... То-то знакомое лицо, осо-

бенно эти усы съ завитками, бравые усы подъ императора Александра II... Почему, однако, вздохнулъ мѣщанинъ въ шубѣ съ воротникомъ шалью? Любитъ мѣщанинъ начальство! Съ какимъ трогательнымъ и элегическимъ выраженіемъ на лицѣ смотрѣлъ онъ вслѣдъ исчезающему исправнику и какъ вздохнулъ!.. Мнѣ хотѣлось утѣшить его и сказать:

— Не грусти! Исправникъ вернется, вѣрь мнѣ!—и еще не разъ пошлетъ тебя къ чортовой матери и, быть можетъ, еще побьетъ тебѣ морду... или посадитъ тебя въ клоповникъ... Не грусти, родной мой: онъ вернется!..

Встрѣтилъ еще барыню, ту самую, которая обругала меня «мечтателемъ» и указала, какъ и гдѣ слѣдуетъ мечтать. Мы взглянули другъ на друга и пріятно улыбнулись. Словно давно-давно знакомые. Я постарался съ преувеличенной почтительностью уступить ей дорогу, и барыня просто растаяла отъ удовольствія, а я въ огонь этого удовольствія подлилъ еще маслица:

— Мадамъ, вы не знаете, кто это сейчасъ проѣхалъ на тройкѣ?

— Исправникъ! Нашъ исправникъ... Илья Захарычъ!..

— Вотъ какъ, исправникъ!..

— Да, да!.. Онъ, Илья Захарычъ.

— Мерси, мадамъ!.. вы такъ любезны.

— Не стоитъ... Очень рада!..

Очаровалъ окончательно: когда я оглянулся вслѣдъ барынѣ, она стояла и, какъ мѣщанинъ — исправника, провожала меня восхищеннымъ взглядомъ. Я приподнялъ шапку и пошелъ дальше. Было весело и хотѣлось смѣяться. Домой не тянуло. Куда бы это пойти?.. Въ коммуну! Поговорить съ татарочкой, княжной Разгильдяевой, которую видѣлъ во снѣ въ видѣ женщины-дельфина, съ миловидной Парашей, такъ увѣренно и осно-

вательно постукивающей каблучками, съ напѣвной рѣчью, съ дразнящей зубами улыбкой. Такъ-то оно такъ, только вѣдь дѣло не обойдется безъ добродѣтельныхъ супруговъ Куренковыхъ, пожалуй, еще и безъ Марьи Петровны, а отъ нихъ проходитъ веселое настроеніе и вгоняетъ въ сонливую апатію. Бѣдная Козочка, тебя, кажется, замаяли «самоусовершенствованіемъ» и «саморазвитіемъ». Не даютъ попрыгать. А попрыгать такъ хочется—это видно, когда ты остаешься въ комнатѣ безъ надзора: то вырвется смѣшокъ, то ребячья шалость, то балетное па... Вотъ Параша, та себѣ на умѣ...

— Эй, енотовый баринъ!

— Касьяша!

— Гдѣ ты, енотовый баринъ, бѣгаешь? Сегодня твоя очередь посуду мыть.

— Какъ! Какую посуду? Зачѣмъ?

— Обыкновенную, чайную и обѣденную: стаканы, чашки и плошки, тарелки, ножи и ложки... Даже стихами вышло!.. Послушай, братецъ, не твои ли это стихи были напечатаны въ прошломъ году въ журналѣ?... въ какомъ-то журналѣ...

— А что, плохіе?

— Значитъ, твои?..

— Значитъ...

— Ахъ, ты!.. Вотъ не ожидалъ... Поздравляю!.. Не врешь?

— Не вру. У меня много... Я пишу давно уже, въ тюрьмѣ Казанской началъ.

— Есть еще напечатанные?

— Нѣтъ. Пока нѣтъ... Но, думаю, что скоро еще прочитаешь...

Касьяновъ былъ пораженъ. Нѣкоторое время мы шли молча...

— Поэтъ, чортъ тебя не ѣшь!..—вымолвилъ, нако-

нецъ, Касьяновъ и съ какимъ-то любопытствомъ оглядѣлъ меня съ ногъ до головы.

— Вотъ тебѣ и енотовый баринъ!.. Поэтъ, чортовъ сынъ, неумытое рыло... А посуду, братецъ, все-таки придется мыть, ничего не подѣлаешь. Одно другому не мѣшаетъ...

— По-моему, это—дѣло бабье...

— Да и по-моему тоже... Но въ чужой монастырь со своимъ уставомъ не ходятъ... Попробуй-ка копнуть этотъ устой коммуны, какъ тебя раздѣлаютъ Куренковъ и женщины!.. Я однажды пошутилъ на эту тему, такъ потомъ три дня подъ рядъ всю посуду мылъ. Эпитемью наложили... Грѣхъ совершилъ противъ равноправія, выказалъ половой деспотизмъ, эгоизмъ, оскорбилъ и унизилъ женщинъ вообще и нашихъ въ частности...

— Если бы я зналъ это, отказался бы отъ обѣдовъ въ коммунѣ...

— Да ты не бойся: дѣло грязное, но несложное... Затѣмъ—Параша: она жалостливая, всегда помогаетъ и при этомъ еще пѣсенки поетъ!..

— Да вѣдь ты кухонный мужикъ! твое это дѣло—мыть посуду!

— Кухонный мужикъ—не судомойка, братецъ... Я дрова колю, воду ношу, печь затапливаю, сливки съ горшковъ слизываю... Вотъ, братъ, было дѣло...

И Касьяновъ съ хохотомъ началъ разсказывать, какъ однажды былъ пойманъ Куренковымъ на мѣстѣ преступленія.

— Вылѣзъ я съ молокомъ изъ погреба, поставилъ горшокъ съ устоемъ, чтобы дверцу закрыть, и соблазнился: взялъ да этакъ указательнымъ пальчикомъ вокругъ да около... Сдѣлаю окружность и въ ротъ!.. И вдругъ вижу: торчитъ бородка и носъ съ очками, качается укоризненно...

— Какое свинство! Какое свинство!.. Баринъ!..

И исчезла голова. Долго я стоялъ въ оцѣпенѣніи съ горшкомъ въ рукахъ. Не могу въ комнаты итти и кончено. Боюсь, ей-Богу! Однако, итти надо... Вздохнулъ я тихо; поджавъ хвостъ, иду съ горшкомъ въ кухню... Слышу, въ залѣ крикъ и негодованіе толпы... Насплетничалъ, чортова перечница!..

— Такихъ надо гнать изъ коммуны!.. Баринъ!..

Для Куренкова «баринъ» — единственное и самое язвительное ругательство, а между тѣмъ самъ онъ— мелкопомѣстный дворянинъ и, передавъ брату въ аренду свою землю, чувствуетъ себя пролетаріемъ... Это къ слову. Въ дверяхъ кухни мадамы: Куренкова и Марья Петровна. Рожи злѣе собакъ цѣпныхъ... И начали въ два голоса...

— Самъ съѣмъ! Самъ съѣмъ!—кричу имъ...

— Подло!..

— Нечестно!..

— Вѣрно, но зато вкусно!..

Три дня со мной не разговаривали. А я три дня покупалъ на свои кровныя молоко съ устоемъ и ставилъ на столъ въ общее пользованіе... Два горшка прокисли, никто не желалъ удостоить, а третій выпили...

— Что же, сейчасъ итти и мыть посуду?..

— Сейчасъ ужъ поздно, за тебя Параша старалась... Теперь останешься послѣ обѣда и вымоешь къ завтраму... Да, братъ, это не стихи писать...

— Видѣлъ исправника: на тройкѣ уѣхалъ.

— Уѣхалъ? Вѣрно?..

— Вѣрно. Самъ видѣлъ...

— Вотъ это онъ умно сдѣлалъ... Значитъ, променажъ можно устроить... за черту осѣдлости...

— А наблюдающій?

— Сейчасъ только получилъ трешну и сказалъ: «будьте спокойны»... Главное, чтобы не вздумалось исправнику вызвать, а такъ какъ теперь этого случиться не можетъ, то... «только станетъ немножко смеркаться, буду ждать я ее у окна»...

— Кого?

— Свободу!.. На огородъ, а оттуда задами на лыжахъ за черту осѣдлости, въ царство снѣговъ, лѣсовъ и мятелей!.. Да не одинъ, а съ Парашей... Ее манятъ сугробы и лѣса, мы съ ней однажды всю ночь плутали, чуть не замерзли ..

— А лыжи есть?.. Я тоже хотѣлъ бы съ вами...

— Найдутся. Лыжъ много.

— А надзирателя не боишься?

— У него жена больна: второй день разрѣшается отъ бремени.

— Откуда такія подробности?

— Отъ г. наблюдающаго... Надзирателю теперь не до политики... Все, братъ, намъ покровительствуетъ. Надо пользоваться: жена надзирателя, вѣдь, родитъ не болѣе одного раза въ годъ...

— А Гришеньку возьмемъ?..

— Не пойдетъ. Все учится... Вотъ она, любовь-то, что дѣлаетъ...

— Къ наукѣ любовь?

— Къ искусствамъ; Гришенька влюбленъ въ княжну Разгильдяеву и, увы, — безнадежно... Онъ думаетъ, что поперекъ дороги стоитъ ему невѣжество и низменное происхожденіе... Вѣдь княжна, а онъ казанскій мѣщанинъ!.. Оба стоятъ за равноправіе, а бѣдняга все-таки мало въ него, видимо, вѣритъ. Однако, парень не безъ гордости: страдаетъ съ достоинствомъ и все ее княжескимъ происхожденіемъ коритъ... Чуть что, сейчасъ:

— Да вѣдь вы—княжны, а мы простые смертные, въ рабствѣ рождены...

— А какъ Козочка?

— Не воспламеняется... Рубашку, впрочемъ, ему второй годъ вышиваетъ... Участь у насъ съ нимъ одинаковая: мнѣ Вѣрочка тоже вышиваетъ третій годъ... Эхъ, Пенелопы! Что вы только съ нашимъ братомъ дѣлаете!.. Гриша вонъ латинскія вокабулы зудитъ, все любовь надѣется черезъ аттестатъ зрѣлости завоевать...

— А вообще-то здѣсь, кажется, народъ трезвый, неподверженный любовнымъ лихорадкамъ. Да оно, братъ Касьяша, и лучше!.. Что такое любовь и все прочее? Все—какъ сонъ, и все—какъ дымъ!..

И я съ чувствомъ началъ декламировать свое новое стихотвореніе...

— Угадай, откуда это? — спросилъ я Касьянова, кончивъ стихотвореніе.

— Откуда?.. Что я, неграмотный, что ли?..

— Ну, скажи!

— Изъ Пушкина, конечно...

— Хо-хо-хо, братъ!.. Однако, ты—образованный!..

— Постой, постой!.. Смѣшалъ... У кого же это есть?.. Не Жуковскаго?..

— Еще лучше!.. Нѣтъ, братъ, это — изъ Геннадія Тарханова...

— Врешь!

— Клянусь я первымъ днемъ творенья!..

— Однако, ты наловчился, ей-Богу!.. Поэтъ, честное слово!..

— А вы меня заставляете посуду мыть!.. Не жди благодарности отъ современниковъ...

— Потомство оцѣнитъ!.. Прочитай эти стихи Куренкову! А? Любопытно, что онъ скажетъ...

— Не хочу... Все—какъ сонъ, и все—какъ дымъ!..

— Когда ты такимъ пессимистомъ сдѣлался?..

— Все—какъ сонъ, и все—какъ дымъ!..—твердилъ я, постукивая калошами. А Касьяновъ говорилъ:

— А меня вотъ ничто не беретъ... Пробовалъ я читать Шопенгауэра и—какъ съ гуся вода! Кончилъ «Міръ, какъ воля и представленіе», и написалъ, братъ, тоже стихи... Оно не совсѣмъ складно, зато здорово...

— Стихи?..

— Четверостишіе!.. Какъ оно!.. Дай припомнить...

По Шопенгауэру люди всѣ—скоты,
Но какъ же тогда—я и какъ, о, другъ мой, ты?..
О, кто же мы съ тобой, прекрасная Клодина?
Ну, если всѣ—скоты. мы—лучшая скотина!..

— Здорово?

— Почему Клодина? Какая Клодина?

— Это такъ, для риѳмы... Разумѣлъ я собственно Вѣрочку Игнатовичъ, да никакъ къ ней риѳму не могъ подогнать...

Мы шли и, толкаясь, хохотали на всю улицу...

VI.

Послѣ обѣда поэтъ Тархановъ превратился въ судомойку. Дали мнѣ глухой фартукъ, Параша съ звонкимъ хохотомъ помогала мнѣ превратиться въ женщину, а Козочка жалась къ косяку двери и благоговѣйно смотрѣла на меня, стараясь дѣлать это незамѣтно... Откуда это благоговѣніе? Кажется, въ настоящій моментъ я больше комиченъ, чѣмъ величественъ...

— Ну, готово!.. Теперь засучите рукава и къ лоханя!..

— Это, братъ, не стихи писать!.. — кричитъ Касьяновъ изъ двери...

Ахъ, вотъ въ чемъ дѣло: Касьяновъ уже успѣлъ объ-

явить во всеобщее свѣдѣніе, что я—поэтъ, и поэтому на личикѣ Козочки такое восторженно-удивленно-благоговѣйное выраженіе... А Парашу не проняло. Хохочетъ и говоритъ:

— Посмотрите, люди Божіи!.. Онъ похожъ на акушерку!..

— Почему на акушерку, а не на фельдшерицу?— обиженно спрашиваетъ Марья Петровна.

Ну, опять недоразумѣніе! Параша не можетъ объяснить почему, а Марья Петровна наступаетъ:

— И затѣмъ, развѣ это такъ смѣшно: «акушерка»?..

— Ну, на фельдшерицу, все равно!.. — пытается оправдаться Параша.

— Но вы сказали—на акушерку!.. и захохотали!

— Но что же тутъ обиднаго?..

— Нѣтъ, вы объясните, что тутъ смѣшного? Допустимъ, что—на акушерку, но...

— Плюньте, Марья Петровна!..

— Надо думать о томъ, что говоришь... и надъ чѣмъ смѣешься...

— Въ чемъ тутъ дѣло?—прозвучалъ строгій голосъ Куренкова...

Публика отхлынула отъ дверей; въ кухнѣ остались только мы съ Парашей. Вдали звучали голоса, возбужденно обсуждающіе все ту же исторію, а мы съ Парашей работали. Параша молчала, но по ея румянцамъ, рѣзкимъ движеніямъ и огонькамъ въ глазахъ было видно, что она взволнована, сконфужена, сердится.

— Вотъ ужъ никакъ не ожидалъ, чтобы изъ-за такого пустяка...

— Надоѣли они всѣ мнѣ!—прошептала Параша и выронила на полъ тарелку.

— Разбилась!—проговорила она, и слезы брызнули изъ ея глазъ.

— Параша!.. Пустяки...

Дѣвушка отвернулась, постояла и проворно скрылась. Я остался одинъ и чувствовалъ себя неловко и нехорошо: словно я былъ чужой человѣкъ, который нечаянно сдѣлался свидѣтелемъ домашней интимной ссоры... Такіе серьезные, образованные люди вздорятъ изъза такихъ мелочей!.. Словно малолѣтніе школьники... Странно и какъ-то стыдно...

— А гдѣ Параша?

— Не знаю. Ушла.

— Пусть она извинится передъ Марьей Петровной и кончено!—дѣловито замѣтила жена Куренкова и увидала на полу осколки разбитой тарелки:

— Кто разбилъ?..

— Я.

— Полтинникъ въ кассу!..

— Отлично... Вотъ полтинникъ!..

— Я разбила! Я! — закричала изъ своей комнаты Параша...

— Въ такомъ случаѣ... получите обратно: у насъ нѣтъ кавалеровъ, а есть только товарищи...

Опять я остался одинъ, мылъ сальныя тарелки и предавался печальнымъ размышленіямъ. Незамѣтно какъ-то вошла Козочка и молча и сочувственно стала помогать мнѣ.

— Бросьте!.. Я сдѣлаю.

— Нѣтъ! Боюсь Марьи Петровны.

— Правда?—спросила Козочка и вскинула на меня удивленный взглядъ. Я кивнулъ головой, а Козочка, старательно протирая посуду, тихо говорила:

— Знаете, я тоже боюсь ея... Она такая... строгая... А это правда, что вы поэтъ?

— Пишу...

— Стихи?..

— И стихи, и прозу.

— Романы?

— Не романы, а разсказы, очерки... Можетъ быть, когда-нибудь напишу и романъ...

— Значитъ, писатель?

Козочка даже застыла отъ неожиданнаго открытія...

— Пока—не писатель... Начинающій!.. Богъ знаетъ, что еще выйдетъ...

— А вы съ писателями знакомы?.. Съ Короленкой знакомы?..

— Да. Я его видѣлъ.

— Видѣли? Короленку?—почти закричала Козочка, и вторая тарелка покатилась на полъ и жалобно зазвенѣла осколками...

— Разбилась!..

Мы подбирали осколки и продолжали разговаривать.

— Какой вы счастливый!.. Видѣли Короленку... Ахъ, «Сонъ Макара»...

— Кто разбилъ?

— Я отдамъ, отдамъ!.. Не сердитесь!..—предупредила Козочка.

— Что это сегодня у насъ?.. Этакъ вы, господа, всю посуду переколотите...

— Я отдамъ, отдамъ!.. Знаете, Анна Григорьевна, Тархановъ знакомъ съ Короленкой!

— Съ Владимиромъ Короленкой? — недовѣрчиво спросила жена Куренкова.

— Да, да!..

— Какимъ это образомъ?

Въ голосѣ Анны Григорьевны опять слышалось недовѣріе, и мнѣ не хотѣлось разсказывать.

— Интересно, какъ же могло это случиться?..

— Какъ-нибудь разскажу, а теперь надо кончить эту грязную исторію...

— Какую грязную исторію?

— Да вотъ... съ посудой-то!..

— Скажите, пожалуйста!.. Какой бѣлоручка... Дѣйствительно, енотовый баринъ!

— Я не отказываюсь, но... не могу врать, что занятіе это мнѣ нравится.

— Вотъ въ томъ-то и дѣло... Мы, культурные люди, забрали себѣ всю пріятную и легкую работу, а весь тяжелый и непріятный трудъ взвалили на спину народа...

И Анна Григорьевна начала большой и серьезный разговоръ о трудѣ, прессѣ, народѣ и интеллигенціи. Все, что она говорила, я давно зналъ, читалъ и штудировалъ, и мнѣ было скучно ее слушать. Дошло до будущаго соціальнаго строя, до осуществленія идеаловъ соціализма...

— Ну, а поэты и писатели, Анна Григорьевна, будутъ и тогда мыть тарелки?—наивно спросила вдругъ Козочка.

— Одно нисколько не мѣшаетъ другому... При этомъ надо помнить, что машина поможетъ человѣку освободиться отъ тяжелаго труда, а непріятный сдѣлаетъ пріятнымъ...

Повернулась и ушла. Я вздохнулъ и снова принялся за работу. Козочка не отставала отъ меня, засыпая вопросами о Короленкѣ и о писателяхъ.

— Ахъ, если бы я когда-нибудь увидала Короленку!..

— Опять разобьете тарелку!

— Пускай!.. Я поклоняюсь ему... Онъ вѣдь тоже—политическій...

— Конечно... Недавно вернулся изъ Сибири...

Я, говоря между нами, только одинъ разъ видѣлъ Короленку и то мелькомъ, не сказалъ съ нимъ двухъ словъ и, конечно, Короленко теперь и не подозрѣвалъ о

моемъ существованіи на свѣтѣ. Но мнѣ казалось, что мы съ Короленкой знакомы, и это рождало во мнѣ сознаніе какой-то особенной тайной близости къ литературѣ и окрыляло надеждами, что когда-нибудь исполнится моя завѣтная мечта, и люди будутъ говорить:

— «Читали послѣднюю повѣсть Геннадія Тарханова?..»

— «Какъ же! Первымъ долгомъ прочиталъ...»

— «Ну, какъ находите? Хорошо вѣдь?..»

— «Огромный талантъ!..»

— «Да, это писатель большой... настоящій!»

— Вы очень похожи на писателя!..

— Что вы говорите, Козочка?

— Я какъ увидала васъ, такъ и подумала: «похожъ на какого-то писателя».

Такъ до конца грязной работы мы и говорили все на ту же тему и незамѣтно кончили работу. А когда вышли въ нейтральную комнату, здѣсь происходила трогательная картина: Марья Петровна цѣловалась съ Парашей, а всѣ другіе радостно смѣялись. Не знаю, почему: отъ трогательности ли этой картины примиренія, или просто отъ вѣчно приподнятыхъ нервовъ, я почувствовалъ на глазахъ слезы и отвернулся къ окну...

«Вотъ ужъ это глупо!»—думалъ я про свои слезы, а онѣ текли и щекотали щеки.

— А Тархановъ плачетъ!—громко объявилъ вдругъ Сережа и сталъ дергать меня за руку.

— Ты плачешь?.. Ааа, плачетъ!.. Политическій, а плачетъ...

— Отвяжись, Сережа!..

— Господа!.. Онъ политическій, а плачетъ...

Слава Богу, что за общимъ шумомъ и радостнымъ смѣхомъ и шутками никто не обратилъ вниманія на Сережины выкрики. Я отеръ рукой щеки и тоже за-

смѣялся. Такъ легко и хорошо вдругъ почувствовалось среди близкихъ, родственныхъ людей, что готовъ былъ обнять Марью Петровну и Куренкова, и всѣхъ расцѣловать по-братски. Вмѣсто этого я схватилъ Сережу и подбросилъ къ потолку.

— Давай, я сяду верхомъ на твою ногу, а ты качай!..

— Ну, валяй!..

Сережа вскочилъ на мое колѣно и крикнулъ, ударивъ меня по ногѣ:

— Нно, скачи!.. Въ галопъ!.. Гопъ-гопъ!..

Касьяновъ получилъ въ это утро письмо, и теперь то и дѣло вынималъ его изъ кармана, перечитывалъ, пряталъ и козломъ прыгалъ по комнатѣ. Однако, это легкомысліе не казалось теперь непріятнымъ даже Куренкову. Касьяновъ словно опьянѣлъ отъ какой-то тайной радости, и она изливалась въ ласкахъ и милыхъ шуткахъ на всѣхъ окружающихъ: подходя къ Марьѣ Петровнѣ, онъ становился въ позу и пѣлъ:

Люблю ли тебя,—я не зна-аю,
Но кажется мнѣ, что люблю...

Марья Петровна бросила «убирайтесь!», тогда Касьяновъ поворачивался къ Козочкѣ и продолжалъ, простирая къ ней руки:

Мнѣ станъ твой понравился гибкій
И весь твой задумчивый видъ!..

Въ этотъ моментъ въ комнату заглянулъ г. наблюдающій, и Касьяновъ, измѣнивъ позицію, превратился въ Мефистофеля и гулкимъ басомъ запѣлъ:

Выходи, о, другъ мой милый,
Билъ свиданья часъ, билъ свиданья ча-а-асъ!..

И всѣ мы покатились со смѣху...

— На пару словъ!..

— Входите, г. наблюдающій, Спартака здѣсь нѣтъ...

— Нѣтъ, на пару словъ... Кого-нибудь изъ мужчинъ!..

— Непремѣнно—мужчину? Это становится любопытнымъ...

— Идите вы, Касьяновъ!..

Касьяновъ вышелъ въ переднюю и вступилъ въ переговоры, а мы притихли и вслушивались въ голоса за притворенной дверью. Наблюдающій говорилъ тихо и лѧсково, а Касьяновъ что-то куражился... Въ чемъ дѣло?.. Отворилась дверь, появился съ торжествующей улыбочкой Касьяновъ. Плотно притворивъ за собою дверь, онъ началъ шопотомъ:

— Хотя потребовался мужчина, но... шерше ля фамъ!.. Марья Петровна оказалась пророкомъ въ своемъ отечествѣ: жена нашего надзирателя думаетъ подарить міръ новымъ человѣкомъ и... желаетъ свершить сіе патріотическое дѣло при помощи васъ, Марья Петровна!..

— Что такое? Говорите по-человѣчески!

— Въ чемъ дѣло?!

Мы плотнымъ кольцомъ окружили Касьянова, и онъ разсказалъ по-человѣчески. Случилось почти такъ, какъ мечтала Марья Петровна: одна акушерка уѣхала изъ города, а другую жена надзирателя ненавидѣла, и вотъ прибылъ наблюдающій и проситъ «политическую акушерку...» Вопросъ принципіальный.

— А главное—«прецедентъ»!.. Надо имъ воспользоваться...

— Охота пачкаться съ полиціей!—замѣтилъ Гришенька.—Никогда бы не согласился...

— Что же, если, напримѣръ, зовутъ врача къ жандарму, то, по-вашему, нельзя подать ему медицинскую помощь?—бросилъ Гришенькѣ Куренковъ...

— Профессіональная этика не дѣлаетъ такихъ различій: я обязана итти,—неувѣренно вставила Марья Петровна.

— Если для васъ этика выше всего прочаго, то...

— Позвольте, господа!.. Ну, а допустимъ, что кто-нибудь изъ насъ, политическихъ, оказался въ такомъ положеніи, а имѣющаяся акушерка оказалась бы нашимъ политическимъ врагомъ... Какъ заговорили бы мы...

Начался горячій споръ. Непримиримыми оказались только сынъ Куренкова и Гришенька. Остальные разрѣшили.

— На этику наплевать, а главное—«прецедентъ», которымъ надо воспользоваться для расширенія своихъ правъ. Я смотрю исключительно съ утилитарной точки зрѣнія и говорю: Марья Петровна, пользуйтесь этимъ случаемъ! Не каждый день жена надзирателя родитъ... —повторялъ Касьяновъ.

— Пусть, въ такомъ случаѣ, исправникъ дастъ бумажку, что разрѣшаетъ...

— Исправникъ уѣхалъ.

— Ну, помощникъ исправника... Это все равно...

— Вотъ это—дѣльно... Пусть напишетъ, что препятствій не имѣется...

— Такъ я пойду...—съ едва скрываемой радостью сказала Марья Петровна и черезъ пять минутъ появилась съ чемоданчикомъ въ рукѣ, взволнованная и сіяющая..

— Съ Богомъ!

— Желаю вамъ воспріять шпіона или провокатора!.. —напутствовалъ ее Гришенька...

— Сперва—къ помощнику исправника, а потомъ ужъ на мѣсто преступленія.

Марья Петровна вышла, а мы смотрѣли на нее въ окна.

— Вонъ какъ торопится, словно увѣрена, что родится Бокль или Чернышевскій!..—острилъ Гришенька.

— Случается... Мы не знаемъ... Бываетъ, что отъ честныхъ людей рождаются прохвосты, а отъ прохвостовъ—честные... У меня у самого дѣдушка былъ городничимъ, однако, это не помѣшало мнѣ...—проворчалъ Куренковъ...

— Сдѣлаться Боклемъ?—спросилъ сынъ.

Куренковъ пріостановился, посмотрѣлъ черезъ очки на сына и сказалъ:

— Неизвѣстно, голубчикъ, что еще изъ тебя самого-то выйдетъ. Ты еще молодъ и пока ничѣмъ себя не заявилъ, кромѣ...

— Когда-нибудь заявлю...

— Ну, тогда будетъ другой разговоръ.

Послѣдовало молчаніе, которое нарушилъ, какъ всегда, самымъ неожиданнымъ вопросомъ Сережа, все время слушавшій нашъ принципіальный разговоръ.

— Почему у насъ мало дѣтей?.. Скучно, не съ кѣмъ играть...

— Довольно, вполнѣ довольно! — отвѣтилъ хмуро отецъ.

— Ладно тебѣ: васъ много, вамъ весело...

— На улицѣ ребятъ много, иди и играй...

— Они не политическіе...

— А тебѣ не все равно?..

— Ругаются... Одинъ мальчишка сказалъ, что я—каторжникъ...

— А ты сказалъ бы ему: «дуракъ!»

— Ай-ай!.. Самъ говоришь, что ругаться нехорошо, а самъ учишь,—отвѣтилъ отцу Сережа, и всѣ засмѣялись.

— Говоримъ одно, а дѣлаемъ другое!..—тихо произнесъ Петръ Куренковъ.

Отецъ сдѣлалъ туръ по комнатѣ и вышелъ, а Гришенька грустно такъ сказалъ:

— Говоримъ много, а ровно ничего не дѣлаемъ... А можно бы!.. Если бы я былъ образованнымъ человѣкомъ, я и здѣсь нашелъ бы дѣло... Въ своемъ соку варимся... Книги—книгами, а вѣдь кругомъ—люди... Я вотъ живу у сапожника, около простого люда... Вижу!.. Темнота и голодъ по свѣту-разуму... А мы вотъ тутъ книгами объѣдаемся да разговорами умными...

— А на что г. наблюдающій?

— Волковъ бояться—въ лѣсъ не ходить.

— Нечего здѣсь дѣлать... Изъ пушекъ по воробьямъ не стрѣляютъ!—загадочно вымолвилъ Петръ Куренковъ и неподвижно уставился въ окно, словно онъ видѣлъ тамъ далекую перспективу будущаго и находилъ тамъ свое предопредѣленное мѣсто... Долго его тяжелый, напряженный взглядъ оставался неподвижнымъ и грустнымъ, потомъ вдругъ на губахъ скользнула улыбка, странная улыбка человѣка, разгадавшаго свою собственную тайну, и онъ, утвердительно качнувъ головой, отвернулся отъ окна и протянулъ:

— Да-а!..

Меня давно уже интересовалъ этотъ юноша съ страдальческой миной на лицѣ. Было въ немъ что-то притягательно-нѣжное, кроткое, мягкое въ движеніяхъ и жестахъ, было изящество и одухотворенность, была какая-то особенная красота въ лицѣ, и какая-то тайна пряталась всегда въ его глазахъ, въ голосѣ, въ недоговоренныхъ фразахъ, въ опущенной головѣ. Иногда мнѣ хотѣлось поближе подойти къ этому юношѣ, къ его замкнутой душѣ, но это не удавалось: не раскрывалась его душа, и онъ всегда казался что-то потерявшимъ и ду-

мающимъ, какъ и гдѣ найти потерянное... Говорилъ, а глаза не участвовали и оставались попрежнему безучастно-грустными...

— Въ Парашу влюбленъ,—объяснялъ Касьяновъ.

— Незамѣтно что-то.

— Вѣрно! У насъ два безнадежныхъ романа: княжна Разгильдяева и казанскій мѣщанинъ Григорій Ивановичъ Ивановъ, а вторая пара—Петръ Куренковъ и Параша... А незамѣтно, такъ это отъ строгости нашего устава... Романы у насъ презираются, а любовь, по выраженію Марьи Петровны,—ловушка природы и физіологія... А мы—критически-мыслящія личности и, стало быть, выше всѣхъ этихъ предразсудковъ. Тайный порокъ, братецъ!

Теперь я приглядывался къ обѣимъ парамъ и старался найти подтвержденіе словамъ Касьянова. Гришенька изрѣдка поднимаетъ взоры на Козочку и торопливо опускаетъ ихъ въ землю и отворачивается, а Петръ даже не смотритъ на Парашу, избѣгаетъ встрѣчъ и разговоровъ...

Когда мы расходились изъ коммуны по домамъ, я сказалъ о результатѣ своихъ наблюденій Касьянову:

— Врешь. Ничего незамѣтно.

— Законспирировались, братъ, окончательно... Поживешь подольше, самъ увидишь... А вотъ я такъ не могу, братъ!.. Не могу прятать отъ людей ни тоски, ни радости... Съ утра хочется сказать всему міру, что я...

Касьяновъ оглянулся по сторонамъ, склонился ко мнѣ и сказалъ:

— Женюсь, братецъ!..

Я остановился даже, такъ меня поразило это извѣстіе. А Касьяновъ смотрѣлъ на меня героемъ и съ торжествующимъ смѣхомъ спрашивалъ:

— Не вѣришь?.. Не вѣришь?.. Клянусь тебѣ!..

Касьяновъ опять повелъ взоромъ и перекрестился на выглядывавшій синими куполами изъ-за крышъ соборъ.

— Да вѣдь ты, насколько мнѣ извѣстно, атеистъ, а между тѣмъ призываешь во свидѣтели...

— Вотъ, братъ! — почти кричалъ Касьяновъ, потрясая выхваченнымъ изъ кармана письмомъ.

— На комъ, по крайней мѣрѣ, ты женишься?

— Вотъ вопросъ!.. На Вѣрѣ!.. Я, братъ, вѣренъ ей до послѣдней капли моей крови...

— Но вѣдь она...

— Побѣдилъ, братъ!.. Между нами говоря, вѣдь ты, негодяй, всталъ тогда мнѣ поперекъ дороги. Донъ-Жуанъ испанскій!..

— Я?..

— Смотри, братъ, если теперь, избави тебя Богъ, ты снова подставишь мнѣ ногу,—къ барьеру!.. Часъ, мѣсто и оружіе!..

— Когда же вы съ ней...

— Мы, вѣдь, попросту, безъ затѣй... Говорить о свободѣ, а самимъ лѣзть въ хомутъ бракосочетанія,—мерсинчики-спасибо!.. Не такъ мы съ ней воспитаны...

— А когда?

— Торопиться некуда. Скоро у ней кончается срокъ ссылки, пріѣдетъ сюда, и тогда...

— Куй желѣзо, пока горячо!—отвѣтилъ я со вздохомъ.

— Я не боюсь... Мое счастье завоевано медленно, но прочно...

— Все—какъ сонъ, и все—какъ дымъ!.. Прощай!..

— Куда же ты? Идемъ ко мнѣ!..

— Нѣтъ. Эхъ, счастливый ты человѣкъ, Васька!.. Когда-то и я вотъ такъ же воображалъ, что...

— Молчать!.. И слушать не желаю... Поди къ чертямъ!.. Пессимистъ проклятый...

— Прощай!..

— Съ Богомъ!..

Мы разошлись въ разныя стороны: одинъ радостный, а другой печальный.

— Откуда эта печаль въ моей душѣ?.. Печаль, перемѣшанная съ ироническимъ отношеніемъ къ чужому счастью?.. Ужъ не зависть ли грызетъ меня при видѣ счастливаго человѣка?.. Нѣтъ, не то...

Все—какъ сонъ, и все—какъ дымъ!..

Я пришелъ домой и валялся въ постели съ закрытыми глазами до самыхъ сумерекъ. А когда за окнами потускнѣло, и оттуда повѣяло одиночествомъ и тоской долгой сѣверной ночи, я испугался тишины въ комнатахъ и поскорѣе зажегъ свою лампу съ абажуромъ въ видѣ танцовщицы... Думалъ, что будетъ веселѣе..: Нѣтъ: одинокій огонекъ въ комнатѣ еще больше подчеркивалъ мое одиночество... Въ душу ползла тягучая тоска, стучались далекія воспоминанія, сны прошлаго. Я ходилъ изъ угла въ уголъ и тихо вытягивалъ фальцетомъ:

Наша жи-знь коротка-а,
Все уноситъ съ собо-ою...
Наша ю-юность, друзья-я,
Пронесется стрѣло-ою.....

Отчего никто меня не любитъ, никто по мнѣ не тоскуетъ, никому я не нуженъ? Ахъ, какъ хотѣлось бы, чтобы кто-то склонился надо мной, нѣжно погладилъ меня по головѣ и съ лаской и любовью сказалъ бы:

— Отчего, мой милый, ты задумчивъ и грустенъ?..

Некому сказать... Некому!.. Одинъ! На всемъ свѣтѣ одинъ... На столѣ лежала любимая книга, развернулъ:

засохшій василекъ посмотрѣлъ на меня поблекшимъ синимъ глазкомъ... Я опустилъ глаза и долго, не отрываясь, смотрѣлъ на увядшій цвѣтокъ, а въ душѣ, какъ далекая грустная музыка, звучала элегія радостно-мучительныхъ сновъ прошлаго...

Наша жи-изнь коротка-аа,
Все уноситъ съ собо-ою...

— Не скулите, пожалуйста, Енадій Николаичъ, у насъ—спятъ...

— Спятъ? Такъ рано?..

— Одиннадцатый...

— Не можетъ быть?..

— Вы, почитай, цѣльный часъ скулите... Я слушала-слушала, да и... Извините ужъ...

— Ничего!.. Не буду скулить...

— Спокойной ночи, пріятныхъ сновъ!.. Видѣть жасминъ, цѣловать, кто милъ!..

— Чувствительно тронутъ...

VII.

День былъ яркій, блистающій. Трудно было смотрѣть на сверкающее алмазами снѣжное поле. Опять рѣзкій контрастъ: морозецъ, а солнышко расточаетъ горячія ласки и веселыя улыбки, небеса сини, воздухъ прозраченъ и звученъ, горизонты рѣзко очерчены. Тихо-тихо, только слышно, какъ скрипитъ снѣгъ подъ лыжами и какъ визжатъ острыя лыжныя палки, вонзаясь въ снѣговую корку... Какъ вереница гусей, скользимъ мы другъ за другомъ, а на снѣгу бѣгутъ съ нами фіолетовыя тѣни, смѣшныя такія тѣни... Непроходимые снѣга и сугробы похожи на снѣжное море, а мы—на смѣлыхъ мореплавателей... Какое это наслажденіе—чувствовать себя побѣдителемъ снѣжныхъ сугробовъ, похожихъ на

морскія волны, овраговъ, подобныхъ морскимъ пучинамъ, и безконечныхъ бѣлыхъ сверкающихъ равнинъ... Нѣтъ преградъ твоему желанію плыть ко всѣмъ горизонтамъ!.. Бѣгутъ по снѣгу фіолетовыя тѣни, махаютъ руками, покачиваются, и такой пріятный скрипъ звенитъ въ бѣломъ заколдованномъ царствѣ молчаливыхъ снѣговъ. Впереди—Касьяновъ. Онъ—въ оленьей шапкѣ съ болтающимися ушами, въ короткомъ тулупчикѣ, высокихъ валеныхъ сапогахъ, въ мужицкихъ рукавицахъ; высокая фигура его и крѣпкая спина напоминаютъ о древнемъ человѣкѣ славянскаго племени... Богатырь, да и только!.. Красиво пригнувшись, онъ словно преслѣдуетъ вепря, быстро уходя все впередъ и впередъ...

— Касьяновъ!.. Погоди... насъ!..

Не слышитъ.

— Ухъ, я устала!.. Не могу... Дайте отдохнуть...

Я былъ радъ, что Параша просится отдохнуть, потому что и самъ терялъ силы, стараясь нагнать быстроногаго Касьянова... Мы остановились и посмотрѣли другъ на друга. Было радостно на душѣ, грудь жадно вдыхала чистый, какъ родниковая вода, воздухъ, горѣло лицо и все тѣло, и хотѣлось сбросить съ головы шапку, упасть въ мягкій сугробъ и ѣсть бѣлый, какъ сахаръ, снѣгъ...

— Уфъ... Какъ хорошо!..—прошептала Параша и засмѣялась...

Я смотрѣлъ на ея раскраснѣвшееся личико, смѣющіеся радостью жизни и здоровья каріе глаза и думалъ: «какая миленькая, здоровая и радостная дѣвушка! Смотришь на нее, и самому дѣлается весело, и самъ чувствуешь въ себѣ силу, здоровье и непреодолимую жажду жить и радоваться жизни!..»

Вотъ на ней бы слѣдовало жениться Касьянову: была бы такая рѣдкая парочка...»

— Кась-яновъ!—закричала Параша, и ея пѣвучій контральтовый голосокъ полетѣлъ по снѣжному морю и догналъ Касьянова; тотъ пріостановился и оглянулся, воткнулъ палки въ снѣгъ, разставилъ ноги и сталъ въ выжидательную позу...

— Медвѣдь!.. Развѣ за нимъ угонишься?—сказала Параша и погрозила Касьянову кулакомъ. Тотъ помахалъ оленьей шапкой съ ушами...

— А вѣдь красивый парень?..

— Кто?.. Касьяновъ?..—спросила Параша и сдѣлала равнодушное личико.

— Да, онъ...

— Да, ничего... но не въ моемъ вкусѣ.

— А вашъ вкусъ?..

— Мало въ немъ... какъ бы сказать...

Параша замялась, смѣшалась и опустила карiе глаза...

— Міровой скорби, что ли?..

— Мм... не скорби, а... одухотворенности, что ли...

— А какъ вамъ нравится Петръ Куренковъ?..

Параша вскинула на меня глаза и ухмыльнулась.

— Это вамъ интересно?..

— Не находите ли вы, что въ немъ слишкомъ много міровой скорби?..

— Не скажу... Надо ѣхать...

— Надо, чтобы было поровну: міровой радости и міровой скорби...

— Какъ у васъ!—бросила Параша и покатилась по слѣдамъ Касьянова, напоминающимъ далеко убѣгающую пару желѣзнодорожныхъ рельсъ...

Я покатился за Парашей. Смотрѣлъ на приподымающіяся пяточки парашиныхъ ногъ, на ея крѣпкую коренастую фигурку, ловкость въ движеніи и увѣренность въ шагѣ...

«Ей-Богу, она похожа на сибирскую лошадку!—мысленно говорилъ я себѣ и любовался Парашей.—Развѣ во мнѣ міровая скорбь и радость слились въ такой гармоніи, что это ей нравится?.. Зачѣмъ она такъ сказала?»

Была ли это шутка, веселая насмѣшечка, или... У ней не скоро узнаешь. Я свернулъ съ накатанныхъ рельсъ и, поровнявшись, побѣжалъ рядомъ съ Парашей.

— Не обгонять!.. Не позволю...

Параша подставила палку мнѣ подъ ноги, и я не успѣлъ опомниться, какъ стремглавъ полетѣлъ въ сугробъ и зарылся физіономіей... А Параша съ хохотомъ покатилась впередъ, мелькая ножками и палками...

«Вотъ озорница!.. Ну, погоди же, я тебя тоже искупаю въ снѣгу!—сконфуженно, но съ тайнымъ удовольствіемъ ворчалъ я, отряхиваясь отъ облѣпившаго меня снѣга, который ухитрился въ одинъ моментъ залѣзть мнѣ и въ уши, и за шиворотъ, и въ валенки, и въ рукава... А Параша все хохотала и уплывала вмѣстѣ съ прыгающей по снѣгу тѣнью дальше и дальше...

— Догоню... Никуда не убѣжишь... Озорница!.. Вотъ не ожидалъ... Сперва прикинулась тихоней, а теперь...

Нѣтъ, не догонишь... Вонъ она, около Касьянова, разсказываетъ и смѣется. Конечно, все это по моему адресу. Я покатился впередъ, взбудораженный неожиданнымъ поступкомъ дѣвушки, и скоро былъ около Параши.

— Я долженъ отомстить...

— Касьяновъ!.. Защитите!..

— А вотъ я его въ сугробъ головой воткну!..

Касьяновъ побѣжалъ на лыжахъ за мной, а я отъ него, настигъ меня, и оба мы очутились въ мягкомъ сугробѣ, продолжая борьбу... А Параша стояла и хохотала...

Послѣ привала на горѣ, мы двинулись по холмамъ... Замиралъ духъ отъ быстраго движенія съ крутыхъ горъ. Параша взвизгивала и пропадала въ волнахъ сугробовъ, за ней съ дикимъ гоготомъ летѣлъ Касьяновъ, а затѣмъ уже я... Это было похоже на перелеты въ воздухѣ на крыльяхъ и щекотало подъ самое сердце... Такъ мы достигли сосноваго лѣса и двинулись вглубь его. Только на лыжахъ можно увидать всю красоту зимняго лѣса... Волшебная сказка!.. Снѣжные гроты и снѣжныя палатки подъ огромными елями и соснами, таинственныя двери въ угрюмыя аллеи неожиданности, узоры, кружева и мохнатыя гирлянды...

— Заяцъ! Заяцъ!..

— Ой, испугалась...

Параша остановилась, выронила палку и прислонилась къ дереву. Я чуть было не налетѣлъ на нее и... произошло невольное объятіе... Мелькнула дерзкая мысль— поцѣловать Парашу, и былъ моментъ, когда я готовъ былъ исполнить эту дерзость... Не знаю, что меня удержало... Быть можетъ, свалившаяся съ вѣтвей глыба мягкаго снѣга, покрывшая неожиданно наши головы, отрезвила мой разсудокъ... Параша вскрикнула и схватилась за голову...

Подъѣхалъ Касьяновъ:

— Въ чемъ тутъ у васъ дѣло?.. Ты опять обижаешь Парашу?

— Нѣтъ, нѣтъ... не обижаетъ...

— То-то! Смотри, братъ!

Какъ странно въ тихомъ заколдованномъ царствѣ звучитъ голосокъ Параши...

Да и все какъ-то странно, фантастично.

— Господа, помолчите! Мнѣ хочется послушать эту торжественную тишину...

Притихли, затаились подъ снѣжнымъ шатромъ, оплетенные причудливыми узорами бѣлыхъ гирляндъ и кружевъ... Молчаніе... Ни единаго шороха!..

— Ау-у!—закричала Параша.

Гдѣ-то упала съ вѣтокъ охапка снѣга; въ просвѣтѣ узорнаго окошка въ таинственную глубину, словно пыль подъ лучемъ солнца, задрожали, переливаясь огоньками, кристаллы—снѣжинки, и гдѣ-то захлопали крылья напуганной тетерки... Смотрю на лицо Параши, неподвижно вперившей глаза въ лѣсныя глубины, и въ головѣ рождаются и уплываютъ совершенно неожиданныя мысли: «хорошо бы крѣпко сжать и поцѣловать въ губы Парашу!», «Касьяновъ дуракъ, что женится не на Парашѣ, а на Вѣрѣ Игнатовичъ», «Буду ухаживать за Парашей, отъ скуки»...

— Вы что на меня уставились, какъ сычъ?.. Пора возвращаться, а то выйдетъ исторія...

— Исправникъ въ уѣздѣ—разъ, жена полицейскаго надзирателя разрѣшилась отъ бремени—два, Марья Петровна помогла ей въ семъ патріотическомъ подвигѣ—три... Три гарантіи неприкосновенности личности...

— А вотъ это—четыре!—сказалъ я и толкнулъ въ снѣгъ Парашу.

Она упала и разсердилась.

— Какая подлость!.. Изъ-за угла...

— Я отомщенъ!.. Давайте руку!..

— Не надо. Помогите, Касьяновъ!..

Касьяновъ вытащилъ Парашу изъ сугроба и помогъ ей встать на лыжи...

— Всюду снѣгъ... Простужусь вотъ... Безсовѣстный!.. У-у. .—говорила Параша съ сердцемъ, но, погрозивъ кулакомъ, все-таки не могла не улыбнуться.

— Нѣтъ, ей-Богу, это подло, Геннадій Николаевичъ!..

— Простите!.. Я и самъ не успѣлъ взвѣсить своего поступка... Пришло въ голову и... Вы не ушиблись?

— Ушиблась!.. У-у!..

Цѣлый часъ мы плутали по заколдованному царству, блуждая по его узорчатымъ и замысловатымъ коридорамъ, пока, наконецъ, выбрались на опушку.

— Эге, уже прячется солнце...

Мы стояли на вершинѣ горы, предъ крутымъ склономъ въ равнину и смотрѣли на закатъ... По снѣгу протянулись синія, густыя и долговязыя тѣни отъ ближнихъ деревьевъ, да и вся, прежде бѣлая, равнина теперь играла синими и розовыми отсвѣтами, а на далекомъ горизонтѣ разгоралась ярко-пунцовая вечерняя заря...

— Боже мой, какое великолѣпіе!—шептала Параша, съ умиленіемъ посылая улыбку спрятавшемуся солнцу.

Заклубились розовыя и золотыя, фіолетовыя и синія облака, выросли замки и башни съ золотыми зубцами, съ колоннами, съ садами, разлилась широко розовая рѣка подъ ногами замка, поплыли бѣлые лебеди...

— Чудеса Божіи!—умиленно шептала Параша, а на лицѣ ея игралъ розовый отблескъ, и чрезъ пріоткрывшіяся губы сверкали ярко-бѣлые ровные и красивые зубки.

— Да, не оторвешься,—говорилъ я, смотря больше на Парашу, чѣмъ на закатъ. Смотрѣлъ и старался убѣдить себя, что я влюбленъ въ Парашу, что она поразительно красива, что въ ней есть что-то неотразимо-притягательное, влекущее и дразнящее...

— Будетъ ужъ вамъ, господа, сентиментальничать-то, ѣдемъ, что ли!—позѣвнувъ, произнесъ вдругъ Касьяновъ, ловкимъ скачкомъ оттолкнулся и полетѣлъ подъ гору, трепыхая ушами оленьей шапки... Параша очнулась, вздохнула и тихо двинулась...

— Пора... Воздушные замки!..

— Параша!..

— Ну!

— Все это, какъ въ сказкѣ... Я стоялъ и думалъ, что есть въ жизни нашей не то... рокъ, не то судьба... Былъ я за три тысячи верстъ отсюда и не подозрѣвалъ о вашемъ существованіи, а вотъ сейчасъ мы стоимъ рядомъ и словно давно уже знаемъ другъ друга...

И я сталъ говорить красивыми словами красивую неправду, обманывая и себя, и дѣвушку... Зачѣмъ я это дѣлалъ?.. Долго я потомъ думалъ объ этомъ и никакъ не могъ понять. Словно кто-то приказывалъ мнѣ говорить и вѣрить этимъ словамъ...

— Стоимъ рядомъ...—промолвила Параша и удивленно вскинула на меня свои теплые каріе глаза...

— А теперь я буду впереди!—неожиданно кончила она, засмѣялась и покатилась подъ гору.

«Что я разболтался... городилъ чепуху... Никакой тутъ любви нѣтъ, а просто... просто я... скучающій ловеласъ»,—думалъ я, закуривая папиросу...

— Тархановъ! Скорѣе! Я жду: поѣдемъ рядомъ...

— Отлично!..

Я молодцевато скользнулъ подъ гору, покатился, встряхнулся на встрѣчной ложбинкѣ и упалъ. «Такъ мнѣ и надо»... Параша расхохоталась и уѣхала къ Касьянову.

Не везетъ... Упалъ смѣшно, некрасиво, встряхнувъ въ воздухѣ ногами... Сѣлъ, какъ въ лужу...

Ненавидѣлъ я себя въ этотъ моментъ. Презиралъ. И сердился за что-то на Парашу.

Самая обыкновенная, нормальная дѣвица!..

Когда мы приближались къ Грязовску, тамъ мигали красноватые огоньки и лаяли собаки. Всѣ мы устали, сдѣлались молчаливыми, и всякій думалъ о своемъ. По-

казавшійся городокъ словно разъединилъ наши души, успѣвшія, казалось, сродниться въ далекомъ путешествіи съ приключеніями. Быть можетъ, огоньки города напомнили намъ о томъ, что наша свобода—призрачна, что мы попрежнему привязаны къ этимъ огонькамъ, надолго и крѣпко...

Быть можетъ, эти вздрагивающіе огоньки каждому изъ насъ напомнили о томъ, что гдѣ-то, далеко-далеко, за нѣсколько тысячъ верстъ отсюда, такъ же вспыхиваютъ и вздрагиваютъ огоньки, родные огоньки, около которыхъ сидятъ и вспоминаютъ насъ милые люди...

— Вотъ и пріѣхали!—грустно вымолвила Параша, когда въ темнотѣ рѣзко обрисовалось первое свѣтящееся окошко...

Мы остановились, собрали лыжи и палки и пѣшкомъ двинулись по пустынной улицѣ. Невольно насъ тянуло заглянуть на привѣтливые огни домиковъ, гдѣ около лампъ группировались счастливыя взаимной близостью семьи, виднѣлись склоненныя надъ столами головки ребятъ, блестящіе самовары, жестикулирующіе собесѣдники...

— Самоварчикъ!.. Еще одинъ самоварчикъ!.. Эхъ, какъ пить хочется!— говорилъ Касьяновъ.—Счастливчики!..

— Вы что, Параша, призадумались?

— Я... Такъ...

— О чемъ? Хотите, я скажу, о чемъ вы думали?..

— Не угадаете, Геннадій Николаевичъ.

— О томъ, что теперь дѣлается у васъ дома.

— Какъ вы угадали?..—радостно воскликнула Параша.

— Я умѣю угадывать чужія мысли...

— Нѣтъ, это удивительно... Какъ вы угадали?..

— Я людей насквозь вижу...

— Онъ писатель, проницательный!.. — отозвался Касьяновъ.

Я вспомнилъ, что я—писатель, кашлянулъ и солиднѣе пошелъ около своей дамы.

— Поозорничали мы сегодня, Прасковья Ивановна!.. Иногда хочется превратиться въ гимназиста и пошалить... Не все серьезничать... Будетъ еще время хмуриться... Все—какъ сонъ, и все—какъ дымъ.

— Вы говорите, словно... пожилой человѣкъ...

— А вы какъ думаете?.. Лѣтъ мнѣ не такъ, чтобы много, но... хоть мало прожито, да много пережито... Вы оба, друзья, въ сравненіи со мной—младенцы.

— Скажите, пожалуйста... Да вамъ сколько лѣтъ, милостивый государь?

— Двадцать четыре, сударыня...

— Ну, а мнѣ—двадцать!..

— Дѣло не въ лѣтахъ... Любили ль вы, какъ я?..

— Вы все стихами!.. Знакомо что-то...

Прежде чѣмъ разойтись по домамъ, намъ надо было зайти къ Гришенькѣ, у котораго мы держали лыжи: ближайшій пунктъ къ нашей чертѣ осѣдлости.

Вошли въ маленькій дворикъ и нырнули въ крылечко. Нѣсколько ступенекъ внизъ, и полная темнота. Касьяновъ зажегъ спичку, отыскали дверь, и мы вошли... Пахнуло кислятиной, кожей, младенцами... Въ комнатѣ, освѣщенной маленькой жестяной лампой, на обрубкѣ бревна сидѣлъ, съ обручемъ на головѣ, сапожникъ Яша и постукивалъ молоточкомъ по сапожной подметкѣ, а по полу ползала дѣвочка съ голенькими ножками и говорила на иностранномъ ребячьемъ языкѣ; за недоходящей до потолка перегородкой пищалъ младенецъ, поскрипывала люлька, и слышался сердитый голосъ матери:

— Угомону на васъ нѣту...

А гдѣ-то монотонно, подобно чтенію псалтири надъ покойникомъ, раздавалось, побѣждая пискъ младенца:

Сумъ, эсъ, эстъ, сумусъ, эстисъ, сунтъ!,.
Сумъ, эсъ, эстъ, сумусъ, эстисъ, сунтъ!,.

— Здравствуйте, господа политики!—бросая работу, проговорилъ Яша.

— Мы принесли лыжи...

— Ставьте въ уголъ!.. А Григорій Иванычъ все свой собачій языкъ учитъ...

— Не будемъ, господа, мѣшать...

— Присядьте!.. Будьте гостями!.. Не взыщите за безпорядокъ... Сѣсть-то у насъ не на чемъ... Присядьте, барышня!..

Яша всталъ и предложилъ обрубокъ бревна Парашѣ.

— Спасибо!.. Не безпокойтесь...

Изъ двери перегородки выглянулъ мальчикъ съ худенькимъ зеленоватымъ лицомъ и пугливо остановился на порогѣ... А Гришенька гдѣ-то зудилъ:

Фуи, фуисти, фуитъ, фуимусъ, фуистисъ, фуэрунтъ!..

— Эамусъ!—произнесъ Касьяновъ...

— Они, когда учатся, такъ ничего ужъ не слышатъ...

Было намъ неловко, и чувствовали мы себя глупо; не знали, зачѣмъ здѣсь остаемся и почему не уходимъ...

— Ну, нѣтъ ли, господа, чего хорошенькаго на свѣтѣ?—спросилъ Яша.

— Кто его знаетъ!..

— Вы—люди образованные, газеты читаете...

— Голова кружится,—шепнула мнѣ Параша.

— Эамусъ!.. Глуписсимо!.. Пока до свиданія... Пусть учится... Идемъ, братцы!..

— Я вамъ посвѣчу, темно въ сѣняхъ-то...

Гуськомъ, съ поклонами, мы потянулись къ выходу, а позади все гудѣлъ монотонный голосъ:

Сумъ, эсъ, эстъ, сумусъ, эстисъ, сунтъ!
Фуи, фуисти, фуитъ, фуимусъ, фуистисъ, фуэрунтъ!..

и младенецъ пищалъ, какъ котенокъ, и жаловался на судьбу нудный женскій голосъ...

— Уфъ, какъ хорошо на воздухѣ!.. Бѣдный Гришенька...

— Глуписсимо!—пробасилъ Касьяновъ.

— Почему Гришенька не займетъ свободной комнаты въ коммунѣ?—спросилъ я Парашу, пораженный условіями жизни товарища.

— Гордый онъ... Предлагали ему,—отказался... Какихъ трудовъ стоило уговорить его не отказываться отъ обѣда въ коммунѣ... Согласился ѣсть только одно блюдо за два съ полтиной въ мѣсяцъ... Онъ ухитряется жить на однѣ «кормовыя»...

Была уже ночь. Надъ засыпаннымъ снѣгами городкомъ задумчиво сверкали далекія звѣзды. На соборной колокольнѣ медленный одинокій колоколъ выбивалъ часы. Кроткимъ покоемъ вѣяло въ душу отъ земли и неба, и отъ плавающихъ въ тишинѣ ударовъ колокола, и отъ красноватыхъ огоньковъ въ окнахъ...

— Ну, господа... Куда?

— Зайдемте въ коммуну: у насъ, навѣрно, самоваръ...

— Я—домой!—рѣшительно отозвался Касьяновъ,—поставлю самоваръ, разоблачусь по силѣ возможности и самъ, одинъ, выпью весь самоваръ...

— А вы, Тархановъ?..

— Я... Пожалуй, тоже домой...

— Хорошо. Проводите меня и уходите: я боюсь собакъ..

— Съ удовольствіемъ!—сказалъ я печально, потому что мнѣ сейчасъ не хотѣлось ни говорить, ни думать, а прежде всего лечь и протянуть ноги...

Мы простились съ Касьяновымъ и свернули въ переулокъ...

— Ой, какъ скользко: чуть-чуть не упала...

— Позвольте предложить руку!

— Н-нѣтъ. Я не привыкла...

— Такъ привыкайте!

— Ужъ больно это по-обывательски... Ну, давайте!.. Попробую...

Параша взяла меня подъ руку и отодвинулась...

— Никогда не ходила подъ руку. Въ первый разъ... Смѣшно...

— Да что вы, боитесь меня, что ли?.. Не тяните, а опритесь, какъ слѣдуетъ.

— Очень узкій тротуаръ... Пойдемъ по дорогѣ.

Мы шли и разговаривали о Гришенькѣ. Тихо, исподволь, Параша разоткровенничалась и стала разсказывать о безнадежномъ романѣ Гришеньки съ Козочкой...

— Смѣшно... Живутъ въ одномъ городѣ, видятся ежедневно, но всѣ объясненія у нихъ—письменно, при встрѣчахъ словно воды въ ротъ набрали... Даже не смотрятъ другъ на друга... Козочка мучится ужасно: жалко ей Гришеньку, и она не признается, что нечего ему ждать и не на что надѣяться... По-моему, это нехорошо. Надо сказать прямо: нѣтъ, и кончено!.. А, впрочемъ, все это пустяки...

— Любовь-то пустяки?.

— Для сытыхъ и довольныхъ!.. а не для такихъ, какъ Гришенька... и всѣ мы...

— Это вы—по Мальтусу, что ли?..

— Любовь—помѣха дѣлу. Семья связываетъ по рукамъ и ногамъ, а потому...

— Вы рѣшили не любить и не выходить замужъ?..

— Да.

— Это твердо? Окончательно?

— Да. Когда я была въ восьмомъ классѣ гимназіи, у насъ былъ кружокъ саморазвитія, и всѣ мы рѣшили никогда не выходить замужъ...

— Мудрое рѣшеніе... Однако, къ нему я пришелъ только послѣ того, какъ испыталъ любовь, ея радости и страданія, а не путемъ умозрительнымъ... т. е. какъ вы, Параша!..

— А почему вы знаете?—кокетливо спросила Параша.

— Я людей насквозь вижу...

— Ничего вы не видите...

Параша выдернула свою руку.

— Это что означаетъ?

— Пришли... Вонъ нашъ домъ!..

Параша свернула съ дороги на тротуаръ и крѣпко застучала каблучками по скрипучимъ мосткамъ. А я шелъ позади и насмѣшливо говорилъ:

— Я знаю, почему вы выдернули свою руку такъ рано: вы боитесь, какъ бы кто-нибудь изъ вашихъ коммунистовъ не увидалъ, что вы идете подъ руку.

— Неправда!..

— О, преступная Параша!.. Если бы зналъ Куренковъ или Марья Петровна, что Параша шла со мной подручку и говорили о любви!..

— Идите домой!.. Будетъ глупости болтать...

— Прощайте, прекрасная мальтузіанка!..

Параша пожала мнѣ руку, крѣпко, по-мужски. и скользнула въ пріоткрытую дверь коммуны. Скользнула какъ-то виновато, пугливо, словно нашаливший озорникъ

или получившій единицу школьникъ подъ родительскую кровлю, гдѣ его ждетъ возмездіе...

«Да, любовь здѣсь не въ авантажѣ... Эхе-хе!.. Любить, но кого же?.. На время—не стоитъ труда, а вѣчно любить невозможно...»

Вернувшись домой, я велѣлъ подать самоваръ и тоже рѣшилъ его выпить до дна, но долгая прогулка на лыжахъ такъ пріятно утомила меня, что я, какъ прилегъ на кровать, не раздѣваясь, такъ и не всталъ больше. Принесли самоваръ, зазвенѣла посуда:

— Енадій Николаевичъ! Заваривайте!

— Сію минуту! Сію минуту!

А вставать не хотѣлось. Тѣломъ и душой владѣла пріятная такая истома, кровать словно плыла и ныряла, а въ ушахъ скрипѣлъ снѣгъ и визжали лыжныя палки...

— Енадій Николаичъ!.. Вы напились?..

— Сію минуту!.. Сію минуту!..

И опять блаженное томленіе, сверкающій снѣгъ, фіолетовыя тѣни, розовые блики, воздушные замки, миленькое личико Параши съ смѣющимися карими глазами, оленья шапка съ болтающимися ушами... Поцѣловалъ Парашу... Она жмется ко мнѣ и шепчетъ: спрячемся въ этомъ снѣжномъ шалашѣ отъ Касьянова!. вотъ здѣсь подъ елью...

— Енадій Николаевичъ, вы напились?..

— А?.. Да, да, да... Сію минуту... Сію минуту...

— Я возьму самоварчикъ?...

— Да...

Такъ и не вставалъ съ постели до самаго утра...

VIII.

Медленно ползетъ время. Прошло только два мѣсяца, а мнѣ кажется, что я живу въ этомъ городкѣ не меньше

двухъ лѣтъ, а съ новыми товарищами знакомъ былъ еще раньше, чѣмъ сюда пріѣхалъ... Однообразно, какъ въ тюрьмѣ, протекаютъ дни за днями и такъ же, какъ въ тюрьмѣ, нечѣмъ отличать ихъ другъ отъ друга. Вся жизнь, какъ земля вокругъ оси, вертится около коммуны: духовная и тѣлесная. Журналы и газеты, принципіальные споры и ссоры, борьба партійныхъ направленій и настроеній, обѣды, чаепитія, денежные расчеты между собою, внутренніе займы... Свой маленькій мірокъ, съ собственными радостями и печалями... Словно маленькій островокъ въ тихомъ озерѣ.

Сегодня — теплый день, капель съ крышъ, яркія солнечныя пятна на дорогахъ, на окнахъ, на заборахъ... Весна идетъ!.. Я люблю сѣверную весну: въ ея длительномъ приближеніи и тихой плавной поступи, въ ея застѣнчивыхъ взглядахъ, въ утреннихъ и вечернихъ румянцахъ, въ ея украдкой бросаемыхъ солнечныхъ ласкахъ сильнѣе чувствуется и острѣе переживается тайна вѣчнаго возрожденія...

Да, все прошло, все ушло, все умерло, но все воскреснетъ... Объ этомъ говоритъ солнце и природа, объ этомъ кто-то нашептываетъ въ душу, въ которой, какъ первый ручеекъ подъ коркой снѣга, уже тихо звенитъ и бьется необъяснимая радость... Сижу на крылечкѣ подъ солнышкомъ съ газетой, съ только что полученной газетой, а читать лѣнь и мѣшаютъ туманныя думы-полусны, похожія на позабытыя сказки. Закрылъ глаза и слушаю, какъ на старыхъ березахъ вокругъ собора кричатъ грачи... Пріятно!.. Веселый, неугомонный шумъ, полный хлопотъ, суматохи и одушевленія... Весь городокъ заполнилъ этотъ шумъ, и, кажется, что не люди, а грачи живутъ въ городкѣ, а люди, такъ между прочимъ... Впрочемъ, по базарнымъ днямъ около собора бываетъ похожій на этотъ шумъ. А

сегодня нѣтъ базара, людей не слышно и рѣдко-рѣдко простучатъ одинокіе шаги по мокрымъ тротуарамъ и тихо замрутъ въ отдаленіи. Вонъ стучатъ чьи-то ноги, и стучатъ на этотъ разъ дѣловито и торопливо. Это такъ необычно, что хочется узнать, кто это идетъ тамъ. Раскрываю глаза и пробуждаюсь отъ лѣнивой дремы: почтальонъ!.. Вѣстникъ радости и бѣдъ, не несешь ли и мнѣ ты письмеца съ далекой родины?..

— Мнѣ есть?—кричу навстрѣчу почтальону.

Утвердительный кивокъ. Всталъ, скомкалъ и сунулъ въ карманъ газету и протянулъ, какъ за подаяніемъ, руку.

— Два письма: простое и заказное...

— Спасибо, спасибо!..

— Не на чемъ!..

Взялся за фуражку и застучалъ снова по тротуару... Милый почтальонъ! Отъ матери и... Кровь бросилась въ лицо и сдѣлалось страшно: конвертъ со штемпелемъ журнала, куда я вотъ уже мѣсяцъ, какъ послалъ свой первый разсказъ. Оглянулся: не видѣлъ ли кто, что я получилъ это письмо?.. Побѣжалъ въ комнату, заперъ дверь... Трудно передать радость, страхъ, надежду, отчаяніе и еще множество неподдающихся слову переживаній, которыя вихремъ закружились въ моей душѣ и мѣшали разорвать конвертъ. Что-то подобное переживалъ я, когда получилъ первое письмо отъ любимой дѣвушки... Ну, Господи, благослови!.. Перекрестился и разорвалъ конвертъ.

«Милостивый государь, Геннадій Николаевичъ! По порученію редакціи, спѣшу Васъ увѣдомить, что разсказъ вашъ «Безсонная ночь» принятъ и будетъ напечатанъ въ майской книжкѣ журнала...»

Захотѣлось выбѣжать на улицу и закричать: «мой разсказъ будетъ напечатанъ въ майской книжкѣ!..» Не

было силъ сидѣть въ комнатѣ... Забылъ про письмо матери, спряталъ въ боковой карманъ письмо изъ редакціи, пощупалъ,—тутъ ли?—и пошелъ изъ дому, самъ не зная, куда и зачѣмъ... Шелъ, а шаги выстукивали:

— Писатель Тархановъ! Писатель Тархановъ!

Ахъ да, что пишетъ мать? Пріостановился, разорвалъ и пробѣжалъ письмо. Все скучаетъ, все тоскуетъ и безпокоится:.. Должно быть, матери такъ ужъ устроены, чтобы тосковать и вѣчно мучиться за дѣтей... Не вѣритъ, что я живу очень недурно... а сейчасъ счастливѣе всѣхъ людей на свѣтѣ... Всѣ писатели сидятъ въ тюрьмѣ, бываютъ въ ссылкѣ, даже на каторгѣ; стало быть, все идетъ, какъ оно должно итти... Какой я былъ бы писатель, если бы не былъ въ тюрьмѣ и въ ссылкѣ?.. Это только доказываетъ, что я—дѣйствительно писатель и что... Спряталъ письмо матери, еще разъ прочиталъ письмо изъ редакціи и пошелъ, мысленно рисуя первую страничку журнала съ моимъ разсказомъ. Такъ явственно видѣлъ я эту страничку: «Безсонная ночь», разсказъ изъ тюремной жизни. Посвящаю Зоѣ»... Зачѣмъ я посвятилъ его Зоѣ?.. Быть можетъ, когда-нибудь ей случайно попадетъ въ руки книжка съ этимъ разсказомъ и она будетъ поражена и, прочитавъ, вспомнитъ, какъ мы сидѣли рядомъ въ одиночныхъ камерахъ и... какъ любили другъ друга!.. Если она замужемъ, пусть потихоньку вздохнетъ и скажетъ:

— Онъ сталъ писателемъ .. Зачѣмъ все случилось такъ глупо, что, любя его, я вышла за другого?..

Покажутся слезы на глазахъ Зои и, опустивъ руку съ книгой, она съ тоской устремитъ свой взоръ въ окно и подумаетъ:

— Милый, милый!.. Гдѣ ты теперь?.. Отзовись!..

Войдетъ мужъ—толстый, заспанный, скучный—позѣвнетъ и спроситъ:

— Что задумалась?..

Ничего не скажетъ ему Зоя, только подумаетъ: «а счастье было такъ возможно, такъ близко»...

— Геннадій Николаичъ!..

— А-а, княжна Разгильдяева!.. Куда это вы... и почему такъ печальны?

— Я шла къ вамъ...

— Ко мнѣ?.. Вотъ не ожидалъ!..

Кротко и печально посмотрѣли на меня глаза Козочки.

— Я не знаю, что мнѣ дѣлать, и хотѣла бы поговорить съ вами...

— Съ удовольствіемъ!.. Пойдемте!..

— Но вы шли куда-то...

— Это пустяки, Козочка!.. Да что случилось у васъ?.. Поссорились съ кѣмъ-нибудь?

— Нѣтъ. Гораздо хуже... Я вамъ разскажу. Кромѣ васъ никому не хочу говорить: будутъ смѣяться и вышучивать...

— А Параша?

— Параша и посовѣтовала—къ вамъ...

Пошли ко мнѣ. Я шелъ радостный, гордый письмомъ въ карманѣ, и мнѣ не хотѣлось торопиться: всѣ чужія печали и радости теперь казались мнѣ такими маленькими, ничтожными, нестоющими вниманія. А Козочка торопилась и угрюмо смотрѣла въ землю. Только сейчасъ я замѣтилъ, что она плакала: припухли и покраснѣли вѣки продолговатыхъ черныхъ глазъ...

— Марья Петровна обидѣла?

— Да нѣтъ же, нѣтъ! Никто не обидѣлъ...

Вынула изъ муфты платочекъ и приложила къ глазамъ. Шла и запиналась. Я подхватилъ ее подъ руку и, какъ слѣпую, повелъ по тротуару. Маленькая, тоненькая какъ у подростка рука, чувствуется косточка... Бѣд-

ненькая такая, безпомощная!.. Встрѣтилась какая-то женщина въ салопѣ, покачала головой и сказала:

— Стыдъ-то какой!..

Вѣрно, подумала, что Козочка пьяна...

Пришли. Козочка сѣла на кресло, уронила головку на спинку и заплакала. Я напоилъ ее водой и говорилъ ласковымъ тономъ, что не надо плакать.

— Нѣтъ радости на свѣтѣ вѣчной и нѣтъ печали безконечной!.. Посмотрите, какъ ярко свѣтитъ солнышко, послушайте, какъ весело шумятъ грачи около собора!..

Она вытащила изъ муфточки письмо и молча протянула его мнѣ.

— Вы хотите, чтобы я прочиталъ это... чужое письмо?..

— Ко мнѣ!.. Читайте!.. Я не могу разсказывать...

Я пробѣжалъ письмо. Писалъ Гришенька; въ кроткихъ, простыхъ словахъ онъ говорилъ, что хочетъ рѣшить свою судьбу: «Напишите, любите ли хотя немного, или мнѣ не надо надѣяться: безъ вашей любви не могу жить на свѣтѣ. Пусть это—глупость, пусть—нечестно передъ родиной и товарищами, которые гибнутъ за общее дѣло, а я рѣшилъ кончить... Я простой, необразованный человѣкъ, поэтому у меня нѣтъ того чувства долга передъ народомъ, о которомъ говорилъ надняхъ Павелъ Петровичъ. Я могу спокойно умереть... Пусть посмѣются всѣ кромѣ васъ. Вы не будете смѣяться, потому что поймете мое чувство...»

— Вы... Вы его не любите, Козочка?..

Дѣвушка отрицательно качнула головой и прошептала, моргая полными слезъ глазами:

— Хочу, но не могу... И не знаю, какъ быть... Жалко мнѣ его, а...

Она развела руками и сдѣлала скорбное личико.

— Трудно тутъ что-нибудь посовѣтовать...

— А можетъ быть, и люблю немножко, но... Не знаю, сама не знаю!..

— Напишите, что... Оставьте маленькую надежду...

— Я оставляла... Но вѣдь онъ требуетъ сказать окончательно... Еще убьетъ себя изъ-за... меня!.. Вѣдь это ужасно!..

Было въ ея фигуркѣ что-то дѣтски-безпомощное, а въ словахъ дѣтская наивность и чистота... Точно младшая обиженная сестренка... Хочется подойти и погладить по головкѣ.

— Быть можетъ, и въ самомъ дѣлѣ еще... полюбите?..—не вѣря этому, утѣшалъ я дѣвушку.

Опять отрицательный кивокъ и опущенная головка.

— Почему такъ?.. Бываютъ на свѣтѣ всякія неожиданности...

— Нѣтъ... Я люблю, но другого...

— Ахъ, вотъ какъ!.. Тогда, конечно... Уже не знаю, какъ тогда... У васъ женихъ на родинѣ?..

— Нѣтъ... Не скажу. Не все ли вамъ равно?..—съ досадой прошептала дѣвушка и стала теребить обивку кресла.

— Извините: оторвалась...

— Что?

— Пуговка на обивкѣ...

— Пустяки!..

— Не знаю, какъ быть... Онъ такой одинокій. Никто изъ васъ, кромѣ Петра Павловича, не хочетъ понять его и сблизиться съ нимъ, а Петръ... онъ только посмѣется, если узнаетъ, что человѣкъ изъ-за любви можетъ... можетъ умереть...

— Смѣшного тутъ, конечно, ничего нѣтъ.

— Можетъ быть, вы повліяете, уговорите Гришеньку не дѣлать глупостей?..

— Нѣсколько разъ я пытался подойти поближе къ этимъ товарищамъ, Петру и Гришенькѣ, но оба они какъ-то... чуждаются и вообще уклоняются отъ этой близости... Любовь, Козочка, слишкомъ личное, свое, интимное, чтобы пускать постороннихъ... Я все это пережилъ и бывалъ, пожалуй, въ худшемъ положеніи, чѣмъ Гришенька... Все—какъ сонъ, и все—какъ дымъ!.. Скажу вамъ одно: любить надо того, кого хочется любить, а не того, кого жалѣете. Любовь, дѣточка, не нуждается въ милостынѣ...

Я ходилъ и говорилъ, какъ опытный въ такихъ дѣлахъ человѣкъ, какъ докторъ-спеціалистъ по сердечнымъ болѣзнямъ. Теперь Козочка казалась мнѣ такой маленькой, глупенькой, что у меня какъ-то нечаянно вырвалось это «дѣточка»...

— Вы сильный, сумѣли пережить, а онъ... А если онъ...

Козочка не договорила и, опустивъ голову, смолкла.

— Если это случится, значитъ—судьба.

— Развѣ вы вѣрите въ судьбу?..

— Я не вѣрю въ судьбу въ томъ смыслѣ, какъ вѣрили древніе греки, но хочу сказать этимъ, что не все, дѣточка, въ нашей власти... Есть большая область «безсознательнаго», играющая въ нашей жизни не меньшую роль, чѣмъ область «сознательнаго»...

— Но вѣдь прежде всего мы—сознательныя личности!..—робко, словно на экзаменѣ, произнесла Козочка.

Я разсердился:

— Отъ сотворенія міра и до нашихъ дней всѣ сознательныя и несознательныя личности рождались, любили и умирали, питались, размножались и вообще...

Я взглянулъ на Козочку и замолчалъ: она покраснѣла. «Вотъ дѣточка!—промелькнуло въ моей головѣ.—Какъ бы не спросила, что такое любовь»...

Но Козочка не спросила. Совершенно растерялась. А я началъ говорить о томъ, что никакой свободной воли у человѣка нѣтъ, что онъ—игрушка случайностей!..

Говорилъ, а самъ взглядывалъ на дѣвушку и чувствовалъ удовольствіе, что умѣю такъ хорошо говорить и ошеломлять своей начитанностью и остроуміемъ.

— Гартмана читали?

— Нѣтъ.

— Ну, конечно!.. Рибо читали?

— Нѣтъ,—все тише лепетала Козочка, и на лицѣ ея появилось выраженіе полнаго отчаянія.

— Шопенгауэра, конечно, тоже?

— Тоже.

Козочка съ благоговѣніемъ подняла на меня глаза и прошептала:

— Ничего-то я не знаю...

Послѣ небольшого молчанія она поднялась, отерла платочкомъ глаза и, словно неудовлетворенная просительница, прошептала:

— Надо итти...

— Одно могу вамъ, дѣточка, посовѣтовать: не приносить жертвы въ этой области. Любовь этого не любитъ...

Она постояла нѣсколько мгновеній и протянула руку:

— Прощайте!..

Я взялъ тонкую ручку, и мнѣ не хотѣлось ее выпускать. Хотѣлось чѣмъ-нибудь и какъ-нибудь высказать сочувствіе горю этой хрупкой, похожей на гимназистку шестого класса, барышнѣ... Можетъ быть, поцѣловать у ней руку?..

— Что вы!..

Разсердилась, рѣзкимъ движеніемъ выдернула руку и ушла, не обернувшись. Зачѣмъ я это? Ой, какъ это глупо и неумѣстно было сдѣлано: она пришла ко мнѣ съ тоской и горемъ, надѣялась, что я помогу чѣмъ-ни-

будь, а я наговорилъ умныхъ словъ, ошеломилъ ее авторитетами и приложился къ ручкѣ. Здѣсь, въ ссылкѣ, цѣлованіе руки у женщины вообще считается проявленіемъ неуваженія къ своей и чужой личности, а въ данномъ случаѣ это можетъ быть истолковано еще хуже... Пойдетъ и разскажетъ тамъ, въ коммунѣ, какъ я совершилъ это преступленіе... Экій я... олухъ Царя небеснаго!..

Живо представилъ себѣ принципіальный разговоръ съ Куренковымъ и съ Марьей Петровной по этому поводу. И такъ мнѣ стало скверно, что захотѣлось побѣжать, догнать Козочку и какъ-нибудь убѣдиться, что про поцѣлуй мой никому не скажетъ. Я и такъ уже навлекаю подозрѣніе своимъ неравнодушіемъ къ женщинамъ, своими прогулками съ Парашей, своимъ, какъ они выражаются, «кавалерствомъ», а тутъ еще... ручку поцѣловалъ!.. Набросилъ на плечи шубу, на голову—шапку, и стремительно вышелъ на улицу... Вонъ она идетъ, повѣся голову, тихо, задумчиво, словно надѣется найти что-то подъ ногами... Ускоряю шагъ, лечу, размахивая пустыми рукавами накинутой шубы... Гулко стучатъ мои шаги на залитой солнцемъ улицѣ. Оглянулась и остановилась.

— Я испугалась вашихъ шаговъ...

— Идемте вмѣстѣ!.. Мнѣ показалось, что вы обидѣлись, когда я поцѣловалъ у васъ руку... Если это такъ, простите, Козочка... Я не хотѣлъ сдѣлать вамъ непріятности, а совершенно напротивъ... Т. е. просто хотѣлъ... Привычка, что ли... воспитаніе...

— Пустяки!.. Только, чтобы объ этомъ не знала Марья Петровна и... другіе... Надъ вами же будутъ смѣяться.

— До другихъ мнѣ нѣтъ никакого дѣла, мнѣ важно лишь, чтобы вы сами не поняли этого въ дурную сторону...

— Нѣтъ... Вы, вѣдь, и у Параши цѣловали!..

— Ммм... развѣ?.. Да, да, конечно... Тѣмъ болѣе это теряетъ... или, вѣрнѣе, указываетъ на то, что я...

Странно, что я растерялся, какъ мальчишка: словно Козочка уличила меня въ измѣнѣ. Зачѣмъ она сказала про Парашу?..

— Я цѣлую руку у всѣхъ красивыхъ женщинъ...

Козочка покраснѣла и замолчала. Такъ ли она поняла мое признаніе?..

— Только ради Бога безъ комплиментовъ, Геннадій Николаевичъ!

— Ну, вотъ!.. Такъ и зналъ, что истолкуете неправильно... Я сказалъ вообще, не преслѣдуя цѣли польстить вашей красотѣ...

— Умный, а говорите глупости!...

Никогда еще мнѣ не было такъ совѣстно. Никогда я не чувствовалъ такого ощущенія униженія, какъ послѣ этихъ нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ съ удивительной простотой и сердечностью...

— Въ сущности почему комплиментъ позоренъ?— съ краской на лицѣ началъ я размышлять вслухъ, желая сгладить неловкость и стыдъ.

— Не знаю, но противно, когда хорошіе люди дѣлаются похожими на самыхъ обыкновенныхъ...

— Если бы я сказалъ некрасивой женщинѣ, что она—красива, тогда другое дѣло, но когда... Нѣтъ, это не лесть, а просто желаніе сдѣлать пріятное человѣку, симпатичному человѣку...

— А если онъ не испытываетъ пріятности?..

— Ахъ, вотъ что!.. Тогда, конечно, вы правы... Тогда еще разъ простите!..

— Ничего... Пустяки... Не въ этомъ дѣло... А вотъ нехорошо, что мы съ вами говоримъ о такихъ пустякахъ,

а близко отъ насъ есть нашъ товарищъ, который ждетъ и думаетъ не о комплиментахъ, а о... о смерти...

Я замолчалъ, шелъ позади дѣвушки и запинался. Чувство униженія все росло и пропала находчивость. Этотъ съ виду подростокъ, который полчаса тому назадъ казался мнѣ наивнымъ и по-ребячьи глупенькимъ, выросъ вдругъ въ серьезнаго, чуткаго человѣка, а я превратился въ провинившагося шалуна-мальчика, уличеннаго въ маленькой, но скверненькой гадости... «Пошлякъ!»—мысленно ругалъ я себя и боялся встрѣчаться глазами съ дѣвушкой. Долго мы шли молча. Я то отставалъ, то шагалъ рядомъ.

— Геннадій Николаевичъ! Вы на меня не разсердились?..

— За что?.. Я боюсь, не разсердились ли вы на меня!.. Не придавайте значенія моему легкомыслію и... пошлой болтовнѣ. Отъ радости это... Получилъ я пріятную вѣсть, и личная радость сдѣлала изъ меня на нѣкоторое время просто... веселаго болтуна!.. А, можетъ быть, это солнышко, такое яркое и пригрѣвающее, помѣшало думать о чужихъ страданіяхъ и чужомъ горѣ... Вообще я хотѣлъ бы вычеркнуть весь этотъ случай и разговоръ... Иногда напишешь цѣлую страницу разсказа, а потомъ прочитаешь и изорвешь въ клочки...

— Значитъ, я вамъ испортила вашу неожиданную радость?..

— Пустяки!.. Не такъ ужъ она неожиданна и значительна: просто я получилъ извѣстіе изъ редакціи, что скоро будетъ напечатанъ въ журналѣ мой разсказъ...

— Вашъ разсказъ?.. Не стихи?..

— Нѣтъ... Стихи я бросилъ, хочется написать что-нибудь большое...

— Мнѣ очень нравится ваше стихотвореніе!

— Которое? «Все—какъ сонъ»?

— Да!.. А кто это Зоя, которой вы посвящаете свое стихотвореніе... Сестра?

— Нѣтъ.

— Счастливая!..

— А, быть можетъ, и несчастная... Дѣла давно минувшихъ лѣтъ...

— Гдѣ она живетъ?

— Не знаю... Гдѣ она, что съ ней, что она теперь изъ себя представляетъ...

— Вы ее разлюбили... вы разлюбили другъ друга?

— Да!

— Но тогда зачѣмъ вы ей посвятили свои стихи?

— Не ей, а своему воспоминанію. Остался радостный сонъ и призракъ... Вотъ поэтому-то я и не смотрю на драму Гришеньки такъ трагически, какъ вы. И я когда-то думалъ, что всего лучше умереть, думалъ, что не переживу, и не представлялъ себѣ, что когда-нибудь буду итти вотъ такъ, какъ тепрь, съ другой дѣвушкой, и разсказывать ей совершенно спокойно о пережитомъ... Когда-нибудь и Гришенька будетъ такъ же спокойно вспоминать свою драму, въ которой вы теперь играете такую жестокую роль...

Козочка облегченно вздохнула и улыбнулась...

— А все-таки бываетъ такая любовь, что... «Ромео и Джульетта», напримѣръ!..

— Эй, ребятки!..

Касьяновъ переходилъ къ намъ черезъ улицу. Я обрадовался. Одинъ побѣдный видъ Касьянова, распахнутое пальто и сдвинутая на затылокъ шапка прогоняли неловкость, грусть отъ разговора и томленіе духа. Съ появленіемъ Касьянова исчезалъ всякій туманъ въ головѣ и сердцѣ и такъ рѣзко вырывалась крѣпкая, здоровая, реальная жизнь, возвращая къ яркому свѣту солнца, къ ощущенію радости отъ самой жизни, къ какой-то

животной ясности въ головѣ и тѣлѣ... Вспомнилось, что хочется кушать, что сегодня въ коммунѣ вкусные пельмени, что я—писатель, что Параша похожа на сибирскую лошадку, что надо сходить въ полицію и получить «кормовыя»...

— Эхъ, денекъ-то!.. Взять бы троечку съ колокольчиками да съ бубенчиками, да послѣ пельмешковъ-то и махнуть... за черту осѣдлости!..

И Касьяновъ потихоньку замурлыкалъ:

За-а-прягу я тройку борзыхъ, т-е-мно-карихъ лошадей,
И-и помчусь я, полечу я прямо къ Любушкѣ своей!...

Что вы, ребятушки, примолкли?..

И опять запѣлъ:

Что вы, братцы, приумирѣли?
Или жрать вы захотѣли?..

А потомъ, поровнявшись со мной, нагнулся и побѣдоносно объявилъ:

— Поздравь: во вторникъ прибываетъ на перекладныхъ Вѣра Игнатовичъ!..

— То-то ты все поешь!.. Не рано ли пташечка запѣла?

— А вотъ!..

Касьяновъ показалъ свой кулачище и толкнулъ меня съ тротуара... Окончательно развеселился я, поднялъ съ дороги комъ снѣга, смялъ его и запустилъ въ счастливаго любовника... Началась баталія. Козочка ушла впередъ, а съ нами произошла непріятная исторія: Касьяновъ вышибъ стекло въ уютномъ и мирномъ домикѣ, самъ, какъ школьникъ, далъ тягу за уголъ, а я попался: выскочилъ изъ воротъ безъ шапки мирный толстый житель и закричалъ:

— А еще политическій!..

— Простите, нечаянно... Да собственно даже не я тутъ...

— Вѣдь это—разбой среди бѣла-дня!.. Васъ къ исправнику надо!..

— Я заплачу вамъ... Извольте... Какъ вы цѣните свой ущербъ?

— Рупь!—крикнулъ житель, уперевъ руки въ боки и поднявъ голову.

— Я вынулъ цѣлковый и молча подалъ. Житель даже окаменѣлъ отъ изумленія. Видимо, онъ хотѣлъ рублемъ убить меня на мѣстѣ.

— Разя такъ можно, господа!..—мягко произнесъ онъ, не торопясь засовывая рубль въ засаленный кошелекъ.. —Шалить надо осторожнѣе!..

Я пошелъ прочь, торопясь за уголъ, чтобы не останавливать любопытныхъ прохожихъ, которые стали уже разспрашивать потерпѣвшаго, что и какъ случилось. Шелъ и злился на Касьянова, а про жителя думалъ:

«Не знаю, кто изъ насъ и кого ограбилъ?..»

IX.

Охъ, ужъ эти влюбленные!.. Неужели и я когда-то былъ похожъ на Касьянова? Совсѣмъ съ ума сходитъ. Болтливъ, озорничаетъ, дѣлаетъ и говоритъ глупости, надоѣдаетъ окружающимъ какимъ-то воинственнымъ настроеніемъ, разсѣянъ, какъ водевильный дядюшка, а главное—поетъ изъ «Фауста» аріи и вретъ такъ, что уши вянутъ.

— Ко мнѣ возврати-и-лась прррелестна-я юность, тарамъ-та-та-та-таа тарамъ, та-та-та!..

— Ой, Касьяновъ... Ради Бога, будетъ!

— Въ такомъ случаѣ я продекламирую... Нѣтъ, лучше, я вамъ изъ «Евгенія Онѣгина»...

Любви-и всѣ возрасты поко-орны,
Ея-я порывы благотво-орны,
И ю-юношѣ въ шестнадцать...

— Ой! ой!.. Довольно!..

— Тише!.. Оглушилъ...

— Распѣваетъ аріи, а въ кухнѣ ни дровъ, ни воды... Бѣда, коль кухонный мужикъ вообразитъ себя оперным артистомъ...

— Скоро я попрошу расчетъ... Больше, господа, я не согласенъ на васъ батрачить. Только до вторника, а тамъ подыскивайте. Ей-Господи, я говорю, господа, серьезно!..

Никто не вѣрилъ. Даже когда Касьяновъ говорилъ теперь что-нибудь серьезно, всѣмъ казалось, что онъ шутитъ...

— Козочка, давайте станцуемъ полечку «Трамъ-блямъ!» Послѣ обѣда это даже врачами рекомендуется. Правда, Марья Петровна?

Козочка посмотрѣла вопросительно на Марью Петровну и неохотно отказалась. Касьяновъ схватилъ стулъ и, подпѣвая на губахъ польку, началъ танцовать со стуломъ, крѣпко выстукивая задорный тактъ легкомысленнаго танца. Понемногу всѣ стали улыбаться, смѣяться, только Куренковъ не поддавался искушенію и бросалъ на Касьянова недоумѣнно-презрительные взгляды.

— Хотѣлъ бы я знать, по какой причинѣ Касьяновъ въ телячій восторгъ приходитъ?—мимоходомъ произнесъ Павелъ Петровичъ.

— Вы желаете знать? Извольте. Теперь ужъ все равно. Шила въ мѣшкѣ не утаишь. Раскрываю вамъ господа, тайну, которая... Однимъ словомъ, я женюсь, и скоро мы будемъ пировать три дня и три ночи... Надѣюсь, что для

такого исключительнаго въ жизни случая вы, господа, отдадите нейтральный залъ для всеобщихъ увеселеній и разрѣшите, хотя на сей разъ, вино и елей?..

Никто Касьянову не повѣрилъ, начали смѣяться и подтрунивать.

— Поэтъ Тархановъ, скажи имъ!.. Быть можетъ, тебѣ повѣрятъ больше, хотя женюсь я, а не ты...

— Правда, господа! Онъ женится на Вѣрѣ Игнатовичъ.

Марья Петровна начала громить интеллигенцію, которая теперь занимается больше амурами, чѣмъ исполненіемъ своихъ обязанностей передъ народомъ; Павелъ Петровичъ, совершенно упустивъ изъ виду, что женатъ, ссылался на Священное Писаніе:

— Неоженившійся печется, яко угодити Господу, а оженившійся, яко угодити женѣ...

Касьяновъ озлился и сталъ говорить дерзости:

— Вы, Павелъ Петровичъ, женаты. А вы, Марья Петровна, не замужемъ по независящимъ отъ васъ обстоятельствамъ...

— Я?.. По независящимъ обстоятельствамъ?.. Что вы хотите этимъ сказать?..

— Ничего непонятнаго. Вышли бы и вы, если бы... представился случай...

— Хорошо понятіе о любви!.. Представился случай!.. Да почему вы знаете, что случаевъ не представлялось?..

— Я такъ полагаю. Имѣю основанія.

За Марью Петровну вступилась жена Куренкова, а за Касьянова—Гришенька. Петръ Куренковъ саркастически ухмылялся, хитро теребилъ маленькую бородку и поглядывалъ на спорящихъ съ высоты птичьяго полета: какіе, дескать, вы—ничтожные! Козочка недоумѣнно смотрѣла на всѣхъ и не могла разобраться, кто правъ

и гдѣ правда. Неслышно и незамѣтно вышла и спряталась въ уголкѣ Параша. Споръ принималъ острый характеръ.

— Касьяновъ, брось!—ласково говорилъ я товарищу, видя, что спорщики переходятъ на личную почву, но никто меня не слушалъ.

— Вы хотите сказать, что я безобразна?..

— Не безобразны, но недостаточно обаятельны...

— Не угодно ли взглянуть на мою карточку въ молодости!..

— Вы, господа, уклонились!—врывался Гришенькинъ голосъ.—Вы докажите, почему любить—значитъ, совершить какое-то преступленіе?.. Я положительно не понимаю. Павелъ Петровичъ ссылался на Св. Писаніе, но тамъ можно отыскать...

— Могій вмѣстити да вмѣститъ! — сердито повторялъ, тряся козлиной бородкой, Павелъ Петровичъ.

— Говорите о вредѣ всякаго насилія, а сами желаете творить его надъ самой природою... человѣка!

— Касьяновъ, брось!..

— По-моему, кто не любитъ этой, какъ вы называете, маленькой любовью, тотъ не можетъ любить и большой... Ничего онъ не любитъ, а только языкомъ трясетъ...

— Позвольте!—врывался голосъ Гришеньки.—Если любовь такое ничтожное чувство, то почему же у всѣхъ великихъ писателей и художниковъ она занимаетъ первое мѣсто?.. Возьмите своего Толстого!.. Его «Анну Каренину», напримѣръ!.. Возьмите Шекспира, Пушкина...

— Чортъ васъ подери, да вы женатый или холостой?.. —уже кричалъ Касьяновъ, размахивая рукой передъ самой бородой Куренкова.

— Подите ко всѣмъ чертямъ отъ меня!.. Женитесь, сколько вамъ хочется, а меня оставьте въ покоѣ...—го-

рячился Куренковъ. Пошелъ было въ свою комнату, но на порогѣ дверей остановился и оглянулся:

— Вы еще мальчишка и такимъ тономъ со мной не имѣете права говорить!

— Оставь, Паничка...

— Вы—молокососъ! Вамъ не жениться, а учиться надо...

— Вѣкъ живи, вѣкъ учись, а дуракомъ умрешь...

— Хорошо... Мы съ вами по этому поводу будемъ говорить, но... при другой обстановкѣ!..—хриплымъ тономъ произнесъ Куренковъ и скрылся... Всѣ замолкли. Касьяновъ же ходилъ быстро по комнатѣ и взволнованно ворчалъ, какъ бы разсуждая самъ съ собой:

— Извините-съ... Я тоже не позволю говорить съ собой такимъ тономъ... Ваша престарѣлость—не заслуга и никакихъ правъ оскорблять молодежь не даетъ... Гм!.. Какое ему дѣло, что я женюсь?.. Кому какое дѣло!.. Плевалъ я на всѣ ваши уставы!.. Сами женятся, а тутъ... И Толстой вашъ... былъ женатъ и наплодилъ кучу дѣтей и... Въ толстовцы я не записывался, потому что... вотъ мое убѣжденіе: «око за око, и зубъ за зубъ»!..

Касьяновъ смолкъ, а молчавшій до тѣхъ поръ Петръ Куренковъ вздохнулъ и произнесъ:

— Жизнь есть борьба, а не овечье смиреніе...

— Совершенно правильно!—громко и радостно воскликнулъ Касьяновъ,—ваша толстовщина только поддерживаетъ рабьи чувства и склонности...

Неожиданно появилась Марья Петровна, приблизилась къ Касьянову и, показывая ему фотографическую карточку, спросила:

— Вы находите эту особу безобразной?..

— Пригласите экспертовъ!..

— Вы... просто нахалъ!..

— Мерси!..

Касьяновъ сдѣлалъ общій поклонъ и торопливо вышелъ въ дверь. Тягучая, невыносимая тоска повисла въ комнатѣ. Всѣмъ было стыдно смотрѣть въ глаза другъ другу. Помолчали и понемногу стали незамѣтно исчезать. Я и не замѣтилъ, какъ остался въ залѣ одинъ. Было тихо и было слышно, какъ гдѣ-то въ отдаленіи кто-то потихоньку плакалъ... Должно быть, Марья Петровна .. Надо итти.... Экая гадость!..

— Я потребую третейскаго суда!—донесся издали хриповатый и злой голосъ...

Я сорвался съ мѣста и поторопился уйти. Боже мой, какъ душно и какъ хочется поскорѣе на воздухъ!:: Ноги не попадаютъ въ калоши... Слава Богу: на улицѣ!.. Пахнуло талымъ снѣгомъ, спокойствіемъ наступающаго вечера, какой-то особенной правдой опрокинувшихся надъ маленькимъ человѣческимъ муравейникомъ небесъ, въ которыхъ, какъ и много тысячъ лѣтъ тому назадъ, начинали дрожать слабоватыя еще искры звѣздъ...

Я тихо шагалъ и думалъ: любимъ мы человѣчество, а другъ друга любить не умѣемъ; мечтаемъ устроить рай на землѣ, а не можемъ сами себѣ создать сносной жизни; такъ прекрасны идеалы, къ которымъ мы всѣ искренно тяготѣемъ, и такъ мелочна наша повседневная жизнь!.. Всѣ мы—люди сознательные, интеллигентные, а какъ сойдемся вмѣстѣ, становимся глупо самолюбивыми, нетерпимыми, мелочными, похожими на... на моего хозяина, который оскорбился до глубины души за «Сусанну»... Въ чемъ дѣло?.. Неужели весь секретъ въ томъ, что мы, сходясь въ цѣли, расходимся въ средствахъ?..

Я вздрогнулъ и испугался: кто-то неожиданно подхватилъ меня подъ руку.

— Ахъ, это вы, Гришенька!..

— Да... А все отчего?.. Отчего это у насъ такъ?— говорилъ онъ, задохнувшись отъ быстрой ходьбы.—Все отъ того, что нечего дѣлать... Такъ жить нельзя. Я не согласенъ такъ жить!.. Чортъ съ ней, съ такой жизнью!.. А относительно любви—Касьяновъ правъ. Никому нѣтъ дѣла!.. Очень плохо они думаютъ о любви... А бываетъ такъ, что изъ-за нея люди кончаютъ жизнь...

Въ порывистой рѣчи, такой всклокоченной, скачущей, и въ страстномъ тонѣ засквозило что-то лично задѣвшее Гришеньку. Несомнѣнно, что споръ и разговоры о любви разбередили его собственныя душевныя раны. Былъ подходящій моментъ исполнить просьбу Козочки: поговорить по душѣ объ ихъ отношеніяхъ, если не прямо, то косвенно.

— Да, любовь въ жизни человѣка если не все, то, во всякомъ случаѣ, очень многое...

— Вѣрно!.. Все!..

— Не для всѣхъ—она все, но для многихъ... Я увѣренъ, напримѣръ, что огромное большинство тѣхъ, которые кончаютъ жизнь изъ-за неудачъ любви, если бы они могли воскреснуть, сказали бы: «слава Тебѣ, Господи, что я воскресъ! Никогда больше не совершу такого безразсудства»...

Гришенька сталъ возражать:

— Позвольте! А если такой человѣкъ пришелъ къ выводу, что онъ не можетъ иначе поступить? Если и сердце, и логика ему говорятъ, что впереди ничего, кромѣ страданій, нѣтъ?..

— Не вѣрю ни въ логику, ни въ сердце въ данномъ случаѣ...

— Почему?

— Въ дѣлахъ любви они—большіе плуты, мошенники. Необходимо провѣрять ихъ выводы, провѣрять временемъ... И время убѣдительно и непреложно докажетъ,

что нѣтъ радости на свѣтѣ вѣчной и нѣтъ печали безконечной. Любовь, какъ солнышко, заходитъ и вновь восходитъ, а человѣкъ, который думаетъ, что любовь навсегда погасла и кончаетъ расчеты съ жизнью, подобенъ тому, который думаетъ, что съ заходомъ солнца день ушелъ въ вѣчный мракъ ночи...

— Надо войти въ положеніе...—грустно вымолвилъ Гришенька.

— Да я ихъ не обвиняю, я не говорю, что, кончая жизнь изъ-за неудачъ въ любви, они дѣлаютъ подлость или глупость... Быть можетъ, только одна чистота, сила страсти и острота переживаній лежатъ въ основѣ ихъ поступка, но... я ихъ только жалѣю: слабовольные люди!.. Эхъ, Гришенька!.. Вы вотъ все говорите, что нечего дѣлать, и отъ этого мы вздоримъ и опошляемся... Я думаю, что отъ этого мы еще слабѣемъ, и всякое горе, всякое личное страданіе кажутся намъ такими огромными, что закрываютъ передъ нами весь огромный прекрасный міръ съ его неизсякаемой красотой... даже въ страданіяхъ!.. въ большихъ, величавыхъ страданіяхъ!..

— Можетъ быть, и такъ... Трудно мнѣ сейчасъ разобраться въ этомъ. Чужую бѣду—руками разведу, а къ своей ума не приложу...—печально и покорно произнесъ Гришенька.

— Хотите, зайдемъ ко мнѣ?..

— Хорошо...

Мы пришли въ мою квартирку, попросили самоварчикъ, пили чай и говорили о томъ, что тяжело и душно жить, когда всѣ герои большой идеи погибли и исчезли, когда на смѣну ихъ пришли проповѣдники квіетизма, малыхъ дѣлъ, личнаго усовершенствованія, когда старые богатыри ушли, а новые не народились. Тяжело, но стоитъ: время рождаетъ героевъ. Есть уже предвѣстники.

— Читали про демонстрацію на похоронахъ Шелгунова?

— Да, читалъ..

— Вѣнокъ и депутація отъ рабочихъ!

— Такъ-то такъ, только...

— Значитъ, не все потухло!.. Огонь есть, только онъ —въ скрытомъ состояніи... Достаточно вѣтерка, чтобы...

— Я вѣрилъ только въ партію народовольцевъ, а гдѣ она, партія?..

— Гришенька, милый мой Гришенька, идею убить нельзя! Она—какъ природа: животворна и неистребима...

— Вонъ Петръ Павлычъ мечтаетъ о возрожденіи партіи. Бѣжать хочетъ отъ насъ. Вотъ человѣкъ!..

— Далеко не убѣжишь...

— А можетъ быть!.. Волковъ бояться—въ лѣсъ не ходить. Этотъ человѣкъ не пожалѣетъ своей жизни, а вотъ мы... такъ и прокиснемъ здѣсь...

Долго мы сидѣли съ Гришенькой, то грустили, то взбудораживали другъ друга надеждами, то вспоминали Казань и неудачную попытку устроить нелегальную типографію...

— А все-таки жили!.. трепетали!.. горѣли!—возбужденно говорилъ Гришенька и радостно улыбался...

— Вотъ, Гришенька, въ то время я былъ влюбленъ и, если бы мнѣ тогда сказали, что я когда-нибудь разлюблю и утѣшусь, я съ негодованіемъ отвергъ бы это кощунство... А теперь вотъ...

— Вотъ и я, Геннадій Николаевичъ, боленъ теперь этой болѣзнью... И такъ боленъ, что...

Гришенька махнулъ рукой, смолкъ и сталъ ходить по комнатѣ.

— Я знаю...

— Вы?.. Откуда?..

— Развѣ я слѣпъ?

— Неужели это и другимъ всѣмъ видно?

— Не знаю, какъ другимъ, но мнѣ видно. Славная, хорошая дѣвушка, но вѣдь она—совершенный ребенокъ. Я думаю, что она и сама не въ состояніи понять, любитъ или не любитъ...

— Онъ былъ титулярный совѣтникъ, она—генеральская дочь, какъ это сказано у Некрасова... Братство-то братство, равенство тамъ и прочее, а рѣдко случается, чтобы княжна полюбила мѣщанина...

— Не въ этомъ, Гришенька, дѣло. Любовь не знаетъ сословныхъ перегородокъ,—настоящая, конечно, любовь. У того же Некрасова есть и «Огородникъ лихой». Помните?..

— Хорошо вы разсуждаете. Логично. Не умѣю возразить. А все-таки мнѣ не легче... Не вѣрю въ чудеса, а хочется, Геннадій Николаевичъ...

— Все бываетъ на свѣтѣ, другъ мой...

— Эхъ, если бы... Ну, все равно!.. Пойду домой. Спасибо за душевный разговоръ...

Гришенька крѣпко стиснулъ мою руку и, какъ-то сконфуженно сторонясь глазами, сталъ одѣваться...

— Все это, Геннадій Николаевичъ, между нами...

— Конечно!

— Спасибо, товарищъ!..

И Гришенька нырнулъ въ дверь и скрылся.

Кажется, подѣйствовало. Очень пріятно. Умѣю дѣйствовать на людей. Я ходилъ и дѣлалъ наблюденія надъ движеніями собственной души. Почему мнѣ это пріятно, почему рождается нѣкоторое самодовольство и гордость? Сколько было искренности въ моихъ словахъ и сколько красивыхъ словъ, о которыхъ я самъ затруднился бы сказать, вѣрю я въ нихъ или не вѣрю? Удивительная способность вылѣзать изъ собственной кожи и смотрѣть на самого себя издали. Очень это интересное занятіе.

Гдѣ это я читалъ: «хочешь людей изучить, въ сердце свое загляни»?.. А въ концѣ-концовъ хотѣлось бы полюбить снова вотъ такъ же, какъ Гришенька: чтобы казалось, что—или любовь, или смерть!.. Полюблю ли я такъ еще когда-нибудь, или теперь я уже не такъ воспріимчивъ къ этой прекрасной болѣзни?.. Козочка, Параша... такія красивыя по разному души, словно два цвѣтка изъ разныхъ странъ свѣта... Ласкаютъ взоръ и немного возмущаютъ порою душу; иногда является что-то похожее на нѣжное любовное предчувствіе, начинаетъ ползать въ головѣ пріятный голубой туманъ какого-то особеннаго опьянѣнія, но... ненадолго: что-то врывается въ кристальную чистоту этихъ хрупкихъ моментовъ и... Иногда Параша волнуетъ, просто какъ женщина, рождая своей фигуркой, задорнымъ смѣхомъ, сверкающими зубами волненіе въ крови... Вдругъ промелькнетъ мысль—схватить и сжать ее въ объятіяхъ, и цѣловать, цѣловать... Было такъ и съ Козочкой... Вообще, нѣтъ прежней чистоты, и ничто не вернетъ мнѣ ее. Иногда снятся грязные сны, въ которыхъ нѣтъ никакой поэзіи, а... Если бы я чистосердечно разсказалъ объ этихъ снахъ, вы съ отвращеніемъ отвернулись бы отъ меня... Откуда это?.. И нѣтъ прежней стыдливости и застѣнчивости предъ дѣвушками... Позналъ, братъ, добро и зло!.. Дѣло дошло до того, что смутно волнуетъ хозяйская кухарка, молодая полногрудая бабенка съ лукавымъ глазомъ подъ платочкомъ...

— Сусанна! Убирай самоваръ!..

— Меня ты, что ли?

— Тебя.

— Меня зовутъ Настей, а ты...

— А я буду называть тебя Сусанной...

— Я не собака, а православная...

— Сусанной звали въ древности одну красавицу,

не хуже тебя...

— Ты мнѣ зубы-то не заговаривай!.. Чай, я не маленькая.

Составила стаканы, собрала ложки и, подхвативъ поднось съ самоваромъ, кокетливо задергала бедрами...

Я растворилъ фортку и выглянулъ: небо сверкало звѣздами, пахло талымъ снѣгомъ, крались въ ночной тишинѣ какіе-то шорохи и вздохи, лаяла гдѣ-то одинокая собака... Какъ-то особенно лаяла, по-весеннему...

— Эхъ, весна, весна!..—прошепталъ я, затворяя форточку, и такъ сладко-сладко потянулся отъ охватившаго душу и тѣло пріятнаго безпокойства...

X.

Вотъ уже второй день, какъ Касьяновъ не появляется въ коммунѣ и не заглядываетъ ко мнѣ. Ужъ не пріѣхала ли къ нему Вѣра? Если бы не пріѣхала, онъ навѣрняка прибѣжалъ бы ко мнѣ раза два на дню. Позвольте, какой сегодня день? Вотъ, чортъ возьми, забылъ, какой день!..

— Сусанна, какой сегодня день?

— Что ты, белены объѣлся, что ли?..

— Какой день сегодня?

— Вотъ тебѣ и разъ!.. Дни позабылъ... По-нашему—вторникъ, а какъ по-вашему—не знаю... Вы вонъ и про постъ великій позабыли!..

— А почему ты такъ думаешь?

— А это что?..

Настя ткнула рукой по направленію сливочнаго масла:

— Скоромное жрете!.. Безбожники вы всѣ.

— И ты обличаешь?.. Сучекъ видишь въ глазу брата твоего, а у себя бревна не замѣчаешь?

— Ты не больно!.. Я говѣю... Этакія слова, братъ, нехорошо теперь говорить... Пасха еще далеко!

Эхъ, дура непроходимая. Даже поговорить опасно.

— Иди съ Богомъ!

— Эхъ, безбожникъ!..

— Ну, ладно... Иди! Мнѣ тебя покуда не надо.

— Да вѣдь и мнѣ ты не такъ, чтобы очень нуженъ...

Пошла, потрясывая бедрами. Корова холмогорская... Надо провѣдать Касьянова, посмотрѣть на счастливаго человѣка. Каково-то выглядитъ Вѣрочка?.. Вѣдь когда-то она пламенѣла ко мнѣ... Увы, потухъ огонь моей звѣзды и загорѣлся новый, въ честь и славу Касьянова...

Шелъ и опять вспоминалъ Казань и все, что было съ ней связано. А медленный, грустный призывъ великопостнаго колокола пробуждалъ на душѣ что-то далекое и близкое, что такъ ярко воскрешало эти воспоминанія. Незамѣтно дошелъ до дома Касьянова и сперва не рѣшился войти на крылечко, а прошелъ мимо и посмотрѣлъ на окна. Вотъ онъ, домикъ, гдѣ притаилось чужое счастье!..

— Привѣтъ тебѣ, пріютъ священный...

Вошелъ на крылечко, взялся за звонокъ, помедлилъ и осторожно дернулъ:

— Брякъ! брякъ! брякъ!..

Тишина. Дернулъ посильнѣе. Вышла прислуга:

— Касьяновъ дома?

— Нѣтъ, они ушедши...

— Куда?

— А къ нимъ сродственница пріѣхамши, такъ они къ ней ушедши...

— А развѣ... Гдѣ же остановилась сродственница?.. И когда пріѣхала?

— Сегодня рано, поутру... Въ номерахъ, при трактирѣ...

— Ага!.. Такъ онъ тамъ?

— Туда ушли. Попили чаю и ушли.

— Хорошенькая она, родственница-то?

— Молодая, конечно, ужъ образованныя барышни...

— Да-а... Ну, до свиданья!..

Гм... Пріѣхала. Не пойти ли въ этотъ трактиръ и не навѣстить ли счастливую парочку? Стоялъ въ раздумьи и чувствовалъ почему-то досаду и оскорбленіе. Даже не далъ знать, что пріѣхала! Такъ и подмываетъ пойти и вмѣшаться въ этотъ tête-à-tête. Зачѣмъ мнѣ это? Что меня подмываетъ мѣшать чужому счастью? Богъ съ ними, пускай воркуютъ!.. Снова вылѣзаю изъ своей шкуры и наблюдаю за Тархановымъ со стороны. Вотъ ты и пойми нашу мужскую натуру: до сей поры былъ совершенно равнодушенъ къ самому вопросу, существуетъ или нѣтъ на свѣтѣ Вѣра Игнатовичъ, а теперь, когда она явно склонилась въ сторону Касьянова, мнѣ какъ-то досадно и даже... оскорбительно. Была влюблена въ меня, а теперь...

— Не вѣрю я, Касьяновъ, въ твою побѣду!.. Такъ, изморомъ взялъ...

Тихо шагаю по направленію къ трактиру, не думая заходить въ номера.

— Полюбить спустя три года... Довольно тугоплавкая любовь...

Однако, что я въ самомъ дѣлѣ?.. Какое мнѣ дѣло?..

Я рѣзко повернулся и быстро пошелъ къ своему дому. Подхожу, а съ крыльца идутъ визитеры: Касьяновъ и Вѣра.

— Ба!..

— Имѣю честь представить: Вѣра Григорьевна Игнатовичъ...

— Тархановъ!.. Вотъ не узнала бы...

— Да и я васъ тоже...

— Можете поцѣловаться, — шутливо пробасилъ Касьяновъ, когда мы, взявшись за руки, уставились въ лицо другъ друга.

Вѣра покраснѣла:

— Можно и безъ поцѣлуевъ...

— Конечно! Такъ что же мы стоимъ? Милости прошу ко мнѣ...

Я принялъ солидный, дружественный, но холодноватый тонъ. Хотѣлось показать, что я совершенно не тотъ, какимъ она знала меня въ Казани. Вполнѣ взрослый и опредѣлившійся человѣкъ.

— Ну, чѣмъ прикажете васъ привѣтствовать?.. Цвѣтовъ у меня нѣтъ, а самоваръ—слишкомъ это прозаично... Ахъ, есть фрукты: время отъ времени меня балуетъ мать посылками...

— Доставъ изъ комода коробку съ сушенымъ кіевскимъ вареньемъ, я по-джентльменски предложилъ Вѣрѣ. Та вскинула на меня немного смущенный взоръ и, протянувъ руку, затруднилась...

— Берите рукою!.. Не стѣсняйтесь!..

— А вы... измѣнились.

— Почему или, лучше сказать, въ чемъ?

— Такъ, вообще...

— Въ какую сторону?..

Я подсѣлъ къ Вѣрѣ, и мы стали говорить другъ о другѣ. Я смотрѣлъ на Вѣру и думалъ: «а недурненькая вышла особа, похорошѣла, порозовѣла и, кажется, значительно поумнѣла, а глаза такъ прямо интересны».

Вспоминали прошлое; Вѣра относилась къ нему скептически:

— Боже мой, какіе мы были тогда ребята!..

— Теперь вы носите косы... А тогда ваши волосы разсыпались по плечамъ, наподобіе ангела... Признаюсь: косы мнѣ нравятся больше...

— А помните, какія косы были у Зои?..

— Немного помню...

— Она въ Петербургѣ...

— Вотъ какъ! Что же она тамъ дѣлаетъ?

— Кончаетъ консерваторію... У ней, говорятъ, замѣчательный голосъ...

— Не знаю... Не имѣю никакихъ свѣдѣній... А вы... вы съ ней въ перепискѣ?

— Нѣтъ, но у насъ въ Вологдѣ есть одна ссыльная курсистка... Онѣ знакомы...

Я старался дѣлать равнодушное лицо, но чувствовалъ, что это мнѣ не удается, а потому поспѣшилъ перейти на другую тему...

— Какъ живется въ Вологдѣ? У насъ не такъ, чтобы особенно весело. Больше вздоримъ, чѣмъ... Нѣтъ солидныхъ, основательныхъ, интересныхъ людей.

— А Куренковъ и Марья Петровна?... Куда еще тебѣ основательнѣе?—вмѣшался Касьяновъ.

— Да, но они... прошлое!..

— А мы?

— Мы пока—щепки. Лѣсъ рубятъ, щепки летятъ. Мы съ тобой, да и прочая братія—щепки... Въ будущемъ, быть можетъ, изъ насъ выйдетъ что-нибудь...

— У насъ есть интересный народъ... Теперь идетъ война съ однимъ новымъ господиномъ... Вамъ, конечно, знакомы послѣднія теченія въ революціонныхъ кружкахъ?

— Ничего неизвѣстно... Живемъ да хлѣбъ жуемъ... Журналы, впрочемъ, читаемъ. Тамъ больше съ Толстовщиной воюютъ, да и то что-то стихаетъ...

— Про похороны Шелгунова знаете?..

— Мало...

Вѣра начала разсказывать про похороны Шелгунова, про возрожденіе партіи «Молодой Народной Воли», про нарожденіе соціалъ-демократіи...

Мы слушали и конфузливо мялись, чувствуя свое абсолютное невѣжество. Вѣра говорила складно и горячо, чувствовалась темпераментная революціонерка, находящаяся въ курсѣ дѣла, начитанная и освѣдомленная... Эхъ, я совсѣмъ отсталъ!.. Совѣстно, и кажется, что Вѣра умнѣе насъ обоихъ. Вотъ тебѣ и Вѣрочка Игнатовичъ, которая казалась когда-то смѣшной и глуповатой! Все смѣшное исчезло, а пришло новое. Измѣнились даже походка и жесты: нѣтъ рѣзкости, угловатости, ухарской грубоватости.

— Вы какъ относитесь къ марксистскому движенію?

— Я?..

— И ты, Вася?

— Мы не въ курсѣ, Вѣрочка!—пробормоталъ Касьяновъ, поѣдая изъ коробки сушеные фрукты. А я промолчалъ.

Гости посидѣли у меня около часу и, пошептавшись, встали.

— Увидимся!.. Заходите вечеромъ!..

— А гдѣ я васъ найду?

— Я думаю, Вася, у тебя... чай вечеромъ будемъ пить?.. Мнѣ хотѣлось бы поскорѣе познакомиться съ товарищами...

— Иди одна! Я не желаю...

— Что у васъ тутъ вышло?

— Пустяки! Касьяша все воюетъ со старшими... Отчасти изъ-за васъ вышло...

— Можно и къ вамъ...

— А, Козочка!.. Вотъ кстати!.. Одна изъ нашихъ лучшихъ коммунистокъ...—Познакомилъ Козочку съ Вѣрой. Осмотрѣли другъ друга довольно скептически, какъ умѣ-

ютъ смотрѣть другъ на друга только женщины, и нехотя перебросились двумя-тремя незначительными фразами. Немного стѣснялись другъ друга.

— Вы всѣ куда-то уходите?..

— Я, Козочка, не ухожу. Это только они, мои счастливые гости...

— Почему счастливые?—удивленно спросила Вѣра и повела глазами на меня, на Касьянова.

— Касьяновъ!.. Вы забыли о всѣхъ своихъ обязанностяхъ. За васъ все дѣлаетъ Гришенька... Мы съ Гришенькой,—тихо упрекнула Козочка.

— Изъ вашего монастыря я вышелъ!—огрызнулся Касьяновъ.

— Неужели это—серьезно?..

— Мнѣ надоѣлъ вашъ учитель жизни!

— Но вѣдь тамъ, кромѣ Павла Петровича,—другіе! Этимъ вы обижаете другихъ. Стоитъ придавать значеніе такимъ пустякамъ! Безъ того живется невесело, а вы еще сами...

— Я только защищался.

Вѣра, видимо, была уже посвящена въ происшедшую въ коммунѣ размолвку и вмѣшалась въ разговоръ:

— Конечно, все это ерунда, и не стоитъ, Василій Михайловичъ, раздувать въ принципы всякую мелочь... Онъ придетъ!..—спокойно добавила Вѣра.

— Да это у нихъ изъ всякой чепухи дѣлаютъ принципъ!..—возмущенно воскликнулъ Касьяновъ.

— Мы придемъ, придемъ!.. Непремѣнно. Не обращайте на него вниманія.

— Какъ это «не обращайте вниманія»?.. Нѣтъ, ужъ это, Вѣра, позвольте-съ, пока мнѣ не будетъ гарантирована неприкосновенность личности, я не намѣренъ...

— Какъ хотите, но я говорю отъ лица всѣхъ товарищей, а не отъ себя... Вчера у насъ было собраніе, и

мы признали васъ правымъ... Вы, Геннадій Николаевичъ, почему не пришли?

— Я боюсь такихъ щекотливыхъ собраній... А главн е—я былъ занятъ: писалъ и не хотѣлось прерывать работу: потомъ долго бы не могъ настроиться...

— Всѣ признали мой образъ дѣйствій правильнымъ? —радостно спрашивалъ Касьяновъ Козочку.

— Ну да, да!.. Говорю вамъ.

— Неужели и Марья Петровна?..

— Передъ ней вы виноваты, какъ передъ женщиной, и лучше, если извинитесь.

— А гдѣ же равноправіе? Въ такомъ случаѣ, пусть Куренковъ извинится предо мною, какъ предъ мужчиной!..

— Я съ нимъ поговорю... Не безпокойтесь...—значительно замѣтила Вѣра.

— Какъ передъ женщиной!.. Я даже сомнѣваюсь: не переряженный ли она мужчина?.. Въ ней женственность-то и не ночевала...

— Василій!.. Какъ вамъ не совѣстно болтать такую пошлость?..

— Не буду, не буду!.. Сорвалось, братцы... Извиняюсь!.. Согласенъ извиниться передъ Марьей Петровной, признать ее женщиной, все, что угодно, но извиняться передъ учителемъ жизни—ни за что на свѣтѣ!..

— Этого онъ и самъ не требуетъ...

— Придемъ, придемъ!.. Я приведу его...

Ушли. Княжна осталась. Она присѣла у стола, облокотилась и смотрѣла въ полъ. Лицо у ней было странное, какая-то напряженная мысль приподняла брови, положила складочку на лбу.

— О чемъ вы, родная, задумались?

— Скучно что-то...

Помолчали.

— Отчего вы такіе злые, неделикатные, нудные... Раньше я думала, что...

— Васъ кто-нибудь обидѣлъ?

— Всѣ.

— И я?

— Съ вами мнѣ какъ-то лучше, проще я чувствую себя съ вами...

— Хотите сладостей?.. Э, да Касьяновъ почти все съѣлъ... Возьмите!..

Козочка взяла нѣсколько вишенокъ къ себѣ на ладошку, механически клала ихъ въ ротъ и задумчиво говорила:

— Все спорятъ, спорятъ, спорятъ... А я не могу даже понять, о чемъ... Я совсѣмъ глупая и не могу разобраться... Запуталась совершенно... Можно подумать, что мы—не друзья, а враги...

— Мнѣ, Козочка, иногда приходитъ въ голову то же самое. Мы сектанты, но разныхъ толковъ, а такъ какъ прямого дѣла у насъ нѣтъ, то вся наша энергія уходитъ въ толкованія своихъ священныхъ текстовъ и въ посрамленіе чужихъ... Мы—книжники... Вся наша жизнь только въ книгахъ.

— Но, все-таки, развѣ нельзя быть ласковыми другъ съ другомъ?.. Иногда такъ хочется ласковаго слова, хочется, чтобы всѣ были дружны, уважали и любили другъ друга, помогали...

Козочка опять пригорюнилась, помолчала и какъ-то неожиданно, по-дѣтски, перескочила:

— Сегодня утромъ я проснулась, а на стѣнѣ солнышко, зайчики, а подъ окномъ воробушки разговариваютъ... И мнѣ такъ захотѣлось домой, такъ захотѣлось къ мамѣ!..

Заплакала, какъ маленькая дѣвочка.

— Хо-чется до-мой, а когда сказала Парашѣ, она спросила: а не хочешь ли манной кашки?.. Зачѣмъ такъ.. жестоко?..

Было мнѣ жаль бѣдненькую Козочку и трудно было удерживать серьезность. Это предложеніе «манной кашки» такъ шло къ этому наивному ребенку, въ вырвавшейся тоскѣ по дому и по мамѣ, было столько дѣтской жалобы и горя, что я положительно растрогался. Подошелъ сзади, погладилъ по головкѣ и, наклонившись, приложился губами къ щекочущему пуху волосъ...

— Эхъ, бѣдненькая дѣточка!..

Вспомнилъ исторію съ поцѣлуемъ ручки и испугался, что снова совершилъ преступленіе. Однако, на этотъ разъ Козочка даже не замѣтила или не захотѣла замѣтить преступнаго выраженія моей симпатіи и состраданія. «И это—политическая преступница!..» думалъ я, глядя на отирающую ажурнымъ платочкомъ слезы дѣвушку...

— Какъ весна подходитъ, такъ и тоска...

— А почему ваша мама не пріѣдетъ къ вамъ въ гости?..

— Она въ больницѣ... Быть можетъ, я съ ней никогда не увижусь... Не доживетъ до моего освобожденія... А братъ въ Сибири...

— А... женихъ?

— Я вамъ сказала неправду. Нѣтъ у меня никакого жениха... Есть человѣкъ, котораго я люблю, но онъ... Онъ меня не любитъ... Прощайте, я пойду гулять. Одна хочу... Никого мнѣ не надо!..

Не подала руки, кивнула головкой и ушла. Зашевелилось въ душѣ безпокойство: кто этотъ, котораго она любитъ, а онъ—не любитъ? Ужъ не я ли?.. Какъ-то смятенно и неожиданно быстро прозвучало это душевное признаніе, словно вырвалось на волю послѣ долгихъ

мукъ и колебаній... Я ходилъ и припоминалъ все, что могло подтвердить эту случайно пришедшую въ голову мысль: благоговѣйные пугливые взгляды изъ уголка, ревнивыя нотки въ голосѣ, когда застаетъ насъ съ Парашей рядышкомъ, склонность во всемъ признавать мою авторитетность... «Мнѣ съ вами хорошо». Неужели моя догадка... Да нѣтъ, не можетъ быть! Просто я сумѣлъ поближе подойти къ этой чистой, дѣтски-наивной душѣ своей простотой и искренностью, быть можетъ, заинтересовалъ тѣмъ, что сочиняю стихи и разсказы... Какое самомнѣніе: непремѣнно побѣдилъ!.. А что, если это именно такъ: не имѣлъ намѣренія, но побѣдилъ? Въ моемъ отношеніи къ ней есть нѣкоторая нѣжность, но совсѣмъ другого порядка: старшій братъ и младшая любимая сестренка... Нѣтъ, нѣтъ, не дай Богъ!.. Если что-нибудь подобное начинается, надо поскорѣе оборвать... Надо быть осторожнѣе, не давать никакого повода обманываться. Слишкомъ хрупкое существо...

— Ахъ, зачѣмъ я опять растрогался и поцѣловалъ ее въ голову?..

Пришелъ на память бѣдный Гришенька, и положеніе еще болѣе осложнилось. Не попасть бы еще въ герои тяжелаго романа! Ой, ребятишки, впутаете вы меня въ свою любовную канитель!.. Довольно съ меня и того, что испыталъ и пережилъ...

Положеніе казалось безвыходнымъ. Обвинивъ себя самого безъ всякаго снисхожденія, я начиналъ искать оправданій. Въ сущности, въ чемъ я виноватъ? Развѣ я могу кому-либо запретить любить меня? Я не увлекалъ и не старался внушить, что люблю и хочу взаимности, я не выказывалъ особеннаго предпочтенія... А если однажды поцѣловалъ руку, а теперь въ голову, такъ вѣдь этому сопутствовала только жалость и чисто братское

отношеніе! Все это—чепуха!.. Пуганая ворона куста боится...

Самъ прокуроръ, самъ и защитникъ. Обѣ рѣчи одинаково краснорѣчивы и убѣдительны, и тамъ, и здѣсь масса фактовъ и логики... Плутъ ты, логика, когда въ дѣло вмѣшивается любовь! Не ты ведешь, а тебя ведутъ, но ты умѣешь казаться совершенно независимой... А интересная метаморфоза съ Вѣрой Игнатовичъ... Любопытная стала особа... Отъ прежней и слѣда не осталось. Что она говорила про Зою?.. Косы!.. Живетъ въ Петербургѣ и учится въ консерваторіи! Прекрасный голосъ... Ну, что жъ, нашла свою дорогу—и слава Богу. Для революціи такія дѣвицы не годятся, а для оперы, для сцены,—лучше не найти. Представляю ее себѣ въ роли Маргариты, въ роли Татьяны изъ «Евгенія Онѣгина»... Хотѣлось бы когда-нибудь увидать и послушать издали, съ галереки, напримѣръ, какъ когда-то мы вмѣстѣ слушали... Сидѣли рядышкомъ и слушали...

Куда-а, куда, куда вы удали-ились...

И все-таки никогда и никого я такъ не любилъ и никогда не полюблю уже, какъ любилъ эту дѣвушку!.. Какъ я былъ счастливъ!.. И какъ страдалъ!..

Припоминались обрывки, моменты, клочки этого далекаго сна, иногда рисовалась съ мельчайшими подробностями обстановка, въ которой эти моменты пережиты... Я старался отдѣлаться отъ этихъ воспоминаній —и не могъ. Такъ бываетъ иногда съ мотивами: не хочешь, и поешь... Все это возбудила Вѣра...

— Ассоціація идей!—успокоилъ я себя вслухъ, но ассоціація продолжалась. А вѣдь все это—фикція, миѳъ, сказка. Все равно, что не было, а приснилось. Есть Вѣра Игнатовичъ, но совершенно не та... Вотъ такъ же есть гдѣ-то Зоя, но тоже не та. Той нѣтъ и никогда не будетъ... Никогда!..

Такъ до вечера я и не выпутался изъ ассоціаціи идей. А когда Сусанна принесла оправленную лампу съ балериной и въ полутьмѣ появился огонекъ, я чему-то очень обрадовался:

— Не надо огня, я ухожу, Сусанна!..

— На дворѣ постъ великій, люди говѣютъ, молятся, а ты все съ барышнями каталажишься.

— Грѣшенъ, грѣшенъ!.. Запри-ка за мной!..

— Эхъ вы, безбожники!..

XI.

Никогда не забуду этого вечера и ночи въ глухомъ сѣверномъ городкѣ! Какъ потерпѣвшіе крушеніе мореплаватели, мы жили на маленькомъ необитаемомъ островкѣ, окруженные безбрежной водяной пустыней, жили въ тѣсной кучкѣ, отрѣзанные отъ всего міра, отъ самой жизни... Здѣсь мы слѣпили свой маленькій муравейникъ и создали себѣ свою особенную муравьиную жизнь... Все, что можно было сохранить, мы сохранили: потребность мыслить, любить, ненавидѣть, бороться. Но все это, не имѣя питанія изъ большой человѣческой жизни, сдѣлалось худосочнымъ и, не находя выхода, разряжалась внутри нашей же маленькой семьи... Привыкая къ жизни въ клѣткѣ, мы начинали забывать о просторѣ и мѣрить жизнь, ея радости и печали, ея муки и страданія своей маленькой мѣркой... Правда, долетали до насъ смутные слухи о другой, большой жизни, но они были такъ случайны и отрывочны, что не задѣвали глубинъ души и быстро затирались мелочами нашей семейной жизни...

Вѣра была тѣмъ кораблемъ съ далекаго материка, который, послѣ долгихъ, долгихъ лѣтъ, неожиданно привезъ намъ радость и хлѣбъ жизни и снова связалъ насъ,

оторванныхъ, съ далекими родными краями, гдѣ живутъ родные намъ люди...

Какъ нѣкогда меня, теперь коммуна собралась въ полномъ составѣ встрѣтить Вѣру. Помню, надежды на меня не оправдались, потому что, проживая до этого времени въ тюрьмахъ, я оказался менѣе свѣжимъ, чѣмъ сами коммунисты. Иначе вышло съ Вѣрой...

Уже при мимолетныхъ разговорахъ съ ней за чаемъ всѣ почувствовали, что гостья биткомъ набита новостями и можетъ ввести насъ, отсталыхъ, въ курсъ современнаго положенія дѣлъ. То одинъ, то другой подсаживался къ Вѣрѣ и дѣлалъ какой-нибудь запросъ; Вѣра начинала говорить, и вокругъ ея сбивались любопытствующіе...

— Нельзя ли громче!..

— Господа!.. Сядьте!..

Настроеніе становилось повышеннымъ. Вся комната, казалось, начинала пропитываться нервнымъ напряженіемъ. Какъ голодные, всѣ тѣснились къ Вѣрѣ и съ жадностью ловили каждое слово, которое она бросала въ перекрестный безтолковый допросъ.

— Господа! Такъ нельзя... Вы рвете меня на части... Я нахожу болѣе удобнымъ для себя и для васъ сдѣлать общій докладъ...

Съ шумнымъ восторгомъ мы встрѣтили предложеніе Вѣры и поторопились занять мѣста, разсыпавшись по всей комнатѣ. Должно быть, нашъ нервный подъемъ передавался и Вѣрѣ: щеки ея загорѣлись, глаза засверкали и странно какъ-то зазвучалъ ея голосъ, не такъ, какъ онъ звучалъ въ разговорѣ.

— Изъ отрывочныхъ разговоровъ, господа, съ вами, изъ нѣкоторыхъ вашихъ вопросовъ и личныхъ настроеній я вижу, что вы склонны думать, что реакція восторжествовала и что все погибло, все исчезло и не на что надѣяться... Наша интеллигенція издавна отличается

маловѣріемъ... Къ вамъ, впрочемъ, это не относится; вы долгое время были совершенно отрѣзаны отъ жизни...

— Нельзя ли покороче?—неожиданно раздался хриповатый голосъ Куренкова, но вслѣдъ за нимъ сердито пробѣжалъ общій ропотъ слушателей:

— Молчите!.. Слушайте и не мѣшайте другимъ...

— Просимъ продолжать!..

— Чѣмъ длиннѣе, тѣмъ лучше. Кто не желаетъ, пусть уходитъ...

— Просимъ продолжать...

Вѣра не смутилась. Вотъ молодецъ! Какъ она умѣетъ владѣть собою!

— Могу въ нѣсколькихъ словахъ. Слушать меня, конечно, необязательно...

Взрывъ поощреній съ выпадами по адресу Павла Петровича.

— Извиняюсь,—сердито огрызнулся онъ.

Я окинулъ бѣглымъ взоромъ аудиторію и замѣтилъ торжествующій видъ Касьянова и блѣдное личико Козочки, которая, опершись обѣими руками на столъ, казалось, хотѣла съѣсть Вѣру своими расширившимися глазами.

— Просимъ!.. Просимъ!.. Подробнѣе... Некуда намъ торопиться...

Вѣра глотнула чаю, поправила прическу и стала продолжать:

— Господа, не будемъ уподобляться тому Щедринскому животному, которое, никогда не видя солнца, перестаетъ вѣрить въ самое его существованіе!..

Дружный хохотъ. Слабая попытка похлопать въ ладоши...

— Обрадовались, что ихъ обругали,—прошепталъ кто-то въ углу.

— Тише! Молчать!..

— А вѣдь солнце существуетъ! Заходитъ и восходитъ... Я сейчасъ постараюсь вамъ доказать, что уже близокъ восходъ, что на небесахъ уже начинаетъ румяниться зорька...

И Вѣра начала разсказывать о нарождающемся пробужденіи, о новой волнѣ, которая бѣжитъ къ берегамъ жизни. Въ Петербургѣ образовались и работаютъ группа народовольцевъ и нѣсколько соціалъ-демократическихъ кружковъ. Народовольцы имѣютъ уже типографію. Пока всѣ работаютъ сообща, хотя во многомъ весьма существенно расходятся. Главный пунктъ разногласія—политическая свобода. Народовольцы, какъ вамъ извѣстно, желаютъ добыть ее посредствомъ общихъ усилій интеллигенціи и народа, а наши соціалъ-домократы говорятъ, что прогрессивная буржуазія должна предоставить это дѣло рабочимъ.

— Жди у моря погоды!—нервно выкрикнулъ младшій Куренковъ и встрѣтилъ общее одобреніе.

— Господа! Пока воздержимся отъ выраженій собственнаго мнѣнія и выслушаемъ до конца!—бросила Вѣра и снова начала говорить, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ. Кромѣ народовольцевъ и соціалъ-демократовъ народилась еще совершенно новая партія «Народнаго права»... Послѣдняя—органъ прогрессивной либеральной буржуазіи и прислуживающей ей интеллигенціи. Съ толстовщиной совершенно покончено, какъ и съ культуртрегерствомъ. Слава Богу, Михайловскій разбилъ этотъ вредный кошмаръ нашей общественной мысли...

— Чепуха!..

— Мы просимъ Павла Петровича не дѣлать замѣчаній...

Опять общій ропотъ, негодованіе, предложеніе уйти и не слушать... Но Павелъ Петровичъ уходить не желаетъ...

— Въ такомъ случаѣ молчите! Будете говорить послѣ, если мы захотимъ слушать!—крикнулъ запальчиво Касьяновъ, а Вѣра строго посмотрѣла въ его сторону и съ упрекомъ качнула головой. Нервы были натянуты какъ струны, и самое легкое прикосновеніе давало громкій гармоничный аккордъ.

— Просимъ, просимъ!.. Благодаримъ...

Не знаю какъ было на самомъ дѣлѣ, но намъ, слушателямъ, казалось, что тамъ, гдѣ насъ нѣтъ, опять кипитъ дѣло, что пришелъ конецъ общей спячкѣ, что волна катится огромная, можетъ быть—девятая. И радостно трепетали душа и тѣло, и казалось, что недолго намъ осталось здѣсь киснуть, что мы снова спаялись съ общимъ дѣломъ и... если не герои, то непремѣнно обязаны быть и будемъ ими...

— Народовольцами изданы программа и брошюра «Подготовительная работа партій». Программа остается почти безъ измѣненій, основные принципы народовольчества—тѣ же. Впрочемъ, есть измѣненіе. Раньше, какъ вамъ извѣстно, въ программѣ было: «по основнымъ своимъ убѣжденіямъ мы—соціалисты и народники», теперь слово «народники» выкинуто...

Общее недоумѣніе, шопотъ, переглядываніе...

— Повторите!.. Что выкинуто?..

— «Народники»...

— Какъ такъ?.. Въ чемъ дѣло?.. Почему?..

— Это—ерунда! Не можетъ этого быть,—визгливо выкрикнула Марья Петровна.

— Я вамъ дѣлаю докладъ, а вовсе не предлагаю вырабатывать программу,—съ легкой досадою въ тонѣ отвѣтила Вѣра.—Какъ видите, программу выработали безъ нашего участія...

— Это предательство!.. Это поддѣлка соціалъ-демо-

кратовъ!—не унималась разволновавшаяся Марья Петровна.—Я отказываюсь принять такую программу...

Марья Петровна тискалась къ докладчицѣ, махала руками и вообще намѣревалась надѣлать непріятностей...

— Что же вы на меня-то сердитесь?.. Я тутъ не при чемъ...—съ сдерживаемымъ смѣшкомъ говорила Вѣра...

— Они выкинули!.. Они выкинули!.. Народъ выкинули!..

— Позвольте: народъ и народники—не одно и то же...

— Все для народа и все посредствомъ народа!—выкрикнула Марья Петровна.

Общее смятеніе все усиливается. Коммуна жужжитъ, какъ потревоженный улей, и на фонѣ этого жужжанія звенитъ почти истерическій голосъ Марьи Петровны.

— Тише!.. Не визжите, ради Бога... Васъ никто не рѣжетъ...

— Отлично! Поздравляю и кланяюсь!—захрипѣлъ голосъ стараго Куренкова.—Вы радовались, что съ толстовщиной кончено... Ну вотъ, теперь видите сами, что со всѣми... со всѣми вами кончено!.. Всѣхъ васъ единымъ взмахомъ выкинули вонъ!.. Вѣдь выкинутое слово—историческій лозунгъ, на которомъ у русской интеллигенціи построенъ самый фундаментъ общественнаго зданія!.. Имѣю честь кланяться...

Куренковъ сдѣлалъ иронический поклонъ Вѣрѣ и ушелъ въ свою комнату. Его послѣднее слово произвело впечатлѣніе: всѣ сразу примолкли. Предъ нами выросла «неразрѣшимая загадка». Словно кто-то пришелъ и поставилъ насъ вверхъ ногами. При всемъ скептическомъ отношеніи къ Марьѣ Петровнѣ и Куренкову, большинство на ихъ сторонѣ.

Я первый нарушилъ зловѣщее молчаніе:

— Не можетъ ли докладчица объяснить намъ тѣ

основанія, на которыхъ сдѣлано новыми народовольцами такое... непонятное измѣненіе?..

Вѣра кинула на меня нѣсколько смущенный взглядъ и отвѣтила:

— Геннадій Николаевичъ!.. Вамъ извѣстно, что я все время была въ ссылкѣ и потому мои свѣдѣнія тоже неполны и получены изъ вторыхъ, а можетъ быть, и изъ третьихъ рукъ...

— Быть можетъ, слово «народники» вовсе не выкинуто? Вы повторяете ложный слухъ?

— Вотъ это я могу подтвердить безъ всякихъ сомнѣній: я сама, собственными глазами, читала новую программу, и въ нашей колоніи были по этому поводу большіе разговоры. У насъ было иначе: мы не бранились и не говорили другъ другу непріятностей, но во мнѣніяхъ разошлись.

— Ну, не можете ли вы хотя приблизительно передать, въ чемъ тутъ разногласіе?

— У меня лично такое впечатлѣніе, что это результатъ нѣкоторой конвенціи и уступокъ соціалъ-демократамъ... Вѣроятно, программа вырабатывалась совмѣстными силами... Вотъ все, что я могу сказать... Мнѣ хочется добавить: въ свое оправданіе, господа!..

Начались шумные разговоры о нашей сеціалъ-демократіи. Мы не хотѣли вѣрить, что такая существуетъ. Быть можетъ, есть кружочки, но партіи быть не можетъ. Это абсурдъ. Нѣтъ капитализма. Нѣтъ буржуазіи въ западно-европейскомъ смыслѣ. Не рабочій, а мужикъ— сила родины.

— Плехановъ съ Вѣрой Засуличъ, сидя за границей, выдумали ее у насъ!..

— Вамъ извѣстно, господа, о первомъ выступленіи нашихъ рабочихъ на похоронахъ Шелгунова?—спросила Вѣра.

— Кучка сознательныхъ рабочихъ—не партія! У народовольцевъ всегда были и будутъ рабочіе...

— Слава Богу, что ожили... Слава Богу, что опять ожили!—нервно, чуть не со слезами, пищалъ Гришенька.—Надоѣло спорить... Надо дѣлать... Кто какъ хочетъ и какъ можетъ... Пусть слова выкидываютъ, а дѣло дѣлаютъ! Я необразованный человѣкъ и не могу въ этомъ разобраться... А я... я одно могу сказать: честь имъ и слава!.. Мой низкій поклонъ!..

Въ какомъ-то экстазѣ Гришенька отдалъ Вѣрѣ низкій земной поклонъ и до слезъ растрогалъ Козочку, которая вдругъ прильнула и поцѣловала Вѣру...

— Меня-то за что?.. Миленькая!.. Да я-то тутъ при чемъ?.. Я, какъ и вы...

— Нѣтъ, нѣтъ!—выкрикнулъ Гришенька.—Вы пришли и утѣшили... А то жить нечѣмъ, дышать нечѣмъ!..

Нервы такъ напряглись, что перестали выдерживать все усиливающееся напряженіе... Еще немного, и люди перестанутъ владѣть собою... Было радостно и тяжело; и голова, и сердце бились въ какихъ-то судорожныхъ трепетахъ...

Послѣ трогательной сцены Козочкинаго порыва, какъ-то легче стало на душѣ, и непонятное новое, что властно пришло и ворвалось диссонансомъ въ наше взлелѣянное міросозерцаніе, перестало томить и мучить. Какъ бы тамъ ни было, а мы всѣ—братья, всѣ боремся за одно народное счастье... и за общій идеалъ будущаго...

Опять начали разговаривать ласково другъ съ другомъ и съ Вѣрой, и она разсказала еще много-много интересныхъ новостей...

— А объ Якутской исторіи вы знаете?..

— Да, хотя въ общемъ... Это ужасно, это ужасно!..

— Вы знаете подробности?..

— Ради Бога!..

Обсѣли Вѣру тѣснымъ кольцомъ, и она намъ разсказала эту трагедію во всѣхъ ея кровавыхъ подробностяхъ. Люди обрекались на голодную смерть въ сугробахъ дальняго сѣвера и рѣшили отказаться туда слѣдовать. Пусть берутъ силой! Будемъ защищаться. Въ итогѣ шестеро убиты трое повѣшены...

— У меня, господа, есть письмо одного изъ повѣшенныхъ. Хотите, можно прочитать...

— Ради Бога! . Ради Бога!..

Вѣра позвала Касьянова, пошепталась съ нимъ, и тотъ, нахлобучивъ шапку, проворно вышелъ.

— Сейчасъ принесетъ, господа...

Пока Касьяновъ ходилъ за письмомъ, мы продолжали, сбившись въ нервно-трепещущую кучку, слушать разсказъ Вѣры о смерти далекихъ и близкихъ намъ людей, словно были всѣ родные между собой и слушали о своихъ любимыхъ братьяхъ по крови... Пришелъ Касьяновъ, сунулъ въ руки Вѣры листикъ бумаги, и мы всѣ замерли, застыли, затаили дыханіе:

«Дорогой мой, родной, голубенькій сынишка, мой милый, несчастный Митюшка! Я уже исполнилъ свой послѣдній долгъ, и послѣднія мои мысли, послѣднія мои слова да принадлежатъ тебѣ. Я виноватъ предъ тобою, родной мой: я далъ тебѣ жизнь, а самъ покинулъ тебя въ раннихъ младенческихъ лѣтахъ, оставивъ тебя въ рукахъ у бѣдной изстрадавшейся матери. Простишь ли ты меня когда-нибудь такъ чистосердечно, такъ хорошо, какъ простила меня твоя хорошая мама? Она разскажетъ тебѣ всю мою жизнь, и, быть можетъ, ты поймешь меня, быть можетъ, полюбишь память мою... Господи, дай мнѣ это благо! Дай мнѣ эту послѣднюю надежду. Я не знаю, когда тебѣ приведется читать эти мои послѣднія строки. Быть можетъ, наша многострадальная родина вздохнетъ свободнѣе и оживетъ подъ лучами солнца свободы и пра-

вды. Быть можетъ, ты, дорогой, безцѣнный, будешь жить уже совершенно иною, болѣе счастливой жизнью... О, дай тебѣ Богъ! Намъ же пришлось жить въ тяжелыя, мрачныя времена, когда страшный ураганъ безпощадной борьбы уносилъ съ любимой родины безвозвратныя жертвы. Одной изъ такихъ жертвъ былъ и я... Мнѣ пришлось болѣе пяти лѣтъ сидѣть по тюрьмамъ, я вынесъ ссылку и солдатчину и вотъ завтра я умру на плахѣ. Сейчасъ я сижу, а рядомъ со мной ты спишь, а твоя мать душитъ въ себѣ слезы, бодрится, я же, вѣрь, мучаюсь теперь однимъ только сознаніемъ причиняемаго вамъ горя. Если бы не это сознаніе, я весело бы пошелъ на плаху, весело бы взглянулъ въ послѣдній разъ на свѣтъ Божій и отдалъ бы душу за други своя... Да благословитъ тебя Богъ! Да не покинетъ тебя всю жизнь вѣра живая въ царство правды, свободы, добра!.. А затѣмъ цѣлую тебя многое множество разъ. Прощай!..»

Мертвая тишина комнаты во время чтенія этого письма пугалась то и дѣло вырывающихся затаенныхъ вздоховъ и какихъ-то нервныхъ толчковъ, шумовъ и прерывистаго дыханія. И когда тихо прозвучало послѣднее слово: «прощай!», Козочка истерически зарыдала, а гдѣ-то въ полутемномъ углу грохнулся на полъ человѣкъ... Молча, безъ единаго слова или вздоха...

Въ истерическомъ плачѣ женщинъ было слышно, какъ товарищи возились съ младшимъ Куренковымъ, впавшимъ въ глубокій обморокъ. Что-то кричали и суетились... Я не выдержалъ. Схватившись за голову, я выбѣжалъ на дворъ, бросился на снѣгъ и началъ глотать его вмѣстѣ съ душившими меня слезами...

А съ далекихъ молчаливыхъ небесъ безстрастно и пристально смотрѣли зеленоватые огоньки весеннихъ звѣздъ...

— Господи! Гдѣ же ты?—шепталъ я, устремляясь взорами въ синеватую бездну небесъ, и глоталъ слезы...

Спустя получаса въ комнатахъ водворилась тишина. Женщины успокоились по своимъ комнатамъ, и не было болѣе слышно ни вздоховъ, ни всхлипываній. Мы, мужчины, сидѣли съ опущенными головами и не смотрѣли въ лица другъ другу. Потомъ вышли на цыпочкахъ изъ комнаты Козочки. Вѣра жестомъ головы предложила расходиться...

Въ гробовомъ молчаніи, боясь всякаго рѣзкаго движенія, всякаго звука, мы одѣлись и неслышно вышли на улицу. Я чувствовалъ себя такъ, словно возвращался съ кладбища, послѣ похоронъ горячо любимаго человѣка. Должно быть, и другіе чувствовали то же: мы жались другъ къ другу, говорили между собой вполголоса, съ братской нѣжностью...

Словно вымеръ маленькій городокъ: ни одного звука, ни одного шороха! Только наши шаги одиноко и странно звучатъ въ этомъ мертвомъ царствѣ, пугая затаившіеся въ снѣгахъ домики. Изрѣдка въ холодномъ блескѣ оконныхъ стеколъ играютъ отсвѣты теплящихся лампадъ, то розовые, то синіе, но людей не видно и не слышно. Только мы, одни мы!..

Маленькая горсточка чужихъ пришельцевъ, какихъ-то иностранцевъ, молящихся своему богу, говорящихъ на своемъ языкѣ, иначе думающихъ и иначе чувствующихъ...

Изрѣдка мы перебрасывались словами и не надо было договаривать своихъ мыслей:—понимали другъ друга съ полуслова, съ одного жеста, одного вздоха, междометія... Исчезла всякая рознь, всѣ разногласія сдѣлались мелкими и ничтожными... Но не любовь, а злоба и жажда мести роднили теперь насъ въ одну братскую семью, въ

которой не было ни старшихъ, ни младшихъ, ни счастливыхъ, ни несчастныхъ...

Провожая другъ друга, мы долго бродили по мертвымъ улицамъ: не хотѣлось разставаться и терять товарищей. Прощаясь, особенно крѣпко жали другъ другу руки, и эти рукопожатія говорили намъ больше, чѣмъ могли бы выразить тысячи словъ...

Вернувшись домой, я улегся было спать, но мысль и фантазія продолжали работать съ какой-то лихорадочной торопливостью, заставляя снова переживать то, что было только что пережито. Дѣлалось душно и жарко отъ безсильной злобы; хотѣлось выбѣжать на улицу и закричать:

— Что же вы спите? Что же вы спите?..

Я вскочилъ съ постели и, раскрывъ фортку, сталъ жадно пить свѣжій воздухъ, смотрѣлъ на холодную синеву звѣздныхъ небесъ и шепталъ:

— Господи, гдѣ же ты? гдѣ?..

Изъ сомкнутыхъ глазъ сочились слезы, а когда я раскрывалъ глаза, звѣзды начинали дрожать въ слезахъ и безмолвно плакать вмѣстѣ со мною.

«Братья, терпѣнье и твердость въ страданьяхъ!..»— шептали мои губы, а душа кипѣла отъ злобы и негодованія... Все, терпѣніе, терпѣніе, терпѣніе...

Когда же конецъ? когда конецъ?.. Нѣтъ конца...

Тихо-тихо кругомъ. Ни звука, ни шороха. Тихо на землѣ и тихо на небесахъ. Огромный куполъ блѣдно-синихъ небесныхъ высотъ безстрастно холоденъ и нѣтъ ему никакого дѣла до страстей человѣческихъ, до нашей справедливости, до нашего добра и нашего зла... И вовсе не плачутъ вмѣстѣ со мною звѣзды. Нѣтъ, онѣ одинаково равнодушны и къ жизни, и къ смерти человѣческой, эти глаза страшной и непонятной вѣчности... Зачѣмъ же ты, человѣкъ, обращаешь свои скорбные взоры въ пу-

стую, равнодушную звѣздную глубину? Много тысячъ лѣтъ она тебя обманываетъ, а ты все попрежнему простираешь къ ней руки и на что-то надѣешься...

Тихо-тихо кругомъ. Въ окнѣ противоположнаго домика мерцаетъ красноватый отблескъ теплящейся въ переднемъ углу лампадки передъ образомъ...

— Что же вы спите?.. Что же вы спите?..

Никто не услышитъ. Спятъ крѣпко и сладко...

XII.

Вѣра Игнатовичъ оказалась тѣмъ сказочнымъ рыцаремъ, который пробуждаетъ отъ злыхъ чаръ волшебника спящую царевну. Вѣра напоила насъ живой водою жизни, и мы встрепенулись и ожили. Загорѣлась энергія, жажда дѣятельности, вѣра въ торжество нашей идеи. Вѣра на первыхъ порахъ всѣхъ насъ сблизила, сроднила... Коммуна преобразилась: опять чтенія, рефераты, споры, организація кассы взаимопомощи, установленіе связей съ центрами, попытка завязать сношенія съ мѣстными рабочими, ремесленниками и служащими на почтѣ, въ лавкахъ, въ городской управѣ, въ библіотекѣ, съ учениками городского училища... Быть можетъ, не было отъ этого и никакихъ существенныхъ результатовъ, а было больше курьезовъ и недоразумѣній; но намъ казалось, что дѣло закипѣло. Особенно тормошились наши женщины и съ ними Гришенька. Гришенька пересталъ спрягать латинскіе глаголы, откинувъ мысль о самоубійствѣ, и готовъ былъ молиться на Вѣру Игнатовичъ:

— Вотъ это—женщина!—шепталъ онъ, поднимая взоры къ небу, когда я говорилъ съ нимъ о Вѣрѣ.

Всѣ скопившіеся у насъ толстые журналы пошли въ дѣло: изъ нихъ мы выдрали наиболѣе интересныя статьи по общественнымъ, политическимъ и экономическимъ

вопросамъ, дополнили ихъ кое-какой нелегальщиной и нашими собственными тенденціозными книгами—и пошла пропаганда революціонныхъ идей среди мѣстныхъ жителей. Мы копошились, таинственно сносились другъ съ другомъ и съ двумя-тремя жителями изъ тайныхъ своихъ учениковъ. И даже отшатнувшіеся было на первыхъ порахъ супруги Куренковы и Марья Петровна стали впутываться въ наши дѣла, помогать и одобрять. Но все это продолжалось очень недолго. Однажды пріѣхалъ къ намъ новый свѣжій человѣкъ, по имени Николай Бересневъ, возвращавшійся изъ ссылки—и послѣ перваго же реферата этого молодого человѣка, пошла прахомъ вся наша работа, такъ какъ мы окончательно переругались и почувствовали себя непримиримыми врагами. Бересневъ оказался среди насъ новой птицей и запѣлъ совершенно новыя для насъ пѣсни... До сихъ поръ мы только по наслышкѣ знали о марксистахъ и нашихъ соціалъ-демократахъ, а тутъ столкнулись съ этимъ рѣдкимъ видомъ носъ къ носу. Рефератъ Береснева подѣйствовалъ на нашу коммуну, какъ разорвавшаяся бомба: кого убилъ на смерть, а кого тяжело ранилъ, кого оглушилъ, а кого привелъ въ злобное бѣшенство. Кое-что мы уже знали отъ Вѣры объ этихъ новыхъ пророкахъ и, если помнитъ читатель, уже тогда дѣло дошло до крупныхъ недоразумѣній. А теперь...

Съ народомъ покончено: это—мелкій буржуа, отъ котораго не жди ничего хорошаго. Народъ надо бросить. «Все для народа и все посредствомъ народа» — это чепуха. Община—на смарку: она только тормозитъ дѣло и чѣмъ скорѣе рушится, тѣмъ полезнѣе. Личность въ исторіи—ноль; никакихъ героевъ нѣтъ, не было и совершенно ненужно. Терроръ — ненуженъ и безполезенъ. Народовольцы, какъ и народники, только идеологи либеральной буржуазіи. Всѣ политическія свободы не

стоятъ ломанаго гроша. Классовая борьба, историческая необходимость, производственныя отношенія—вотъ вся суть жизни и дѣятельности. Рабочій, одинъ рабочій носитъ въ себѣ всю истину, и только черезъ него суждено міру и человѣчеству обновиться...

Среди насъ, мелкихъ обломковъ разныхъ партій, и такъ было много путаницы, сомнѣній, колебаній, но все же оставалось нѣсколько твердыхъ еще основъ: народъ въ образѣ мужика, именно мужика, котораго насъ научилъ любить и жалѣть Некрасовъ; затѣмъ мужицкая община, хранящая несомнѣнные зачатки соціализма; культъ сознательной личности и героизма, братство, равенство и свобода, презрѣніе къ либераламъ... И вдругъ не остается камня на камнѣ!.. И сами мы только прихвостни либераловъ, хотя и безсознательные, но вредные... Вотъ тебѣ и герои!.. Вотъ тебѣ и мученики за идею всеобщаго счастія на землѣ!.. Ну, а какъ же тѣ, положившіе душу за други своя? Тоже—игрушка либеральнаго буржуа?..

Всѣ почувствовали личное оскорбленіе, оскорбленіе всѣхъ своихъ святынь, поруганіе надъ дорогими могилами, святотатство, кощунство... Впечатлѣніе отъ реферата, чтеніе котораго сопровождалось нетерпѣливыми, злобными выкриками и замѣчаніями, по окончаніи погрузило всѣхъ насъ въ гробовое молчаніе. Большаго врага, чѣмъ сидѣвшій среди насъ референтъ, въ этотъ моментъ у насъ не было на всемъ свѣтѣ... А онъ, красивый блондинъ съ правильными чертами лица, спокойно и неторопливо помѣшивалъ ложечкой въ чайномъ стаканѣ, покуривалъ и, прищуриваясь близорукими синими глазами, разсматривалъ окружающихъ...

— Ну-съ, господа, можетъ быть, мы приступимъ къ разговорамъ?.. Вѣроятно, среди насъ имѣются желающіе возражать мнѣ...

Куренковъ старшій насмѣшливо посмотрѣлъ на референта, покашлялъ въ руку и сказалъ:

— Вы гдѣ служете?..

— Я?..

— Вы, вы!..

— Я ссыльный... Что за вопросъ?!..

— Такъ. Между прочимъ.

— Вы желаете возражать?

— Избави Боже!.. Я еще съ ума не сошелъ...—отвѣтилъ старикъ и, хихикая, ушелъ въ свои комнаты.

Все это было не только сказано, а прямо сыграно, мастерски сыграно. Гробовое зловѣщее молчаніе сразу разрядилось сочувственнымъ хохотомъ. Вѣра остановила:

— Господа!.. Ничего смѣшного нѣтъ... Все это очень серьезно...

— Именно!—истерично выкрикнула Марья Петровна и открыла нападеніе...

Начала она почему-то съ общины. Это было досадно, потому что хотѣлось не частностей, а общаго, главнаго... Мы съ Гришенькой пытались остановить Марью Петровну и направить разговоръ къ центру, но она отмахивалась отъ насъ рукой и бросала:

— Дайте мнѣ кончить!.. Это невѣжливо...

Но конца не было видно. Съ общины Марья Петровна перескочила къ героямъ и тутъ начала такъ раздѣлывать докладчика, что казалось, будто она именно и есть тотъ герой, котораго не хочетъ признавать референтъ...

— Это просто свинство!.. Свинья подъ дубомъ вѣковымъ...—почти со слезами визжала Марья Петровна. Отъ ея визга было всѣмъ неловко и стыдно и отъ грубости ея выраженій пропадало наше сочувствіе къ ораторшѣ по существу. Возраженія теряли свою убѣдительность и начинали казаться безсиліемъ. Между тѣмъ референтъ велъ себя спокойно, съ достоинствомъ, внимательно

слушалъ и невозмутимо сносилъ всѣ обиды, по временамъ что-то записывалъ на листочкѣ и кивалъ головой. Кончила Марья Петровна, запыхалась, раскраснѣлась, начала пить воду и стучать о стаканъ зубами...

— Кто, господа, еще желаетъ?..

У всѣхъ горѣли яростью глаза и всѣхъ подмывало броситься въ единоборство съ дерзкимъ пришельцемъ, но почему-то никто не рѣшался. Думаю, что причиной этого была не трусость, а та огромная растерянность, которая овладѣваетъ людьми при внезапныхъ стихійныхъ катастрофахъ. Именно такую растерянность испытывалъ теперь и я. Пока докладчикъ читалъ, въ моей головѣ вихремъ кружились значительныя возраженія, фактическія ссылки, цитаты; все время я чувствовалъ слабыя мѣста доклада, все время горѣлъ нетерпѣливымъ желаніемъ разбить вдребезги эту новую ересь, а теперь, когда можно было это сдѣлать, я растерялся и никакъ не могъ поймать центра ереси, забылъ разомъ все, что рождалось при чтеніи, не могъ привести въ порядокъ тысячи мыслей, которыя кружились и путались, мѣшая другъ другу... Гдѣ онъ, центръ?.. Народъ?.. Почему мужикъ сталъ буржуемъ? Почему нѣтъ нравственнаго долга и нѣтъ и ненужно самопожертвованій?.. Почему братство, равенство и свобода—только пустыя красивыя слова, придуманныя идеологами буржуазіи для обмана угнетаемыхъ?..

— Господа!.. Кто еще желаетъ?..

Меня подмывало, я приподнимался на стулѣ, но не вставалъ, а оглядывался по сторонамъ, словно искалъ и ждалъ, что вотъ-вотъ кто-нибудь выполнитъ мою обязанность. Кто-то замѣтилъ мои приподниманія на стулѣ и крикнулъ: «Тархановъ говоритъ!..»

И я поднялся съ мѣста. Всѣ стихли, а я не могъ начать: губы мои высохли, и горло сжималось судорогой,

а передъ глазами все кружилось и прыгало. Мысли плыли, толкались словно толпа людей въ узкомъ проходѣ въ моментъ грозящей опасности, давили другъ друга и не подвигались. Зато ярко горѣло чувство возмущенія, негодованія, злобы...

— Господа!.. Не знаю, съ чего и какъ начать... Я испытываю такое состояніе, какое долженъ переживать сильно вѣрующій человѣкъ, когда ему хотятъ доказать, что никакого Бога нѣтъ... и что онъ... онъ просто дуракъ!..

Не мы, современные интеллигенты, а многія поколѣнія нашихъ предшественниковъ изъ разныхъ классовъ общества, начиная съ верховъ и кончая самымъ низомъ, во имя правды и справедливости на землѣ, во имя высмѣиваемыхъ здѣсь теперь идеаловъ братства, равенства и свободы, жертвовали всѣми личными благами, включая сюда самую жизнь свою... Вѣрующіе и невѣрующіе, одинаково, преклонялись предъ страдальцемъ Христомъ, который отвергнулъ всѣ раздѣленія людей на классы и поставилъ впереди единую человѣческую личность.. И вотъ, пришелъ неожиданно человѣкъ, плоть отъ плоти той же идейной многострадальной русской интеллигенціи, и говоритъ, что вся историческая, идейная и нравственная роль русской интеллигенціи должна пойти на смарку... Нѣтъ ни Бога, ни долга, ни совѣсти, нѣтъ жертвы, есть только слѣпая игра случая, какая-то историческая необходимость, и всѣ мы—только игрушка въ рукахъ этого новаго Рока!.. Ничтожество, ноль, пыль съ дороги!.. Мало того: оказывается, что десятки поколѣній, отдавшихъ жизнь за други своя, были просто пѣшками въ рукахъ обоготворяемой буржуазіи...

— Это все общія фразы! Прошу по существу!— строго замѣтилъ референтъ.

— Дайте говорить!..

— Не перебивать!.. Мы васъ слушали...

Общій ропотъ на референта, явное недоброжелательство къ нему и симпатіи въ мою сторону...

— Продолжайте!.. Просимъ!..

— Браво!..

Но продолжать я не могъ. Маленькая остановка и перерывъ оборвали стройный потокъ негодованія и возмущенія, надо было переходить къ возраженіямъ по существу. А я тяжело дышалъ, горло мое совершенно высохло и ноги подкашивались...

— Слишкомъ много и долго придется говорить и... вопросъ настолько огромный, что я предлагаю каждому желающему возражать, отвѣтить въ формѣ тоже реферата, а не спѣшными неподготовленными выступленіями... Референтъ приводитъ цифры, выдержки, цѣлыя страницы изъ книгъ.. Позвольте же и намъ выступить не съ пустыми руками и одной памятью!..

— Совершенно вѣрно!..—согласился Бересневъ.

— А позвольте васъ спросить: вы сами изъ какого класса происходите? — сердито спросилъ младшій Куренковъ...

— Ахъ, вы по личному вопросу... Я?

Младшій Куренковъ вскочилъ со стула и застылъ въ обличительной позѣ, съ обличительно протянутой рукою:

— Вы, именно вы!

— Развѣ вамъ это такъ важно знать?

— Необходимо.

— По паспорту я числюсь дворянином...

— Я спрашиваю про ваше происхожденіе!

— Я повторяю, что по паспорту я числюсь дворяниномъ.

— Почему же вы выступаете не подъ флагомъ вашей классовой подоплеки?..

— Да, да!..

— Именно?..

— Очень просто: фактически я не имѣю никакой связи съ дворянствомъ, какъ съ классомъ земельной буржуазіи. Я только по паспорту числюсь дворяниномъ, а...

— А на дѣлѣ вы—рабочій?—ехидно спросилъ Петръ и обвелъ торжествующимъ взглядомъ товарищей, посылавшихъ ему свое одобреніе сочувственными смѣшками.

— Нѣтъ, не рабочій. Я только идеологъ рабочаго класса.

— Отлично, вы—такой же интеллигентъ, какъ и мы, грѣшные... Мы люди разныхъ классовъ, вопреки нашимъ классовымъ и даже личнымъ интересамъ, исключительно доводами разума и совѣсти вышли на борьбу съ общественнымъ зломъ. Цѣль, къ которой мы всѣ устремляемся—одна, но пути—разные... Почему же вы—истинный поборникъ соціализма, а мы — идеологи либеральной буржуазіи? Если вамъ, вышедшему изъ дворянскаго класса, т. е. изъ той же буржуазіи, стали понятными и близкими идеалы соціализма, почему вы утверждаете, что всѣ мы—не соціалисты, а какіе-то не то обманщики, не то пѣшки, которыми играетъ либеральная буржуазія?.. Почему вамъ пролетарская психологія присуща, а намъ недоступна?.. Почему?..

Петръ задыхался, билъ себя кулакомъ въ грудь и все сильнѣе возвышалъ голосъ.

— По какому праву вы, новоявленный пророкъ, смѣете сводить къ нулю трудъ, работу, безчисленныя страданія, муки и гибель многихъ тысячъ русской интеллигенціи?.. Откуда вы пришли, что вы сами сдѣлали и какъ... какъ вы смѣете!.. какъ вы смѣете говорить съ русской интеллигенціей такимъ тономъ и такимъ языкомъ!..

— Не кричите: здѣсь нѣтъ глухихъ...

— Да, глухихъ нѣтъ!.. Но есть нахалы!..

— Вы сами нахалъ!..

— Господа!..

— Вы мнѣ доказывайте, а не ругайтесь... Руганью нельзя никого убѣдить.

— Я васъ и не желаю убѣждать... Я не хочу съ вами спорить!.. Я только защищаю честь и память тѣхъ безкорыстныхъ идейныхъ борцовъ, которые отдаютъ всю жизнь на благо родины и ея угнетаемыхъ сыновъ... Вы бросаете намъ обвиненіе въ буржуазности, а я вамъ на это оскорбленіе...

— Почему оскорбленіе?.. Роль либеральной буржуазіи въ историческомъ процессѣ весьма почтенна...—началъ было Бересневъ, но Петръ стукнулъ стуломъ и крикнулъ:

— Это вы—прихвостни буржуазіи, а не мы!.. Мы всегда боролись за благо бѣднаго трудящагося народа... а теперь оказывается, что спасеніе—черезъ буржуазію!.. Молитесь этому молоху, цѣлуйтесь съ нимъ, а насъ оставьте молиться нашимъ прежнимъ богамъ!.. Повторяю, что вы не пророкъ, а просто... нахалъ!..

Всѣ повскакали съ мѣстъ и начали успокаивать Петра и Береснева, который, наконецъ, вышелъ изъ терпѣнія и, стуча по столу, требовалъ немедленнаго извиненія. Почему-то всѣ женщины, кромѣ Марьи Петровны, столпились около Береснева, а мужчины и Марья Петровна—около Куренкова...

— Петръ!.. Петръ... Не надо!.. Потомъ...

— Мнѣ плюютъ въ душу, а я—молчи?..—истерически выкрикивалъ Петръ...

— Я не позволилъ себѣ ни одного дерзкаго слова... Я терпѣливо выслушивалъ всѣ личные выпады... Я ни-

когда, никому...—монотонно, но съ дрожью въ голосѣ, говорилъ гдѣ-то Бересневъ.

Мы съ Касьяновымъ были, конечно, всецѣло на сторонѣ Петра и ощущали тайное удовлетвореніе отъ той всклочки, которую Петръ задалъ новому пророку. Выбѣжавшій на шумъ старый Куренковъ, разузнавъ, въ чемъ дѣло, присоединился къ намъ же. Только Гришенька держался сомнительно, хотя и былъ между нами:

— Правду руганью не побѣдишь...

— Кто?.. Какую правду?.. По-вашему, кто же хотѣлъ побѣдить правду руганью? — наступала на Гришеньку Марья Петровна...

— Я говорю вообще...

— Нѣтъ, вы кого-то обвиняете и упрекаете, но кого именно?.. Гдѣ, по-вашему, правда?..

— Я—человѣкъ малообразованный...

Подошла Вѣра:

— Подите и извинитесь!..

— Кто?.. Онъ?.. Петръ?..

— Ну, да, конечно... Вѣдь Петръ позволилъ себѣ первый оскорбить Береснева!..

— Никакихъ извиненій! — пробасилъ Касьяновъ. — Онъ оскорбилъ не Петра, а всю русскую интеллигенцію... Я могу дать ему удовлетвореніе... Пророкъ!

Вѣра отошла съ Касьяновымъ въ сторонку, и было видно по жестамъ и сердитымъ лицамъ, что они ссорятся.

— Поди и извиняйся!.. Цѣлуйтесь съ вашей буржуазіей!.. Сдѣлайте одолженіе, утѣшайте, а меня оставьте въ покоѣ...—пробасилъ вдругъ сердитый голосъ, и Касьяновъ снова очутился около насъ.

— Поссорились?..

— А, ну!..—Касьяновъ раздраженно махнулъ рукой.

Лицо его горѣло красными пятнами, и въ глазахъ сверкало что-то похожее на ревность. Всѣ перессорились: Вѣра съ Касьяновымъ, Марья Петровна съ Гришенькой, потомъ Марья Петровна съ Вѣрой, а я—съ Парашей, которая очень критически отнеслась къ рѣчамъ Петра и моей:

— Вы ничего не доказали...

— А онъ доказалъ?..

— Онъ доказывалъ, старался доказывать фактами и цифрами... А вы только оскорбляли...

— Мы?.. Его?.. Это странно! Болѣе, чѣмъ странно...

— Напримѣръ, объ общинѣ... Онъ доказалъ цифрами, что никакого роста нѣтъ, а есть разрушеніе, что соціализмомъ тамъ давно не пахнетъ...

— А-а, не въ этомъ дѣло!.. Изъ-за деревьевъ вы лѣса не видите... Типичная женская манера разсуждать о мелочахъ, не видя главнаго...

— Вотъ какъ!.. Это ново... Раньше вы о женщинахъ говорили иначе...

— У васъ легче побѣдить физіономіей, чѣмъ логикой...

— Я съ вами не желаю разговаривать... Вы сами нахалъ!..

— Благодарю васъ!

— Не стоитъ благодарности. Кушайте на здоровье!..

Козочка какими-то страшными глазами смотрѣла на всѣхъ насъ и, казалось, вотъ-вотъ расплачется.

— Вы, княжна Разгильдяева, тоже сдѣлались марксисткой, или...

Козочка схватилась за мою руку, крѣпко стиснула ее и прошептала:

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Я съ вами, съ вами...

Опять начались споры о томъ, кто кого первый оскорбилъ и кто передъ кѣмъ долженъ извиниться.

— Идемъ... Ну ихъ къ чорту!..—тихо сказалъ Касьяновъ.

И, выбравшись въ переднюю, мы проворно одѣлись и ушли, молчаливые, обиженные, кѣмъ-то оскорбленные... Дошли до моего домика.

— Прощай!..

— Прощай!..

— Домой пойдешь?..

— Нѣтъ... Въ трактиръ... На билліардѣ играть... Ну ихъ всѣхъ, чортъ-съ... Я, братъ, буржуазія, а, стало быть...

Онъ не договорилъ, пожалъ мнѣ руку и зашагалъ быстрымъ, рѣшительнымъ шагомъ прочь...

— Касьяновъ!..

— А ну васъ къ чертямъ!..

Ночью, когда я уже спалъ, Касьяновъ пришелъ ко мнѣ пьянымъ, плакалъ, цѣловалъ меня и жаловался:

— Не любитъ она меня!.. Нѣтъ... Давно вижу и чувствую...

— Зря болтаешь...

— Нѣтъ!.. Теперь все ясно... Она меня измучила... Силъ больше нѣтъ!.. Лучше бы не пріѣзжала... Э-эхъ, будь вы всѣ прокляты!.. Пророки!..

— Не плачь!.. Плюнь!.. Экій ты, братецъ...

— Ты думаешь, она мнѣ жена?..

— А какъ же?..

Касьяновъ сталъ креститься и клясться:

— Нѣтъ... Мы такъ... друзья... друзья... Она отказалась...

Кто-то нѣсколько разъ стучалъ въ стѣну, а потомъ скрипнула дверь и послышался заспанный голосъ Сусанны:

— Кто у васъ тутъ коровой реветъ?.. Не велятъ хозяева... Что у васъ тутъ, померъ, что ли, кто?..

— Померъ!.. Я померъ... Я, я...

— Проспишься, воскреснешь... Не велитъ хозяйка скулить. Замолчите!..

Ахъ, эти влюбленные!.. Самый несносный народъ... Сами терзаются и другихъ терзаютъ...

— Перестань ты, ради Христа!.. Я спать хочу.

— Вотъ пойду и убью этого лжепророка... Онъ ее совратитъ... Вижу, что совратитъ... Она уже кое-что и раньше высказывала... Марксистка!..—злобно говорилъ Касьяновъ...

Притихъ несчастный любовникъ. Я воспользовался затишьемъ, натянулъ одѣяло на голову и началъ было засыпать. Нѣтъ, не даетъ покою: всталъ съ дивана, пришелъ, подсѣлъ ко мнѣ на кровать и съ отчаяніемъ требуетъ разъясненій:

— Послушай, Геннадій!.. Онъ говоритъ, что мы, интеллигенція, революціонны только до тѣхъ поръ, пока не устроимъ для буржуазіи... съ буржуазіей этой... какъ ее!.. ну, буржуазной конституціи, а потомъ сами начнемъ помогать этой... какъ ее?.. буржуазіи бороться съ соціализмомъ... Откуда онъ это выводитъ?.. Ты понялъ?.. Неужто мы съ тобой—буржуи?.. Господи, да неужто мы—мошенники, а они... честнѣйшіе!.. Идеологи!.. Объясни ты мнѣ, ради Бога, что же намъ дѣлать?.. Господи, что намъ дѣлать?..

— Спать, спать...

XIII.

Бересневъ каждый день говорилъ, что онъ завтра ѣдетъ дальше, домой; но проходило завтра, а онъ не уѣзжалъ.

— Не уѣхали?..

— Нѣтъ. Я жду, когда вамъ будетъ угодно отвѣтить мнѣ рефератомъ...

За отвѣтные рефераты взялись мы двое: я и младшій Куренковъ, но обширность темы и разнообразіе затронутыхъ вопросовъ, вмѣстѣ съ горячностью темпераментовъ, отсутствіемъ подъ рукой нужныхъ источниковъ и нашей малой подготовленностью, мѣшали намъ выполнить взятое на себя обязательство. Референтъ обосновывалъ свои выводы и положенія цифрами и новыми изслѣдованіями въ области бытовой и экономической, а мы могли черпать свою мудрость только изъ устарѣлыхъ народническихъ кодексовъ.

Мы исходили изъ этическихъ началъ: долга передъ народомъ, внутреннихъ побужденій совѣсти, симпатій и жалости къ обездоленнымъ труженикамъ, а Бересневъ доказывалъ историческими примѣрами и фактами современной жизни, что въ ходѣ историческаго процесса, въ общемъ итогѣ, все это—ноль...

— Факты и цифры!..—требовалъ онъ.

А этого-то у насъ и не было. Особенно плохо было съ общиной, артелью, кустарной промышленностью. Тутъ мы оказались совершенно безоружными и чувствовали, что эти старыя крѣпости придется сдать безъ боя...

Мы съ Петромъ ходили другъ къ другу, спрашивали: «ну, какъ дѣла?»—и съ каждымъ днемъ сильнѣе чувствовали свою правоту, но и полное безсиліе. Читали другъ другу вступленіе и намѣченные пункты возраженій,—все это было хорошо, горячо, складно, но дальше у насъ не подвигалось. А женщины по два раза на дню заходили и спрашивали:

— Когда же вы, господа, выступите?..

И отъ этого еще болѣе не ладилось дѣло. Бересневъ

безжалостно подавлялъ насъ цитатами изъ Маркса, а мы знали его только въ краткомъ изложеніи...

— Ради Бога, Маркса!..

— Нѣтъ!..

— Безъ Маркса невозможно...

Изъ намѣченныхъ пунктовъ я успѣлъ только написать о личности, толпѣ и герояхъ, но все это было уже написано ранѣе Михайловскимъ... А Петръ—о моральномъ значеніи террора...

— Но вѣдь онъ мораль-то посылаетъ къ чорту и доказываетъ, что она только надстройка надъ экономическими явленіями!..

— Напишемъ: «психологическое и политическое значеніе террора»...

Прошла цѣлая недѣля, прежде чѣмъ мы заявили въ коммунѣ, что никакихъ рефератовъ мы писать не будемъ.

— Какъ?.. Почему?..

— Во-первыхъ, нѣтъ источниковъ, а, во-вторыхъ, нѣтъ никакого желанія доказывать, что дважды два равно четыремъ...

— Эхъ, вы... господа!—насмѣшливо произнесла Вѣра и стала вдвое любезнѣе съ Бересневымъ. Параша тоже стала пристальнѣе посматривать на проѣзжаго гостя. Гость жилъ въ тѣхъ же номерахъ надъ трактиромъ, гдѣ жила пока Вѣра Игнатовичъ. Частенько всѣ они собирались тамъ вмѣстѣ попить чайку, и, конечно, пророкъ не терялъ даромъ времени, обращая дѣвушекъ въ новую вѣру. Каждый день гость бывалъ въ коммунѣ и при этомъ велъ себя такъ, какъ будто бы онъ приходилъ исключительно къ Парашѣ.

Иногда онъ приходилъ вмѣстѣ съ Вѣрой и тогда становилось яснымъ, что опасеніе Касьянова относительно «совращенія» имѣетъ нѣкоторое основаніе: Карлъ

Марксъ и Энгельсъ не сходятъ съ языка во время ихъ разговоровъ втроемъ. Касьяновъ становился съ каждымъ днемъ мрачнѣе. Что-то вышло между ними еще въ тотъ вечеръ, когда гость читалъ свой рефератъ. Теперь они выказывали другъ къ другу подчеркнутое равнодушіе и разговаривали между собою мало, рѣдко и какъ-то преувеличенно вѣжливо...

Мужчины, за исключеніемъ Гришеньки, держали себя по отношенію къ Бересневу демонстративно, Гришенька же держался странно: съ одинаковымъ вниманіемъ слушалъ обѣ стороны и одинаково покачивалъ въ знакъ согласія головой... Поведеніе подозрительное. Тѣмъ болѣе, что нѣсколько разъ мы встрѣчали Гришеньку на улицѣ вмѣстѣ съ Бересневымъ...

Какъ-то сразу намѣтилась новая группировка членовъ коммуны: Вѣра, Параша и Гришенька съ Бересневымъ; Касьяновъ, я, Козочка и Петръ Куренковъ; супруги Куренковы съ Марьей Петровной. Три ядра въ одной клѣткѣ...

Въ нашей группѣ особенно рѣзко намѣчалась непримиримость съ двумя остальными, чему, вѣроятно, помогали два привходящихъ элемента: Касьяновъ ревновалъ Вѣру къ Бересневу, а Куренковъ-сынъ былъ во враждебныхъ отношеніяхъ съ Куренковымъ-отцомъ... Впрочемъ, трудно сказать, кого болѣе презиралъ и ненавидѣлъ Петръ Куренковъ: отца—или марксиста Береснева...

Иногда онъ, казалось, умышленно стремился къ столкновенію съ гостемъ.

— А какъ это выходитъ съ точки зрѣнія исторической необходимости?.. Шпіонъ, напримѣръ... Несомнѣнно, онъ—продуктъ естественной необходимости... Почему я шпіону не могу пожать руку, а какому-нибудь идеологу, который тоже — продуктъ естественно-исторической необходимости, могу и долженъ жать руку?.. Если от-

бросить этику общественную и личную—а одна безъ другой немыслима,—то и шпіонъ, и идеологъ...

Такъ иногда Петръ Куренковъ начиналъ свое выступленіе противъ гостя, и мы ждали катастрофы. Но гость пропускалъ мимо ушей всѣ такіе выпады и ласково улыбался, переглядываясь съ Вѣрой и Парашей...

Однажды, когда вся коммуна была въ сборѣ, съ какого-то пустяка завязался еще одинъ принципіальный споръ, въ которомъ Бересневъ успѣлъ прочитать намъ цѣлую лекцію.

— Если личность — ничто, а естественно-историческая необходимость—все, такъ давайте сложимъ ручки на животѣ и будемъ ждать!..

— Если политическую свободу завоюетъ намъ буржуазія, такъ намъ, стало быть, надо помогать ей?..

— Что васъ заставляетъ служить интересамъ пролетаріата, если не этическія побужденія?..

— Зачѣмъ вы изъ дворянина превратились въ идеолога, если, по-вашему, экономическіе расчеты—главный стимулъ человѣческихъ отношеній и дѣйствій?..

Цѣлый потокъ вопросовъ посыпался на голову пророка изъ нашей группы. Бересневъ обрадовался случаю и заставилъ насъ выслушать и запечатлѣть еще цѣлый рядъ ересей...

Онъ говорилъ, что «народа», какъ цѣлаго понятія, не существуетъ, а есть только рядъ борющихся между собою за экономическое господство классовъ. И между ними классъ рабочихъ—единственный, который въ силу той же естественно-исторической необходимости является носителемъ, хранителемъ и будущимъ творцомъ соціализма. Поэтому надо бросить всѣ сантименты, героическія утопіи, маниловскую мечтательность о внезапныхъ переворотахъ и внезапныхъ превращеніяхъ общины въ республику и итти къ рабочимъ, только къ рабо-

чимъ! Итти и помогать имъ въ устройствѣ организацій, пробуждать ихъ классовое самосознаніе, создавать изъ нихъ Бебелей...

— Однимъ словомъ,—всѣмъ превратиться въ педа гоговъ?..

— Да, въ педагоговъ, въ учителей!..

— А вамъ будутъ попрежнему крутить руки къ лопаткамъ... такъ же, какъ было съ учителями-народниками... Бѣлка въ колесѣ!.. Кто же, позвольте спросить, будетъ завоевывать политическую свободу?..

— Это сдѣлаетъ сама буржуазія... Рано или поздно она вступитъ въ конфликтъ съ абсолютизмомъ и повалитъ его...

Опять до глубокой ночи шелъ споръ, но на этотъ разъ не было злобныхъ и бранныхъ словъ... Съ великимъ смятеніемъ въ душахъ расходились мы всѣ по домамъ: логика и чувство боролись тамъ, не желая уступать другъ другу...

— А говоритъ, чортовъ сынъ, складно и... начитанный!..—грустно сказалъ Касьяновъ, когда мы шли съ нимъ по спящимъ улицамъ городка...

— Да, говоритъ основательно... А все-таки... я не согласенъ!.. Нѣтъ!.. Раздѣлили всѣхъ людей по клѣткамъ и не хотятъ выпускать... Что мнѣ классъ? Что мнѣ историческая необходимость?.. Я человѣкъ, прежде всего—человѣкъ!.. Понимаешь? Почему надо быть кузнецомъ, ткачемъ, слесаремъ или тамъ... вообще фабричнымъ, чтобы попасть въ царство небесное?.. Развѣ душа моя перемѣнится, если я попаду подъ власть трудового гнета?.. Не понимаю... Конечно, тотъ, кого бьютъ, сильнѣе чувствуетъ эту боль и необходимость освободиться отъ насильниковъ, но...

— Постой!.. Почему же онъ самъ-то чувствуетъ себя соціалистомъ? Вѣдь онъ—такой же интеллигентъ, какъ

и мы съ тобой... Представь, что я увѣровалъ въ его вѣру и началъ работать съ нимъ вмѣстѣ... Какая будетъ между нами разница?.. Никакой!.. А если это такъ по отношенію меня, почему не можетъ быть съ каждымъ человѣкомъ: съ кузнецомъ, съ дворяниномъ, съ попомъ, съ солдатомъ, съ чортомъ?.. Почему же все спасеніе въ одномъ рабочемъ?..

Мы останавливались на тротуарѣ и начинали разсуждать, помогая другъ другу разбивать отсутствующаго противника, а все-таки что-то скребло и безпокоило душу... Не запали ли уже туда сѣмена сомнѣній и ереси?.. Обоимъ было грустно и было досадно на самихъ себя: мало знаемъ, мало читали, отстали отъ жизни...

— Какъ онъ Маркса-то изучилъ!.. Наизусть лупитъ...

— Да, братъ... А я, къ моему стыду, не читалъ Маркса... Ты читалъ?

— Нѣтъ... Знаю, конечно, его теорію въ общемъ...

— Надо прочитать...

— Непремѣнно...

— Прощай!..

— Прощай!..

— Съ Вѣрой помирился?..

— Нѣтъ... Кончено, братъ!..

Касьяновъ безнадежно махнулъ рукой и пошелъ, опустивъ голову...

Не спится: въ головѣ снова крутятся мысли, вопросы, сомнѣнія... Былъ тамъ, въ головѣ, нѣкоторый порядокъ, все было разложено, какъ книги въ книжномъ шкапу, по полочкамъ,—и вдругъ кто-то пришелъ, все перерылъ, перепуталъ. И ничего не найдешь и не разберешь...

Бьютъ за стѣнкой хозяйскіе часы, торопливо такъ, словно кто-то ихъ подгоняетъ,—двѣнадцать, часъ, два, а сна нѣтъ... Встаютъ призраки мучениковъ и мученицъ

за благо и свободу родины, вспоминаются портреты, біографіи, предсмертныя письма погибшихъ братьевъ и чувство снова бьетъ логику.

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Вы неправы!.. Не можетъ быть, чтобы страданія и подвигъ человѣческій пропали безслѣдно... Христосъ погибъ, а его идеи восторжествовали, несмотря на всѣ препятствія и гоненія... Всѣ великіе творцы религій побѣждали силой мысли, а не экономической необходимостью... Идея братства и равенства людей сама по себѣ есть непобѣдимая сила, разбивающая всѣ искусственныя перегородки между классами, народами, національностями... Зачѣмъ вы угашаете духъ человѣческій, воздвигая на пути свободнаго творчества эту глухую, угрюмую стѣну естественно-исторической необходимости, заставляющую человѣка чувствовать себя слѣпой игрушкой въ рукахъ вашего новаго молоха?.. Христосъ благословилъ Марію, которая, по мнѣнію разсчетливаго Іуды, зря тратила драгоцѣнное масло, омывая имъ Христовы ноги... Какъ это было?..—Лучше бы продать масло и раздать деньги нищимъ...—Нищихъ вы всегда имѣете съ собою, а меня не всегда...

Экономистъ какой былъ этотъ Іуда!..

Я даже привскочилъ на постели и началъ злорадно хохотать...

— Тукъ-тукъ-тукъ!..

Это хозяева требуютъ прекратить смѣхъ и не мѣшать имъ спать... Нѣтъ, звонокъ... Что такое?.. Слышенъ говоръ у крылечка на улицѣ... Что тамъ случилось? Спять звонокъ... Вотъ заспанная Сусанна бѣжитъ въ сѣни, глухо топая по полу босыми ногами... Кто-то пріѣхалъ... Что за исторія?.. Вскочилъ, подбѣжалъ къ окну и откинулъ занавѣсочку: лошадь и люди...

— Дома, дома... Спитъ онъ!..

Я растворилъ дверь и понялъ...

— Милости прошу!.. пожалуйте!.. Давно не были...

— Потрудитесь одѣться!..

— Да вы не стѣсняйтесь: обыскивайте!.. Развѣ мнѣ предстоитъ дорога?

— А это будетъ видно по результатамъ обыска... Все-таки я попрошу васъ одѣться...

— Можно одѣться...

Часа два рылись, нюхали, читали, щупали, заглядывали во всѣ сокровенные уголки, — ничего предосудительнаго не обнаружили и начали писать длинный и скучный протоколъ... Сусанна съ испуганной физіономіей стояла въ дверяхъ и изъ-за спинъ понятыхъ смотрѣла на меня съ какимъ-то ужасомъ, словно на покойника. Иногда тамъ же появлялись физіономіи моихъ хозяевъ... Заставили меня прочитать и подписаться, потомъ усаживали понятыхъ, и тѣ выводили кривули на бумагѣ, скребя перомъ и склоняя напомаженныя головы...

— Ну-съ... Теперь до свиданія... Очень радъ, что все обошлось для васъ благополучно...

— Желаю всякихъ успѣховъ!—отвѣтилъ я молодому жандармскому ротмистру. Гости вышли и частью уѣхали, а частью отправились пѣшкомъ...

Что за исторія?.. По какому поводу? Очевидно, это— по распоряженію не мѣстныхъ, а иногородныхъ властей... Надо сейчасъ же бѣжать и предупредить. Я выбѣжалъ въ переднюю, но здѣсь, въ углу на стулѣ, дремалъ знакомый будочникъ съ базарной площади. При моемъ появленіи онъ поднялъ голову и сказалъ:

— Нельзя этого!.. Спите!..

— Мнѣ необходимо... Я не могу... Я не арестованъ...

— Если до вѣтру, то я провожу, а на улицу не велѣно выпускать до утра.

Я началъ было спорить и горячиться, но, заслышавъ недовольные голоса хозяевъ, смирился — ушелъ обрат-

но... Спать, однако, не могъ, ходилъ по комнатѣ и мучился неизвѣстностью...

— Скажи, братецъ, были еще обыски?..

— Были!.. И сейчасъ поѣхали обыскивать... Всю ночь работаютъ...

— Арестовали кого-нибудь?..

— Двоихъ арестовали изъ трактира.

— Изъ номеровъ?

— Ну, да, одного господина, пріѣзжаго, и вашу одну... барышню...

— Долго ли ты будешь тутъ сидѣть?..

— До разсвѣту приказано... Придутъ, поди, и снимутъ... Спокою съ вами нѣтъ...

— Вотъ что, господинъ Тархановъ, подыскивайте себѣ квартиру, а мы несогласны...

— Да я-то тутъ при чемъ?..

— А ужъ это сами знаете! Зря не будутъ ломиться. Къ намъ вотъ не полѣзутъ... Съ вами еще въ какую непріятность попадешь... Не желаемъ...

— Ладно...

— Эхъ ты!—вздохнулъ будочникъ.—Не живется людямъ смирно... Себѣ и другимъ безпокойство...

— Ну васъ всѣхъ къ чорту!.. Я же виноватъ... Гм!.. Идіоты! Тупицы!

— Эти ваши ругательства слѣдуетъ тоже въ протоколъ занести...

— Заносите!.. Идіоты...

Я злобно хлопнулъ дверью и заперъ ее на крючокъ. Прилегъ, не раздѣваясь, на постель, закрылъ глаза и заставлялъ себя уснуть. Но сонъ не приходилъ. Сперва клокотала въ душѣ злоба на «непрошенныхъ ночныхъ гостей» и на полное безправіе и беззащитность всего

русскаго народа, на его рабское смиреніе и овечью покорность, а потомъ въ голову стали стучаться разныя неожиданныя мысли, эти птицы изъ невѣдомыхъ странъ... Ярко рисовались одиночныя камеры, въ которыхъ я жилъ послѣ перваго ареста, усатыя физіономіи жандармскихъ полковниковъ и унтеровъ, плоскія лица товарищей прокуроровъ, допросы, свиданія, обыски... Казалось, что все это началось когда-то давно-давно, когда еще я былъ мальчикомъ, и никогда не кончится... Ну, а что я сдѣлалъ? Какой вредъ я нанесъ врагамъ и какую пользу принесъ родинѣ?.. Больше чувствовалъ, чѣмъ дѣлалъ, и за это одно числюсь въ рядахъ политическихъ преступниковъ... Глупо и нелѣпо. Сколько такихъ, какъ я! Параша, Козочка, Касьяновъ, самъ я... И почему мы воюемъ всю жизнь между собою, въ то время, какъ... А что теперь дѣлается въ коммунѣ? Гдѣ и кого теперь обыскиваютъ?..

Всталъ отворилъ фортку и прислушался. Въ чуткой предразсвѣтной тишинѣ рѣзко звучали голоса, гдѣ-то тревожно лаяли собаки... А вотъ зазвенѣли колокольчики, много колокольчиковъ... Должно быть, двѣ тройки... Кто это поѣхалъ и куда?.. Они! Несомнѣнно, они... Такъ пріятно и грустно звенѣли въ чуткой весенней тишинѣ колокольчики... Захотѣлось куда-то далеко поѣхать... А это что за люди?.. Надзиратель, г. наблюдающій и еще одинъ будочникъ... Гм... Ко мнѣ... Что сіе означаетъ?.. Опять звонки...

— Фу, ты, прости меня Господи!..—ворчитъ гдѣ-то заспанная Сусанна и ругаетъ меня...

— Что вамъ угодно?

— Одѣвайтесь и пожалуйте!..

— Куда?

— Въ полицію.

— Зачѣмъ?..

— А тамъ узнаете... Захватите подушечку и одѣяльце...

— На какомъ основаніи?..

— А тамъ узнаете...

— Чортъ знаетъ...

Съ ругательствами и ворчаніемъ приступилъ я къ давно знакомой операціи: завертывалъ въ одѣяло подушку, бралъ смѣну бѣлья, затягивалъ ремни, совалъ въ карманы папиросы... А потомъ шелъ въ сопровожденіи бутарей посреди спящей улицы и думалъ:

— Никогда это не кончится!..

Въ полиціи мнѣ прочитали бумагу: заключаюсь подъ стражу впредь до особаго распоряженія. Расписался и пошелъ по вонючимъ коридорамъ полицейскаго управленія... Огромная камера съ двумя окнами во дворъ: освободили изъ-подъ пьяныхъ спеціально для меня...

— А вотъ вамъ тюфячекъ!.. Исправникъ отъ себя прислали, а то у насъ не полагается...

Небольшой дѣтскій тюфячекъ... Должно быть, на немъ спала та дѣвочка, которая своей куклой нарушила престижъ власти... Милая дѣвочка!.. Лягу и увижу во снѣ далекое беззаботное дѣтство, кроватку съ веревочной рѣшеткой, няню, маму и папу...

— Спокойной ночи!..

— И вамъ такъ же, господинъ будочникъ!..

— Поди, устали?..

— Да. Усталъ.

— И мы всѣ измаялись... Всю ночь каталажились... Слава Богу, проводили.

— Уѣхали?..

— Уѣхали. Троихъ съ собой повезли.

— Троихъ?..

— Да. Одинъ господинъ пріѣзжій, другой вашъ, да барышню...

— Двухъ мужчинъ... Кто же изъ нашихъ-то?..

— Да съ Бармалѣевской улицы...

— Петра Куренкова!..

Будочникъ наклонился и прошепталъ:

— А рядомъ съ вами еще одинъ сидитъ... Вашъ же!.. Ну, счастливо оставаться...

Будочникъ позѣвнулъ, перекрестилъ лобъ и вышелъ. Брякнула дверная закладка, щелкнулъ замокъ и глухо застучали по каменному полу шаги удаляющагося будочника... Все это уже было... Все такъ знакомо, что надоѣло уже... А все-таки кто второй, мой сосѣдъ?..

— Тукъ-тукъ!.. Тукъ-тукъ!..

— Та-та-та-та!..

— Кто сидитъ?

— Касьяновъ! А вы?

— Тархановъ!..

— За что?

— Не знаю.

— Нашли?

— Ничего. У тебя?

— Тоже.

Касьяновъ началъ было выстукивать что-то длинное, торопливое, но я не хотѣлъ слушать. Все это уже было и надоѣло. Послѣ! Не все ли равно? Глупо.

— Та-та-та!..

— Хочу спать Завтра. Прощай. Не стучи...

Уфъ!.. Усталъ, какъ собака... Свѣтаетъ... Гдѣ-то поетъ исправничій пѣтухъ. Мягкій тюфячекъ. Отъ него пахнетъ дѣтствомъ... Баю-баюшки, баю!..

XIV.

— Пожалуйте!..

— Куда?

— Къ исправнику.

Привели къ исправнику. Опять та же знакомая комната, кабинетъ съ оружіемъ, дѣлами въ синихъ обложкахъ, съ запахомъ бумажной пыли, камфары, сургуча. Вдали звонкій голосокъ дѣвочки и заливчатыя трели канарейки. А вотъ и исправникъ. Хмурый, убитый чѣмъ-то, словно постарѣвшій...

— Здравствуйте!.. Садитесь, пожалуйста...

Какой-то кроткій, смиренный тонъ, усталость въ голосѣ, покорность злой судьбѣ...

— Эхъ, господа, господа!.. Что вы со мной дѣлаете?..

Что я дѣлаю съ исправникомъ! Это очень неожиданно...

— А именно?..

— Что вы натворили?.. Я всегда относился къ вамъ гуманно, по-отечески, я всегда относился къ вамъ либерально... А вы отблагодарили!.. Спасибо!..

— Я ничего не понимаю. Въ чемъ дѣло?..

Исправникъ вздохнулъ, повелъ плечами и укоризненно посмотрѣлъ мнѣ въ глаза:

— И не совѣстно вамъ?..

— За что, позвольте полюбопытствовать?

— Будто бы не знаете!..

— Даю вамъ слово, что даже не подозрѣваю...

Долгая пауза. Вздохъ. Новый дружескій тонъ:

— Я хочу поговорить съ вами откровенно, по-простому, какъ человѣкъ съ человѣкомъ...

— Прекрасно. Къ вашимъ услугамъ.

— Но только... Дайте мнѣ честное слово, что весь разговоръ останется между нами... Дайте мнѣ честное слово!..

— Даю...

— Я прослужилъ уже двадцать два года по полиціи, былъ на хорошемъ счету... а теперь... За что?... За мою гуманность къ вамъ!

Исправникъ сморщился, отвернулся, вынулъ изъ тужурки носовой платокъ и вытеръ глаза. Прослезился... Этотъ здоровенный мужчина съ рыжеватыми усищами, съ огромными кулачищами, съ басомъ, съ бравой выправкой, плачетъ. Странное зрѣлище. Становится жаль этого человѣка и хочется утѣшить...

Въ чемъ, наконецъ, дѣло? Шепчетъ что-то про пенсію, про старость, про кусокъ хлѣба...

— Папа!.. Дядя пришелъ?..

— Уйди, дѣточка!.. Мнѣ некогда... Иди въ дѣтскую!.. Играй!..

Дѣвочка, съ куклой подъ мышкой, помялась въ дверяхъ, поболтала ножкой и скрылась. Исправникъ всталъ, плотно прихлопнулъ всѣ двери и, усѣвшись въ кресло, заговорилъ умоляющимъ голосомъ:

— Скажите вы мнѣ ради Бога, какой тамъ заговоръ вы всѣ затѣяли?.. Скажите по совѣсти!..

Онъ посмотрѣлъ на образъ и перекрестился:

— Клянусь, что я не воспользуюсь вашими словами во вредъ лично вамъ...

— Какой заговоръ!.. Никакого заговора не было...

— Но у вашего товарища нашли документы террористическаго характера...

— Этого не могло быть... О комъ именно вы говорите?

— У этого... какъ его, Богъ съ нимъ!.. У г. Куренкова, на Бармалѣевской улицѣ...

Ахъ, такъ вотъ въ чемъ дѣло!.. Очевидно, къ нимъ въ руки попалъ предполагавшійся отвѣтный рефератъ Бересневу, съ предательскими замѣтками о политическомъ и психологическомъ значеніи террора... какіе-ни-

будь черновики, обрывки, пункты и страшныя слова... Помнится, что Петръ Куренковъ не стѣснялся въ выраженіяхъ... Такъ вотъ она, разгадка всего недоразумѣнія!..

И вдругъ мнѣ стало смѣшно. Такъ смѣшно, что я не могъ удержать смѣха.

— Какъ вы, господа, жестоки!..

— Простите, но я понялъ, въ чемъ дѣло... Тутъ кроется просто ошибка, смѣшная ошибка... Извиняюсь, что обидѣлъ васъ своимъ смѣхомъ, но... у меня не хватило силы сдержаться...

— Что же такое?.. Успокойте!.. Облегчите!..

Я въ общихъ выраженіяхъ высказалъ свое предположеніе. Исправникъ поддакивалъ, радостно поматывалъ головой и даже улыбался...

— Скажите!.. А!.. Скажите!.. Вы подумайте-ка!.. А!..—сопровождалъ онъ мое объясненіе и хлопалъ себя по жирной ляжкѣ.

— Почему же вашъ товарищъ отказался объяснить?.. Онъ отказался отъ всякихъ показаній... Господа!.. Можно ли такъ?.. А?.. Я же головой ручался, что никакого заговора у меня быть не можетъ... Я отношусь гуманно, но я не закрываю глазъ...

Исправникъ сталъ хвалить себя во всѣхъ отношеніяхъ и изумляться глупости ротмистра и «вообще всѣхъ ихъ»...

— Они обрадовались... Они вообразили, что здѣсь, у меня, готовится покушеніе или... Они искали динамитъ... Клянусь вамъ Богомъ, что они что-то запечатали и повезли этакое... взрывчатое... Я никогда не имѣлъ случая видѣть динамита, но читалъ, что это въ родѣ... ну, какъ бы это сказать...: въ родѣ чернаго сыра, что ли... А они повезли жидкость такого, знаете ли, желтовато-буроватаго цвѣта...

— А, видѣлъ, видѣлъ... Охотничьи сапоги этимъ мажутъ...

— Неужели?.. А!.. Ну, скажите пожалуйста!.. Я же ихъ увѣрялъ, что у меня не можетъ быть динамитчиковъ... Я ихъ не потерпѣлъ бы ни одной минуты...

Смѣялся я, смѣялся и исправникъ...

— Эй, Игнатъ!

— Что прикажете, вашескородіе?..

— Прикажи подать намъ по стакану чаю... И хлѣба съ масломъ!.. И тамъ вареньица вишневаго, что ли...

Игнатъ принесъ большой подносъ съ чаемъ, съ булками, съ вареньемъ, со сливками, съ сухарями...

— Прошу васъ... Пожалуйста!.. По-просту... По-человѣчески... И между нами... Все это между нами!.. Служба-службой, а дружба-дружбой... По закону этого не полагается, да однимъ закономъ не проживешь... Я человѣкъ гуманный.

Прибѣжала опять дѣвочка и начала свои разговоры...

— Сдѣлай реверансъ дядѣ!.. Поздоровайся!..

Не было у меня теперь никакой непріязни къ исправнику и не казалось зазорнымъ, если я выпью съ нимъ стаканъ чаю. Мы сидѣли, какъ хорошіе знакомые, пили чай и разговаривали то съ дѣвочкой, то другъ съ другомъ...

— А вы думаете, почему же васъ-то задержали?.. и еще одного изъ моихъ ссыльныхъ?.. Сперва не предполагалось, а потомъ, когда эти самые террористическіе документы обнаружили, онъ потребовалъ временно задержать... Я такъ и зналъ, что это не мои ссыльные, а пріѣзжіе... У пріѣзжихъ дѣйствительно кое-что обнаружилось... Но мои...

— У тебя, дядя, гдѣ домъ?..

— Въ кутузкѣ, дѣточка!..

— Я вамъ послалъ туда тюфячекъ... Вы можете послать солдата къ себѣ на квартиру, и онъ принесетъ вамъ вашу постель и все, что нужно... Сегодня у меня была ваша... барышня, княжна Гильдѣева, и просила о свиданіи. Свиданія дать я не имѣю права, но... обѣдъ носить разрѣшилъ... Ну, и книги тамъ... Отъ скуки...

Посидѣли и простились.

— Эй, кто тамъ есть...

— Здѣсь...

— Скажите тамъ приставу, чтобы никакихъ притѣсненій и непріятностей съ заключенными не было... А всего лучше попросите пристава побывать у меня... Всего лучше!.. Желаю скорѣйшаго освобожденія!..

Вернулся въ камеру, ходилъ и хохоталъ... Вспомнилъ про динамитъ и пѣсенку, которую пѣли мы во дни студенчества:

Вотъ одинъ, должно,—капралъ,
Полонъ ротъ чернилъ набралъ,
Потомъ плюнулъ, говоритъ:
Надо быть, тутъ—динамитъ...

Бѣдный Петруша Куренковъ!.. Попалъ-таки въ террористы и теперь долго будетъ опаснѣйшимъ государственнымъ преступникомъ... Да и насъ всѣхъ подвелъ: пожалуй, выйдетъ цѣлое сообщество, имѣющее цѣлью путемъ террористическихъ дѣйствій произвести государственный переворотъ и устроить въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ республику... Воображаю неизреченную радость жандармскаго ротмистра!.. Прямо въ полковники попадетъ...

А для пьяницъ устроено, пожалуй, лучше, чѣмъ для политическихъ: два большихъ окна съ очень рѣдкими рѣшетками, широкія нары, просторъ... Что твоя аудиторія въ народномъ домѣ... Даже резонансъ... Попрошу вымыть полы, принести свою постель, купить хорошую

лампу, чернилъ, бумаги, устроюсь, какъ слѣдуетъ, по-домашнему, и начну писать новую повѣсть...

Въ окна льются потоки солнышка, съ улицы доносятся звонкіе голоса играющихъ ребятишекъ, стрекотня воробьевъ и грачиный разговоръ на соборныхъ березахъ... Слава Богу, и у насъ весна!..

Я присѣлъ къ окну, подставилъ щеку ласковому солнышку, зажмурился и сталъ прислушиваться къ доносящимся ребячьимъ голосамъ, къ воробьинымъ дракамъ, къ меланхолическому перезвону въ двухъ церквахъ... Почему звонятъ такъ печально?.. Ахъ, да, великій постъ!.. Неужели великій постъ?..

Странно. Когда-то я уже вотъ такъ же сидѣлъ въ тюрьмѣ и слушалъ меланхолическій перезвонъ великопостныхъ колоколовъ... Когда это было?..

Слушалъ колокола и душа сладостно затихала въ смутныхъ воспоминаніяхъ и переживаніяхъ далекаго дѣтства... И мнѣ казалось, что я опять гимназистъ, что меня отпустили на пасхальные каникулы, что я долженъ говѣть... Не говѣть нельзя: у насъ строго. Послѣ каникулъ надо представить въ гимназію свидѣтельство, что ты исполнилъ всѣ обязанности христіанина...

Ласково пригрѣваетъ солнышко щеку; гдѣ-то на дворѣ захотѣвшая быть насѣдкой курица мечтательно вытягиваетъ: «ко-о, ко-ко-ко-оо»; плаваетъ меланхолическій звонъ въ радостномъ весеннемъ предчувствіи, а мнѣ чудится, что я—гимназистъ третьяго класса, Тархановъ Геннадій, и что я говѣю въ Казанскомъ монастырѣ... Почему въ Казанскомъ монастырѣ? Очень просто: тамъ говѣетъ вторая женская гимназія, а въ этой гимназіи учится Вѣра Игнатовичъ. Касьяновъ тоже говѣетъ въ Казанскомъ: онъ тоже влюбленъ въ Вѣрочку. Оба... Вотъ мы идемъ послѣ роспуска изъ гимназіи и интимно бесѣдуемъ о Вѣрочкѣ.

— Я съ ней танцовалъ на нашемъ вечерѣ въ прошломъ году...

— Врешь!.. Ты и танцовать-то не умѣешь...

— Кадриль умѣю... Ей-Богу, танцовалъ!..

— Стало быть, знакомъ?..

— Забыла...

— Я обязательно познакомлюсь...

Ярко свѣтитъ солнышко родного города, не умолкая стрекочатъ воробьи, звенятъ катящіеся подъ горку ручьи, дворники обкалываютъ съ тротуаровъ ледъ, подъ ногами сыро и мягко... У обоихъ насъ мысли заняты Вѣрой. Намъ обоимъ хочется пользоваться вниманіемъ Вѣры, и мы сговариваемся, какъ намъ этого добиться. Препятствій много: вдругъ будетъ говѣть вмѣстѣ съ матерью? вдругъ—не въ Казанскомъ, а гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ?..

— Выслѣдимъ!..

— Значитъ, такъ: я провожаю послѣ «часовъ», а ты—послѣ вечеренъ.

— Ловкій ты, братецъ!.. Нѣтъ, я буду послѣ вечеренъ.

— А не все ли равно?..

— Послѣ вечеренъ можно погулять, а послѣ часовъ всѣ идутъ домой...

— Ну, давай на билетики: кому придется утромъ, а кому вечеромъ...

— Тише ты!.. Надзиратель идетъ...

Обгоняетъ надзиратель. Ждемъ, когда уйдетъ подальше. Ну, можно...

— Въ такомъ случаѣ всегда вмѣстѣ... каждый разъ вмѣстѣ!..

Никакой ревности. Напротивъ, взаимопомощь и свободная конкуренція. Оба будемъ стараться, а который понравится ей болѣе—это уже дѣло счастія...

Медленно и грустно вызваниваютъ колокола въ разныхъ концахъ города, и по тротуарамъ тянутся грѣшники. Мы съ Касьяновымъ самые рьяные богомольцы: мы давно уж дежуримъ на Рыбнорядской улицѣ, гдѣ живетъ Вѣрочка. Однако, къ тянущимся въ храмы грѣшникамъ не присоединяемся, а ждемъ...

— Вотъ она!..

— Идемъ!.. Заговаривай!..

— Идемъ вмѣстѣ...

Страшно одному. Вдвоемъ лучше. Вѣра идетъ тихо, а мы еще тише, позади ея. Поощряемъ другъ друга вступить въ разговоръ, упрекаемъ другъ друга въ трусости, но дѣло не подвигается: попрежнему насъ съ Вѣрой раздѣляетъ приличное разстояніе. Вотъ и монастырь. Вѣра исчезла въ его воротахъ, а мы остановились и начали перебраниваться:

— Трусъ!..

— Самъ трусъ.

— Тебѣ удобнѣе: ты съ ней танцовалъ на нашемъ вечерѣ, а я...

— Ну, идемъ же... Балда несчастная!..

Въ храмѣ. Иду ставить свѣчу къ образу и никакъ не могу рѣшить, куда, какому угоднику ее поставить. Увидалъ Вѣру и поставилъ, а затѣмъ возвращаюсь и веду за собой Касьянова...

— Господи, Владыко живота моего...

Валимся на колѣни и смотримъ на новенькія резиновыя калоши стоящей впереди насъ на колѣняхъ Вѣрочки. Ахъ, такъ бы и приложился къ этимъ прекраснымъ блестящимъ калошкамъ...

Кончаются «часы»; грѣшники медленно расползаются изъ монастыря. Теперь у насъ двѣ заботы: впереди, опустивъ головку, уходитъ Вѣрочка, а позади по нашимъ слѣдамъ шагаетъ надзиратель гимназіи... Между двухъ

огней. Проходимъ улицу, сворачиваемъ за Вѣрочкой, оглядываемся: надзиратель не отстаетъ. Не везетъ: то надзиратель, то классная дама, то провожающій реалистъ... Выручилъ Великій четвергъ. Чтеніе двѣнадцати евангелій затянулось до поздней ночи; ночь была темная-претемная, теплая-претеплая, а на улицахъ стояла грязь непролазная. Вотъ тутъ-то она и попалась!..

Когда народъ пошелъ прикладываться къ евангелію, произошла толкотня невообразимая, и Вѣра потеряла свою горничную... Мы настигли Вѣру на паперти: стоитъ, прикрывая огонекъ восковой свѣчки рукою, и безпомощно оглядывается по сторонамъ.

— Вѣра Аркадьевна!:. Вы кого ищете?.:

— Я потеряла горничную и... боюсь одна...

— Мы васъ проводимъ. У насъ есть фонарь.

— Мерси!.. А гдѣ же фонарь?

Я вытащилъ изъ кармана складной елочный фонарикъ ярко-малиноваго цвѣта, вставилъ въ него Вѣрочкину свѣчку, и мы двинулись... Во тьмѣ весенней ночи плыли по тротуарамъ огоньки четверговыхъ свѣчъ, протяжно стонали колокола церквей, въ которыхъ всенощная еще не кончилась, подъ ногами звенѣли бубенчиками ручейки, а въ темно-синихъ небесахъ творились какія-то чудеса. Нашъ фонарикъ бросалъ вокругъ кровавые отблески и придавалъ темнотѣ, стѣнамъ, лужамъ и всей этой ночи какую-то сказочную прелесть и таинственность. Я незамѣтно наводилъ свѣтъ фонаря на личико дѣвушки и любовался, а пріятель занималъ спутницу разговорами... А разговоръ былъ такой значительный: о грѣхахъ, о вѣрѣ въ Бога, въ безсмертіе, о загробной жизни, о душѣ... Касьяновъ отвергалъ все подъ рядъ и требовалъ доказательствъ.

— Докажите, что есть душа!

— Доказать... это очень трудно, но я чувствую, что душа у меня есть,—задорно возражаетъ Вѣрочка.

— Гдѣ она у васъ находится? Опредѣлите точно и кратко! Сердце, я знаю, гдѣ находится, легкія—тоже, печень, селезенка и прочее. Укажите, гдѣ именно находится душа!..—категорически требуетъ Касьяновъ.

— Вы странный... Васъ не переспоришь... Надо вѣрить.

— Зачѣмъ? Почему надо?

Совсѣмъ забилъ бѣдную Вѣрочку Касьяновъ: она уже готова капитулировать.

— Ну, я не знаю... А все-таки...

Жалко Вѣрочку и досадно, что Касьяновъ побѣждаетъ. Вмѣшиваюсь въ споръ:

— Душа, Вѣра Аркадьевна, есть и это можно доказать.

— Можно?.. Да?—радостно съ благодарностью восклицаетъ Вѣрочка.

— Можно!..

— Докажите ему, этому Ѳомѣ невѣрующему!..

— Душа—существо невидимое, и потому въ данномъ случаѣ нельзя требовать видимыхъ доказательствъ. Роза чудно пахнетъ, но какъ это совершается, мы не видимъ... Существованіе души можно доказать... только путемъ логическаго мышленія...: Интуитивнымъ путемъ... Понимаете?

— Мм... не совсѣмъ...

Огорошилъ обоихъ. Оба сразу примолкли. Сильно подѣйствовало «интуитивнымъ путемъ». Я продолжаю говорить о силѣ и матеріи и то и дѣло спрашиваю: «понимаете?»

— Наша тѣлесная субстанція—матерія, а душа—сила... Понимаете?..

— Да... — грустно произноситъ Вѣрочка, а Касьяновъ упирается:

— Почему—субстанція?..

— Да ты понимаешь ли, что такое субстанція?..

— Конечно.

— А ну-ка, объясни, какъ ты понимаешь!..

Откровенно говоря, я и самъ не понимаю, что такое субстанція. Чтобы свернуть со скользкаго пути, я не даю отвѣтить Касьянову и забрасываю его другими вопросами:

— Гдѣ находится, напримѣръ, твоя любовь, твоя мысль?..

— Въ мозгахъ, конечно.

— А ты мысль видѣлъ въ мозгахъ? Именно въ мозгахъ?

— Глупый вопросъ. Не видѣлъ, но наука вскрыла черепъ, мозгъ человѣка и...

— И нашла мысль?

Начинается невообразимая путаница, въ которой мы тонемъ, какъ въ лужѣ.

— Здѣсь грязь... Ой, ноги промочила!..

Дошли до Вѣрочкинаго дома. Стали прощаться.

— Давайте, Тархановъ, мою свѣчу!..

— Разрѣшите мнѣ закурить отъ нея! — проситъ Касьяновъ.

— Фу, безбожникъ!.. Убирайтесь!..

— А мнѣ позвольте зажечь свѣчу отъ вашего огонька. Если я донесу ее до дому, то...

— Извольте!.. Скорѣе!

Я трясущимися руками вынимаю изъ кармана смятую и скрученную свѣчу, расправляю ее и заимствуюсь огонькомъ...

— До свиданія!.. Мерси!

Вѣра скрывается въ дверяхъ, а Касьяновъ изъ зависти тушитъ мой огонекъ.

— Свинья!.. Завидно, что Вѣра на моей сторонѣ...

— А это еще посмотримъ... Въ пасхальную заутреню я съ ней обязательно похристосуюсь...

— Не будетъ она съ тобой...

Такъ оно и вышло. Когда послѣ заутрени мы подошли къ Вѣрѣ, со мной она похристосовалась щечкой, а Касьянову сказала:

— Вы безбожникъ, и потому... зачѣмъ христосоваться. Вѣдь, по-вашему, это все предразсудки?..

— Гм!.. Субстанція...

Ласково грѣетъ солнышко щеку и разсказываетъ яркія милыя сказки отлетѣвшаго дѣтства. Давно ли все это было?.. Вчера, на той недѣлѣ, въ прошломъ году?.. Неужели съ тѣхъ поръ прошло уже десять лѣтъ... Невѣроятно... Давно ли я мечталъ поскорѣе сдѣлаться «большимъ» и мнѣ казалось, что годъ жизни безконечно дологъ? Давно ли Вѣрочка Игнатовичъ носила коротенькое коричневое платьице съ бѣлымъ передничкомъ и заставляла насъ съ Касьяновымъ говѣть въ Казанскомъ монастырѣ?..

— Тукъ-та, та, та!

— Тукъ, тукъ!..

— Помнишь, какъ говѣли въ Казанскомъ монастырѣ?

— Да.

— Помнишь субстанцію?

— Да...

Смѣюсь, а въ глазахъ дрожатъ слезинки. Вспомнилъ мать. Скоро Пасха, надо поздравить старушку. Отчаянно застучалъ въ дверь.

— Что произошло?

— Ничего не произошло. Требую бумаги, чернилъ, конвертъ, перо и марку.

— А гдѣ я возьму!..

— Сбѣгай къ приставу и скажи, что я требую...

— Слушаюсь!

— То-то!..

«Христосъ воскресе, милая мама. Пишу тебѣ, мама, опять изъ тюрьмы, куда попалъ по неизвѣстной причинѣ, съ соизволенія начальства и по попущенію Божьему. А, можетъ быть, просто по привычкѣ. Даю тебѣ слово, что и самъ не знаю и начальство не знаетъ. Когда-то во дни дѣтства передъ Пасхой я говѣлъ, а теперь давно уже вмѣсто говѣнья имѣю обыкновеніе сидѣть въ тюрьмѣ. Въ облегченіе твое сообщаю, что всѣ мы сидимъ: и Касьяновъ сидитъ, и Вѣра Игнатовичъ сидитъ, и вообще, хотя мы сидимъ въ одиночномъ заключеніи, но всегда цѣлой компаніей. Это доказываетъ старую истину, что человѣкъ—животное соціальное, «дзоонъ-политиконъ»...

XV.

Жди, когда буржуазія завоюетъ всѣ свободы, а пока сиди безъ конца въ тюрьмахъ и убѣждайся, что ты не больше, какъ игрушка въ рукахъ либеральной буржуазіи... Чортъ бы васъ всѣхъ побралъ... съ журавлями въ небѣ! Каждый день, каждый часъ на протяженіи всей исторической жизни русской интеллигенціи и всего народа доказываютъ, что связанный по рукамъ и ногамъ человѣкъ не можетъ ни двигаться впередъ, ни работать, а можетъ только безплодно мечтать о журавляхъ въ небѣ!..

Вонъ они, журавли, съ грустными кликами проносятся въ синей безоблачной выси надъ городомъ, растянувшись острымъ угломъ... И днемъ и ночью летятъ они,

бросая въ душу тоску своимъ тревожнымъ крикомъ въ далекихъ небесахъ...

— Эй вы, идеологи соціализма!.. Спуститесь къ намъ на полицейскій дворъ!

— Мы ихъ, баринъ, въ турецкую кампанію изъ винтовокъ стрѣляли...

— Вы—молодцы!..

— Я за стрѣльбу отличіе имѣю...

— Скажи, братецъ, кто это у исправника играетъ на рояли?..

— На фортепьянахъ-то?..

— Да!

— Барышня къ нимъ пріѣхали... Племянница...

Слава Богу, что пріѣхала эта племянница. Окна раскрыты въ квартирѣ исправника, и во время прогулокъ оттуда несется музыка. Первая тюрьма съ музыкой. Племянница играетъ очень порядочно... Боже мой, какъ давно не слыхалъ я музыки!.. Что тамъ она играетъ?.. Знакомое... Э, да вѣдь это—«Лунная соната»!..

— Хорошо!.. Жаль, что рояль не настроенъ...

— Пора ужъ уходить, г. Касьянова надо выпустить...

— Еще маленько!..

— А вы подальше отъ оконъ-то!.. Нехорошо.

— Нельзя ли и у насъ зимнія рамы выставить?

— Попросите исправника. Раньше не выставляли: пьяные сквернымъ словами ругаются, и слова эти къ исправнику въ окошко залетаютъ...

— Мы не пьяные. Не ругаемся.

— Само собой, вы—люди благородные. Попросите, можетъ, и уважитъ...

Весело на полицейскомъ дворѣ, уходить не хочется. Жизнь бьетъ ключомъ. Вотъ исправничья кухарка чиститъ кирпичомъ мѣдную каску пожарному, отложивъ

въ сторону хозяйское дѣло. Вонъ бѣжитъ черезъ дворъ Игнатъ, что-то несетъ изъ погреба...

На крылечкѣ канцеляріи сидятъ мужики, должно быть,—свидѣтели; позѣвываютъ во весь ротъ, почесываются и вскакиваютъ при видѣ каждой свѣтлой пуговицы. А вонъ роются курицы подъ общимъ надзоромъ гордаго пѣтуха, который чувствуетъ себя едва ли не царемъ природы... А изъ раскрытыхъ оконъ исправника льется музыка. Мужички задираютъ головы, и съ разинутыми ртами слушаютъ и пожимаютъ плечами, качаютъ головой... Мужики, курицы, пожарный, кухарка и... тутъ же политическій преступникъ прогуливается и прелюбезно разговариваетъ съ наблюдающимъ за нимъ будочникомъ. Положительно мнѣ начинаетъ нравиться эта патріархальность. Вонъ Касьяновъ выглядываетъ въ фортку и слушаетъ музыку...

— Слышишь?.. Лунная соната!..

— Неужели—исправникъ?..

— Племянница!..

— А вы, господа, послабже. Нехорошо. Сказано, чтобы промежду собой безо всякаго отношенія... Вамъ ничего, а мнѣ могутъ сдѣлать выговоръ...

Возвращаюсь съ прогулки, открываю фортку и смотрю на патріархальную картину. А племянница все играетъ... И очень недурно...

Если заиграетъ завтра, во время моей прогулки, устрою овацію...

Касьяновъ тоскуетъ, все ходитъ и бунчитъ: «Наша жизнь коротка, все уноситъ съ собой»... Такъ и не дали ему жениться злые люди: «разрознили сердца»!..

Каждый день я вижу, какъ Козочка приноситъ намъ изъ коммуны обѣдъ.

Всякій разъ я машу ей руками, платкомъ, но она, углубленная въ какія-то тяжелыя думы, не поднимаетъ

взора и не замѣчаетъ. Надо какъ-нибудь привлечь ея вниманіе... Когда она появится, я запою... Эхъ, голубка, да вонъ она!

— Эхъ, тоска,—а, братцы-товарищи...

Услыхала, бродитъ взоромъ по двору, по окнамъ исправника и удивляется. Нарядилась по-весеннему: соломенная шляпа съ пунцовымъ макомъ и какое-то фасонистое пальто песочнаго цвѣта. Ишь, модница какая!.. Модница, а въ одной рукѣ—судки, въ другой—книги. Принесла пищу тѣлесную и духовную. Миленькая, изящная, тонкая, какъ вѣтка, граціозная, какъ горная козочка на тоненькихъ высокихъ ножкахъ. Прошла въ сторожку, сдала обѣдъ и идетъ... должно быть, въ канцелярію или къ исправнику, опять хлопотать о свиданіи... Хотя бы дали свиданіе, черти полосатые!.. Вѣдь уже май мѣсяцъ на исходѣ, а они все еще не убѣдились, что сапожная мазь—не динамитъ...

— О, дайте, дайте мнѣ свободу!—тоскливо тянетъ Касьяновъ.

— Жди, братъ!.. пока буржуазія не завоюетъ тебѣ ее...

Невѣроятное событіе: вечеромъ, при повѣркѣ, вмѣсто надзирателя, появляется самъ исправникъ:

— Добрый вечеръ, г. Тархановъ!

— Милости прошу, г. исправникъ! Чѣмъ порадуете?

— Гм!.. Какъ у васъ тутъ?.. Не выставить ли вторыя рамы-то?

— Только что думалъ писать вамъ прошеніе относительно этого.

— Эхъ... Опять приходила эта... хорошенькая политическая и просила о свиданіи... Я, господа, съ удовольствіемъ бы, но до сихъ поръ я не имѣю никакихъ инструкцій... Не забыли ли, что вы сидите... Я запрошу губернскую власть... Книжечки вотъ вамъ принесли. Одну я могу передать, а другую ни подъ какимъ видомъ...

Вотъ эту дѣловую книгу извольте получить, а никакихъ соціологій и вообще ничего соціальнаго я давать вамъ не могу...

Я взялъ поданную книгу, раскрылъ переплетъ и удивился. «К. Марксъ. Капиталъ».

— Вотъ это я понимаю... Изученіе торговли, промышленности, умноженія капитала — все это вопросы серьезные и полезные... Въ жизни пригодится. А эти «Соціологіи»—отъ нихъ только блажь въ голову лѣзетъ...

— Отъ скуки можно...—произнесъ я, небрежно бросая «Капиталъ» на нары.

— Ну, какъ съ клопами?..

— Борюсь.

— А есть еще?

— Случается.

— Этакая гадость!..

Исправникъ посидѣлъ минутъ десять, нѣсколько разъ вздохнулъ, и мнѣ показалось, что чувствовалъ онъ какую-то неловкость предо мною...

— Прекрасная погода установилась...

— Да... Не дразните!..

— А вы, оказывается, сочинитель?..

— Я?.. Откуда вы это узнали?..

— Племянница у меня книжку привезла, и вотъ тамъ есть сочиненіе подъ вашей фамиліей... Про тюрьму...

— Безсонная ночь?

— Вотъ именно!.. Вы?

— Я...

— Поздравляю!.. Надѣюсь, если будете описывать ваше настоящее пребываніе въ заключеніи, не помяните меня дурнымъ словомъ... Я отношусь гуманно и дѣлаю все, что могу... Даже больше...

— Пожалуйста, рамы-то зимнія...

— Будетъ сдѣлано...

— А затѣмъ, не могу ли я просить васъ дать мнѣ эту книжечку. Хочется прочитать свое сочиненіе... Попросите вашу племянницу!..

— По закону, пожалуй, и нельзя... Постараюсь... Будьте здоровы! Желаю скорѣйшаго освобожденія...

Ей-Богу, премилый человѣкъ этотъ исправникъ. Даже не предполагалъ, что на свѣтѣ могутъ быть такіе исправники...

— Карлъ Марксъ!.. Самъ исправникъ благословилъ наше знакомство. Благословилъ и аттестовалъ тебя, Марксъ, съ самой лучшей стороны... Неужели, прочитавъ тебя, изучивъ тебя, подружившись съ тобой, можно будетъ спокойно сидѣть въ тюрьмѣ и ждать свободы отъ непреоборимыхъ законовъ естественно-исторической необходимости?..

Началъ было читать Маркса, но въ сердцѣ прыгала радость автора «Безсонной ночи» и мѣшала автору «Капитала». Первый разсказъ въ толстомъ журналѣ!.. Писатель!.. Теперь уже настоящій писатель... Во многихъ тысячахъ разлетѣлась книга по Россіи, и теперь въ разныхъ городахъ тысячи людей читаютъ мою «Безсонную ночь» и... Разсказъ трогательный... Несомнѣнно, на каждаго живого человѣка онъ произведетъ впечатлѣніе, и каждый, дочитавъ до конца, подумаетъ:

— Геннадій Тархановъ... Новый писатель народился...

А тѣ, кто меня зналъ когда-нибудь, вспомнятъ и подумаютъ:

— Онъ, онъ!.. Тотъ самый Геннадій Тархановъ... Гдѣ онъ теперь?..

И въ коммунѣ теперь читаютъ мой разсказъ и... критикуютъ. Любопытно невидимкой послушать, какъ они критикуютъ. Куренковъ-отецъ, вѣроятно, разберетъ по косточкамъ и не одобритъ... А вотъ какъ отнесутся Козочка и Параша?..

Нѣсколько разъ я принимался за Маркса, но ничего не выходило: вспомню про свой разсказъ и улечу мыслями далеко-далеко... Гдѣ-то тамъ есть еще одинъ человѣкъ, одинъ избранный читатель, и все представляется, какъ этотъ читатель изумится, увидя, что разсказъ посвященъ ему... Прочитаетъ, оторветъ взоръ отъ книги и, устремивъ его куда-то въ даль, будетъ вспоминать Казань, городской садъ, пароходъ, тюрьму... И, быть можетъ, вздохнетъ и приложитъ кружевной платочекъ къ влажнымъ глазамъ.

Такъ и промечталъ до темноты... А когда надъ полицейскимъ дворомъ засверкали звѣзды и синеватая мгла весенней ночи, спрятавъ прозу полицейскаго задворка, превратила его въ таинственный замокъ, съ безчисленными огнями въ окнахъ, съ рыцарями въ золотыхъ шлемахъ, съ взволнованно-шепчущимися дамами, съ побрякивающими оружіемъ привратниками,—я сѣлъ подъ раскрытой форточкой и сталъ слушать нѣжную, прекрасную музыку прекрасной племянницы графа, владѣльца замка... Волшебница- ночь! исправника ты превращаешь въ графа, пожарнаго—въ рыцаря, кухарку—въ придворную даму... Волшебница-музыка!.. Ты снова пробуждаешь въ душѣ всѣ заснувшія сказки прожитаго и снова обманываешь неясными, хрупкими призраками личнаго счастія... Ахъ, какъ хочется любить и быть любимымъ!.. Какъ прежде...

Серенада Шуберта...

И никто, о, другъ мой милый,
Не услышитъ насъ, не услышитъ насъ...

— Мм... та-ра, та, та-та, ра-а, та... Мм... Эхъ, тоска..

Выходи, о, другъ мой нѣжный...
Билъ свиданья часъ, билъ свиданья часъ...

Кто она эта племянница графа, заставляющая ныть мое сердце?.. Можетъ быть, это дѣвушка необыкновенной

красоты, съ тяжелыми золотыми косами, съ нѣжной скорбью въ голубыхъ очахъ... Почему всѣ прекрасныя дѣвушки мнѣ рисуются похожими на Зою... Странно...

Вы-хо-ди-и, о, другъ мой нѣ-жны-ый...

Никто не выйдетъ. Некому выйти... Оборвалась музыка и пристальнѣе взглянула синяя ночь въ окно. Гдѣ-то звучатъ сдержанные женскіе голоса. Отчего вздрогнуло сердце? Неужели только отъ женскихъ голосовъ?.. О, весна, волшебница и обманщица!.. Какое мнѣ дѣло до этихъ невѣдомыхъ голосовъ? Они звучатъ для всѣхъ, но только не для меня... Всякій пожарный теперь имѣетъ больше основаній прислушиваться къ женскимъ голосамъ, чѣмъ я, связанный по рукамъ и ногамъ человѣкъ... А голоса—все ближе.

— Что за исторія?.. Подъ самыми окнами...

Въ темнотѣ безшумно плывутъ два женскихъ силуэта, то сливаются въ одинъ, то снова раздѣляются. Кого-то тихо зовутъ...

— Тархановъ!.. Тархановъ!..

Меня. Ясно слышалъ свою фамилію... Не можетъ быть!.. Выставился въ форточку...

— Тархановъ!..

— Козочка?..

— Тише!.. Вотъ вамъ книга и цвѣточки!.. Тише!.. Тише!..

— Какъ это?.. Кто съ вами?..

— Тише!.. Тамъ есть письмо... Цѣлую!.. Завтра опять... Ночью!..

Исчезли. Вонъ онѣ, чуть-чуть рисуются на другомъ концѣ двора... Пропала. Словно видѣніе... Я могъ бы подумать, что все это—галлюцинація, порожденная весенней ночью и музыкой, если бы въ моихъ рукахъ не были книга и пучокъ цвѣтовъ... Какимъ образомъ совершилось это чудо? Племянница!.. Несомнѣнно, что это

племянница графа, владѣльца этого замка, игравшая серенаду Шуберта... Да, другъ Горацiо, на свѣтѣ случается такое, что и не снилось нашимъ мудрецамъ... Цвѣты!.. Простые желтенькiе цвѣты, первые вѣстники здѣшняго лѣта... Поставимъ ихъ въ воду... А вотъ это .. Дрожатъ руки, отыскивая произведенiе писателя Тарханова... Вотъ оно!.. Читаю заглавiе, перелистываю, отдѣляю двумя пальцами отъ всей книги и на ощупь опредѣляю значительность своего произведенiя...

— Ого, довольно толстенькое...

Любуюсь подписью и замѣчаю на поляхъ надпись карандашикомъ: «Прекрасный разсказъ»... Отодвинулъ въ сторону Карла Маркса, прибавилъ огонька въ лампѣ и погрузился въ чтенiе, „Безсонной ночи“... Прочиталъ разъ, отеръ слезу и началъ читать во второй разъ. Прекрасно!.. Неужели это я написалъ? Даже не вѣрится... Да, вотъ это разсказъ!.. Уже полицейскiй дворъ поблѣднѣлъ отъ близкаго разсвѣта, когда я, измученный, легъ съ книгой на нары и подвинулъ лампу, чтобы еще разъ прочитать свой разсказъ. Изъ приподнятой книги выпалъ запечатанный сургучной печатью конвертикъ маленькаго формата...

— Ба, про письмо-то я и забылъ!..

«Геннадiй Николаевичъ! Помните, вы меня спрашивали о томъ, люблю ли я кого-нибудь. Тогда я не хотѣла вамъ сказать правды и уклонилась. Если вамъ интересно это до сихъ поръ, я скажу. Люблю я васъ Геннадiй Николаевичъ, а раньше никогда никого не любила. Быть можетъ мы никогда не увидимся, потому что мнѣ разрѣшили вернуться на родину къ умирающей мамѣ, а васъ могутъ долго продержать въ тюрьмѣ. Вотъ и рѣшилась я, наконецъ, сказать вамъ то, что было моей тайной давнодавно, почти съ того дня, какъ я васъ встрѣтила... Зинаида Гильдѣва».

Милый ребенокъ!.. Хрупкiй южный цвѣтокъ, грубой

рукою вырванный изъ родной земли и закинутый въ далекій сѣверный край... Ты даже не спрашиваешь, люблю ли я тебя... Ты только раскрываешь довѣрчиво свою красивую душу и ничего не просишь... Что я скажу тебѣ?.. Не знаю, я самъ не знаю... Иногда мнѣ кажется, что я люблю тебя нѣжно-нѣжно, какъ рѣдкій любимый цвѣточекъ въ оранжереѣ... Я любуюсь тобой, упиваюсь твоимъ ароматомъ, боюсь, какъ бы чья-нибудь рука не сорвала тебя... Но я боюсь, что одной нѣжности мало... Любовь не только нѣжность, но и жестокость... Нѣтъ у меня къ тебѣ этой жестокости, которую люди называютъ страстью... Что я скажу тебѣ?.. Что скажу?... Не виноватъ ли я передъ тобой тѣмъ, что иногда говорилъ съ тобой чрезмѣрно ласково и нѣжно и смотрѣлъ на тебя съ восхищеніемъ, которое ты поняла не такъ... Разсвѣтало. Пожарная каланча облилась лучами восходящаго солнца, и золотомъ засіяла мѣдная каска на дежурномъ пожарномъ солдатѣ, который все ждетъ и не можетъ дождаться пожара... Заворковали голуби, и зачирикали воробьи... Заскрипѣли немазанныя телѣги на базарной площади. А я все хожу и не могу придумать, что мнѣ дѣлать... Все спрашиваю себя: могу ли я теперь любить иначе, чѣмъ люблю тебя?..

Ты юна и чиста, ты вѣришь, что полюбила безповоротно, на всю жизнь, что ты никогда не разлюбишь, потому что на свѣтѣ нѣтъ человѣка прекраснѣе твоего избранника... Никакихъ сомнѣній и колебаній въ твоей чистой душѣ нѣтъ, и потому такъ просто и кратко твое дѣвичье признаніе. А я... увы, я потерялъ вѣру въ могущество любви и знаю, что она— только прекрасный сонъ въ весеннюю ночь жизни и что за весной придетъ лѣто и осень, и пожелтѣютъ листочки, и повянутъ цвѣты, и будетъ тоскливо выть вѣтеръ... «Только утро любви хорошо»... Да, да... только утро... Мое утро уже прошло, а у тебя еще только-только взошло солнце и облило

яркимъ радостнымъ сіяніемъ твое сознаніе бытія... Прекрасный, чистый, непосредственный ребенокъ! какъ я хотѣлъ бы отвѣтить тебѣ тѣмъ же, но... не течетъ рѣка обратно...

Бодрствующимъ встрѣтилъ я новое утро. Умылся холодной водою, сѣлъ подъ окно со стаканомъ чая и сталъ машинально наблюдать за пробужденіемъ полицейскаго двора, а въ головѣ стоялъ все тотъ же неотвязный вопросъ: какъ отвѣтить Козочкѣ?..

Наивные желтые цвѣточки, собранные, конечно, собственными руками для любимаго человѣка на лужкахъ за городомъ, смотрѣли на меня съ вопросомъ и со страхомъ, словно ждали отвѣта на сдѣланное предложеніе, а рядышкомъ лежалъ Карлъ Марксъ и строго и хмуро посматривалъ и на цвѣты, и на меня, и на всю мою жизнь...

Съ нетерпѣніемъ ждалъ, когда промелькнетъ Козочка съ обѣдомъ, чтобы отразить образъ любящей меня дѣвушки въ зеркалѣ своей души и найти тамъ отвѣтные трепеты, но, къ удивленію своему, увидалъ вмѣсто Козочки Марью Петровну... Что это значитъ? Почему обѣдъ принесла Марья Петровна? Не случилось ли тамъ что-нибудь непріятное?.. А, можетъ быть, Козочка уѣхала, и мы съ ней никогда уже не увидимся... Значитъ, не надо ей никакого отвѣта отъ меня... Тогда зачѣмъ было дѣлать признаніе?.. Странная дѣвушка...

Принесли обѣдъ, но въ немъ было какое-то смутное огорченіе, словно это былъ совсѣмъ не тотъ обѣдъ, который я получалъ раньше. Не хотѣлось ѣсть. Неужели мы съ Козочкой такъ-таки никогда уже болѣе не встрѣтимся?.. Жаль. Теперь ясно, что все-таки этотъ странный чужеземный ребенокъ успѣлъ оставить на душѣ много нѣжности, теплоты, грусти по чему-то несбывшемуся...

Я бралъ наивные желтые цвѣточки, погружалъ въ нихъ свое лицо и шепталъ:

— Эхъ, Козочка!.. Прилетѣла изъ-за синя-моря, пощебетала, какъ скворчикъ, у окна нашей жизни и улетѣла въ теплые края...

Да, что имѣемъ—не хранимъ, потерявши—плачемъ. Какое огромное счастье принесло бы это письмо, если бы оно было адресовано бѣдному Гришенькѣ! Я перечитывалъ письмо, всматривался въ почеркъ и шепталъ:

— Не знаю, не знаю... Можетъ быть, и люблю... Можетъ быть, въ моей жизни прошли всѣ вихри и наступила пора тихой и нѣжной женской привязанности... Почему это не любовь?.. И кто скажетъ, что такое любовь?..

Послѣ обѣда у насъ выставляли зимнія рамы. Это было цѣлое событіе... Казалось, что всѣмъ это пріятно: и намъ, и тѣмъ, которые выставляли рамы, и тѣмъ, которые смотрѣли на это событіе со двора... Раза два прошла, поглядывая въ нашу сторону, племянница исправника, съ которой только вчера еще Козочка подходила къ моему окну, а, уходя, прошептала:

— Цѣлую...

Вѣдь она обѣщала сегодня ночью опять подойти къ окну... Буду ждать. Съ нетерпѣніемъ буду ждать... Быть можетъ, не уѣхала...

Вечеромъ опять носилась на полицейскомъ дворѣ музыка. Теперь, при раскрытомъ окнѣ, казалось, что играютъ подъ самой камерой... Опять я слушалъ серенаду и подпѣвалъ:

Выхо-ди, о, другъ мой нѣжный...
Билъ свиданья часъ, билъ свиданья часъ...

Плылъ тихій, теплый вечеръ... Пришла лунная ночь... Смолкла музыка...

Не пришла.

XVI.

Гремятъ ключи за дверями. Вздрогнуло сердце: въ неурочное время отпираютъ камеру. Что бы это могло значить?..

— Пожалуйте къ исправнику!

Раскрыли дверь и къ сосѣду:

— Пожалуйте къ исправнику!

Что это: свобода, подъ надзоромъ полиціи, или новое путешествіе по тюремнымъ заведеніямъ?

— Здравствуй, Васенька!.. Экъ бородища-то отросла... Ты похожъ, братъ, на Навуходоносора...

— Волосъ одолѣваетъ... Какъ полагаешь, зачѣмъ—къ исправнику?

— Не разспрашивай, не раздумывай... Идемъ! Все можетъ быть.

Въ сопровожденіи пріятеля-будочника идемъ черезъ полицейскій дворъ по направленію задняго крыльца г. исправника, а насъ съ жадностью осматриваютъ кухарка, пожарный, горничная... А изъ верхняго окна, черезъ зелень цвѣтовъ, наблюдаетъ племянница. Я посмотрѣлъ на окно и приподнялъ шляпу,—племянница кивнула головкой.

— Проходите, господа, безъ вниманія!.. Мнѣ выговоръ будетъ за ваше поведеніе...

Ну, вотъ, и квартира исправника...

— На кой чортъ съ задняго хода?.. Я не лакей—ворчитъ Касьяновъ.—Я иду по дѣлу, а не въ гости къ кухаркѣ исправника.

— Вотъ сюда, въ калидоръ, и направо...

Входимъ въ кабинетъ. Никого. Въ слегка пріоткрытую дверь кто-то тайно подглядываетъ. Вонъ глазъ...

— Милости просимъ!—неожиданно произнесъ Касьяновъ и растворилъ дверь: красивая дѣвушка застыла въ позѣ провинившагося школьника, потомъ расхохо-

талась и скрылась, а въ дальнихъ комнатахъ зазвучалъ рояль.

— А племянница, братъ, достойна вниманія!—сказалъ Касьяновъ.

— Постой-ка, что это она играетъ... Марсельезу!..

— Да, да!..

— Вотъ, братъ, исторія-то!.. Исправникъ и... Марсельеза!..

Кто-то грузно шагаетъ, словно маршируетъ подъ Марсельезу:

— А-а, поздравляю, господа!.. Очень радъ за васъ! Дѣло кончилось пустяками: васъ, г. Тархановъ, выпустили безъ всякихъ послѣдствій, а вамъ, г. Касьяновъ, прибавили еще годъ ссылки...

— Мнѣ прибавили? Какъ они добры!..

— Ну, г. Касьяновъ, я скажу вамъ, что сами вы виноваты...

— Въ чемъ именно?

— Какъ же можно держать собаку, которая бросается на людей!..

— Во-первыхъ, не на людей, а на жандармовъ, а, во-вторыхъ, у собаки есть тоже обязанность и долгъ службы...

— Въ протоколѣ было указано, что вы натравили собаку на ротмистра...

Исправникъ и Касьяновъ препирались, а я слушалъ и смѣялся: я впервые еще узналъ объ этой исторіи. Оказывается, что во время обыска у Касьянова Спартакъ прокусилъ икру жандармскому ротмистру, искусалъ нижнему чину руку и былъ убитъ при защитѣ своего хозяина выстрѣломъ изъ револьвера.

— Садитесь, господа!.. Выслушайте бумажку и подпишитесь...

Я сѣлъ, а Касьяновъ злобно отказался:

— Цѣлый мѣсяцъ сидѣлъ. Много доволенъ и бла-

годаренъ!.. Только въ Россіи возможно такое безобразіе!

— Но что же дѣлать, г. Касьяновъ, если мы живемъ въ Россіи. Поѣзжайте за границу!

— Вы меня отпускаете?

— Я не могу, и при томъ вы еще не отбыли своего наказанія. Понесите наказаніе, и тогда, полагаю, правительство будетъ очень радо вашему выѣзду за границу: у него такихъ подданныхъ и такъ достаточно...

— Отбудешь наказаніе, а затѣмъ вы опять сдѣлаете обыскъ, ничего не найдете и съ досады прибавите еще годъ. Итакъ далѣе, пока я не убѣгу.

— Вы говорите такъ, словно я посадилъ васъ, я вамъ прибавилъ годъ ссылки... Я никого не сажаю. Меня заставляютъ! Ну-съ, потрудитесь подписаться, что вамъ было объявлено.

Подписались и простились.

— Ваши вещи, господа, въ канцеляріи.

Подушки и корзины съ бѣльемъ мы пока оставили, забрали только книги и разную мелочь и вышли на улицу.

— Куда теперь? У тебя квартиры нѣтъ?

— Какая, чортъ, квартира, когда они стрѣльбу подняли въ комнатахъ! Моя хозяйка чуть отъ страха не скончалась...

— У меня тоже нѣтъ квартиры. Идемъ въ коммуну!

Я вспомнилъ про Козочку и ея письмо, и радостная тревога облила мою душу. Какъ я посмотрю ей въ глаза, если она еще не уѣхала?..

— Ну, что ты остановился?

— Идемъ, идемъ!.. Такъ, задумался.

Былъ уже вечеръ, теплый вечеръ, съ странными блѣдными сумерками, предвѣстниками бѣлыхъ сѣверныхъ ночей. Мы шли по улицамъ и не узнавали своего городка: за время нашего сидѣнія распустились деревья садовъ и кусты палисадниковъ, ветлы и березы вдоль

тротуаровъ; не было грязныхъ лужъ и болотъ, всюду лужайки, такія веселенькія лужайки. По улицамъ бродили жители, наполняя вечернюю тишину говоромъ, смѣхомъ и стукомъ шаговъ по звонкимъ доскамъ тротуаровъ; бѣгали крикливые, возбужденные ребятишки, занятые игрой въ лапту. Кое-гдѣ черезъ листву деревьевъ привѣтливо такъ мерцали первые огни. Кто-то брянчалъ на гитарѣ, подпѣвая:

Очи, полныя огня, вы мои мучители,
Ахъ, зачѣмъ вы у меня миръ души похитили!..

— Каково оживленіе!..

— Тебѣ ладно, а мнѣ годъ прибавили. Будь они трижды прокляты!..

А вотъ и знакомый домъ съ высокими березами передъ фасадомъ. Коммуна.

Окна раскрыты, но огней не видно. Тихо. Загадочно. Есть тамъ Козочка или нѣтъ, и никогда больше я не увижу ея?..

— Эй, господа!—зычно крикнулъ Касьяновъ въ раскрытыя окна черезъ околицу палисадника.

Выглянуло испуганное лицо Параши. Она погрозила пальцемъ и что-то прошептала...

— Тише!.. Ради Бога...

— Что такое?..

Съ тайнымъ страхомъ мы вошли въ сѣни и столкнулись здѣсь съ Парашей. Усталое, озабоченное лицо...

— Тише!.. Наша Козочка очень плоха...

— Что такое?.. Почему?

Мы сбились въ кучку въ углу сѣней.

— Вѣдь она должна была уѣхать къ матери... на родину...

— Мать у ней умерла... Прочитала телеграмму и упала... затылкомъ... Должно быть, сотрясеніе мозга... Не снимаютъ льда... Бредъ...

— А докторъ? Докторъ?..

— Былъ... какой-то полупьяный... грязный... Необходима полная тишина...

Тихо, на цыпочкахъ, мы прокрались въ нейтральную комнату и долго сидѣли здѣсь въ молчаніи, съ опущенными головами... Появилась грустная Марья Петровна, молча пожала намъ руки и прошла въ комнату Козочки.

— Не надо... Не надо...—глухо и жалобно прозвучалъ оттуда слабенькій нѣжный голосокъ и торкнулся прямо въ мое сердце... Неужели смерть?..

Глупо, жестоко, непонятно... Я озиралъ комнату и мнѣ казалось, что она какая-то особенная, не такая, какъ прежде. Словно здѣсь уже невидимо рѣяла смерть... Эхъ, миленькая Козочка!.. Такъ недавно еще, нарядная, но грустная, приходила ты къ окну моей камеры и отдала мнѣ свою тайну, можетъ быть,—послѣднюю въ жизни тайну первой и послѣдней дѣвичьей любви... Мнѣ хотѣлось бы подойти къ твоей постели, встать на колѣни у твоего изголовья, припасть губами къ твоей тонкой-тонкой дѣтской рукѣ и сказать:

— Бѣдненькая моя голубка!.. Не уходи отъ насъ... Только теперь я понялъ, что люблю тебя, люблю... Знай, что я люблю тебя...

Вышла Параша. На глазахъ ея блестѣли слезинки:

— Слава Богу, она стала узнавать... Сейчасъ узнала меня и... поцѣловала мнѣ руку... Надо въ аптеку за льдомъ...

— Сейчасъ!..

Я вскочилъ со стула и, прокравшись въ сѣни, почти побѣжалъ въ аптеку.

Тамъ я побранился съ аптекаремъ: мнѣ показалось, что люди безсердечны и злы:

— Нельзя ли поскорѣе! Тамъ человѣкъ умираетъ, а вы ковыряете въ носу...

— Это не ваше дѣло. Никто мнѣ этого запретить не можетъ...

— Поворачивайтесь скорѣе!..

— Ледъ въ погребѣ и... не кричите!..

Получивъ ледъ, я побѣжалъ въ коммуну и дорогой проклиналъ эту трущобу, гдѣ нѣтъ даже извозчиковъ...

Касьяновъ ушелъ ночевать въ номера, а я остался въ коммунѣ. Всю ночь я не спалъ, валяясь въ полузабытьи на диванѣ. Только забудусь—и вдругъ мнѣ почудится стонъ, вздохъ или плачъ въ страшной комнатѣ. Встряхнусь, сяду, прислушаюсь, — тихо. На разсвѣтѣ, когда я заснулъ, наконецъ, чуткимъ коротенькимъ сномъ, мнѣ приснилось, будто изъ страшной комнаты вышла Параша и сказала:

— Умерла!..

Я вскочилъ на ноги и не вѣрилъ, что это былъ сонъ. Съ ужасомъ искалъ я глазами Парашу и, не видя ея, все-таки не могъ прійти въ себя. А, быть можетъ, Параша была и ушла?.. Не было силъ вѣрить, что это—сонъ. Я подкрался къ дверямъ страшной комнаты, пріоткрылъ ихъ и заглянулъ.

Слава Богу: Козочка жива!.. Параша, склонившись головой на постель, дремлетъ, а Козочка медленно поглаживаетъ ей руку и усталыми огромными глазами смотритъ на дверь... О, какъ хотѣлось бы мнѣ вбѣжать въ комнату или отсюда сказать, что я—здѣсь, близко... Испугаешь... Нельзя.

Прокравшись къ дивану, я прилегъ, счастливый такой и спокойный. Несомнѣнно, что я люблю... Какъ только она поправится и минетъ всякая опасность, я приду и скажу:

— Никого никогда я не любилъ еще такъ, какъ люблю тебя!..

Вынулъ письмо, перечитывалъ, и такая нѣжность рождалась въ моей душѣ къ больной дѣвушкѣ, что я,

какъ къ святынѣ, прикладывалъ губы къ письму и закрывалъ глаза отъ трепетнаго благоговѣнія...

Былъ вечеромъ на другой день докторъ, котораго я встрѣтилъ и проводилъ, какъ самаго родного и близкаго друга.

— Ну, какъ докторъ?..

— Ничего. Встанетъ, если... Вѣдь, чортъ ее знаетъ.. Бываютъ случаи...

— Неужели, докторъ, можетъ быть... плохой исходъ?

— Сейчасъ дѣло идетъ прекрасно... А все-таки врачъ—не Богъ... И потому я никогда не говорю категорически. Былъ случай, когда я сказалъ, что завтра больной встанетъ, а... а онъ ночью взялъ да и умеръ... Сознаніе вернулось, стало быть, и... Слава Богу!.. Слабенькая ужъ больно... Дунешь неосторожно,—и погаснетъ... Завтра зайду и тогда можно будетъ сказать окончательно...

Мучительно было ждать этого «завтра», и я напоѣдалъ Парашѣ и Марьѣ Петровнѣ разспросами, всякій разъ, когда тѣ выходили изъ комнаты Козочки. Въ залѣ вмѣстѣ со мной неотступно сидѣлъ Гришенька. Я зналъ, что онъ терзается не меньше меня, но непріязни къ нему не чувствовалось...

Я былъ съ нимъ ласковѣе обыкновеннаго, но о больной съ нимъ не говорилъ. Впрочемъ, онъ былъ вообще неразговорчивъ и все грустно посматривалъ въ окно, подперевъ рукой голову. Былъ онъ какой-то одинокій, пришибленный и сидѣлъ неподвижно на одномъ мѣстѣ съ прихода до ухода. Жаль юношу, но вѣдь она ему сказала, что надѣяться не на что... Чего же онъ ждетъ, бѣдный?.. Какъ нищій!.. Сидитъ до ночи, молчитъ-молчитъ, а потомъ встанетъ, вздохнетъ и молча, не прощаясь, уходитъ.

Пришло завтра, пришелъ и сѣлъ къ окну Гришенька, а потомъ пришелъ докторъ. Всѣ мы знали, что Козочкѣ

гораздо лучше, что она уже садилась въ подушкахъ, просила манной кашки и вообще стала пробуждаться къ жизни, но мы все-таки волновались, ожидая, что скажетъ полупьяный человѣкъ, который самъ говоритъ, что вѣритъ только въ одну касторку и въ Бога.

— Ну, вотъ, теперь могу сказать, что встанетъ, потому что она уже сидитъ.

Всѣ мы радостно засмѣялись. Только Гришенька, обернувшись, съ презрѣніемъ посмотрѣлъ на доктора...

— Шуткѣ время, а потѣхѣ часъ!—проворчалъ онъ въ окошко, но никто не обратилъ на это замѣчаніе вниманія...

Я проводилъ доктора до передней, подалъ ему пальто, сунулъ въ руку два рубля и, пожавъ эту руку, чуть не выгребъ у него гонораръ обратно.

Въ сѣняхъ я нагналъ его и спросилъ:

— А можно къ ней... повидаться!

— Если разрѣшитъ, такъ можно, а не разрѣшитъ, такъ нельзя...

Острякъ!.. А все-таки есть въ немъ что-то симпатичное. Говорятъ, что онъ изъ бывшихъ ссыльныхъ... Спился, бѣдняга: всегда носитъ съ собой запахъ перегорѣлой водки... Неужели и мы когда-нибудь сдѣлаемся похожими на этого соннаго, полупьянаго медвѣдя?..

— Параша!.. Спросите Козочку, нельзя ли мнѣ къ ней... повидаться.

— Тархановъ!.. Она слаба... Зачѣмъ вамъ?..

— Вы хотите знать?.. Извольте: мы любимъ другъ друга...

— Что такое?..

Я повторилъ.

— Ахъ, вотъ какъ!.. Вы не шутите?..

— Нѣтъ...

— Тогда... Я ужъ не знаю, какъ... Надо бы спросить доктора.

— Я спрашивалъ, онъ разрѣшилъ...

— Что такое? Въ чемъ дѣло?—тихо спросила Марья Петровна. — Ему? Къ больной?.. Ни подъ какимъ видомъ!.. Совершенно лишнее...

— Объясните, Параша, Марьѣ Петровнѣ...

Параша отвела Марью Петровну въ уголокъ и стала шопотомъ объяснять положеніе вещей.

— Онъ? Тархановъ?.. Или Гришенька?..

— Онъ, Тархановъ!

— Значитъ, оба... Ни подъ какимъ видомъ. Эти глупости надо теперь оставить. Ей не до любви. Пустяки!.. Стыдно...

Сердито и презрительно посмотрѣла въ мою сторону и ушла. Параша махнула мнѣ рукой: нельзя.

— Но когда же?

— Когда встанетъ...

— Кто тамъ разговариваетъ?—прозвучалъ слабенькій голосокъ.

Параша сердито махнула мнѣ рукой и пошла къ больной. Спустя нѣсколько минутъ, она вышла въ залъ, подошла ко мнѣ, наклонилась и сердито въ полголоса сказала:

— Идите, только на одну минуту!.. и чтобы не видала Марья Петровна...

Я пригладилъ волосы, усы, бородку и съ нѣкоторымъ страхомъ направился къ Козочкѣ. Тихо и осторожно пріоткрылъ дверь, вошелъ и остановился у порога.

— Поближе... ничего...

Она улыбнулась и поманила жестомъ руки. Я подошелъ и вышло все такъ, какъ я рисовалъ себѣ въ мучительныя ночи ожиданій: я опустился у изголовья дѣвушки, склонилъ голову и прижалъ губы къ ея рукѣ. А она стала тихо гладить меня по головѣ... И когда я поднялъ голову, я встрѣтилъ улыбку, закрытые глаза и слезинки на рѣсницахъ...

— Довольно!.. Уходите!.. — раздался сердитый голосъ Марьи Петровны.

Я еще разъ поцѣловалъ слабую руку и, гнѣвно сверкнувъ взорами на Марью Петровну, вышелъ...

Словно пьяный, я вошелъ въ залъ и не замѣтилъ идущей по моимъ пятамъ Марьи Петровны:

— Лѣзть къ умирающей съ объясненіями въ любви... это... это... я не знаю, какъ это, господа, назвать!.. Помоему, это... глупо и жестоко,—проворчала Марья Петровна.—Порядочный человѣкъ долженъ понять, что...

Гришенька подозрительно посмотрѣлъ въ мою сторону и, вздохнувши, вымолвилъ:

— Да ужъ... достойно пьянаго, но не сознательнаго... Я необразованный человѣкъ, но все-таки никогда бы себѣ не позволилъ...

Я упорно отмалчивался, словно все это говорилось вовсе не обо мнѣ. Тогда вмѣшался въ дѣло Павелъ Петровичъ Куренковъ и, взявъ меня за пуговицу, началъ было вразумлять всѣми доводами логики, но я потерялъ терпѣніе:

— Говорить можете, что вамъ угодно, но руками прошу меня не трогать!

Вышла Параша и, понявъ въ чемъ дѣло, заступилась за меня:

— Козочка ему разрѣшила...

— Это все равно!..

— Она его сама позвала...

— И все-таки нельзя было итти... Она сама не понимаетъ, что посторонніе люди теперь...

— Я не посторонній...

— Это почему же?.. Я думаю, что всѣ мы на одинаковомъ положеніи...

— Онъ—на особенномъ!—раздраженно бросила Параша и вышла изъ комнаты.

— Ахъ, вотъ какъ!.. Я не зналъ,—обиженно проворчалъ Гришенька.

— Въ такомъ случаѣ знайте!..

— Извиняюсь, извиняюсь...—тихо и покорно произнесъ Гришенька и какъ-то незамѣтно исчезъ...

— Побѣдителей не судятъ,—насмѣшливо сказалъ Куренковъ, покачалъ головой, выпустилъ «эхе-хе!» и тоже скрылся...

«Чортъ бы васъ всѣхъ взялъ!.. Привязались... Какое имъ всѣмъ дѣло?»—думалъ я, провожая злымъ взглядомъ Куренкова.—«Довольно съ меня полицейскаго надзора»...

Вечеромъ я опять былъ у Козочки. Сама спросила обо мнѣ и сама позвала. Бѣлая кровать, бѣлая простыня, бѣлая наволочка, бѣлое одѣяло, словно мягкій сугробъ чистаго снѣга, и на немъ черная головка съ огромными удивленными глазами. Легкая, чуть уловимая улыбка на губахъ и такая длинная обнаженная рука, протянутая мнѣ навстрѣчу... Удивительные глаза! Однажды я былъ на охотѣ и мы подбили и загнали собаками молодого лося: вотъ такіе же глаза, съ застывшимъ въ нихъ испугомъ и страданіемъ, смотрѣли на меня тогда въ лѣсу...

— Какъ вы исхудали!..

— Да?..

Прикрыла глаза, тѣнь легла отъ рѣсницъ, слегка раскрылись губы съ блестящимъ перламутромъ выглянувшихъ зубовъ... Словно умерла!..

— Зина!..

Шевельнулись рѣсницы, и широко раскрылись и поднялись на меня удивительные глаза... Почему въ нихъ нѣтъ радостной искры, а только удивленіе и испугъ?

— Можно поцѣловать вашу руку?

Тихо кивнула глазами и протянула руку.

— Голубка моя!.. Бѣдненькая моя... любимая... ненаглядная... хорошая...

— А я думала, что вы меня не любите!..

— Люблю, люблю!..

— Могла умереть и... никогда не узнать...

Стукъ въ дверь. Вошла Параша и сказала:

— Ну, намъ надо температуру помѣрить...

— Теперь... уходите!

— Можно?..

— Да.

Приподнялась изъ бѣлаго сугроба тонкая, изящная рука, и я, какъ къ святынѣ, приложился къ ней губами.

— Скорѣе выздоравливайте!..

XVII.

Пришла любовь... Новая любовь, непохожая на прежнія...

Огромные глаза, въ которыхъ застыли страхъ, страданіе, недоумѣнный вопросъ и кротость, какая-то особенная, святая кротость, какъ у бѣлоснѣжнаго Васнецовскаго ангела, неотступно преслѣдуютъ мою душу и рождаютъ тамъ чуткую, пугливую нѣжность... Не туманятъ эти глаза головы, не пьянятъ сознанія, не будятъ темныхъ безднъ жестокаго полового инстинкта... Нѣтъ. Только огромная, безграничная нѣжность владѣетъ душой, словно тамъ кто-то играетъ «Лунную сонату»...

— Вы не устали?..

— Нѣтъ... Только немного кружится голова.

— Опирайтесь сильнѣе на руку!

— Разучилась ходить...

Теплый вечеръ. Пламенѣетъ небо отъ закатнаго пожара, по горизонту разлились розовыя рѣки съ фіолетовыми берегами и снѣжными горами, на которыхъ высятся золотые замки. Розовато-золотистые сумерки ло-

жатся по землѣ... Мы возвращаемся съ первой прогулки за городъ. Медленно идемъ мы подъ руку, и я чувствую себя такъ, словно мнѣ поручено донести драгоцѣнный, но хрупкій тончайшій сосудъ, который при малѣйшей неловкости упадетъ и разсыпится вдребезги. Я даже шагаю какъ-то особенно, словно балансирую по тонкой дощечкѣ. И говорю очень тихо и ласково, и слова выбираю особенныя, словно и отъ неосторожнаго слова можетъ разбиться тонкій, драгоцѣнный даръ Божій... Мы гуляли больше часа времени, но я ни разу не заговаривалъ съ Козочкой о своей любви. И любовь была какая-то пугливая и кроткая, какъ глаза у Козочки...

Когда проходили по площади, мимо квартиры исправника, изъ оконъ звучала «Лунная соната». Мы пріостановились и нѣсколько минутъ стояли молча. Козочка вздохнула и, прижавшись плотнѣе, прошептала:

— Какъ хорошо!..

Вернулись въ коммуну къ вечернему чаю и получили выговоръ отъ Параши:

— На первый разъ довольно было гулять полчаса!..

— А развѣ мы гуляли больше?..

— Больше часа...

— Зато мы набрали вамъ цвѣтовъ.

Послѣ чая Козочка прилегла отдохнуть, а меня упросила прочитать ей вслухъ мой разсказъ: «Безсонную ночь»:

— Я хочу, чтобы прочиталъ самъ авторъ... Вы мнѣ сдѣлаете это удовольствіе?

— Конечно! Съ огромнымъ удовольствіемъ.

Уединились въ Козочкиной комнатѣ, зажгли лампу, опустили занавѣску на окнѣ, Козочка забралась въ постель, а я сѣлъ около и началось чтеніе. Читалъ я съ нѣкоторой небрежностью къ автору и нѣсколько разъ спрашивалъ:

— Бросимъ!..

— Нѣтъ, нѣтъ!..

— Не скучно?

— Что вы!.. такой хорошій разсказъ...

Понемногу я и самъ увлекся, наконецъ, своимъ разсказомъ и началъ чувствовать, что захватилъ имъ свою слушательницу. Перевертывая страницу, я взглядывалъ на Козочку и встрѣчалъ все тѣ же удивительные глаза, а когда кончилъ разсказъ и посмотрѣлъ, то растерялся: Козочка, уткнувъ лицо въ подушку, вздрагивала узкими плечиками...

— Вы плачете?.. Полно!.. Не надо!.. Ахъ, зачѣмъ я читалъ вамъ эту чепуху!—Какъ автору, мнѣ были невыразимо пріятны эти читательскія слезы: вѣдь это самая дорогая и рѣдкая награда, когда читатель плачетъ надъ страницами твоего произведенія, но... я былъ теперь не только авторъ, а еще и хранитель этого хрупкаго, непрочнаго ребенка...

— Ахъ, зачѣмъ я читалъ!..

— Ничего... Пройдетъ... Дайте руку...

Не поднимая съ подушки лица, Козочка протянула руку, крѣпко-крѣпко сжала мою и, глотая слезы, прошептала:

— Какой вы хорошій!.. Я васъ такъ люблю, такъ люблю...

Потомъ она вскочила съ постели, умылась и конфузливо улыбнулась:

— Все это—правда?.. Было?.. съ вами?

— Да.

— А гдѣ теперь эта дѣвушка?..

— Не знаю... Давно все это было...

— Вы ее разлюбили?

— Да...

— Вотъ вы какой!.. И меня такъ же разлюбите...

Она взяла книгу, отыскала мой разсказъ:

— Посвятите когда-нибудь и мнѣ свой разсказъ!.. Да? Можно?

— Я хотѣлъ бы посвятить вамъ цѣлую книгу... все, что напишу...

— Боже мой, какъ бы я была рада!..

Козочка отвернулась къ окну, спряталась за занавѣску и неожиданно спросила:

— Вы на мнѣ женитесь?.. Да?..

— Если позволите...

— Да. Позволяю. Что же вы смѣетесь?.. Я говорю серьезно...

Ахъ, милый, чистый ангелъ!.. Я смѣюсь отъ неизъяснимой радости, которая рождается во мнѣ отъ твоего дѣтскаго языка...

— Отъ радости смѣюсь, что вы позволяете... Только я не такой хорошій, какимъ вамъ кажусь. Боюсь, что васъ ждетъ разочарованіе...

— Неправда, вы—хорошій... Не смѣйте мнѣ такъ говорить!.. Я сама знаю.

— Ну, смотрите, послѣ, чуръ, не каяться!..

— А вотъ я... меня вы разлюбите, потому что я... неразвитая, ничего не знаю... И политическую экономію не знаю, и Маркса, и никого...

— Можно любить и безъ этого...

— Вы со мной позанимаетесь?..

— Да...

— Я хочу спать... лечь хочу... устала... Уходите отъ меня!

Поцѣловалъ руку, еще разъ заглянулъ въ удивительные глаза и ушелъ... Не хотѣлось оставаться въ комнатѣ, тянуло на улицу. Пойду-ка пройдусь, подумаю, навѣщу Касьянова...

Бѣлая, блѣдная ночь. Точно свѣтаетъ. Тишина изумительная. Шаги звучатъ рѣзко, непріятно. Лучше итти по дорогѣ, чтобы не нарушать стукомъ сапогъ о доски

тротуара величаваго и торжественнаго спокойствія бѣлой сѣверной ночи...

Да, опять пришла любовь, а я думалъ, что никогда уже она не вернется... Странно. Неожиданно. И такъ просто, изумительно просто... Сколько чистоты въ этомъ вопросѣ:

— Вы на мнѣ женитесь?

Дѣточка, совсѣмъ дѣточка. Вѣдь ей, кажется, нѣтъ еще и семнадцати лѣтъ. А мнѣ... Неужели мнѣ двадцать пятый?.. Я—большой, совсѣмъ-таки большой. Странно: кажется, что я все такой же, какъ и во дни студенчества...

— Женюсь, конечно, женюсь!.. Теперь уже дѣло рѣшенное... конченное... Дважды готовъ былъ жениться и не женился. Въ третій разъ—кончено... Надо написать матери. Нечего откладывать. Завтра же напишу и попрошу пріѣхать или выслать побольше денегъ... Вотъ, чортъ возьми, денегъ-то намъ будетъ маловато. Буду писать... Вѣдь теперь я—писатель, настоящій писатель... Гдѣ-то играютъ на гитарѣ...

— Касьяновъ... Ты не спишь?

— Входи, входи!..

— Что ты безъ огня... и въ такомъ видѣ?

— Не могу спать. Раздѣлся было и легъ, да не спится. Сижу у окна и слушаю свою собственную музыку...

Касьяновъ швырнулъ гитару на диванъ, и она грустно запѣла струнами. Потомъ онъ сладко потянулся и сказалъ:

— Эхъ, братъ, не везетъ намъ съ тобой... съ бабами!

— Я пожаловаться не могу. Грѣхъ Бога гнѣвить.

— Все въ прошломъ и ничего въ настоящемъ... У меня есть коньякъ, давай выпьемъ за упокой любви!

— Выпить—выпью, но безъ похороннаго тоста, а напротивъ...

Касьяновъ досталъ коньякъ, лимонъ, сахаръ, налилъ рюмки...

— Ну!..

— Да здравствуетъ любовь!..

— Что съ тобой?.. По какому случаю телячій восторгъ?

— Я люблю и любимъ и потому къ чорту всѣ сомнѣнія!..

Касьяновъ пристально посмотрѣлъ мнѣ въ лицо и расхохотался.

— Не вѣришь?.. Какъ угодно.

— Поди къ чертямъ! Не вѣрю!

— Дай слово, что пока это останется между нами!

— Да врешь!.. воображаешь! Кто она?..

— Догадайся!..

— Параша, что ли?

— Нѣтъ...

— Ужъ не племянница ли исправника?..

— Нѣтъ...

— А ну тебя ко псамъ!.. Морочишь. Выпьемъ еще!..

Выпили.

— Я женюсь, Касьяша... на Козочкѣ!

— Чепуха!..

— Почему?..

— Чортъ съ младенцемъ...

Я увѣрялъ, а Касьяновъ смѣялся и острилъ:

— Женитьба — дѣло полезное: по крайней мѣрѣ, если самъ ни Богу свѣчка, ни чорту кочерга, такъ послужишь дѣлу размноженія будущихъ революціонеровъ...

— Пошлятину гнешь...

— Впрочемъ, Козочка для этой цѣли не годится... Козочку надо вставить въ рамку и любоваться, но не дотрогиваться, а то...

— Я прошу тебя быть деликатнѣе... Я говорю серьезно... Будь осторожнѣе въ своихъ пошлостяхъ!.

Касьяновъ смутился и перемѣнилъ тонъ:

— Да ты говоришь правду?..

— Правду.

— Ну, извини!.. Никакъ не могъ думать...

Касьяновъ отошелъ къ окну, замолчалъ и началъ жалобно вытягивать:

Наша жи-изнь коротка-а, все уноситъ съ собою.
Наша ю-ность, друзья...

— Эхъ!—оборвалъ онъ вдругъ пѣсню.—А меня никто не любитъ... Некому... Былъ у меня одинъ только вѣрный другъ, Спартакъ, да и того убили...

У меня-я была соба-ака, я ее любилъ,
Но пришелъ жандармскій ротмистръ и ее убилъ...

— А какъ тебѣ нравится племянница исправника?..

— Странный переходъ отъ собаки къ племянницѣ.

— Ассоціація идей.

— Удивительная ассоціація...

— Счастливецъ ты!.. А мнѣ положительно не везетъ... Совсѣмъ было женился, но пріѣхалъ пророкъ, совратилъ въ свою вѣру мою Вѣру, и, вмѣсто свадебнаго путешествія, они отправились въ тюремный курортъ... Была у меня собака, но пришелъ врагъ и убилъ друга... На будущій годъ кончалась ссылка, но у меня сдѣлали обыскъ, ничего не нашли и прибавили мнѣ еще годъ... Въ родѣ многострадальнаго Іова...

Касьяновъ наливалъ коньякъ и глоталъ рюмку за рюмкой.

— Смотри: наглотаешься!

— Эхъ, братъ!.. Мнѣ можно: я человѣкъ одинокій... и нелюбимый. Наплевать на трезвое поведеніе... Пробовалъ и все равно не помогаетъ. Ну, за твое счастье!.. За то, чтобы, женившись, ты не сдѣлался прохвостомъ,

какъ это обыкновенно случается съ порядочными людьми... Жена, дѣти, самъ-скотина и т. п.

Касьяновъ замѣтно пьянѣлъ и впадалъ въ минорное настроеніе. Вспоминали Казань, студенческіе дни, первую тюрьму, студенческій балъ, моего сожителя, Николая Ивановича...

— Вотъ это былъ человѣкъ, а мы... что такое мы? Кислятина!.. Суждены намъ благіе порывы, но свершить ничего не дано... Герои!..

— Скулишь, какъ собачонка за дверью... Прощай!

— Ночуй у меня!.. А!.. Генька! ночуй, Христа ради!..

— Больно ты ноешь...

— Не ночуешь?..

— Нѣтъ. Прощай.

— Не хочешь... Хорошо!.. Иди!.. Чортъ со всѣми вами... Одинъ... Никого мнѣ не нужно... Женихъ!..

Презрительно прозвучало это «женихъ». Я спускался съ лѣстницы номеровъ и бранилъ себя. Не слѣдовало откровенничать.

— Болтушка!.. Ничего не держится... Побѣжалъ и первымъ дѣломъ похвастался...

Непріятный осадокъ на душѣ несъ я до самаго дома, а когда увидалъ занавѣшенное голубенькой занавѣской окно Козочки, то почувствовалъ себя глубоко виноватымъ передъ ней... Должно быть, всѣ спятъ. Придется звонить. Напугаешь ее... Какъ же быть? Посидѣлъ на крыльчикѣ. Въ разныхъ концахъ городка пѣли, перекликаясь, пѣтухи. Это было странно. Такъ много пѣтуховъ. Людей не слыхать, одни пѣтухи. Точно здѣсь живутъ только одни пѣтухи. Клонило ко сну. Какъ хорошо бы повалиться на свой диванъ и протянуть ноги. Развѣ позвонить?.. Нѣтъ. Спитъ княжна Гильдѣева...

Посмотрѣлъ на занавѣшенное окошечко и вспомнилъ:

— Вы на мнѣ женитесь?

Пошелъ бродить. Часа черезъ два вернулся. Что это значитъ: почему окно раскрыто... Уже стало румяниться небо, забезпокоились въ садахъ птицы, предутренній вѣтерокъ колыхалъ голубую занавѣску... Скоро взойдетъ солнышко... Сталъ ходить около дома, отъ угла до воротъ и обратно...

На третьемъ рейсѣ бросаю взглядъ на голубое окошечко и радостно удивляюсь: на подоконникѣ сидитъ бѣлоснѣжный ангелъ съ огромными глазами.

— Козочка!.. Вы не спите?..

— Не спится... А вы... почему вы не идете домой?..

— Боялся звонить,—испугать васъ...

— Какой вы!.. Скоро утро... Хотите пойдемъ гулять...

— Вамъ надо спать...

— Я не хочу. А гдѣ вы были до сихъ поръ?..

— У Касьянова.

— Пойдемъ за городъ, къ лѣсу, на гору... Посмотримъ, какъ будетъ всходить солнышко!.. Я—сейчасъ...

Закрылась занавѣсочка. Прошла сонливость. Точно только сейчасъ всталъ съ постели. Минутъ черезъ пять голубая занавѣсочка поднялась, и Козочка выпрыгнула изъ окна. Вся бѣленькая. Только черная рамка волосъ, подъ бѣлымъ шелковымъ платкомъ, рѣзко оттѣняетъ блѣдное матовое лицо съ огромными глазами.

— Тише... Пусть спятъ... Не надо говорить громко, а то проснутся и меня не пустятъ...

Какъ бѣглецы, крадучись, прошли мы мимо нашего дома, и только, повернувъ за уголъ, почувствовали полную безопасность и заговорили полнымъ голосомъ.

— Давайте руку!..

— А помните, какъ вы упрямились, когда я предлагалъ вамъ руку?..

— Я васъ тогда боялась... и боялась еще... Марьи Петровны...

— А теперь?

— Никого...

Вышли за городскую околицу на зеленыя лужайки, съ разсыпанными на нихъ желтыми и бѣлыми цвѣтами. Козочка стала щипать ихъ, а я смотрѣлъ на ея дѣтскую фигурку и умилялся:

— Зина!.. Тамъ сыро, промочите ноги... Не смѣйте туда ходить!..

Послушалась, вернулась. Пошли къ горамъ, къ лѣсу. Поднялись на высокій холмъ и, усѣвшись на травкѣ, стали смотрѣть на восходящее солнце ..

Изъ пурпуровой рѣки, протянувшейся по горизонту, выглянулъ багряный краешекъ солнца и сталъ золотиться и шириться на нашихъ глазахъ, обливая радостнымъ золотисто-розовымъ свѣтомъ горы и лѣсъ. Быстро побѣжала радость по землѣ и по небу, по лужкамъ и по тучкамъ, по океану небесной синевы и по засверкавшимъ лужицамъ...

— Боже мой, какъ хорошо!..

Теплой лаской баюкало солнце душу и тѣло, хотѣлось смѣяться отъ радости и счастья...

— Какъ хорошо!..—грустно шептала Козочка...

— А зачѣмъ слезки?..

— Нѣтъ мамочки... умерла бѣдная мамочка...—еще тише прошептала Козочка и, уронивъ голову мнѣ на колѣни, потихоньку заплакала...

Я положилъ руку ей на плечико и сталъ утѣшать: мама очень страдала, жизнь свою она уже прожила, и впереди, кромѣ страданія, ничего у нея не было; смерть пришла избавить ее отъ ненужныхъ страданій. Мы, молодые и здоровые—большіе эгоисты: мы хотимъ, чтобы близкіе намъ люди страдали, мучились, но жили для... насъ. Не для себя, а для насъ...

Козочка слушала и стихала...

— Да... конечно .. Можетъ быть, ей лучше... Но она

никогда не узнаетъ, что... я... такая счастливая!.. Пора!.. Вѣрно, у насъ встали...

Козочка поднялась на ноги и, отеревъ платочкомъ слезы, тихо сказала:

— Поцѣлуйте меня!..

Я подошелъ, почти подбѣжалъ къ дѣвушкѣ. Козочка протянула шейку и, подставляя губы, закрыла глаза...

Такъ цѣлуются дѣти...

Вернулись мы часовъ въ пять утра. Городокъ уже просыпался, попадались жители, по преимуществу, женщины съ корзинками въ рукахъ, очевидно, на базаръ; поскрипывали телѣги и колодезные журавли; въ пыли по дорогѣ купались воробьи.

— Боюсь...

— Чего?

— А вдругъ у насъ уже встали... Надо тихо-тихо... Я влѣзу въ свое окно и отопру вамъ...

Какъ ни таились, а попались-таки Марьѣ Петровнѣ.

— Мое почтенье!.. Съ добрымъ утромъ!..—сказала она, выглядывая въ окно изъ зала.

— Мы гуляли...

— Вижу!..

— Смотрѣли на восходъ солнца...

— Великолѣпно!..

Козочка, красная, какъ піонъ, напоминала провинившуюся дѣвочку, растерянно стояла у своего окна и смотрѣла въ землю.

— Марья Петровна, отоприте дверь!..

— Кто же ее за вами заперъ?..

— Не знаю...

Вошли въ переднюю и на цыпочкахъ разошлись по своимъ комнатамъ...

— И вовсе вы ее не любите!—начала Марья Петровна, стоя въ моихъ дверяхъ.—Если бы вы ее любили, то не потащили бы съ собой...

— Люблю...

— Не любите!..

— Я буду раздѣваться... Извините!.. Напрасно трудитесь доказывать...

— Конечно, гражданскимъ бракомъ... думаете?

Я плотно прихлопнулъ дверь и ничего не отвѣтилъ.

XVIII.

Почти ежедневно въ коммунѣ дебатируется вопросъ о бракѣ. Словно всѣ женщины собираются выходить замужъ. Параша, Марья Петровна, жена Куренкова, передовыя во всѣхъ отношеніяхъ женщины, отвергающія весь укладъ буржуазной жизни, доказываютъ другъ другу, что законный бракъ—самая лучшая форма сожитія... Я отлично понимаю, къ чему ведутся эти разговоры, но упорно отмалчиваюсь. Это подливаетъ масла въ огонь.

— А какъ думаете вы, Тархановъ? — значительно спрашиваетъ Марья Петровна, переглядываясь съ другими женщинами.

— Я?.. Свободное чувство сильнѣе и ярче, хотя...

— А какъ думаете вы, Козочка?..

— Не знаю... Мамочка была противъ гражданскихъ браковъ.

— Да у насъ нѣтъ никакихъ гражданскихъ браковъ... Въ томъ-то и дѣло, что у насъ нѣтъ ихъ!—горячится Марья Петровна.—Я сама стою за гражданскій бракъ, но въ нашихъ законахъ онъ не признается...

— Въ нашихъ законахъ никакой свободы не признается, Марья Петровна.

— Знаемъ мы вашу свободную любовь!.. Позабавился, связалъ женщину дѣтьми, и затѣмъ—прощайте: я полюбилъ другую...

— А по-вашему въ такихъ случаяхъ полиція можетъ освѣжить любовь?..

— Гм!.. Не освѣжить, а напомнить объ обязанности отца...

— Не понимаю, какъ можно любить человѣка и думать, что онъ—прохвостъ.

— А я не понимаю, почему въ такомъ случаѣ не исполнить маленькой формальности? Вѣдь отъ нея тоже не разлюбишь, если любишь по-настоящему...

Козочка пугливо посматриваетъ и терзается неразрѣшимымъ вопросомъ. Вѣроятно, кромѣ этихъ дебатовъ въ моемъ присутствіи, женщины еще нашпиговываютъ ее тайными дружескими совѣтами. Нервничаетъ, сердится на меня за то, что любитъ, топаетъ ножкой и капризничаетъ. Однако, ни словомъ не обмолвится о предстоящемъ бракѣ. Однажды, послѣ такого принципіальнаго разговора, Козочка, взволнованная, вышла и спряталась въ своей комнатѣ.

— Параша!.. Марья Петровна!.. Я отлично вижу... и цѣню ваше усердіе въ отстаиваніи законнаго брака, но все-таки прошу васъ принять во вниманіе, что ни на одной изъ васъ я жениться не собираюсь!..

— Скажите, пожалуйста!.. Какое самомнѣніе!..

— Вы вмѣшиваетесь въ чужую жизнь, въ наши личныя отношенія...

— Козочка намъ—не чужая... Я люблю ее, какъ родную сестру.

— А главное—она ребенокъ... Она не понимаетъ и не знаетъ жизни...

— Да я вовсе не предлагалъ ей гражданскаго брака... Не понимаю, на какомъ основаніи вы подняли этотъ бабій бунтъ...

— Прошу поделикатнѣе!..

— Я могу просить объ этомъ васъ, а не вы меня...

— Но надо же знать... Если вы думаете вѣнчаться, то...

— Ну-съ... что тогда?..

— Надо шить платье, надо...

— Надо переговорить съ попомъ, сдѣлать оповѣщенія въ церкви... Мало ли какія формальности!.. Скоро Петровскій постъ, не будутъ вѣнчать...

— Ахъ, платье!.. Вонъ оно въ чемъ дѣло...

Я расхохотался. Параша съ Марьей Петровной тоже...

— Знаете, господа, сколько волка не корми, онъ все въ лѣсъ смотритъ...

— А кто въ этомъ виноватъ?.. Вы же, мужчины...

Потомъ я тихо подошелъ къ дверямъ Козочкиной комнаты и постучалъ.

— Кто?

— Я, Козочка.

— Что вамъ?

— Надо шить подвѣнечное платье!..

— Платье?.. Да, да!.. Оно почти готово... Это недолго... Мы всѣ шьемъ...

— Можно къ вамъ?..

— Н... нѣтъ... Послѣ...

— Если нельзя къ вамъ, то высуньте въ дверь хотя руку.

Выглянула обнаженная рука изумительнаго изящества, словно выточенная изъ слоновой кости, и за дверью прозвучалъ капризный голосокъ:

— Смотрите: кольца покупаетъ женихъ!..

Я поцѣловалъ руку и съ упрекомъ отвѣтилъ:

— Какъ вы практичны!.. Вотъ не думалъ...

— Это обычай... Они стоятъ не такъ дорого... Если вы думаете, что я изъ практичности, то пойдемте покупать вмѣстѣ... Я вамъ дамъ денегъ.

— Говорятъ, что надо еще говѣть.

— Непремѣнно...

— Тоже вмѣстѣ?

— Мм... не знаю. Кажется, надо врозь... Пустите же руку!..

— Жаль, что нельзя вмѣстѣ...

Итакъ, дѣло рѣшено. Жениться, такъ жениться. Нечего канитель разводить. Написалъ матери:

«Мама! Я женюсь окончательно и безповоротно. Свадьба черезъ недѣлю. Пріѣзжай, мы будемъ тебя ждать... Если не можешь, пришли мнѣ рублей сто. При всей дешевизнѣ здѣшнихъ цѣнъ это—минимумъ, необходимый для того, чтобы превратиться въ законнаго мужа. Прости мою разсѣянность, я еще не сказалъ тебѣ, на комъ женюсь. Княжна Зинаида Дмитріевна Довлетъ-Гильдѣева. Политическая преступница, сослана сюда прямо съ гимназической скамейки, по выраженію Касьянова, за «плюходѣйствіе при обыскѣ».—Крымская татарка. Не бойся: крещеная! Глаза, какъ у Тамары, а душа, какъ арабская сказка. Благослови блуднаго сына! Твой Геннадій»...

И все-таки не такъ-то оно легко жениться, какъ кажется издали. Спасибо Марьѣ Петровнѣ и Парашѣ, которыя помогаютъ мнѣ жениться. Выросъ я большой, а стыдно итти къ попу и сказать ему, что я хочу жениться... Пошелъ было къ попу и вернулся: какъ я буду спрашивать, сколько стоитъ это удовольствіе?.. Положительно не могу.

— Не могу, господа!.. Языкъ не поднимается...

— Вотъ ерунда!.. Идемте вмѣстѣ, я переговорю...

— Какъ вы добры, Марья Петровна!..

— Какія тамъ церемоніи!.. Еще торговаться придется... Они запрашиваютъ...

— Боже мой, какая это гнусность... торговаться! .

— Дѣло житейское... Я одного знакомаго женила... Знаю, какъ надо...

Пошли вмѣстѣ. Я шагалъ за Марьей Петровной и чувствовалъ себя въ идіотскомъ положеніи: ведутъ жениться... Пришли къ батюшкѣ. Вышла матушка:

— Чѣмъ могу служить?

— Мы къ батюшкѣ...

— Онъ отдыхаетъ. Если какая экстренность, такъ я могу разбудить.

— Вотъ этому господину жениться надо...

— Можно прійти въ другой разъ,—проворчалъ я, глядя на полъ.

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Разъ жениться хотите, надо разбудить... Присаживайтесь на креслица, а то на диванъ!.. Куда хотите!.. Я сейчасъ. Онъ давно ужъ спитъ, пора и честь знать...

Матушка ушла мелкимъ, торопливымъ шажкомъ въ дальнія комнаты. Марья Петровна важно разсѣлась на диванѣ, а я сталъ разсматривать развѣшанныя по стѣнамъ олеографіи, удостовѣренія въ награжденіяхъ, объ окончаніи курса въ семинаріи, фотографическіе портреты... Глупо и неловко. Вдали послышался кашель, отплевываніе и тяжелые шаги...

— Прошу извинить!.. Вздремнулъ минутъ десять... Мое нижайшее почтеніе!

Поздоровались.

— А позвольте спросить, кто желаетъ жениться?..

— А вотъ этотъ молодой человѣкъ...

— Вы-съ?

— Я.

— Дѣло доброе... Съ Богомъ!.. Документики имѣете?.. Метрику, паспортъ?..

— Я, батюшка, въ ссылкѣ. У насъ на рукахъ никакихъ документовъ не бываетъ.

— А какъ же я могу?.. Можетъ быть, вы ужъ однажды женаты...

— Что вы, батюшка!.. Я—не татаринъ.

— Безъ документа я и этому не могу вѣрить... Безъ

метрическаго свидѣтельства я не могу знать вашего вѣроисповѣданія... Давно говѣли?

— Да, давненько... Пожалуй лѣтъ пять тому назадъ, а можетъ быть...

— Вотъ видите! Васъ надлежало бы отлучить отъ церкви, а не освящать ваше сожитіе таинствомъ...

Былъ моментъ, когда я готовъ былъ отвѣтить попу дерзостью и уйти вонъ, но Марья Петровна попросила батюшку поговорить наединѣ, въ другую комнату, а мнѣ моргнула глазомъ. Съ полчаса они пробыли въ уединеніи, а затѣмъ появилась съ улыбочкой на лицѣ Марья Петровна, моргнула мнѣ глазомъ и сказала:

— Идемъ! Все устроила...

— Такъ вотъ... такъ ужъ... не скупитесь!.. Буду дѣлать оглашеніе...

— Хорошо, батюшка. Двадцать пять рублей!

— А вы и невѣста поговѣйте... все по-хорошему надо... Счастливо оставаться!.. Такъ занесите записочку отъ исправника-то... справочку-то! Безъ этого не могу... Ни подъ какимъ видомъ не могу...

— Хорошо, хорошо... До свиданья!

Когда я очутился на улицѣ и мнѣ въ лицо пахнулъ чистый вѣтерокъ, я почувствовалъ невѣроятное облегченіе...

— Фу, даже потъ на лбу выступилъ!..

— Скажите спасибо, что уломала за четвертную. Тридцать пять просилъ.

— Замолчите ради Бога!.. Омерзительно.

— Теперь идите къ исправнику и просите справку о своей вѣрѣ, лѣтахъ и холостомъ состояніи...

— Дайте отдохнуть!.. Схожу завтра.

— Идите вмѣстѣ съ Козочкой: ей тоже нужна справка.

— Если бы вы, Марья Петровна, сходили съ Козочкой ..

— Вѣдь не я, а вы женитесь... Не понимаю, что тутъ стѣсняться. Ничего дурного вы не дѣлаете.

— Эхъ, какъ все это противно, унизительно... и оскорбляетъ чувство...

— Плюньте! Смотрите на это, какъ на неизбѣжное зло...

— Точно лошадь покупаешь... Или дѣлаешь себѣ непріятную операцію...

На другой день мы съ Козочкой отправились къ исправнику. И тутъ я опять сыгралъ пассивную роль.

— Чѣмъ могу служить?—спросилъ исправникъ, любезно усадивъ насъ противъ своего письменнаго стола. Я опустилъ голову, игралъ своей шляпой и никакъ не находилъ подходящей фразы, чтобы отвѣтить. Козочка посмотрѣла на меня и, видя мою безпомощность, отвѣтила съ запинками:

— Вотъ онъ, Тархановъ, и я... Мы хотимъ жениться и вотъ...

— Очень радъ, поздравляю, благословляю, одобряю!.. Однако, при чемъ же тутъ я, вашъ покорнѣйшій слуга?

Только теперь я заговорилъ. Заговорилъ съ раздраженіемъ, котораго никакъ не могъ скрыть, о глупыхъ формальностяхъ, документахъ, справкѣ...

— Такъ, такъ... Теперь понимаю. Зайдите завтра въ канцелярію, я распоряжусь приготовить вамъ справки...

Выглянула изъ двери племянница, поклонилась Козочкѣ, вошла. Онѣ поздоровались за руку.

— Когда вы успѣли познакомиться?—удивленно спросилъ исправникъ.

— А вотъ познакомились... Не скажу тебѣ, дядя!.. Мы были знакомы раньше...

— Рекомендую: женихъ и невѣста!—съ насмѣшливой улыбочкой произнесъ исправникъ.—Просятъ меня разрѣшить имъ обвѣнчаться, а я не желаю...

— Почему это?..

— Шучу, шучу! Успокойся!

— Вы—писатель? Это вашъ разсказъ я читала?..

— Онъ, онъ! Я могу гордиться: у меня сидитъ будущее свѣтило...

Я глупо улыбался и не зналъ, какъ мнѣ поскорѣе уйти и освободиться отъ любезныхъ шутокъ. И опять, когда мы очутились на улицѣ, я отеръ со лба потъ и почувствовалъ пріятное облегченіе...

— Эхъ, поскорѣй бы кончилась эта пошлятина!..

— Какая пошлятина?..

— Да вотъ это хожденіе по мытарствамъ.

— Быть можетъ, вы раскаиваетесь?.. У васъ такое печальное лицо...

— Мнѣ тяжела вся эта пошлая процедура... Только! Я чувствую себя такъ, словно... все время унижаюсь, вступаю въ компромиссы съ мѣщанствомъ, позволяю постороннимъ людямъ рыться въ моей душѣ... Какъ вы этого, Зина, не поймете!..

— Мерси!.. Я отказываюсь...

Козочка вырвала свою руку и быстро пошла впередъ...

— Зина!.. Зина!.. Опомнитесь!..

Не обернулась, прибавила еще шагу и перешла на другую сторону улицы.

— Зина! Погодите же!.. Выслушайте!..

Не обернулась. Исчезла за угломъ. Я медленно шагалъ по тротуару съ опущенной головою и переживалъ состояніе оплеваннаго человѣка. Стыдъ, оскорбленіе, незаслуженная обида, униженіе...

— Не понимаемъ другъ друга. Нѣтъ, не понимаемъ...

Побродилъ, зашелъ къ Касьянову.

— Ну, скоро ли пировать будемъ?

— Не знаю.

— Почему ты повѣсилъ носъ на квинту?

— Такъ, скверно на душѣ что-то...

— Развѣ у жениховъ это бываетъ? Вотъ не понимаю, братецъ... Женихъ долженъ козломъ прыгать, а ты... Имѣй въ виду, что я—твой шаферъ!

— Имѣю въ виду...

— Получилъ сейчасъ письмо отъ Вѣры изъ Казанскаго пересыльнаго замка... Всѣхъ ихъ, Вѣру, пророка и Петра Куренкова въ Томскую губернію на пять лѣтъ... Судъ скорый и милостивый...

— Да, не ладится... Скучно, братъ.

Часа два просидѣлъ въ номерѣ Касьянова въ угнетенномъ состояніи духа. Какъ-то страшно и неловко было возвращаться въ коммуну.

— Надо итти...—говорилъ я и не двигался съ мѣста.

Стукъ въ дверь, тревожный и нервный.

— Можно?

— Входите.

Параша. Лицо пасмурное, гнѣвное и значительное.

— Здравствуйте!.. Простите, Касьяновъ, мнѣ собственно нуженъ Тархановъ.

— Я знаю, что я никому не нуженъ. Такова моя судьба!—отвѣтилъ Касьяновъ и вышелъ изъ номера. Какъ только онъ исчезъ, Параша набросилась на меня съ цѣлымъ потокомъ возмущенныхъ словъ:

— Что вы себѣ позволили!.. Что вы издѣваетесь!.. Вы—писатель, а ломаетесь, какъ Титъ Титычъ!.. Вскружили дѣвочкѣ голову, а теперь, когда уже все сдѣлано... Вѣдь она можетъ кончить самоубійствомъ!.. Вы ее мало знаете...

— Параша!.. Помолчите, дайте мнѣ разсказать вамъ, въ чемъ дѣло... Не оскорбляйте хоть вы меня!.. Я рѣшительно ни въ чемъ не виноватъ...

Я старался владѣть собой, но голосъ мой дрожалъ и хотѣлось разревѣться.

— Вы дали ей понять, что не любите...

— Да замолчите же! Дайте мнѣ сказать или оставьте меня въ покоѣ...

— Ну, говорите!..

Я долго не могъ начать. Ходилъ, пилъ воду, ерошилъ на головѣ волосы...

— Вотъ все, что произошло... Воспроизведу съ буквальной точностью...

Разсказалъ все, что произошло. Параша, какъ строгій и нелицепріятный судья, выслушала меня, пожала плечами и сказала:

— Только?

— Клянусь вамъ честью!.. Она просто не поняла меня...

— Какая взбалмошная дѣвчонка!.. Она вернулась, скомкала свое подвѣнечное платье и бросила его въ огонь, въ кухонную печь. А потомъ—истерика... Кричитъ: лучше бы умереть... зоветъ умершую маму, гонитъ всѣхъ вонъ... А когда немного стихла, я съ трудомъ добилась узнать, въ чемъ дѣло. Изъ ея отрывочныхъ фразъ и загадочныхъ словъ мы вывели заключеніе, что вы высказали что-то въ родѣ раскаянія...

— Я, Параша, усталъ отъ этой глупой интермедіи.

— Конечно, если въ вашей душѣ шевелится сомнѣніе, лучше сказать искренно и... любовь должна быть свободна...

— Люди связали ее по рукамъ и ногамъ, Параша... Они на каждомъ шагу оскорбляютъ сами свою любовь, не берегутъ ея, грязнятъ подозрѣніями, пошлостью... А любовь, какъ цвѣтокъ... скоро вянетъ, когда мнутъ ее въ грязныхъ рукахъ...

На моихъ глазахъ навернулись слезы. Я смолкъ и закрылъ лицо рукою.

Параша подошла, вздохнула и шепнула.

— Не надо. Все это—мелочь, пустяки... Все прой-

детъ... объяснится... Она—поймет и сама будетъ раскаиваться и просить прощенія...

— Ахъ, Параша, развѣ дѣло въ прощеніи?..

— Идемъ въ коммуну!.. Знаете, Анна Григорьевна получила письмо отъ сына: въ Сибирь ихъ всѣхъ... на пять лѣтъ!..

— Можно?—пробасилъ за дверями Касьяновъ.

— Иди!

— Секретное совѣщаніе чиновника особыхъ порученій княжны съ нареченнымъ женихомъ ея сіятельства!..

Касьяновъ успѣлъ побывать внизу въ трактирѣ и выпить: глаза его туманились особой масляной дымкой, по лицу скользила юмористическая улыбка.

— Извините, но на свадьбѣ я напьюсь, какъ сапожникъ.

— Всякому свое!—сердито отвѣтила Параша.

— Презираете?

— Не презираю, а терпѣть не могу пьяныхъ... Мнѣ бываетъ стыдно за нихъ.

— А мнѣ часто бываетъ стыдно за трезвыхъ!

— Тархановъ, идемте, насъ ждутъ...

Пришли въ коммуну. Тихо. Слышно, какъ на окнѣ жужжитъ большая муха.

Повисло горе, непріятности, общая тягость. Въ залѣ сидитъ подъ окномъ Гришенька, и поза его такъ тосклива, что раздражаетъ. Что онъ торчитъ?

Какъ это не пойметъ человѣкъ, что тосковать надо дома, въ уединеніи?

Вышелъ Павелъ Петровичъ, походилъ съ заложенными за спину руками и произнесъ:

— На пять лѣтъ въ Сибирь!.. гм...

И ушелъ.

Параша засѣла въ Козочкиной комнатѣ, и было слышно, какъ она тихо и ласково говоритъ тамъ, словно воркуетъ голубь. Объясняются. Я прошелся по комнатѣ,

заглянулъ въ кухню: на лавкѣ валяется бѣлое обгорѣлое подвѣнечное платье моей невѣсты. Одинъ рукавъ уцѣлѣлъ. Взялъ этотъ рукавъ, началъ разсматривать: опять въ душѣ шевельнулась нѣжность, какая-то отеческая нѣжность.

— Взбалмошная дѣвчонка!..

И вдругъ стало смѣшно. Даже понравилось, что взбалмошная дѣвчонка сожгла подвѣнечное платьице:

— Дѣвчонка съ характеромъ... Капризуля.

— Вы что тутъ?

— Такъ... Смотрю на платье, Параша!..

— Трудились цѣлую недѣлю, а она взяла, и въ печку!.. Идите: зоветъ.

— Боюсь, Параша.

— Пустяки. Все прошло. Улыбается...

Со страхомъ растворилъ дверь въ комнату: сидитъ на кровати, а лицо спрятала въ подушку.

— Ну, Зина!.. Кончилось?..

Молча протянула руку, но лицо попрежнему пряталось въ подушкахъ.

— Я васъ прощаю!

— Благодарю васъ, но я ей-Богу не знаю, въ чемъ я провинился.

— Вы меня любите?

— Да.

Приподняла голову и конфузливо улыбается:

— Эхъ, капризуля!.. И не стыдно?

— Пойдемте покупать кольца!..

— Идемте!..

— Уйдите: мнѣ надо умыться.

— А глаза красные...

— Не смотрите!..

Вышелъ и облегченно вздохнулъ. Словно гора съ плечъ свалилась. Да, не такъ-то легко жениться, какъ

это кажется со стороны... А жена будетъ капризная, съ норовомъ...

— Вамъ два письма: заказное и денежное...

Взялъ повѣстки. Семьдесятъ пять рублей. Откуда же это? Изъ Петербурга.

Странно. Надо зайти на почту.

— Зина, вы—скоро?

— Готова...

— Надо на почту, получить деньги. Боюсь, закроютъ.

— Ну, откроютъ завтра... Не могу же я итти неодѣтая!..

— Да, да... конечно.

Ждалъ очень долго и немного сердился.

— Зина, будетъ кокетничать съ зеркаломъ!

— Готова.

— Сперва зайдемъ на почту, а потомъ—покупать кольца.

— Нѣтъ, я хочу сперва за кольцами!..

— Отлично. Сперва за кольцами.

— Ахъ, Гришенька... Вы у насъ? А я не подозрѣвала. Здравствуйте!..

Гришенька приподнялся, бокомъ подалъ Зинѣ руку и не взглянулъ въ лицо.

— Что вы тутъ дѣлаете?..

— Читаю. Ничего особеннаго.

— Идемте же, Зинаида Дмитріевна!

— Хотите, Гришенька, съ нами?

— Нѣтъ. Благодарствую. Я почитаю...

Отправились въ лавки за кольцами.

— Подвѣнечныя кольца есть?

— Пожалуйте! Сколько угодно.

Подали цѣлую связку надѣтыхъ на шнуръ колецъ; Козочка смотрѣла, дѣлала гримасу и говорила:

— Гадость. Лучше нѣтъ?

— Помилуйте!.. Зачѣмъ гадость!.. Превосходный товаръ.

— Идемте въ другую лавку!

Здѣсь повторилась та же исторія:

— Гадость!

— Никакихъ гадостей мы не держимъ.

Купецъ обидѣлся и грубо убралъ кольца и повернулся спиной.

— Идемъ дальше!..

Но нигдѣ болѣе колецъ не нашли и пришлось вернуться въ первую лавку:

— Покажите-ка кольца-то!

— Да вѣдь у насъ—гадость, вамъ не подходитъ..

— Покажите!.. Какъ же это у васъ нѣтъ золотыхъ, а только позолоченныя?

— Серебряныя, вызолоченныя .. Золотыя у насъ не идутъ.

Пришлось взять, какія нашлись. Козочка выбросила на прилавокъ деньги и, когда вышли на улицу, улыбнулась и сказала:

— Давайте обручаться!.. Вашъ палецъ!..

— Извольте!

— Да не этотъ! Кто же носитъ кольцо на лѣвой рукѣ!..

Надѣла мнѣ кольцо и подставила свой пальчикъ:

— Надѣвайте!

Зашли на почту и, конечно, опоздали. Отправились въ канцелярію исправника за справочками. Тамъ на насъ смотрѣли, какъ на заморское чудо, и шептались между собою.

— Ну, кажется, наконецъ...

Вечеромъ когда мы съ Козочкой, примиренные и довольные другъ другомъ, сидѣли у нея въ комнатѣ и ворковали, въ передней раздался чужой сиповатый голосъ:

— Господа, кто у васъ тутъ женится?..

Я выглянулъ въ дверь: пьяненькій псаломщикъ съ краснымъ носомъ стоялъ въ передней и заглядывалъ въ залъ.

— Эй, кто есть!.. Кто здѣсь желаетъ вступить въ законный бракъ?..

— Что вамъ угодно?

— Кто у васъ жениться хочетъ?

— А вамъ это зачѣмъ знать?

— Батюшка приказалъ колечки получить.

— Колечки? Какія колечки?

— Обручальныя.

— Зачѣмъ?

— Такъ слѣдуетъ... Освятить надо. Крѣпче будетъ...

— Зина!.. Прислали за кольцами...

Съ досадой и раздраженіемъ Козочка стягивала съ пальчика кольцо, надула губы и, отдавая кольца, сказала:

— Не развертывайте!.. У васъ грязныя руки.

— Поздравить слѣдовало бы!..

— Мерси!..

— А выпить?.. Въ сухую что же поздравлять!..

— Нѣтъ у насъ водки. Не пьемъ.

— Сожалѣю!.. Весьма и очень сожалѣю. Однако, на нѣтъ и суда нѣтъ.

— Не потеряйте!..

— Батюшка говѣть васъ ждутъ!..

Говѣть?.. Все еще не кончилось... Завтра начнемъ говѣть...

— А платья у меня нѣтъ... Какая я глупая... Все вы виноваты!..

— Я, конечно, я!..

— Вы милый!.. любимый!.. хорошій!.. Дайте я васъ поцѣлую...

XIX.

— Два письма! Одно денежное...

— Есть, есть!.. Отъ редакціи-съ... Потрудитесь расписаться.

Расписываюсь, а рука дрожитъ, не слушается.

— Почемъ тамъ платятъ?

— Что говорите?

— Выгодное дѣло или такъ, для развлеченія?

— Да, да... До свиданья!

— До свиданья! А скажите, который изъ вашихъ женится?..

— Извините, не знаю...

Вылетѣлъ съ почты и, остановившись въ уголкѣ на лѣстницѣ, торопливо распечатываю письмо. Вотъ пріятная неожиданность; семьдесятъ пять рублей гонорара за «Безсонную ночь!» Семьдесятъ пять рублей... И не просилъ. Сами выслали. Это благородно. И какъ кстати! Точно знаютъ, что я женюсь. Смотрю на деньги, и онѣ кажутся мнѣ какими-то особенными, необыкновенными... «Милостивый Государь, Геннадій Николаевичъ, при семъ препровождается вамъ гонораръ за напечатанный у насъ разсказъ вашъ»...

А другое тоже со штемпелемъ редакціи, той же редакціи... Это странно. Разрываю конвертъ, а въ немъ другой, съ адресомъ на редакцію, съ передачей сотруднику журнала, Геннадію Николаевичу Тарханову... Любопытно.

«Многоуважаемый Геннадій Николаевичъ! Случайно прочитала вашъ разсказъ «Безсонная ночь» и спѣшу поблагодарить васъ за память и посвященіе, а еще больше за то необыкновенное удовольствіе, которое я получила при чтеніи. Спасибо отъ душевно благодарной читательницы, которую вы заставили провести безсонную ночь въ грустныхъ, но дорогихъ воспоминаніяхъ о далекихъ

дняхъ юности. Съ искреннимъ уваженіемъ Зоя Перелѣшина (бывшая Рахманинова)»...

Я стоялъ, какъ оглушенный, въ углу на лѣстницѣ и не могъ двинуться съ мѣста. Пугливо озираясь впередъ и назадъ, я еще разъ прочиталъ письмо и сталъ искать число, годъ, когда оно написано, словно могло быть такъ, что письмо—не современное, а отъ прежнихъ, далекихъ лѣтъ. Я не сразу сообразилъ, что, если въ немъ меня благодарятъ за разсказъ, недавно напечатанный, то оно не можетъ быть старымъ. Откуда послано? Изъ Симбирска. Значитъ, она—въ Симбирскѣ. Внизу по тротуару застучали чьи-то ноги, и, скомкавъ письмо, я быстро спряталъ его въ боковой карманъ... Чего я испугался? Не знаю. Вообще въ первыя минуты я сильнѣе всего чувствовалъ страхъ, почти ужасъ. Послѣ, когда я нѣсколько пришелъ въ себя, въ душѣ, кромѣ этого непонятнаго страха, стала шевелиться какая-то пугливая радость, радость преступника, которому удалось украсть драгоцѣнную вещь, съ которой онъ не знаетъ что дѣлать. На улицѣ, когда вѣтерокъ освѣжилъ мою голову, тамъ всталъ вопросъ, заставившій меня остановиться:

— Зоя Перелѣшина... Почему Перелѣшина?..

Вышла замужъ. Теперь она Перелѣшина, бывшая Рахманинова. Ага, вотъ какъ! Перелѣшина!.. Перелѣшина!.. Мадамъ Перелѣшина... Желаю полнаго благополучія и блаженства!..

— Гм... Перелѣшина!.. Странно. Ай да Зоя Сергѣевна!.. Пе-ре-лѣ ши на!.. Какое, однако, мнѣ дѣло, мнѣ, который любитъ другую и самъ черезъ три дня женится? До чего это глупо и странно. Ужъ не думаетъ ли она, что я до сихъ поръ страдаю и...

Я вынулъ письмо и со злобой изорвалъ и бросилъ его наземь. Вѣтерокъ погналъ мелкіе клочки по лужку. И вдругъ мнѣ стало жаль письма, такъ жаль, что я началъ

собирать обрывки... Собиралъ и пряталъ въ карманъ. Долго не возвращался я домой: опять былъ какой-то страхъ и робость. Вѣдь ничего дурного я никому, въ томъ числѣ и Зинѣ, не сдѣлалъ. Почему же такъ неспокойна моя совѣсть? И что это такое совѣсть, которая живетъ въ человѣкѣ своей отдѣльной жизнью и не хочетъ подчиняться логикѣ и здравому смыслу? Какой-то особый, непонятный инстинктъ... Зашелъ безъ всякой надобности къ Касьянову и, войдя въ номеръ, сталъ искать взоромъ альбомы съ портретами... Не видать.

— Касьяновъ, гдѣ у тебя альбомы съ нашими студенческими карточками?

— Зачѣмъ тебѣ?..

Совралъ. Совралъ тоже какъ-то безъ участія здраваго смысла, а по инстинкту:

— Хочу переснять себя студентомъ... Для Зинаиды Дмитріевны.

— Чортъ ихъ знаетъ, гдѣ... Поищи вонъ тамъ, въ корзинѣ, подъ кроватью!

Полѣзъ подъ кровать, весь испачкался въ пыли, долго рылся въ книгахъ и вздрогнулъ, завидя обтрепанный знакомый альбомъ. Тутъ же, около кровати, сидя на полу, сталъ перелистывать и отыскалъ Зою съ Вѣрой... Смотрѣлъ на Зою и боялся, какъ бы не замѣтилъ этого Касьяновъ. Мелькнула мысль стащить этотъ портретъ изъ альбома... Чортъ знаетъ, какъ все это глупо и непонятно!..

— Свадьба въ четвергъ?..

— А? Свадьба?.. Моя свадьба?.. Да, да, въ четвергъ. Не забудь, что ты—шаферъ...

Вылѣзъ, отряхнулъ съ колѣнъ и пиджака пыль, положилъ альбомъ на кресло.

— Не бережешь ты этотъ интересный альбомъ...

— Тѣни прошлаго... Вѣдь теперь всѣ мы совершенно другіе, почти чужіе тѣмъ, которые въ альбомѣ. Я даже

избѣгаю смотрѣть: одна грусть и тоска. Не хочешь ли я подарю тебѣ этотъ альбомъ въ знакъ дружбы и вниманія?

— Врешь. Не подаришь.

Касьяновъ взялъ альбомъ и небрежно швырнулъ его мнѣ на колѣни:

— Бэри! Мой свадебный подарокъ...

— Ну, спасибо!.. Ты мнѣ дѣлаешь огромное удовольствіе... Я люблю тѣни прошлаго...

Посидѣлъ, выпилъ съ Касьяновымъ коньяку и, захвативъ альбомъ, ушелъ... Вернулся, когда въ коммунѣ обѣдали.

— Поздравьте: получилъ изъ редакціи первый гонораръ...

— Вамъ?.. Прислали гонораръ?!.. Сколько же?..

— Цѣлыхъ семьдесятъ пять цѣлковыхъ...

Общее восхищеніе. Даже перестали кушать. Козочка прогнала рядомъ сидѣвшаго Гришеньку и ласково бросила мнѣ:

— Садитесь, писатель, сюда, я хочу—рядомъ!

Я прошелъ въ свою комнату, спряталъ альбомъ подъ подушку и, вернувшись, сѣлъ на приготовленный стулъ.

— Опоздали, не слѣдовало бы васъ кормить, да такъ и быть ужъ... Сдѣлаемъ писателю исключеніе...

Женщины ухаживали за мной наперебой, стараясь опередить другъ друга въ заботливости о моемъ питаніи, а мнѣ совершенно не хотѣлось ѣсть, и подчеркнутое вниманіе—результатъ полученнаго гонорара—рождало досадное чувство:

— Тише, господа! Не стучите и не говорите всѣ разомъ...

— У васъ болитъ голова?..

— Да, немного...

— Что вы! что вы! Вѣдь это не соль, а перецъ!..

— Эхъ!.. Испортилъ...

— Вы какой-то разсѣянный сегодня?..

— Нѣтъ...

— Ну, а что? что?—спросила Козочка, непонявшая ироніи на мой счетъ.

— Ничего... А курить, Геннадій Николаевичъ, за столомъ, какъ вамъ извѣстно, у насъ воспрещается,—замѣтилъ Куренковъ.

— Виноватъ! Забылъ.

— Тушить окурки въ тарелкахъ тоже неудобно... Здѣсь не трактиръ.

Я всталъ изъ-за стола и пересѣлъ на диванъ. Козочка испуганно посматривала въ мою сторону и сердито на Куренкова. Потомъ сказала «мерси» и, демонстративно покинувъ столъ, пересѣла ко мнѣ на диванъ. Взяла мою руку и тихо спросила:

— Вы здоровы?

— Голова болитъ немного. Былъ у Касьянова и выпилъ двѣ рюмки коньяку.

— Противный Касьяновъ!.. Пьяница! Ненавижу. Отъ этого у васъ и голова болитъ...

— Я выпилъ, а Касьяновъ—пьяница!.. Какъ будто немного несправедливо...

— Онъ и обѣдать здѣсь пересталъ потому, что мы не позволяемъ пить водку...

— Я пойду, Зина, въ свою комнату и попробую уснуть.

— Я вамъ дамъ фенацетину...

— Не надо... Пройдетъ...

— Нѣтъ ужъ, извольте принять и не капризничать.

— Хорошо, давайте...

Принялъ фенацетину, ушелъ къ себѣ и легъ. Что творится въ душѣ моей? Откуда пришло это тяжелое, гнетущее чувство? Отвернулся къ стѣнѣ и, сомкнувъ глаза, началъ разбираться въ своихъ ощущеніяхъ... Неужели все это принесло съ собою письмо? Да, несомнѣнно. Но вѣдь давнымъ-давно умерла та любовь и сейчасъ

я не испытываю къ Зоѣ того чувства, которымъ горѣлъ и жилъ въ далекіе дни студенчества. Вѣдь ничего нѣтъ, только тѣнь, одна тѣнь прошлаго. Вѣдь теперь я люблю Зину и съ прошлымъ все порвано. Одно воспоминаніе... Развѣ не правъ Касьяновъ: мы совсѣмъ не тѣ, какими были; насъ, тѣхъ, прошлыхъ, не существуетъ; мы— чужіе другъ другу люди... Тѣни, только тѣни...

Я вынулъ изъ-подъ подушки альбомъ, отыскалъ Зою и долго всматривался въ ея лицо. Да, любви нѣтъ, но есть какая-то жгучая горечь, есть острое болѣзненное ощущеніе невозвратности... и еще что-то... какое-то безличное ощущеніе ревности...

— Мадамъ Перелѣшина...

Кто такой этотъ Перелѣшинъ? Красивъ? Молодъ? Богатъ? Талантливъ?.. А не все ли мнѣ равно... Замолчи, проклятый звѣрь!..

Я захлопнулъ альбомъ и сердито сунулъ его подъ подушку. Надо уснуть и освободиться изъ-подъ власти всѣхъ тѣней прошлаго. Опять закрылъ глаза. Гдѣ-то Козочка потихоньку напѣвала жалобную восточную пѣсенку безъ словъ, и ея голосокъ и пѣсенка рождали въ воображеніи югъ, жгучее солнце, каменный водоемъ и плачущую около него съ восточнымъ кувшиномъ въ рукахъ тонкую дѣвушку въ костюмѣ оперной Тамары.. Такъ жаль эту бѣдную дѣвушку!.. Милая, бѣдная Козочка!.. Точно чувствуетъ она всѣ мои мысли и тоскуетъ ея сердце въ неясномъ предчувствіи какого-то горя... Нѣтъ, нѣтъ!.. Не горюй, не скорби въ напрасной тревогѣ!.. Я люблю тебя. А это все такъ, туманъ, миражъ, тѣнь...

Замолчала. Отлегло отъ сердца. Отпустили тѣни прошлаго. Начала одолѣвать пріятная истома и дрема. Все хорошо. Ничего не случилось...

Тихо-тихо скрипнула дверь. Я раскрылъ глаза: это она, моя Козочка, хочетъ успокоить себя и тайно, крадучись, смотритъ, заснулъ ли ея любимый писатель...

— Зина...

— Бѣдный!.. Болитъ голова? Очень?..

Я поманилъ ее кивкомъ головы. Она робко вошла и, притворивъ за собой дверь, подсѣла ко мнѣ на кроватъ. Взяла и стала ласкать мою руку.

— Что вы пѣли?.. такъ жалобно, что хотѣлось заплакать...

— Развѣ вы слышали?..

— Поцѣлуйте меня!..

— Но... но вѣдь мы же говѣемъ...

А сама смотритъ пугливо на дверь.

— Я жду...

Наклонилась и упала ко мнѣ на грудь головкой... И въ этомъ неожиданномъ порывѣ и поцѣлуяхъ въ капризной взбалмошной дѣвочкѣ я почувствовалъ будущую женщину...

— Любишь?..

— Да, да... Не спрашивай...

Вскочила, одно мгновеніе постояла на мѣстѣ, закрывъ лицо руками, и вдругъ выскочила за дверь...

И впервые еще къ прежней нѣжности, которую я испытывалъ къ этой дѣвушкѣ, примѣшался хмель страсти... Я опьянѣлъ...

— Да, люблю... конечно, люблю...

Вдали застучала швейная машина. Словно пошелъ поѣздъ или пароходъ... Это Параша обшиваетъ Козочку къ свадьбѣ. Я такъ привыкъ къ этому стуку—вотъ уже двѣ недѣли, какъ стучитъ настойчиво и непреложно машина... Словно торопится, но нисколько ни въ чемъ не сомнѣвается. Смѣшно... Полюбилъ я Козочку, а Козочка меня, и съ утра до ночи застучала машина... Идетъ поѣздъ моей жизни, все дальше, дальше... Когда же стан-

ція?.. Такъ и заснулъ подъ этотъ ритмическій стукъ, успокаивающій и рождающій мысль о непреложности и неизбѣжности прошлаго, настоящаго и будущаго.

— Какъ же это?.. Когда же это случилось?..

Наканунѣ свадьбы пріѣхала моя мать. Пріѣхала она ночью, и звонки, стукъ и говоръ подъ окнами произвели переполохъ въ коммунѣ: у всѣхъ явилась мысль, что опять пріѣхали жандармы съ обыскомъ и съ предписаніями арестовъ, и когда дѣло разъяснилось, всѣ много смѣялись и съ удвоеннымъ доброжелательствомъ встрѣтили мою старушку. Встрѣча наша была трогательная; мать расплакалась и долго не выпускала меня изъ своихъ объятій и ласкала, какъ маленькаго мальчика. Она сильно состарилась, сгорбилась и вся сдѣлалась какой-то сухой и маленькой. Видя эту перемѣну, я тоже поплакалъ, а глядя на насъ, источали слезы и всѣ женщины...

— Ну, а гдѣ и когда я увижу твою княжну?..

— Мама!.. Да вотъ же она!..

— Это—я...

— Ты?.. Дай же поглядѣть на тебя!.. Господи, да тебѣ сколько же лѣтъ?..

И Козочку она цѣловала, ласкала и шептала все благодарности Господу, что Онъ далъ ей дожить до такого счастія...

— Ты княжна настоящая или только такъ, въ шутку Геня тебя называетъ?..

— Настоящая...

— Значитъ,—ваше сіятельство?..

— Ея сіятельство...

— А мы называемъ ее Козочкой...

— Ну, ребятушки, устала я, всѣ кости болятъ, растрясло, раскачало... Вы меня уложите поскорѣе... Завтра ужъ хорошенько другъ на друга посмотримъ... Я вамъ всѣмъ спать не дала...

Козочка уступила свою комнату матери, несмотря на всѣ мои протесты.

— Тогда ложитесь въ моей!..

— А вотъ не хочу... Мы съ Парашей на одной постели... Я—маленькая...

— Но длинненькая.

— Подожмусь...

Разошлись, но я долго не могъ заснуть и слушалъ, какъ Козочка съ Парашей потихоньку болтали весело гакъ и интимно, сдержанно посмѣивались, дѣлились секретами. Совсѣмъ особая это порода, женщины. Мы—одно, онѣ—другое. Есть у нихъ такіе уголки души, куда онѣ ни за что не пустятъ даже... даже жениха. О чемъ хихикаютъ тамъ?..

Постучалъ въ стѣнку,—замолчали. А въ окна уже ударило солнце и запѣли пробудившіяся птицы и гдѣ-то загромыхала пустая телѣга...

— Геничка!.. Ты что вздыхаешь?..

— Ахъ, это вы, мама!.. Не спите?..

— Забыла, голубчикъ, печальную новость тебѣ сказать...

— Ну, что такое?..

— Калерія-то... велѣла тебѣ долго жить...

Я даже сѣлъ въ постели—такъ поразила и задѣла меня эта печальная новость.

— Что вы говорите!.. Калерія?.. умерла Калерія?..

— Да, да... Богъ съ ней, царство ей небесное!.. Что бы тамъ ни было, а душа у ней была хорошая, добрая... Сбиться въ жизни легко, а направиться трудно... Не намъ ее судить...

— Неужели?.. Невѣроятно!.. Какъ же это...

— Одно тяжело: не своей смертью... Отравилась она... Все кутила, все шампанское пила... И ядъ-то съ шампанскимъ выпила...

— Какъ же это?.. Когда же это случилось?..

— Да вотъ, какъ я выѣхала изъ дому, девятый день былъ... Гостила у меня, оставила мальчика и поѣхала въ Симбирскъ, а тамъ и... случилось... Съ мужемъ-то вѣдь она развелась и хотѣла выйти замужъ за одного... военнаго, говорятъ, я его не знаю...

Мать говорила, а я ничего больше не слыхалъ: въ головѣ, въ душѣ, во всемъ моемъ существѣ стояли только два страшныхъ слова: «отравилась», «умерла»...

— Ты что, голубчикъ?..

— Такъ... Лучше бы вы мнѣ не говорили, мама...

— Я всегда говорила, что она добромъ не кончитъ...

— Какъ же мальчикъ...

— Геня-то?.. У насъ покуда. Написали отцу за границу... Возьметъ, поди... Единственный наслѣдникъ!.. Послѣ матери-то, поди, все кое-что осталось... Не все, поди, промотала... Богъ ей прости!.. Не наше дѣло... Спи!..

Мать ушла...

— Эхъ, Калерія, Калерія!.. Зачѣмъ ты это сдѣлала?..

Такъ и не сомкнулъ глазъ. Тѣни прошлаго неотступно кружились надъ моимъ изголовьемъ, легкія, яркія, хрупкія, быстро носились, какъ ласточки передъ грозой, задѣвая меня своими крыльями и дразня своей мнимой близостью...

— Все—какъ сонъ, и все—какъ дымъ...

Ударилъ колоколъ къ ранней обѣднѣ, а у меня заныло сердце: вотъ такъ же ударилъ колоколъ, когда отпѣвали Калерію... Было такое же яркое веселое утро, такъ же пѣли птицы, такъ же смѣялось въ окна къ людямъ солнышко...

— Геннадій Николаевичъ, вы проснулись?..

— Да, да!.. Проснулся, Зина...

— Я васъ сегодня во снѣ видѣла... Вы здоровы?..
— Да.
— А голова не болитъ?
— Нѣтъ.
— А я страшный сонъ видѣла и плакала во снѣ...
— О чемъ, Зина?..
— Приснилось, что вы... вы умерли.
— Когда-нибудь умру...
— Не смѣйте меня разстраивать! Одѣвайтесь скорѣе: я соскучилась...
— Сейчасъ... Единымъ духомъ...
— Вы не забыли, что сегодня—наша свадьба?
— Нѣтъ, помню.
— То-то!..

Распахнулъ окно: мелодично гудитъ воскресный колоколъ и въ этомъ гулѣ радостно звенятъ веселыя пѣсни птичекъ. Вѣтерокъ, еще прохладный и влажный, пошевеливаетъ оконную занавѣску и приноситъ запахъ луговыхъ травъ и цвѣтовъ. Сверкающая синева небесъ смотритъ въ комнату, когда занавѣска откидывается... А въ комнатахъ звенитъ голосъ и смѣхъ моей невѣсты...

Ахъ, жизнь, жизнь, что же ты такое?.. Какъ ты прекрасна и... какъ ты, жизнь, жестока!..

Весь день прошелъ въ какомъ-то угарѣ. Женщины суетились и волновались, опять стукала машина, что-то примѣряли, горячились и спорили, стряпали и сердились; то появлялся, то опять исчезалъ Касьяновъ, приносили что-то изъ лавки и уносили; заходилъ Гришенька. У всѣхъ было какое-то важное, неотложное дѣло. Только я болтался безъ всякаго дѣла, всѣмъ мѣшалъ и казался въ этомъ событіи совершенно лишнимъ персонажемъ... Про меня всѣ забыли, даже мама больше возилась съ невѣстой и съ тряпьемъ, чѣмъ со мною. День показался мнѣ безконечно-длиннымъ... Но вотъ медленно ударилъ вечерній колоколъ: вечерня, а послѣ вечерень—

вѣнчаться... Усталъ, какъ никогда. Все время ходилъ и болтался на ногахъ, а теперь вдругъ захотѣлось сѣсть и не двигаться.

— Вы готовы?.. Боже мой, онъ еще не одѣлся!.. Что же вы!

— Долго ли, господа, снять пиджакъ и облечься въ сюртукъ?..

Влетѣла въ комнату бѣлая, похожая на бабочку, дѣвушка и принесла съ собой ароматъ тонкихъ духовъ, напомнившихъ о веснѣ, о радости, о томъ, что когда-то уже было, но что не повторится...

Холодна моя новая любовь, не пьянитъ счастьемъ, не кружитъ голову вихремъ буйной радости...

Пошли гурьбой въ церковь. Изъ оконъ смотрѣли любопытные, бѣжали за нами босые ребятишки, кричали: «свадьба! свадьба!» и, сверкая голыми пятками, торопились раньше насъ попасть въ церковь. А когда вошли въ церковь, то здѣсь насъ встрѣтила цѣлая толпа зѣвакъ, и среди нихъ предо мною мелькали знакомыя физіономіи: почтальонъ, почтовый чиновникъ, который говоритъ «до виданья», г. наблюдающій, какія-то старомодныя барыни, дѣвицы въ необыкновенныхъ шляпахъ, кухарка исправника, докторъ съ опухшей физіономіей, надзиратель, аптекарь съ женой и дочерями... Очевидно, весь городъ зналъ уже о нашей свадьбѣ и теперь спѣшилъ воспользоваться безплатнымъ зрѣлищемъ... Переглядываются, перешептываются, тычатъ пальцами... Боже, какъ это невыносимо! Скорѣй бы ужъ...

— Благословенъ Богъ нашъ!.. — началъ батюшка гнусавымъ голосомъ, откидывая рукой изъ-подъ воротника ризы клочья сѣдыхъ волосъ...

Опустилъ голову въ полъ и не поднималъ ее до конца, словно меня не вѣнчали, а свершали надо мной смертный приговоръ... Батюшка началъ допросъ и вразумленіе, а я кивалъ головой и... Какъ это странно!..

Я думалъ о Калеріи, смѣющееся лицо которой неожиданно стало вставать передъ моими глазами... Отчетливо, ярко смотрѣло въ глаза мое это улыбающееся лицо съ пылящими глазами и говорило беззвучно:

— Я умерла... Я умерла...

— Цѣлуитесь теперь!..

Послѣднее испытаніе...

XX.

— Неужели я — женатый человѣкъ?.. — мысленно спрашивалъ я себя всякій разъ, когда останавливался передъ звонкомъ домика, въ которомъ жилъ еще холостымъ...

Прошелъ уже цѣлый мѣсяцъ, а я все еще не могу свыкнуться съ этой истиной. На двери визитная карточка: «Зинаида Дмитріевна и Геннадій Николаевичъ Тархановы»... Какъ это странно: мужъ!.. Я—мужъ!.. Властно дергаю звонокъ, бѣжитъ Сусанна:

— Бѣгу, бѣгу... Поспѣешь...

— Барыня дома?

— Нѣтъ ея...

— Гдѣ она?..

— Въ камунахъ вашихъ...

Вхожу въ комнаты. Здѣсь все такъ же, какъ было: половички, занавѣсочки, цвѣточки, бумажныя розы на иконахъ, даже бумажная балерина на лампѣ...

Тамъ, гдѣ я спалъ,—комната жены. Тамъ похоже на дѣтскую: бѣлая кроватка, бѣлое одѣяльце, голубенькая занавѣска на окнѣ, образокъ въ изголовьяхъ постели, привязанный къ кроватной перекладинѣ, горящая лампадочка въ память покойной матери. Изъ-подъ кровати выглядываютъ маленькія туфельки, на стѣнѣ яркія цвѣтныя пятна шелковыхъ юбочекъ и кофточекъ... Здѣсь свой мірокъ, совершенно непохожій на мой. Я сплю въ

залѣ на диванѣ и похожъ на постояльца: у меня—заваленный бумагами и книгами столъ и больше ничего. Весь мой мірокъ на столѣ, а главнымъ образомъ въ ящикахъ стола, которые я держу запертыми: тамъ тѣни прошлаго...

Странно, что прошелъ мѣсяцъ, а мы все еще не ближе другъ другу, чѣмъ были въ день свадьбы. Мы попрежнему стѣсняемся другъ друга и путаемъ «вы» и «ты»; попрежнему я не вхожу въ комнату Козочки безъ разрѣшенія: сперва долженъ постучать. На ночь она запирается, что возбуждаетъ любопытство и удивленіе нашей Сусанны:

— Не подпущаетъ къ себѣ... Вотъ тѣ крестъ! На запорѣ спитъ!—сплетничаетъ она вечеркомъ подругамъ, погрызывая сѣмечки у крыльца на лавочкѣ.

Быть можетъ, такъ лучше для нашей любви: дальше отъ прозаическихъ супружескихъ буденъ. Нѣжность къ дѣвушкѣ-женѣ, деликатная заботливость и какое-то тревожное безпокойство растутъ во мнѣ съ каждымъ днемъ, и я начинаю убѣждаться, что люблю Зину какой-то особенной, застѣнчивой и красивой любовью. Особенно сильно это ощущеніе, когда я остаюсь одинъ. Тогда мнѣ дѣлается скучно, хочется слышать легкіе, знакомые шаги въ сосѣдней комнатѣ, жалобныя восточныя пѣсенки, видѣть странные большіе глаза моей гибкой серны, помучиться сладкимъ томленіемъ взглядовъ и прикосновеній... Изрѣдка набѣгаетъ волна бунтующей страсти: мы цѣлуемся и пьянѣемъ, но Зина всегда первая приходитъ въ полное сознаніе и, отстранившись, рѣшительно говоритъ:

— Будетъ!.. Не надо!..

И смотритъ дикой серной, съ подозрительнымъ испугомъ и опасеніемъ.

— Вы... ты меня боишься?..

— Да...

— Почему?

— Не скажу... Вы... сами знаете.

— Ты меня любишь?..

— Люблю... а все-таки...

Сконфуженно опускаетъ рѣсницы, вертитъ на пальцѣ обручальное кольцо и затрудняется сказать, почему «все-таки»...

Однажды послѣ такого приступа любовной лихорадки, она сказала мнѣ изъ своей комнаты:

— А помните разговоръ въ коммунѣ о семьѣ и... дѣтяхъ? Вы сами соглашались, что они закрѣпощаютъ человѣка... дѣлаютъ его рабомъ... и... вообще...

— Да, что-то подобное говорилось...

— Ну, такъ вотъ... Я хочу, чтобы вы были попрежнему свободнымъ... Я совершенно согласна съ Марьей Петровной, что если мужчина закрѣпощается, то женщина еще болѣе...

Сказала, какъ отвѣтила хорошая ученица учителю на урокѣ. Я расхохотался.

— Миленькая!.. Ну, иди сюда, я тебя поцѣлую!..

— Знаю я... Не обманете...

— Козочка!.. Вы обворожительны... Не запирайтесь: это меня обижаетъ...

Бесѣды съ Марьей Петровной и Парашей, видимо, не проходятъ для моей жены безполезно. Теперь все ясно.

— Козочка!

— Что тебѣ?

— Тогда зачѣмъ намъ было вѣнчаться?..

— А-а!.. Вишь, какой!.. На всякій случай все-таки...

— На всякій случай?.. Это тоже—Марья Петровна?.

— Пиши лучше повѣсть, чѣмъ глупости болтать... Какъ женился, такъ и сталъ лѣниться...

— А ты вдохнови!.. Будь моей музой!..

— Небось, другимъ посвящалъ свои произведенія, а мнѣ...

— И тебѣ посвящу...

Обѣдали мы попрежнему въ коммунѣ. Однажды я пошутилъ за обѣдомъ надъ слабостью моей жены къ авторитету Марьи Петровны. Та обидѣлась.

— Я понимаю... А вотъ вы не понимаете, и какъ-нибудь мнѣ придется съ вами поговорить серьезно.

— Не надо!—испуганно вскрикнула Зина и, покраснѣвъ до ушей, вскочила и спряталась въ другой комнатѣ.

Я не понялъ въ чемъ дѣло, но почувствовалъ странную неловкость и разсердился.

— Неделикатно лѣзть въ чужія отношенія, Марья Петровна... Если вы позволите себѣ въ другой разъ...

— Я говорю, любя Зину и... васъ. Ничего дурного я не дѣлаю, а совершенно напротивъ. Вы же потомъ скажете мнѣ «спасибо»... Вы ничего не знаете...

На этотъ разъ такъ я и ушелъ съ недоумѣніемъ и раздраженіемъ, котораго не могъ сдерживать по отношенію Марьи Петровны очень долго.

Но вотъ однажды, послѣ новой схватки съ неделикатной женщиной, я, наконецъ, самъ потребовалъ отъ нея объясненія какихъ-то темныхъ и пошлыхъ намековъ. Улучивъ время, когда жены не было, я потребовалъ категорическихъ объясненій...

— Хорошо! Очень рада. Сама давно хотѣла начать разговоръ, да послѣ вашихъ дерзостей не рѣшалась... Пойдемте ко мнѣ въ комнату!

Пошли къ ней въ комнату, и тамъ она посвятила меня въ тайну.

— Имѣйте въ виду, что ваша жена не можетъ быть матерью!..

— Позвольте, вамъ-то какое дѣло?..—вскипѣлъ было я, но Марья Петровна остановила:

— Дайте же кончить, а потомъ уже ругайтесь!..

— Отлично.

— Я говорю, какъ человѣкъ науки...

— Что такое? При чемъ тутъ наука?..

— Ваша жена имѣетъ такое сложеніе... Ну, однимъ словомъ материнство для нея равносильно... смерти. Поняли? У нея настолько узкій тазъ...

— Понялъ!.. Довольно!..

Но Марья Петровна не унималась. Теперь, видя мою растерянность и свою правоту, она заговорила уже о той нравственной отвѣтственности, которая лежитъ на мнѣ.

— Вы будете ея убійцей... Поняли?..

— Понялъ, понялъ!.. Благодарю за предостереженіе...

— Ага!.. Теперь благодарите... Вотъ видите!.. Чья правда?..

— Ваша, ваша!..

— Ну вотъ и все... Было бы сказано... Я обязана была это сдѣлать и сдѣлала.

— Зина это знаетъ?

— Нѣтъ. Но я подѣйствовала на нее другимъ путемъ... общественнымъ...

— Общественнымъ?!.

— Да. Я постаралась внушить ей, что семья и дѣти съ точки зрѣнія...

— Да, да, понимаю!.. Но ради Бога, прошу васъ этимъ кончить и никогда больше ни съ кѣмъ не поднимать этого разговора!..

— Мнѣ-то что?.. Вы—мужъ, а не я... Совѣтую все-таки при случаѣ обратиться къ спеціалисту... Я могла ошибиться...

Такъ вотъ она, разгадка!..

— Она еще ребенокъ, а вы... вы уже взрослый и отвѣтственный человѣкъ.

— Да, конечно...

Вышелъ я изъ комнаты Марьи Петровны такимъ серьезнымъ, словно мы съ ней разрѣшали важный государственный вопросъ. Прошло раздраженіе, отлетѣло

легкомысліе, осталась огромная отвѣтственность за жизнь человѣка, судьба котораго отнынѣ и до вѣка вручена мнѣ. Къ самому себѣ я питалъ въ этомъ отношеніи полное довѣріе и потому уважалъ теперь себя болѣе, чѣмъ обыкновенно. Раскрытая тайна нисколько меня не опечалила; напротивъ, она осѣнила мою жизнь какимъ-то новымъ смысломъ и новымъ содержаніемъ: я—хранитель прекраснаго, нѣжнаго и хрупкаго цвѣтка. Только теперь я понялъ, какъ необыкновенна моя новая любовь... Любовь издали... Часто, заработавшись до вторыхъ пѣтуховъ, я подходилъ на цыпочкахъ къ жениной спальнѣ и слушалъ ровное, спокойное дыханіе спящей дѣвушки...

— Спи спокойно, моя миленькая Козочка!..

Въ послѣднее время довѣріе съ ея стороны ко мнѣ возросло настолько, что она перестала запираться. Я тихо прокрадывался въ спальню, склонялся къ изголовью кровати, любовался своимъ сокровищемъ, тихо уходилъ и снова принимался писать повѣсть. Это не мѣшало мнѣ работать, а только усиливало процессъ творчества. Случалось иногда, что дѣвушка отъ моего пристальнаго взгляда просыпалась и раскрывала удивленные глаза:

— Ты?..—спрашивала дѣвушка, торопливо пряча голое плечико.

Тогда я спѣшилъ поцѣловать сонное личико и... тоже уходилъ.

Послѣ коммунальнаго обѣда, къ намъ обыкновенно приходили Параша и Касьяновъ—пить чай, а изрѣдка стала заглядывать и племянница исправника, Александра Романовна, знакомство съ которой началось у жены еще съ того времени, когда она носила намъ въ полицейскій арестный домъ обѣды и ходила по нашимъ дѣламъ къ исправнику. Александра Романовна, видимо, ходила тайно отъ дяди-исправника, потому что она всегда

пряталась отъ г. наблюдающаго, когда тотъ приходилъ насъ провѣдать. Александра Романовна была чужда всякой политики и общественныхъ вопросовъ, но что-то тянуло ее къ намъ: можетъ быть, она инстинктивно чувствовала нашу общечеловѣческую правоту, а, можетъ быть, просто здѣсь не было подходящей молодежи. Лицо у ней было открытое, типично великорусское, съ миловидной улыбкой, съ сѣрыми глазами, безъ особенной красоты, но съ притягивающей пріятностью; при томъ она была безпричинно весела, любила похохотать и попѣть пѣсни хоромъ. Касьяновъ приносилъ гитару, и иногда у насъ выходилъ недурной хоръ. Книги, которыя брала у насъ читать Александра Романовна, незамѣтно прокладывали все новыя и новыя дорожки для взаимнаго пониманія, и скоро мы стали называть ее Сашенькой. Часто она угощала насъ музыкой. Заранѣе условившись, мы прохаживались мимо квартиры исправника, а Сашенька, раскрывъ окна, играла. Только въ одномъ домѣ, у исправника, здѣсь и слышалась музыка, и то только съ пріѣздомъ Сашеньки. Сдѣлавшись нашимъ тайнымъ другомъ, Сашенька очень благотворно вліяла на своего дядю въ смыслѣ разныхъ льготъ и послабленій по части «правилъ жизни». Это давало намъ возможность иногда устраивать общія загородныя прогулки. Любимымъ мѣстомъ такихъ прогулокъ былъ монастырь, верстахъ въ пяти отъ города. Сосновый боръ, тихоструйная рѣка, красивый монастырь въ древне-русскомъ стилѣ, особенная тихая задумчивость всей природы, старинный перезвонъ колоколовъ и черныя одинокія фигуры монаховъ въ лѣсу и на пестрыхъ лугахъ—все это было такъ хорошо и удивительно, что мы превращались въ ребятишекъ и напитывались здѣсь какой-то особенной радостью жизни...

Въ одну изъ такихъ прогулокъ, когда всѣ мы разбѣжались по лѣсу и лугамъ, мы съ Козочкой наткну-

лись на неожиданность. Выходимъ съ луговъ на лѣсную опушку, къ рѣкѣ, и видимъ: Касьяновъ цѣлуется съ Сашенькой.

— Тсс!..—прошептала Козочка и махнула мнѣ рукой.—Пойдемъ...

Мы сбѣжали съ горки въ луга и здѣсь, какъ заговорщики, шептались и смѣялись надъ неожиданнымъ открытіемъ.

— Ахъ, какой!.. Вотъ какой!.. Цѣлуются!.. Вотъ такъ Касьяновъ...

— Почему же опять виноватъ одинъ Касьяновъ?..

Козочка ударила меня по рукѣ вѣткой и погрозила пальцемъ:

— Знаю я васъ!..

Мы присѣли на лужкѣ, среди бѣлыхъ, синихъ, желтыхъ и розовыхъ цвѣтовъ.

Козочка стала плести вѣнокъ и напѣвать, а потомъ уронила мнѣ на колѣни голову и стала смотрѣть въ лицо...

— Поцѣлуй меня!..

Я поцѣловалъ...

— Крѣпче!.. Какъ они!..

Я наклонился и поцѣловалъ.

— Я хочу еще... еще!..

— Монахъ идетъ,—сказалъ я.

Козочка вскочила, какъ ужаленная пчелой, съ ужасомъ оглядѣлась по сторонамъ и, не видя никакого монаха, надула губы.

— Обманщикъ!.. Больше никогда-никогда не буду тебя цѣловать!.. Заруби себѣ это на носу, противный!..

Ахъ, въ этотъ моментъ мнѣ хотѣлось взять ее на руки и унести дальше, дальше, въ темный боръ, гдѣ зеленый сумракъ, одинъ зеленый сумракъ...

— Го-спода-а!.. Ау!..

— Ау!—откликнулся лѣсъ на рѣчной излучинѣ...

Потомъ на берегу появились Касьяновъ съ Сашенькой.

— Зина, ты куда?..

— Сидите тутъ!.. Я пойду съ Касьяновымъ гулять... Въ лѣсъ... далеко-далеко!..

— На что ты сердишься?..

— А зачѣмъ вы придумали монаха?.. Ну и цѣлуйтесь съ монахомъ!..

Сдѣлала воздушный поцѣлуй и побѣжала прочь. Добѣжала до берега, разговариваетъ съ Сашенькой и Касьяновымъ. Что это значитъ: Сашенька идетъ ко мнѣ, а Зина съ Касьяновымъ направились по берегу...

— Зи-на!..

Обернулась и посылаетъ воздушный поцѣлуй.

— Взбалмошная дѣвчонка!..

Что-то непріятное кольнуло въ душу. Что это? Не ревность ли къ Касьянову?..

— Фу, какая гадость!..—обругалъ я свое самочувствіе и поднялся на ноги, навстрѣчу Сашеньки.

— Гдѣ вы были?

— Тамъ!..

— Съ кѣмъ?

— Съ этимъ... какъ его?.. ну, съ Касьяновымъ!..

— А что дѣлали?..

— Ничего не дѣлали... Гуляли...

Сашенька отвернулась и присѣла рвать цвѣты. Я тоже сталъ собирать цвѣты и медленно двигался въ ту сторону, куда ушли Зина съ Касьяновымъ.

Что-то безпокоило, сердило... Понемногу добрался до лѣсной опушки...

Здѣсь берегъ круто сворачивалъ и рѣка пропадала за изгибомъ. Туда, за этотъ поворотъ, ушли Зина съ Касьяновымъ. Ну, что жъ... не бѣжать же мнѣ за ними! Это унизительно и противно... Съ оскорбленіемъ въ душѣ я рвалъ и бросалъ цвѣты, посвистывалъ и, наконецъ, сѣлъ и махнулъ рукой. Началъ было напѣвать что-то груст-

ное: вдругъ кто-то сзади набросился и закрылъ мнѣ глаза ладонями рукъ. Я схватилъ подъ кисти рукъ и сейчасъ же понялъ, что это—Козочка: тонкія руки съ длинными пальчиками...

— Сашенька?—нарочно спросилъ я.

Козочка звонко расхохоталась и, захлопавъ въ ладоши, запѣла:

— Обманули дурачка на четыре кулачка!...

— Ну, а гдѣ же Касьяновъ?

— Я его поцѣловала и прогнала прочь...

— Не правда!.. Зачѣмъ ты лжешь?

— Тебѣ на зло... Зачѣмъ придумалъ монаха?...

— Неужели ты говоришь правду?.. Вѣдь это... это прежде всего глупо и...

— Браво! браво!.. Да я нарочно... подзадорить тебя... Эхъ ты, невѣрующій!..

И Зина начала безумно и радостно хохотать.

— Взбалмошная дѣвчонка!..

— Ну, ужъ это пожалуйста!.. Прошу не ругаться.. Я вамъ не раба...

Возвращались изъ монастыря ночью, и Козочка назло мнѣ пошла подъ руку съ Касьяновымъ... Есть въ ней что-то злостно-женское. Откуда? Никогда не замѣчалъ. Гм!.. А сожженное подвѣнечное платье?

— Александра Романовна, позвольте вамъ предложить руку!.. Они идутъ подъ руку, а мы...

Козочка вдругъ бросила Касьянова и, подхвативъ меня подъ руку, сказала Сашенькѣ:

— Идите съ Касьяновымъ!.. Вамъ это будетъ пріятнѣе...

— Почему вы такъ думаете?.. Зиночка! Почему вы такъ думаете?..

— Потому что...

Не договорила, пожала мнѣ руку и расхохоталась..

А когда мы вернулись домой и остались одни, она прыгнула ко мнѣ на колѣни и приказала:

— Цѣлуй!.. Не боюсь никакихъ монаховъ.

Цѣловалъ, пьянѣлъ и все время помнилъ Марью Петровну. Даже во снѣ видѣлъ въ эту ночь Марью Петровну: будто она подошла подъ окно нашего домика, постукиваетъ въ стекло и грозитъ пальцемъ... Даже проснулся. Всходитъ солнышко, попискиваютъ птички, Козочка, подвернувъ тонкія ножки, крѣпко спитъ, одѣтая, на диванѣ. А я—на креслѣ... Спалъ, сидя въ креслѣ!..

— Зина, Зиночка!.. Иди на свою постель... Тебѣ неловко...

— А!.. Ты?.. Ой, какъ больно шею!.. Отоспала шею...

— Ну-ка, Господи благослови!..

Схватилъ въ охапку и понесъ на мѣсто.

— Ой, уронишь!.. Боюсь!..

— Много ли въ тебѣ вѣсу-то?.. Перышко!..

Когда опускалъ на постель, она поцѣловала меня въ шею и, ткнувшись носомъ въ подушку, снова заснула...

— Нагулялась... нацѣловалась... наревновалась... Какъ мертвая! Дѣлай съ ней, что хочешь...

Постоялъ нѣсколько мгновеній въ тяжеломъ раздумьѣ, вздохнулъ и вышелъ.

— Надо спать... Хочется вытянуться во всю длину... Шпилька роговая!..

Посмотрѣлъ на шпильку, вспомнилъ, что Зина спитъ одѣтая. Нехорошо. Тихо вошелъ и снялъ съ нея ботинки... Даже не открыла глазъ. Покорно подставляетъ ножку, но не проявляетъ никакихъ признаковъ сознанія. Какая маленькая ножка!.. въ коричневомъ чулочкѣ... А на пяткѣ—дырочка!..

Ахъ, взбалмошная дѣвчонка!.. Что намъ съ тобой дѣ-

лать?!.. Спитъ одѣтая. Надо бы раздѣть... Встъ не догадался... Раздѣть, что ли ее?.. Нѣтъ! Не надо... Еще разбудишь... Пусть спитъ.

— Эхе-хе!.. исторія...

XXI.

Быстро и незамѣтно пролетѣло коротенькое сѣверное лѣто. Въ среднихъ числахъ августа уже закружились въ воздухѣ желтые листочки, подуло холодомъ, скоро стало темнѣть, а по утрамъ лужокъ передъ окнами сталъ сѣдѣть отъ бѣлаго дыханія близкой уже зимы... Вечера стали длинными, ночи темными; печаль ложилась по полямъ, лѣсамъ и дорогамъ... Зато привѣтливѣе горѣли огоньки въ окнахъ и больше тянуло къ столу, къ книгѣ, къ уединенности и думамъ... Въ толстыхъ журналахъ громче заговорили о новыхъ пророкахъ русской интеллигенціи; начиналась легкая перестрѣлка съ какимъ-то невидимымъ еще отчетливо врагомъ, главная позиція котораго была за границей, а передовые дѣйствующіе посты обнаружились въ «Юридическомъ Вѣстникѣ» и въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ газеткахъ. Здѣсь, впрочемъ, врагъ появлялся, подобно летучему отряду, на одно лишь мгновеніе: выстрѣлитъ статейкой противъ народничества, ударитъ Марксомъ и пропадетъ... Встревожились на своихъ постахъ старые идеалисты-народники: то и дѣло въ ихъ статьяхъ стали мелькать политическіе выпады противъ новой ереси, иногда довольно злые. Очевидно, гдѣ-то тамъ, далеко, въ умственныхъ центрахъ, началась борьба... интересная, захватывающая борьба. Подлинныхъ статей еретическихъ мы не читали, —онѣ до насъ не доходили,—но мы узнавали о нихъ косвенно изъ своихъ старыхъ друзей-журналовъ.

— Господа! Опять статья о марксистахъ...

И мы рвали журналъ изъ рукъ другъ у друга.

То въ коммунѣ, то у насъ съ Зиной устраивались длинными и темными осенними ночами «литературные вечера», и въ эти часы мы какими-то тайными нитями связывали свою жизнь съ той, далекой, невидимой и для насъ недоступной, которою жила въ это время вольная интеллигенція родины. Конечно, пока всѣ наши симпатіи были на сторонѣ старыхъ борцовъ, и потому мы, какъ дѣти, радовались остроумію и находчивости, съ которой высмѣивались новые пророки... Особенно Касьяновъ. Тотъ положительно дрожалъ отъ радостнаго волненія, когда попадалось особенно удачное мѣсто.

— Ловко!.. Жарь ихъ во всю!.. Пророки, чортъ бы ихъ...

— Ну, ты, Касьяша, лицо заинтересованное...

— Какимъ это образомъ?..

— Знаемъ мы ужъ!..

— Я, честное слово, объективенъ... До послѣдней степени объективенъ...

— А, по-моему, тутъ больше остроумія, чѣмъ убѣдительности...

То и дѣло въ статьяхъ сталъ фигурировать К. Марксъ, цитаты изъ него и упреки въ непониманіи... А мы не читали въ подлинникѣ трудовъ Маркса, и намъ было какъ-то неловко и стыдно другъ передъ другомъ...

— Вѣдь, у насъ, господа, есть «Капиталъ»?..

— А какъ же! есть!.. Наслѣдство отъ арестованнаго пророка осталось.

— Онъ, Геннадій, былъ у тебя въ тюрьмѣ... Я тебѣ приносила...

— Да, да!.. Виноватъ... Совершенно забылъ... Писалъ тогда, и было некогда читать...

— А говорилъ, что усидѣлъ Маркса!

— Я? Развѣ говорилъ?.. Я началъ, но...

Отыскали Маркса и начали читать всѣ вмѣстѣ вслухъ. Дѣло двигалось тяжело, какъ непосильная тя-

жесть, потому что женщины, то и дѣло, требовали повторить «мѣсто, гдѣ онъ» и т. д. Начинался споръ, говорили всѣ разомъ и не понимали другъ друга.

— Чортъ ногу сломитъ... — сердился на Маркса Касьяновъ и совѣтовалъ бросить...

— Не слушайте!.. Убирайтесь, если надоѣло...

— Въ гробъ вы меня вгоните этимъ Марксомъ... Ей-Богу!.. Спѣть бы хоромъ для освѣженія головы...

— Не мѣшайте!

Не клеилось дѣло. Рѣшили читать въ одиночку. Марксъ одинъ, а насъ много. Рѣшили кинуть жребій. Первымъ досталось Касьянову.

— Вотъ счастливый!..

— Уступаю, Геня, свою очередь тебѣ... въ знакъ дружбы и расположенія!..

Такъ насъ стало трое: я, моя жена и К. Марксъ...

— Зина, хочешь, будемъ читать вслухъ?..

— А то какъ же!.. Конечно!.. Ты думаешь, мнѣ не интересно?..

— Я не думаю этого, но ты... будешь ли внимательно слушать?

— Скажите, какъ онъ говоритъ!.. Читай же!..

Устраиваемся поудобнѣе: я—за столомъ, около картонной балерины, а Зина, съ поджатыми ногами, на диванѣ.

— Брось ты свои кружева!.. Точно старуха съ чулкомъ.

— Развѣ тебѣ это мѣшаетъ?..

— Это оскорбляетъ автора.

— Тебя?.. Вотъ обидчивый писатель!..

— Да не меня, разумѣется, а автора, т. е. Карла Маркса! Безтолковая...

— Ему-то больно нужно!.. Смѣшной... Я слушаю...

— Не понимаю, какъ это можно разомъ дѣлать два дѣла, и при томъ одно такое серьезное, а другое...

— Вотъ надоѣлъ!.. Ну, ладно, бросила, слушаю...

Начинаю читать. Читаю минутъ десять:

— Погоди, я сейчасъ!..

— Нѣтъ, это невыносимо!.. Я брошу.

— Ну, погоди секундочку! Марксъ не убѣжитъ.

Продолжаю читать про себя и, когда Зина возвращается, читаю вслухъ дальше. Зина не замѣчаетъ про пуска.

— Понимаешь?..

— Не совсѣмъ. Но продолжай...

— Какъ же это продолжать, когда...

— Слушаю, слушаю, г. профессоръ!.. Поцѣловать васъ можно, г. профессоръ?

— Ты издѣваешься...

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Читай!.. Не надо поцѣлуя... Извиняюсь.

Читаю, не поднимая головы съ полчаса, затѣмъ смотрю на Зину: сладкій такой зѣвокъ во весь красивый ротикъ.

— Спокойной ночи!.. Спрашивается: зачѣмъ я въ такомъ случаѣ болтаю безпрерывно языкомъ?..

— Отвѣчается: «милый, не сердись и не обижай беззащитную дѣвочку!..»

— Иди и спи на здоровье!

— Хорошо. Ты мнѣ потомъ разскажешь своими словами... Хорошо?

— Отлично!..

— Ну, до свиданья!..

Подходитъ, протягиваетъ шейку и оттопыриваетъ губки... Фу ты, пропасть!

Все вылетѣло изъ головы, все, что прочиталъ... Цѣлую и потомъ долго хожу, поглядывая на прикрытую дверь... Спустя часъ, прихожу въ полное душевное равновѣсіе и принимаюсь за основательное чтеніе, съ повтореніемъ трудныхъ мѣстъ, съ выписками, съ откиды-

ваніемъ головы на спинку стула. Въ комнатахъ тихо, на душѣ спокойно, книга такая умная, что даетъ радость мозгу... Увлекаюсь, и всю ночь, до разсвѣта, не могу оторваться... Вотъ книга!.. Читаешь и чувствуешь, какъ ты самъ умнѣешь... Наслажденіе!.. Ложусь, а голова еще продолжаетъ работать и не хочетъ отпустить тѣло на отдыхъ...

На другой день утромъ:

— Иди, помоги мнѣ застегнуть сзади!.. Ты уже всталъ?

— Всталъ.

— Что дѣлаешь?

— Пью чай и читаю.

— Маркса?

— Да.

— Ну что?..

— Прекрасно! — говорю тономъ взрослаго съ дѣвочкой.

— Разскажи своими словами!..

— За чаемъ ужъ... Не могу я застегивать и объяснять Маркса....

— Поцѣлуй спинку!..

— Ахъ, Зинка!. Мучительница...

— Я замѣчаю, что вы изъ-за Маркса стали холоднѣе ко мнѣ...

— Ты—озорница!.. вотъ что!

— Еще разлюбите меня изъ-за своего Маркса!..

Не могу: схватываю въ охапку и начинаю цѣловать. Но встаетъ грозный обликъ Марьи Петровны,—отрываюсь и выбѣгаю изъ комнаты. Потомъ съ иронической улыбочкой на губахъ появляется Козочка и садится разливать чай. Я въ краткихъ, общедоступныхъ словахъ объясняю теорію Маркса...

— Поняла?

— Ну, конечно...

— Умница...

Пьемъ чаи. Я—съ Марксомъ. Жую булку, прихлебываю чай и не отрываю глазъ отъ книги.

— Посмотри на меня!..

— Погоди, Зина!..

Что-то говоритъ,—я не слышу. Сердится.

— Ну, ну, говори!.. что такое?.. Сонъ, говоришь?.. Ну, какой?..

— Ужасно смѣшной сонъ... Будто бы у насъ родился мальчикъ...

— У насъ? мальчикъ?.. Какой мальчикъ?..

— Ну, у меня... Какой мальчикъ... Ребеночекъ...

— Ахъ, ребенокъ... Да, да... А я не понялъ...

— Ты съ Марксомъ дѣлаешься безтолковымъ...

— Ну, ну!..

— Хорошенькій мальчикъ... И будто бы... Тутъ ужъ нельзя сказать...

— Нельзя?.. Почему?..

— Давай ухо...

Наклоняюсь и оглядываюсь, нѣтъ ли кого въ комнатѣ. Никого.

— Зачѣмъ же ухо?..

— Нѣтъ, лучше я тебѣ напишу на бумажкѣ...

— Отлично, на бумажкѣ, такъ на бумажкѣ...

Читаю на клочкѣ бумаги: «будто бы я кормлю его грудью». Улыбаюсь...

— Трогательно!

— Даю тебѣ честное слово!..

— Я вѣрю.

Снова погружаю взоръ въ страницы Маркса, а Зина все болтаетъ.

— А скажи по правдѣ: ты желалъ бы имѣть ребенка?

— Это невозможно,—отвѣчаю строго, почти сердито.

— Это почему еще?..

— Дѣти связываютъ по рукамъ и ногамъ...

— Нѣтъ... одинъ ничего. Это когда много, другое дѣло... А я хотѣла бы...

— Начало всякихъ компромиссовъ.

— Ну, чѣмъ бы онъ помѣшалъ теперь намъ?..

— Пискъ, визгъ, пеленки, конвертики..

— Да вѣдь не ты будешь возиться, а мать!.. Вамъ что?.. Это матери возня, отцамъ—никакой заботушки...

Поднимаю глаза на Зину: на лицѣ досада и полное несогласіе.

— Это все потому, что ты... мало меня любишь!..

— Вотъ тебѣ разъ!.. Выводъ странный... Совѣтую тебѣ поговорить съ Марьей Петровной.

— Убирайся ты со своей Марьей Петровной!.. Она такую чепуху говоритъ, что...

— Здравствуйте!..

— А! Александра Романовна!..

— Марксъ освободился? Мы будемъ читать съ Касьяновымъ.

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Что вы! Я еще и половины не проштудировалъ...

Козочка хохочетъ.

— Что вы, Козочка?..

— Такъ, вспомнила монастырь...

— Какой монастырь?..

— Такъ... Вспомнила чернаго монаха...

— Ничего не понимаю...

— Вы хотите читать съ Касьяновымъ?

— Да... Одна я ничего не вынесу...

— Вмѣстѣ читайте: вмѣстѣ веселѣе!.. Не обижайтесь, голубушка Сашенька, на меня смѣхунъ нашелъ... Я сегодня видѣла такой сонъ, такой сонъ, что... Пойдемте ко мнѣ—разскажу...

Уходятъ въ спальню и тамъ шепчутся и хихикаютъ... Сержусь вообще на всѣхъ женщинъ: легкомысленны...

— Встали?..

— А! Параша!..

— Зина встала?

— Встала... Она—тамъ!..

Теперь въ спальнѣ три женщины, а кажется, что тамъ ихъ штукъ десять...

— Какъ волка ни корми, а онъ все въ лѣсъ смотритъ! —говорю себѣ въ назиданіе и закрываю Маркса. Мѣшаютъ. Не даютъ сосредоточиться.

— Что вы тамъ хохочете?.. и шушукаетесь?.. Кумушки!

— Сюда нельзя.

Запираютъ дверь. Совсѣмъ особая порода эти женщины. А, пожалуй, безъ нихъ все-таки было бы скучновато на свѣтѣ. Всѣ три появляются въ залѣ. И всѣ имѣютъ какой-то загадочный видъ. Что у нихъ за тайны? И, навѣрное, пустяки какія-нибудь, въ родѣ рожденнаго во снѣ ребеночка. Понемногу дѣло разъясняется. Я не прошу, но онѣ сами имѣютъ непреоборимое желаніе что-то разсказать мнѣ.

— Знаешь, въ коммунѣ новость!..

— Не знаю...

— Интересная!

— Для кого?

— Вообще...

Переглядываются и совѣтуются, разсказать мнѣ или нѣтъ.

— Геннадію Николаевичу можно.

Начинаютъ разсказывать двѣ сразу, но потомъ Параша стушевывается, и беретъ верхъ моя Зина. Новость заключается въ томъ, что вдовый докторъ, тотъ самый, который лѣчилъ Зину, сдѣлалъ предложеніе Марьѣ Петровнѣ.

— Ну, а она что?

— Счастлива безконечно, но пока только гордится, а не рѣшается.

— Стоитъ теперь на нее посмотрѣть... Подтянулась, перетянулась, сдѣлала новую прическу... А Павелъ Петровичъ подтруниваетъ: вы, говоритъ, Марья Петровна, похожи на Марію Стюартъ... Новую шляпу купила!..

— Эхъ, вы!.. сороки!..

— Со всѣми совѣтуется, выходить или не выходить...

— Посмотримъ! — съ хитрой улыбочкой говоритъ Зина.

— А тебѣ не хочется, чтобы Марья Петровна вышла замужъ?

— Не въ томъ дѣло, а... Однимъ словомъ, для меня особенно важно знать, какъ она поступитъ. У меня былъ съ ней *такой* разговоръ, что... Вообще, она противъ браковъ... Посмотримъ, насколько тверда она въ своихъ убѣжденіяхъ!

— Злорадствуешь, а сама вышла...

— Я никогда не высказывала такихъ убѣжденій...

Просидѣли съ часъ, потараторили и всѣ разомъ двинулись.

— Ты, Зина, тоже уходишь?

— Да. Тебѣ же лучше: будешь наслаждаться Марксомъ...

Ушли. Я смотрю въ окно: идутъ, взволнованныя и аффектированныя, торопятся и стрекочутъ, какъ воробьи. Событіе!.. Гм!.. Неужели выйдетъ?.. Не хочется, чтобы выходила... Рухнетъ послѣдній авторитетъ, и мнѣ не на что будетъ опереться... Эхъ, Марья Петровна!.. Вѣдь вамъ сорокъ лѣтъ, да, пожалуй, еще съ хвостикомъ!.. Впрочемъ, и ему тоже не меньше.

— Событіе!..

Начинается ассимиляція съ мѣстными жителями. Касьяновъ тоже что-то льнетъ больно къ Сашенькѣ. Не

породнился бы съ исправникомъ. Вотъ будетъ протекція!..

Я ходилъ и громко хохоталъ. Заглянула Сусанна и вылупила на меня испуганные глаза:

— Что съ тобой?.. Въ умѣ ли ужъ ты?

— Не бойся... Въ умѣ...

— Ходитъ и хохочетъ... Что тебѣ смѣшно-то?..

— Много будешь знать, скоро состаришься...

— А тебѣ какой убытокъ? У тебя—молодая жена... Можно посуду убирать?

— Убирай!..

— А барыня ушла?

— Ушла... Нравится тебѣ барыня?

— Тощая больно. Боязно, чай, тебѣ ее въ руки-то взять... Того и гляди, переломится...

— Она гибкая... Вѣтка тонка, а не ломится...

— Правда ли, говорятъ, она у тебя изъ басурманокъ?

— Правда.

— А какъ же васъ перевѣнчалъ попъ-отъ?

— Да она христіанка.

— Обращенная?.. То-то!.. Русскую бы взялъ!.. Что ужъ съ басурманкой-то путаться... Чудаки вы всѣ!..

Схватила подносъ съ самоваромъ и посудой и, вертнувъ торсомъ, пихнула ногой дверь.

До двухъ часовъ читалъ, а затѣмъ направился въ коммуну обѣдать. Дѣйствительно, Марья Петровна похожа на именинницу. Въ черномъ платьѣ, съ перетянутой таліей, съ часами и стоячимъ воротничкомъ. Мало говоритъ, держится какъ-то величаво, съ достоинствомъ отвѣчаетъ и жестикулируетъ. Высокая прическа, на вискахъ—кудряшки.

— Я васъ не узналъ, Марья Петровна.

— Богатой быть или умереть. Примѣта есть.

— Или выйти замужъ!—звенитъ голосъ Козочки.

— Такой примѣты, душа моя, нѣтъ. Это твоя выдумка.

— А гдѣ скрывается, господа, Гришенька?

— Онъ отказался обѣдать.

— Вотъ тебѣ разъ!.. Почему?

— На что-то обидѣлся. Написалъ, что всякій сверчокъ долженъ знать свой шестокъ.

— Съ тѣхъ поръ, какъ онъ прочиталъ статью Вѣры Засуличъ объ интеллигенціи, онъ проникся къ намъ полнымъ презрѣніемъ.

— Марксистомъ сдѣлался?

— Сбили съ толка мальчишку!—проворчалъ Куренковъ.

— Что вы на меня смотрите, Геннадій Николаевичъ?

— Я?.. Очень ужъ вы, Марья Петровна, того...

— Одѣта, что ли?.. Я сейчасъ иду въ больницу. Вы знаете, что мнѣ разрѣшили служить въ больницѣ?

— Ахъ, вотъ въ чемъ дѣло!.. Поздравляю. Какъ же вы этого добились?..

— Черезъ Александру Романовну.

— И доктора!—ехидно добавила Козочка.

Марья Петровна покраснѣла и прикрылась салфеткой. Потомъ посмотрѣла на часики, сказала «однако, мнѣ пора» и стала собираться. Ушла, и въ комнатѣ началась оживленная болтовня между женщинами все по тому же поводу. Вышла жена Куренкова и укоризненно сказала:

— Какъ вамъ не стыдно!.. Марья Петровна переживаетъ такой мучительный моментъ въ жизни, а вы надъ ней подтруниваете... Знаете ли вы, что она сегодня всю ночь напролетъ не спала и плакала, какъ маленькая?..

Козочка прикусила язычокъ. Параша сконфузилась и отвернулась.

— Вы не понимаете, а вѣдь для нея—это драма!.. Вѣдь этотъ человѣкъ не зналъ никогда въ жизни, что

такое личное счастье... Она всю жизнь прожила для другихъ...

Куренковъ гнѣвно посмотрѣлъ на жену и, уходя въ свою комнату, хмуро проворчалъ:

— Драма!.. И хочется, и колется, и маменька не велитъ.

XXII.

Однажды вечеромъ, когда мы съ Козочкой попивали чаекъ и кокетничали другъ съ другомъ, пришла Марья Петровна, поздоровалась, подсѣла къ столу и, уронивъ голову на руку, заплакала.

— Марья Петровна!.. Голубушка!.. Что случилось?..

— Милые, родные, золотые мои!.. Что же мнѣ дѣлать?..

— Да перестаньте вы, ради Бога!.. Что случилось?..

— Дала согласіе... Я дала согласіе...

— Ну, такъ что же?.. О чемъ же плакать?.. Вы его любите?..

— Не знаю... Зачѣмъ я это сдѣлала!..

— Да, вѣдь, вы еще не обвѣнчались?.. Всегда можно отказаться...

— Ахъ, Козочка!..

— Да вы въ него влюблены?.. Да?

— А почему я знаю!.. Странный вопросъ!.. Онъ мнѣ нравится, но...

— Такъ о чемъ же плакать?..

— Если бы могли понять!.. Какая это мука!.. Вѣдь все-таки онъ—человѣкъ совсѣмъ другого міра, другого общества... Вѣдь я тамъ, у нихъ, все-таки буду чужая... Вѣдь я—ваша, вся, до послѣдней капли крови, ваша... Мы во многомъ расходимся, часто ссоримся, но вѣдь все-таки мы всѣ, какъ братья съ сестрами... Всю жизнь прожить съ вами, всю жизнь!.. и потомъ уйти къ чужимъ людямъ... Мнѣ кажется, что я теряю васъ и теряю все, чѣмъ до сихъ поръ жила и во что вѣрила...

— А зачѣмъ вамъ выходить замужъ?.. Вы говорили, что...

— Ахъ, дѣточка!.. Вы еще ребенокъ... Не понимаете жизни... Хочется хотя немножко счастія... Вы вотъ счастливы, вы молоды и любите другъ друга, а я... Пойду домой... Извините, что помѣшала...

Пришла, поплакала и ушла. Зина разстроилась. Сердится и отира тъ слезы.

— Ну, кажется, и ты заплакать собираешься?.. Тыто что?.. Вѣдь не тебѣ выходить за доктора!

— Чего ей нужно!.. Не понимаю, чего ей нужно!.. Хочешь,—выходи, а не хочешь,—не выходи... Точно ее заставляютъ... Только разстраиваетъ... И не знаетъ, любитъ ли его, или не любитъ!.. Сама говоритъ одно, а дѣлаетъ другое... Вотъ ужъ никогда бы за такого не вышла... Всегда пахнетъ водкой... Растрепанный, сопитъ, съ брюхомъ!.. Неужели онъ былъ когда-нибудь политическимъ?..

— Говорятъ, что былъ...

— Не вѣрю!..

— Такъ же вотъ пріѣхалъ молодымъ и красивымъ, какъ Касьяновъ, а потомъ прожилъ въ этой дырѣ много лѣтъ и началъ пить, а потомъ женился и пошли дѣти...

— Да нѣтъ у него никакихъ дѣтей!.. Врешь все.. Онъ—бездѣтный вдовецъ.

— Дѣти, вѣроятно, умерли, и это еще болѣе повліяло на человѣка... Остался безъ жены и дѣтей... И, можетъ быть, въ одинъ годъ остался одинокимъ...

— Сочиняешь все!..

— Я рисую тебѣ общую картину, предположительную, какъ самъ себѣ объясняю паденіе этого интеллигента... Со всякимъ можетъ это случиться.

— И съ тобой?

— Со всякимъ. Значитъ, и со мной...

— Нѣтъ! Не вѣрю...

Зина посмотрѣла на меня и любовно такъ ухмыльнулась:

— Чтобы ты сдѣлался когда-нибудь такимъ!.. Да вѣдь ты же—писатель!..

— А сколько у насъ писателей спилось?..

Я пересчиталъ спившихся писателей, а Зина смотрѣла на меня испуганными глазами. Потомъ она кинулась ко мнѣ на шею и, цѣлуя, зашептала:

— Нѣтъ, я не дамъ, я не дамъ... тебѣ спиться!.. Ты не можешь!.. Ты не такой!..

— Да о чемъ ты плачешь?.. Измотала себѣ всѣ нервы...

— Это все виновата Марья Петровна... Я ее теперь ненавижу!

— Вотъ тебѣ разъ!.. За что это?.. такая жестокость...

— Я ужъ знаю, за что... Она меня отговаривала выходить за тебя замужъ, говорила, что ты—непостоянный, называла тебя вертопрахомъ... Донъ-Жуаномъ, Ловеласомъ и еще, не знаю, какъ... Все хотѣла разстроить нашу свадьбу, а теперь сама... выходитъ...

— И ты все-таки не повѣрила ей?..

— Никогда!.. Ни капельки!.. Я сразу, какъ увидала тебя, такъ и... влюбилась... Помнишь, когда я приходила къ тебѣ съ письмомъ Гришеньки?

— Помню.

— Въ то время я уже тебя любила... и скрывала.

— Хитрая!

— Поласкай меня!.. Хорошо?.. Мнѣ хочется поласкаться... Брось Маркса!..

— Ахъ, Зинка, Зинка...

— Мнѣ что-то грустно... Хочется плакать...

— Сдерживайся!.. Ради Бога, не разводи истерикъ!.. Почему у тебя такія горячія руки?.. Да у тебя жаръ...

— Какой жаръ!.. Мнѣ холодно, а ты—жаръ... Ну, согрѣй меня!..

Жаръ. Несомнѣнно. Сухія губы. Потягота. Приласкалъ, уложилъ спать, а самъ читалъ и все время безпокойно прислушивался. По временамъ тихо входилъ и осторожно клалъ руку на лобъ Зины: жаръ и довольно сильный...

— Ты, Геня?..

— Да...

— Дай мнѣ пить!..

— У тебя лихорадка... Бѣгаешь въ лѣтнемъ, когда впору ходить въ шубѣ.

— Не брани меня!.. Я расплачусь... Мнѣ и безъ того нехорошо, а онъ бранится...

— Надо позвать доктора...

— Ни за что!..

— Гдѣ у насъ термометръ?..

Поставилъ термометръ и съ тревогой сидѣлъ у кровати, полный мрачныхъ предчувствій. Все можетъ быть: тифъ, воспаленіе легкихъ...

— Не болитъ въ груди?..

— Нѣтъ, пустяки... Поди, ложись!..

— Почти сорокъ градусовъ: тридцать девять восемь десятыхъ!..

Всю ночь не спалъ, прислушивался, вскакивалъ, прокрадывался къ постели и мучился, что не позвалъ доктора. Былъ маленькій бредъ: смѣялась и разговаривала съ мамой... Къ утру—потъ...

— Зина, надо перемѣнить рубашку...

— Охъ, какъ я устала!.. Хочется спать...

— Нельзя, ты вся мокрая...

Сталъ искать рубашку, перевернулъ вверхъ дномъ весь комодъ и все-таки не нашелъ. Принесъ свою рубашку.

— Надѣвай!..

— Уйди!..

— Я помогу тебѣ...

— Уходи же, иначе я не буду...

— Надо обтереться до-суха...

— Я сама!..

Разсердился, вышелъ, сталъ ворчать на глупыя церемоніи, а за дверью—разслабленный больной смѣхъ.

— Что съ тобой?..

— Ты далъ мнѣ свою рубашку!..

— Все равно. Надѣвай мою!..

— Вотъ смѣшно какъ!.. Теперь можешь войти...

Точь въ точь мальчишка лѣтъ пятнадцати. Поразительно красивый мальчишка.

— Теперь мнѣ совсѣмъ хорошо... Иди, спи...

Тревожное чувство ослабѣло, разсвѣтъ прогналъ мрачныя предчувствія, и я заснулъ и проспалъ до десяти часовъ. Первой мыслью моей было: какъ Зина? Вскочилъ и направился къ больной: спитъ. Слава Богу! Вылитый мальчикъ... А позвать доктора все-таки надо. Не стоитъ говорить, а надо прямо привести, и кончено. Одѣлся и пошелъ въ больницу. Встрѣтилъ Марью Петровну, разсказалъ ей. Она пошла на квартиру къ доктору, и тотъ очень быстро пришелъ въ больницу.

— Вы, Марья Петровна, меня звали?.. Здравствуйте, молодой человѣкъ!

— Сходите, голубчикъ, къ Тархановымъ... Ваша паціентка опять захворала.

— Прекрасно... Идемте, молодой человѣкъ!..

Пришли, когда Зина валялась еще въ постели. Я растворилъ дверь въ спальню и пропустилъ доктора. Отчаянный визгъ встрѣтилъ наше появленіе. Разсердилась, закрылась одѣяломъ съ головой. Стоило большихъ усилій уговорить ее дать выслушать, помѣрять температуру и т. д.

Выслушавъ Зину, докторъ сказалъ:

— Въ легкихъ ничего нѣтъ... Слабогрудая... Беречься надо...

— А жаръ?

— Лихорадка... Не умиралъ кто-нибудь изъ родныхъ отъ чахотки?

— Умерла сестра старшая... и дядя...

— Беречься надо. Чего же тутъ... Хины надо принять, а не пройдетъ, такъ мышьячку можно дать... Думаю, что эта наша мѣстная лихорадка... Всего лучше бы уѣхать на время куда-нибудь подальше, на югъ...

— Не пустятъ, докторъ...

— Да, да... Я и забылъ... Мѣряйте температуру и записывайте! Зайду еще...

Докторъ подалъ руку, я сунулъ свою съ двумя рублями.

— А этого не нужно... Съ вашего брата можно не брать...

Положилъ деньги на столъ и ушелъ.

— Зачѣмъ позвалъ?... Кто тебя просилъ?.. Наговоритъ разныхъ страстей, и будешь думать... Онъ тебѣ сказалъ, что у меня чахотка?..

— Нѣтъ. Съ чего ты взяла...

— Знаю я. Не притворяйся!..

— Велѣлъ не вставать съ постели...

— Ну, ужъ это извините!.. Я совершенно здорова... Ложитесь сами...

— Взрослая женщина, а хуже малюточки...

— Если хочешь, чтобы я лежала, сядь ко мнѣ на кровать и читай что-нибудь... Только не Маркса!..

Днемъ забѣжала встревоженная Марья Петровна.

— Ну что? Какъ?..

— Идите сюда!.. Я здорова, а они меня держатъ въ постели...

Марья Петровна посидѣла, сообщила, что все кончено: въ октябрѣ—свадьба, и, помочивъ свой платочекъ въ слезѣ, поцѣловала Козочку и ушла. Когда я провожалъ ее, она серьезно сказала:

— Берегите ее! Докторъ сказалъ, что у ней есть предрасположеніе къ легочному заболѣванію .. И помните нашъ разговоръ!.. Я еще зайду...

Тихая печаль легла на душу; все стоялъ у окна и смотрѣлъ, какъ моросилъ мелкій надоѣдливый дождикъ.

— Что ты тамъ дѣлаешь?

— Такъ себѣ...

— Иди, почитай мнѣ, а то скучно.

Беру томикъ Гейне, сажусь въ ногахъ и читаю. Временами взглядываю на Зину: сразу перевернуло, глаза сдѣлались опять такіе же, какъ тогда, при первой болѣзни, испуганно-вопросительные и покорные; лицо матовое; тонкія руки лежатъ на одѣялѣ и теребятъ пальчиками бахромку. Стучится тревога въ сердце, и я начинаю читать безъ сознанія, машинально...

— Если умру, будешь очень плакать?..

— Не говори пустяковъ!.. Ты не слушаешь...

Продолжаю читать, а на душѣ скребутъ кошки...

— Поскучаешь годъ или два, а потомъ забудешь и...

— Опять!..

— И женишься на другой женщинѣ...

— Конечно, не на мужчинѣ... Перестань ерундить, а то уйду.

— Скажешь, что не забудешь?.. Разлюбилъ же одну... ту, которой посвятилъ свой разсказъ... Зою, что ли, какую-то... Такъ и меня... Разлюбилъ и женился на мнѣ... Донъ-Жуанъ!.. Ловеласъ!..

Хохочетъ: нравится, что обругала такъ потѣшно.

Къ вечеру встала, сдѣлалась веселой и безъ умолку болтала. Зашелъ докторъ и удивился.

— А кто разрѣшилъ встать?

— Не слушается...

— Сама себѣ разрѣшила, докторъ... Я совершенно здоровехонька...

Смѣется и подшучиваетъ надъ докторомъ;

— Знаете, вы ужасно похожи на медвѣдя!..

— Можетъ быть, можетъ быть... Благодарю за комплиментъ...

— А... какъ вамъ нравится Марья Петровна?..

Докторъ смущается, дѣлаетъ серьезное лицо и затрудняется.

— Говорятъ, она выходитъ замужъ?..

— Все можетъ быть, все можетъ быть...

— Не знаете, за кого?..

Мои недовольные взгляды не дѣйствуютъ; сердито кашляю, дѣлаю незамѣтные жесты рукой.

— Кажется, за меня...—ухмыляясь въ бороду, признается, наконецъ, докторъ и добавляетъ:

— А все-таки дѣло не въ томъ, кто на комъ женится, а въ томъ, что надо слушаться доктора. Дайте-ка еще послушаю легкія-то!..

— Ни за что!.. Языкъ покажу... Вотъ, смотрите!..

Высунула языкъ. Докторъ махнулъ рукой и, попрощавшись, покачалъ головой и пошелъ въ переднюю.

— Что ты, Зинка, озорничаешь?.. Вѣдь это просто нахальство съ твоей стороны спрашивать о такихъ вещахъ и въ такой формѣ...

Вечеръ, ночь и утро слѣдующаго дня прошли благополучно, а къ вечеру на третій день—опять лихорадка... Опять докторъ, безсонная ночь, тревога, мрачныя предчувствія... Перемежающаяся изнурительная лихорадка. Для такого слабенькаго организма—это болѣзнь очень серьезная. Докторъ надѣется на мышьякъ... А вдругъ...

И такой тревогой наполнялась вся душа, что я ничего не могъ дѣлать и ни о чемъ другомъ думать. Спалъ урывками, не ходилъ обѣдать и только пилъ чай и курилъ, курилъ до одурѣнія... Изъ темной бездны мрачныхъ предчувствій прилетала внезапно мысль о Калеріи... Опять вставало въ памяти ея лицо съ палящими

чернымъ огнемъ глазами. Загадочно улыбалась и безъ словъ говорила:

— Я умерла... Я умерла...

— Что же дѣлать?..

Ходилъ и ломалъ голову, какъ быть. Надо увезти ее изъ этой проклятой гнилой дыры, но... глухой стѣной безъ дверей стояла «черта осѣдлости».

Никуда не уѣдешь. Мысленно я разговаривалъ съ какими-то далекими властями, съ генералами, съ министрами, со всѣмъ чиновнымъ Петербургомъ.

— Поймите, что это—вопросъ жизни или смерти!..

— Это насъ не касается.

— Вѣдь это ребенокъ!.. Какой это политическій преступникъ?!. Вы посмотрите на нее!.. Неужели эта дѣвочка способна потрясти ваши «устои», и неужели государство очутится въ опасности, если она будетъ жить не здѣсь, а на югѣ, не въ сѣверной, а въ какой-нибудь южной дырѣ? Вѣдь черезъ годъ у ней кончается срокъ ссылки, и она все-таки уѣдетъ...

— Лихорадка не можетъ служить достаточнымъ поводомъ... У меня самого лихорадка...

Тогда я принималъ другой тонъ: я громилъ, грозилъ, сыпалъ проклятія и ругательства...

Въ дни, когда не было лихорадки, Зина бродила по комнатѣ, печально улыбалась, шутила, но слабость увеличивалась. Кружилась голова, появлялся холодный потъ на лбу, плохо держали ноги. Днемъ у нея рождались надежды, что больше не будетъ приступа, но по ночамъ вставали мрачныя мысли и настойчиво толкались въ сердце.

«Мама!.. Вотъ уже двѣ недѣли, какъ Зина хвораетъ перемежающейся лихорадкой. Она такъ похудѣла, что ты ее не узнаешь. Если такъ пойдетъ дальше—дѣло плохо. Докторъ велитъ уѣхать отсюда. Хлопочи, родная, о переводѣ на югъ, въ какой-нибудь Конотопъ, Мир-

городъ, куда пустятъ. Иначе грозитъ несчастіе. Если бы разрѣшили хотя къ намъ въ имѣніе! Нѣтъ ли у тебя какихъ-нибудь связей и протекцій съ Симбирскими властями? Бѣда! Я теряю силы и погружаюсь въ полное отчаяніе. Отвѣчай! Крѣпко цѣлуемъ! Твой Геннадій».

«Его превосходительству, г. начальнику государственной полиціи, проживающаго въ г. Грязовскѣ политическаго ссыльнаго, Геннадія Тарханова, прошеніе. Представляя при семъ докторское свидѣтельство о болѣзни моей жены, политической ссыльной Зинаиды Дмитріевны, урожденной княжны Довлетъ-Гильдѣевой, я покорнѣйше прошу ваше превосходительство, въ виду грозящей ея жизни опасности дальнѣйшаго пребыванія въ здѣшнемъ краю, разрѣшить намъ съ нею окончить срокъ ссылки въ какомъ-нибудь болѣе южномъ климатѣ, а если можно, на моей родинѣ, гдѣ остается одинокою старуха-мать моя, дни которой тоже сочтены. Дворянинъ Симбирской губерніи Геннадій Тархановъ».

Письмо и прошеніе посланы. Хожу и терзаюсь: зачѣмъ я въ прошеніи написалъ жалобныя слова про мать? Что-то есть въ этомъ унизительное, подлое... Вотъ и компромиссъ!.. Капитуляція!.. Ахъ, зачѣмъ я написалъ такъ смиренно-унизительно?..

Заходила Марья Петровна, удивлялась тому, какъ измѣнилась моя Козочка, и совѣтовала хлопотать о переводѣ въ другой городъ.

— Я хлопочу.

— Сходите къ исправнику и попросите хорошенько. Къ нему будетъ запросъ, и отъ его отзыва многое будетъ зависѣть...

— Тяжело просить, ходить къ нимъ и клянчить.

— А на что у насъ докторъ и Александра Романовна?.. Напустимъ ихъ на исправника! Онъ, право, не злой человѣкъ...

— Ну, пусть!..

— А потомъ сходите сами...

— Потомъ!.. послѣ!..

Всѣ эти разговоры о переводѣ на югъ, хлопоты и старанія другихъ помочь рождали въ насъ съ Козочкой надежду куда-то уѣхать, оставивъ здѣсь проклятую лихорадку. Козочка даже въ дни приступовъ продолжала мечтать о какомъ-то прекрасномъ краѣ съ бирюзовымъ моремъ, съ горячимъ солнцемъ, съ неувядающими цвѣтами...

— Тамъ будетъ такъ хорошо, такъ хорошо, что.... какъ въ раю!..

Въ бреду она напѣвала грустныя восточныя пѣсенки и смѣялась.

Прошло еще двѣ недѣли, но результатовъ отъ моего прошенія не было.

Начинало закрадываться сомнѣніе... Нѣтъ, у этихъ господъ нѣтъ сердца, и напрасно я такъ унижался!.. Пришло письмо отъ матери: хлопочетъ и въ Петербургѣ, и въ Симбирскѣ, надѣется на успѣхъ, благословляетъ и т. д. «Пріѣхала бы, да дома тоже больные: хвораетъ тетка, и нельзя бросить маленькаго Геничку. Отъ отца его ни слуху, ни духу. Все скучаетъ по матери и спрашиваетъ, когда же вернется мама изъ Симбирска. Онъ до сихъ поръ не знаетъ о ея смерти. Очень бойкій и умненькій мальчишка и такой же озорникъ, какимъ былъ ты въ эти годы»...

Опять всплыли тѣни прошлаго и, путаясь въ настоящее, погружали въ бездну мрачнаго отчаянія, въ которомъ, какъ въ темномъ заволоченномъ тучами небѣ, временами сверкалъ радостный голубой просвѣтъ: маленькій Геня, «такой же озорникъ, какимъ былъ я въ эти годы»... Среди мрачной тревоги вдругъ рождалась радость, быстротечная, мгновенная, какъ мановеніе глазъ...

Зинѣ начали вспрыскивать мышьякъ. Нервничаетъ,

мѣшаетъ... Вотъ уже пятый день нѣтъ лихорадки... Повеселѣла, опять шутитъ со смертью:

— Если умру, не смѣй жениться!..

— Эхъ, брось ты о томъ, о чемъ не стоитъ говорить!.. Ну не все ли будетъ равно тебѣ, если я женюсь тогда...

— Нѣтъ! Я буду тогда приходить къ вамъ и мучить васъ...

Каждый новый день я встрѣчаю страхомъ: не появилась ли лихорадка?

Нѣтъ!..

— Боже мой, какъ я усталъ и нравственно, и физически... Кажется, самъ скоро свалюсь...

XXIII.

Пришла Александра Романовна за Марксомъ. Будутъ читать вмѣстѣ съ Касьяновымъ.

— Вы не читаете?..

— Нѣтъ, гдѣ ужъ тамъ читать?..

— Могу сообщить пріятную для васъ новость: дядя получилъ отъ губернатора бумагу относительно васъ обоихъ... Отправилъ отвѣтъ, что онъ вами вполнѣ доволенъ и вообще похвалилъ васъ обоихъ... Вчера пировали на свадьбѣ у доктора. Дядя надѣялся васъ тамъ встрѣтить, и самъ хотѣлъ вамъ что-то сказать...

Козочка стала разспрашивать про свадьбу, оживилась.

— Кто да кто былъ?.. Изъ нашихъ, политическихъ?..

— Только мы съ Касьяновымъ...

— Развѣ вы—политическая?..

— Нѣтъ, не я... а Касьяновъ. Одинъ Касьяновъ! Подвыпилъ и обличалъ дядю, а потомъ выпилъ съ нимъ на брудершафтъ... Марья Петровна ждала васъ, Геннадій Николаевичъ... Кажется, немного обидѣлась... Никто, кромѣ Касьянова, не пришелъ къ ней... Она была грустная...

— Мнѣ не до пировъ...

— Но теперь нѣтъ лихорадки?..

— Пока нѣтъ...

— Очень обидѣлъ Марью Петровну Куренковъ... Написалъ поздравленіе и извинился, что на свадьбѣ быть не можетъ принципіально, потому что много «званныхъ»... Поплакала она, когда прочитала...

— А Параша не была?

— Нѣтъ. Тоже извинилась... Жена Куренкова собиралась, да ее не пустилъ Павелъ Петровичъ: поставилъ ультиматумъ...

Разсыпалась наша коммуна: остались тамъ только трое, да и тѣ перессорились. Не ходитъ Касьяновъ, не появляется Гришенька, мы съ Зиной вотъ уже мѣсяцъ не были тамъ; теперь отдѣлилась Марья Петровна. Полный разгромъ. Заходила Параша и сообщила, что ищетъ комнату.

— Надоѣли супруги Куренковы... Все злятся и грызутся изъ-за Марьи Петровны.

Валитъ снѣгъ, крутятъ метели, потрескиваютъ дрова въ печкахъ. Мы сидимъ дома, притаились и все еще боимся возвращенія лихорадки. Зина замѣтно поправляется. Я усиленно пичкаю ее молокомъ, яйцами, сливочнымъ масломъ, заставляю, по совѣту доктора, ѣсть геркулесъ.

— Да не могу же я весь день ѣсть!..

— Ну, маленько!.. Еще ложечку!..

— Ты тиранъ какой-то...

Питаю Зину и пишу повѣсть, которую забросилъ сперва изъ-за Маркса, а потомъ изъ-за лихорадки. Теперь на душѣ спокойно и появился какой то особенный подъемъ духа. Пишется, какъ никогда. Пишу и каждую главу прочитываю Зинѣ. Очень хвалитъ... Подойдетъ, погладитъ по головѣ и поцѣлуетъ. Прекратилось хожденіе компаніями другъ къ другу. Всѣ словно нашли что-

то свое и этимъ своимъ живутъ. Что они всѣ дѣлаютъ?.. Касьяновъ—извѣстно: читаетъ съ Сашенькой Маркса, а Параша? Гришенька?..

— Геня!.. Неужели Марья Петровна цѣлуется съ этимъ медвѣдемъ?.. Вѣдь, отъ него водкой пахнетъ!..

— Вотъ ужъ не могу тебѣ сказать...

— Брр!.. противно подумать...

— Не думай, да и все тутъ!..

— Думается...

Въ началѣ декабря кончилъ, наконецъ, повѣсть, большую повѣсть. Пришла радость и грусть. Радость завершеннаго творчества—и особая авторская грусть, приходящая вмѣстѣ съ концомъ творческаго процесса. За время работы свыкаешься съ своими героями, живешь ихъ жизнью, начинаешь ихъ любить, все время они занимаютъ твою мысль и душу,—и вдругъ все обрывается и остается печаль. Нѣсколько дней не находишь мѣста и все смотришь на тетрадь, какъ на могилу любимаго дѣтища... Преслѣдуютъ созданные образы, пейзажи мѣстъ дѣйствія, отдѣльные яркіе моменты... Тоже тѣни прошлаго... Зина просила перечитать ей всю повѣсть отъ начала до конца, но пока мнѣ не хотѣлось. Требовалось время успокоить радость и грусть и отойти немного отъ своихъ творческихъ переживаній...

— Ну, прочитай же, Геня!.. Христа-ради!..

— Завтра, завтра!.. Не трогай!.. Пусть полежитъ...

— Давай позовемъ слушать всѣхъ... нашихъ!

— Нашихъ?.. Нѣтъ! Сперва только вдвоемъ...

Насталъ, наконецъ, день чтенія... Только было усѣлись, какъ вошла Сусанна.

— Ну, что тебѣ надо?.. Лѣзетъ, когда ее не зовутъ...

— Наблюдатель пришелъ, спрашиваетъ...

— Вотъ чортъ васъ дери!.. Именно придутъ тогда, когда... Что еще ему?..

— Можно войти?..

— Входите, но поскорѣе уходите!..

— Я отъ исправника. Къ себѣ требуютъ...

— Ахъ, чортъ!.. Въ чемъ дѣло?

— Секретная бумага... Объявить надо...

— Приду.

Наблюдающій вышелъ. Что тамъ еще имъ надо отъ меня?.

— Геня! Не отвѣтъ ли изъ Петербурга?..

— Отвѣтъ? Очень можетъ быть!.. Надо сходить...

— Иди, иди скорѣй... Господи, вотъ если бы... Милый, милый!.. Ахъ, какъ я рада!..

— Погоди радоваться-то!.. Пока нечему еще.

— Нѣтъ, я чувствую, чувствую... Господи!.. Вотъ если... Скорѣе!.. Я хочу итти вмѣстѣ... Подожду около полиціи... Вѣдь я уже совершенно здорова...

Поспорили, можно или нѣтъ итти Зинѣ. Ну, хорошо: только пусть не модничаетъ и одѣвается теплѣе... Согласна на всѣ условія... Закуталъ ее такъ, что только носикъ торчитъ. Пошли съ трепетнымъ волненіемъ, почти со страхомъ.

— Ну, иди!.. Господи благослови!..

Пришелъ въ знакомый кабинетъ и встрѣтилъ улыбающуюся физіономію исправника.

— Поздравляю: вамъ съ женой разрѣшено кончить ссылку въ имѣніи матушки.

Слушаю и не вѣрю своимъ ушамъ.

— Какъ... намъ... на родинѣ?..

— Да. Въ виду хорошаго поведенія и болѣзни жены... Да вотъ садитесь и прочитайте бумажку. Она хоть и секретная, да вѣдь содержаніе ея я долженъ вамъ объявить, а вы—расписаться...

Взялъ бумагу, руки трясутся, глаза скачутъ черезъ строчку, въ головѣ радостный туманъ...

— Да. Правильно.

Не могу сдерживать улыбки; спѣшу подписаться,

словно мнѣ могутъ не дать этого сдѣлать и тогда все останется попрежнему...

— Эхъ... Опять клякса!..

Когда-то посмѣялся надъ жандармомъ, который слизнулъ мою кляксу, а теперь сдѣлалъ самъ то же самое.

— Что вы дѣлаете!.. Есть промокашка... Вѣдь, въ чернилахъ есть купоросъ!..

— Развѣ есть купоросъ?

— А то какъ же!.. Идите туда... къ умывальнику, выполощите ротъ!..

— Да нѣтъ, не стоитъ...

Выглянула въ дверь Александра Романовна и стала кивать головой. Знаетъ уже. Радостно улыбается, дѣлаетъ видъ, что рукоплещетъ...

Эхъ, если бы не убѣжденія, поцѣловалъ бы я эту разбойничью физіономію исправника. Что-то говорилъ онъ еще назидательное:

— У васъ есть талантъ, можете быть полезнымъ обществу безъ политической дѣятельности...

— Конечно, конечно!.. До свиданія!..

— Когда же вы думаете ѣхать?

Тутъ только я вспомнилъ, что зимой трудно отсюда выбраться.

— Вотъ ужъ не знаю... А что, если мы останемся до весны, не могутъ потомъ...

— Измѣнить разрѣшеніе?.. Нѣ-ѣ-тъ... Кому это надобно?.. Напишите, что въ виду опасности перевозить больную въ холодное время, вы остаетесь до весны.

— А чортъ ихъ знаетъ...

— Кого чортъ знаетъ?..

— Виноватъ!.. Оговорился... А вдругъ что-нибудь случится и...

— А ужъ вы ведите себя такъ, чтобы ничего не случилось...

— Куй желѣзо, пока горячо...

— Какъ хотите!.. Подумаете и потомъ заявите мнѣ.

Выскочилъ я отъ исправника, какъ выпущенный изъ клѣтки благовѣщенскій чижикъ.

— Ура, Зина!.. Твоя правда...

— Куда насъ?..

Зина рванулась ко мнѣ, подхватила меня подъ руку, и мы быстро пошли къ дому...

— Куда насъ?.. Говори же!..

— Погоди, дай отдышаться...

— Ну! скорѣе!..

— На родину мою... На Волгу!.. Ты не видала Волги?.. Ахъ, ты не знаешь...

— А я думала, на мою родину...

— Голубушка, ей-Богу, у насъ лучше!.. Ты не можешь представить, какъ у насъ хорошо... У васъ я бывалъ... Хорошо, но...

— Нѣтъ, у насъ лучше... У насъ такое море, что... и солнце...

— Но потомъ вѣдь можно и къ тебѣ... Лишь бы теперь-то выбраться изъ этой проклятой дыры...

— Конечно, конечно... Я рада, очень рада... Господи, какъ это хорошо!..

Пришли домой и начали совѣщаться, когда намъ ѣхать.

— Я боюсь тебя везти въ морозы на лошадяхъ... Пока доберемся до желѣзной дороги, ты можешь такъ простудиться, что...

Зина настаивала не откладывать и тоже боялась, какъ бы не передумали.

Прибѣжалъ Касьяновъ. Взволнованный, торопливый:

— Правда, что ли, черти вы полосатые?..

— Правда... Уѣзжаемъ...

— Вотъ везетъ... Ахъ вы, дьяволы!..

— Да что ты ругаешься?.. Ты, братецъ, все-таки...

— Пришли въ семейный домъ и ругаетесь, какъ...

— Да вѣдь досадно, Козочка!.. Мнѣ годъ прибавили, а вамъ... Вѣдь это тотъ самый годъ, который мнѣ прибавили, вамъ убавили... Чужую кровь пьете!..

Только ушелъ Касьяновъ, явилась Параша. Та— грустная-грустная:

— Неужели правда, что вы уѣзжаете?..

— Да, Парашенька, правда...

— Ску-у-чно безъ васъ будетъ...

— Другихъ пришлютъ...

— А мнѣ еще полтора года... Счастливчики!..

— Ну, ну... не хотѣла къ вамъ ногой быть... Обидѣли вы меня, что не пришли ко мнѣ на свадьбу, да ужъ Богъ съ вами... Я такъ рада за васъ, что...

Это была Марья Петровна. Она не договорила и бросилась цѣловать насъ обоихъ.

— Милые вы мои!. Голубчики мои!.. Всѣ-то вы разъѣдитесь, а я останусь здѣсь...

И Марья Петровна обняла Зину и расплакалась.

— Тутъ плачутъ... Кто? О чемъ?..

— А, Сашенька!.. Идите, идите!..

Шумъ, говоръ, смѣхъ, поцѣлуи и слезы. Опять обсужденіе, когда намъ ѣхать. Всѣ совѣтуютъ остаться до весны. Марья Петровна особенно. Она пугаетъ болѣзнями и всякими ужасами.

— Да если узнаетъ Коля, что вы повезете жену теперь, онъ вамъ...

— Коля? Какой Коля?..

— Ахъ, да мужъ мой, Николай Григорьевичъ!..

— Вы называете его Колей?—интересуется Козочка.

— Ну, а какъ же?..

На лицѣ Козочки полное недоумѣніе.

— Вы же называете своего мужа Геней, почему же мнѣ нельзя Колей?..

— Коля!.. Вотъ смѣшно... Вы не сердитесь на меня?..

— Я?.. на дѣвочку?.. На мою милую озорницу?.. Нисколько!.. Но только одно условіе въ награду: когда будете уѣзжать, зайдите къ намъ... Хотя одинъ-то разокъ!.. Коля васъ лѣчилъ, а я... васъ такъ любила, такъ я васъ любила...

— Ну, господа, ради Бога безъ слезоточенія...

— Мы зайдемъ. Мы непремѣнно зайдемъ...

— Смотрите же!.. Иначе вы меня оскорбите до глубины сердца...

Весь день прошелъ въ туманѣ. Всѣ побывали. Нѣкоторые даже два раза. Не были только Гришенька и Куренковъ. Жена его тоже на минуту зашла и справилась... Къ вечеру мы такъ устали отъ радости и сумятохи, что почувствовали себя счастливыми, когда остались одни и некому уже было приходить.

— Заваривай чай и хозяйничай!.. Я не могу,—сказала Козочка, лежа на диванѣ, когда Сусанна подала самоваръ.

— Что это у васъ... кто уѣзжаетъ, что ли?..

— Мы, Сусанна...

— Куда васъ несетъ?..

— Домой, на родину...

— Въ Басурманію, значитъ...

— Куда?.. Въ Басурманію!..

А Сусанна отвернулась и отираетъ рукавомъ кофты слезы.

— Что ты?.. Съ чего это?..

— Чай, жалко... привыкла...

— Да мы еще нескоро...

— А кагды?

— Весной...

— Аа!.. Лучше, что ли, тамъ жить-то, куда хотите поѣхать?..

— Лучше... Тамъ тепло...

— А гдѣ это?..

— Далеко...

Козочка счастливымъ, умиленнымъ голоскомъ разсказывала Сусаннѣ про свою родину, а я слушалъ и думалъ: «моя родина лучше, но пусть ее мечтаетъ, не буду напоминать ей, что мы ѣдемъ не въ Севастополь, а на Волгу, на мою родную Волгу!..» Отдохнули. Напились чаю...

— Знаешь, милый, давай теперь читать твою повѣсть!.. Вотъ хорошо-то!..

— Вѣрно. И мнѣ хочется теперь почитать ее, провѣрить себя...

— Вѣдь ты ее *мнѣ* посвящаешь?..

— Да, тебѣ...

— Господи, какое счастье!.. Если бы ты зналъ, какъ я... Давай читать!.. Пойдемъ въ мою комнату: тамъ уютнѣе... Мнѣ хочется снять ботинки и прилечь. Запремъ дверь, чтобы никто-никто не помѣшалъ бы намъ... Иди, иди!..

На улицахъ крутила метель. Въ окно комнаты бились бѣлыя птицы и жалобно поскрипывалъ желѣзный болтъ незакрытыхъ ставень. Такъ холодно, нехорошо теперь на улицѣ...

— А если бы мы поѣхали и попали подъ такую пургу?.. Въ полѣ теперь зги не видно. Можно потерять дорогу и... замерзнуть.

— Хорошо, что мы дома, одни. На душѣ такъ спокойно, а впереди... тамъ насъ ждетъ большущая радость!..

Начали читать: обоимъ очень нравилось, оба хвалили повѣсть и автора, прерывая чтеніе внезапными радостными порывами, которые, какъ бѣлыя птицы метели—въ окна, стучались въ наши сердца.

— Ну, теперь дальше, дальше!..

— А у тебя на глазахъ уже слезки... Ахъ, ты нѣжная моя!..

Дочиталъ я послѣднюю страницу, и мы оба тяжело такъ вздохнули...

— Ну вотъ, это мой подарокъ тебѣ!..

— Иди, иди ко мнѣ ближе! Благодарю тебя, мой хорошій, мой умный!.. Это такой драгоцѣнный подарокъ... Чѣмъ я отплачу тебѣ за него?..

— Поцѣлуемъ, только поцѣлуемъ!..

— Ахъ, сколько хочешь! Сколько хочешь!..

Порывъ какой-то дикой радости и счастія закружилъ насъ въ поцѣлуяхъ и ласкахъ, перешелъ въ безумную страсть и... мы не слыхали, какъ въ окно комнаты тревожно бились бѣлыя птицы метели...

И когда мы опомнились, то было уже поздно... Зина съ счастливой улыбкой на лицѣ, съ закрытыми глазами и полуоткрытыми губами, лежала въ полузабытьи, крѣпко сжавъ мою руку, а я склонился и свободной рукою закрывалъ свое лицо и пряталъ беззвучныя слезы...

Налетѣлъ вихрь и сломалъ всѣ преграды, которыми мы старались отгородиться отъ всесильнаго и непобѣдимаго закона природы...

На другой день Зина долго не появлялась въ залѣ, а когда вышла, то вспыхнула отъ стыда, бросилась ко мнѣ на грудь и долго не хотѣла показать свои большіе испуганно-вопросительные глаза...

XXIV.

Да, это правда: любовь сильнѣе смерти... Есть въ ней великая и непобѣдимая сила, которая побѣждаетъ всѣ доводы разума, сокрушаетъ логику, отбрасываетъ всѣ препятствія и несетъ человѣка, какъ вихрь—лебединое перышко...

Теперь я уже не владѣю собою. Глаза пьянятъ глаза, дымомъ разлетаются стыдъ, долгъ, страхъ передъ бу-

дущимъ, жалость къ любимой женщинѣ... Ахъ, прекрасная, всемогущая, приближающая насъ къ богамъ любовь, какъ ты жестока!..

— Зина, Зина!.. Если бы ты знала, какой я жестокій, безсовѣстный и какъ я виноватъ предъ тобою!..

— Ты опять меня мучить?.. Я счастлива, а ты отравляешь мое счастье... Пусть будетъ, что будетъ... Мнѣ все равно... Я люблю тебя еще сильнѣе, еще... не знаю, какъ тебѣ объяснить... Я лучше тебя поцѣлую...

— А не боишься ты... сдѣлаться матерью?..

— Нисколько!.. Не надо бояться, милый... Пусть будетъ, что будетъ!.. Не страшись: я, только я буду... страдать... Я хочу!.. Въ этихъ страданіяхъ будетъ потомъ такая радость, такая радость!..

Она говоритъ только о материнствѣ, и у меня нѣтъ силъ сказать, что материнство можетъ быть для нея концомъ счастія и самой жизни. Но я долженъ это сказать. Я не имѣю права скрывать это. Вѣдь это преступленіе, которому нѣтъ прощенія.

— Видишь, моя хорошая, моя любимая... Вѣдь можно бояться не только материнства и связанныхъ съ нимъ страданій... мукъ рожденія... Иногда за материнство платятъ жизнью...

— Пусть! Я такая же смертная, какъ всѣ женщины... Никто изъ насъ, женщинъ, не застрахованъ отъ такого... несчастія...

— Но ты такая молоденькая и... такая слабенькая...

— Теперь я очень сильная... Я чувствую себя совершенно здоровой...

Нѣтъ, не могу сказать всей правды. Не умѣю, не нахожу словъ. Странно это сказать. И нужно ли?.. Развѣ теперь уже не поздно?.. И развѣ теперь, когда природа побѣдила, разумно пугать смертью? Вѣдь это значитъ итти ей навстрѣчу... А, быть можетъ, еще она не будетъ и матерью... Надо только овладѣть собой и...

— О чемъ ты все думаешь, Геня!.. Смотрю я на тебя и мнѣ тоже дѣлается грустно... Почему ты сталъ хмуриться и сталъ неласковымъ?..

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Я просто задумался... хочу писать новый разсказъ...

— Ты сочиняешь? Да?... Я тебѣ помѣшала... Тогда прости!.. Но когда будешь ложиться спать, непремѣнно приди со мной проститься... Вчера ты забылъ поцѣловать меня...

— Я приду.

— Смотри, не обмани!.. Я не буду гасить огня...

Уходитъ, посылая любящій призывающій взглядъ. Я сажусь къ столу и дѣлаю видъ, что собираюсь писать разсказъ. Я обманываю самого себя, пугливо ищу заглавій, сюжетовъ, черчу на бумагѣ силуэты, фигуры, животныхъ, сфинксовъ... Да, вотъ онъ, будущій разсказъ—«Сфинксъ»...

Заглавіе написано, подчеркнуто, но въ головѣ стоитъ мой проклятый вопросъ... Какъ это мучительно...

Сижу долго надъ заглавіемъ, пишу машинально слова и вдругъ пугаюсь: «Калерія умерла, умерла, умерла...» Словно кто-то завладѣлъ моей рукой и написалъ эти страшныя слова, чтобы напомнить мнѣ о неизбѣжномъ, что ждетъ меня гдѣ-то на пути жизни... можетъ быть, близко, на первомъ перекресткѣ дорогъ...

Тихо въ той комнатѣ, гдѣ таится страшное теперь будущее. Полоса свѣта, какъ длинный золотой мечъ, протянулась по полу изъ пріоткрытой слегка двери, словно ангелъ-хранитель съ огненнымъ мечомъ всталъ тамъ, за дверью, на стражѣ жизни. Ночь, тишина, золотой мечъ полны мистической тайны... Прислушиваюсь,—ни одного звука, ни одного шороха. Страшно... Кажется, что кто-то смотритъ въ окно, кто-то таится въ темной передней... Съ шумомъ отодвигаю стулъ, покашливаю, прогоняя зловѣщіе призраки фантазіи...

— Геня!..

— Развѣ ты еще не спишь?..

— Я проснулась... Опять приснилось, что летаю... Полетѣла и упала въ пропасть... Охъ, какъ бьется сердце!.. Дай мнѣ воды!.. И сонъ какой-то зловѣщій. Глупо придавать значеніе снамъ... Какъ купчиха замоскворѣцкая... А непріятно, пугаетъ.

— Ну, вотъ тебѣ, выпей!..

Пьетъ и продолжаетъ разсказывать, отрываясь отъ стакана:

— Спрыгнула съ высокаго-высокаго утеса и полетѣла надъ городомъ... А меня хотятъ поймать...

— Кто же?..

— Не знаю, но только кто-то хочетъ поймать, разбойникъ, должно быть... А я отчаянно машу руками... Рукава у меня, какъ крылья... И вдругъ упала въ пропасть... И проснулась... Послушай, какъ бьется сердце!..

Беретъ мою руку и прикладываетъ къ своему сердцу.

— Слышишь?

— Да...

Чрезъ тонкую батистовую рубашку чувствую трепетъ испуганнаго сердца и вздрагивающую грудь, и вотъ уже туманится въ головѣ и горячей волною пробѣгаетъ по тѣлу еще неосознанное желаніе...

— Не уходи отъ меня!.. Я что-то боюсь...

— Чего же бояться?.. Вотъ глупышка!..

— Не знаю... Страшно мнѣ...

Беретъ и ласкаетъ руку. Смотритъ и зоветъ глазами и губами... И улетаютъ всѣ страхи, всѣ призраки... Остается одно желаніе...

И такъ идетъ время, унося насъ въ невѣдомую даль будущаго... Вотъ уже и солнцеворотъ: солнце на лѣто, зима на морозъ. Опять начались яркіе, солнечные, радостно сверкающіе дни, полные намековъ на далекую

еще весну. Радостную тревогу пробуждаютъ эти сверкающіе дни и все тянетъ на улицу...

Однажды, послѣ продолжительной лыжной прогулки, когда мы, усталые, разомлѣвшіе, наглотавшіеся озонированнаго воздуха, вернулись домой, Зинѣ сдѣлалось нехорошо: закружилась голова и появилась тошнота...

— Ты упала?.. Ты опять ушиблась головой?.. Скажи правду!..

— Я упала въ мягкій снѣгъ и совершенно не ушиблась... Было мягко, какъ на постели...

— Надо ледъ къ головѣ... Ахъ!.. Просто мука съ тобой...

Побѣжалъ въ аптеку за пузыремъ, набилъ его снѣгомъ и, уложивъ жену, поставилъ снѣжный компрессъ къ ея головѣ... Тошнота пропала... Поставилъ термометръ: температура нормальная...

— Больше ты кататься на лыжахъ не будешь.

— Буду!..

— Нѣтъ, не будешь... Ты бѣгаешь, сломя голову, и катаешься съ крутыхъ горъ, когда не умѣешь... Не слушаешься.

Я говорилъ безъ сердца, полушутя, а она почувствовала оскорбленіе и расплакалась. Опять поднялась тошнота... Побѣжалъ къ доктору.

— Опять, докторъ, несчастіе...

— Что у васъ?—спросила Марья Петровна, узнавъ меня по голосу изъ сосѣдней комнаты.

— Опять упала!.. Катались на лыжахъ и... тошнота!

— Не бережете вы ея... За ней, какъ за дѣвчонкой, смотрѣть надо. По бѣдамъ ходитъ... Сходи, Коля!..

— Сейчасъ не могу... Часа черезъ два...

А когда прошло два часа и пришелъ докторъ, Зина уже была на ногахъ и хохотала...

— Вотъ это—больная!.. Впервые такую вижу...

— Да это онъ все выдумываетъ... Здоровехонька!..

— Ахъ, господа!.. У меня такое дѣло, а вы...

— Простите, докторъ, но даю вамъ слово, что два часа тому назадъ ей было очень плохо...

— Температура? Мѣрили?

— Температура-то нормальная... А, быть можетъ, у насъ невѣрный термометръ...

Докторъ взялъ руку Зины, сосчиталъ пульсъ, попросилъ показать языкъ, спросилъ про желудокъ...

— Убирайтесь съ глупостями!..

Мнѣ было такъ неловко передъ докторомъ, словно я надулъ его. Я даже разсердился на жену.

— Озорничаешь... Это называется издѣвательствомъ надъ людьми...

Докторъ ушелъ, а мы опять поссорились.

— Ты недоволенъ, что я здорова?.. Для твоего доктора я должна была бы захворать?..

Опять слезы, почти истерика. Заперлась въ своей комнатѣ и, несмотря на мои ласкательныя слова, не только не отпирала двери, но даже не отвѣчала. Полное молчаніе. Такъ до другого дня и просидѣла взаперти. На другой день:

— Взбалмошная дѣвчонка!.. Капризная!..

— Тогда лучше бы на мнѣ не женился!..

— Перестань капризничать, вѣдь ты уже не маленькая!.. Ты—взрослая женщина, жена...

— Такого мужа мнѣ не надо!.. И никогда не смѣй ходить въ мою комнату!..

— Зина!.. Вѣдь это—глупо ссориться безъ всякаго повода...

— И никогда не посвящай мнѣ своихъ разсказовъ!.. Посвящай той... которой раньше посвятилъ... Вашей Зоѣ!..

— Лучше сказать прямо, что не любишь, чѣмъ...

Проходитъ часъ въ молчаніи, а потомъ подходитъ сзади, перегибается, какъ вѣтка отъ вѣтра, и ласково заглядываетъ въ глаза...

— Ты сердишься?..

— Конечно...

— Ну, извини меня!.. Не буду больше... Помиримся!..

И опять порывъ нѣжности, вихрь ласкъ и, какъ похмелье, сознаніе своего преступленія...

Спустя двѣ недѣли приступы тошноты повторились и на этотъ разъ долго мучили бѣдную Козочку. Зашла Марья Петровна и долго возилась съ женой. А когда я ее провожалъ, она сердито, почти со злобой, сказала:

— Болѣзнь самая обыкновенная: она беременна... Эхъ, вы!..

Повернулась и, не подавъ мнѣ руки, пошла...

Я долго стоялъ въ сѣняхъ, боясь появиться на глаза Зины. Меня словно ударили по головѣ дубиной. Опустились руки, задрожали ноги... Словно я уже убилъ мою Козочку...

— Геня! Геня!.. — зазвенѣлъ въ раскрытую дверь радостный голосъ Зины.—Ты что тамъ дѣлаешь?..

— Сейчасъ иду...

— Скорѣе! Скорѣе!.. Что я тебѣ скажу!.. Ты не ожидаешь..: Иди скорѣе!

Взяла меня за руку, отвела въ уголокъ, пугливо оглянулась по сторонамъ и на ухо прошептала:

— Я буду матерью... Понялъ?..

Потомъ повернулась на каблучкахъ, хлопнула въ ладоши и захохотала.

— Какъ?.. почему ты...

— Марья Петровна сказала!—радостно объясняетъ Козочка.

— Не вѣрю я что-то ей...

— Вотъ тебѣ разъ!.. Не вѣришь ей?.. Кому же тогда вѣрить?..

Говоритъ такимъ тономъ, словно обидѣлась за Марью Петровну:

— Нѣтъ, ужъ она лучше тебя знаетъ...

— Ну вотъ, видишь...

— Ну что ты, точно сердишься на меня? Я такъ счастлива, а ты...

Начинаетъ мечтать о ребеночкѣ, фантазируетъ, старается меня развеселить. Я улыбаюсь, но печально. Нѣтъ въ душѣ радости, а только страхъ и ощущеніе огромной непоправимой бѣды, угрозы, сознаніе преступленія... И смѣхъ, и радость жены теперь только сильнѣе терзаютъ мою душу.

— Чего ты такъ испугался?.. Вѣдь не ты, я буду мучиться!..

— Я боюсь, что...

— Что умру?—весело договариваетъ Зина.

— Ну, да, да!.. Вѣдь ты...

— Да не каркай ты, пожалуйста, какъ черный воронъ!.. Я вовсе не хочу умирать и... и не умру...

— Все-таки хорошо бы посовѣтоваться съ какимъ-нибудь знающимъ, опытнымъ акушеромъ... Надо бы скорѣе поѣхать и тогда...

— Ни за что!.. Это такъ стыдно, что ужъ лучше умереть...

Говоритъ о смерти, а сама весело улыбается, шутитъ, начинаетъ танцовать лезгинку. И кончается тошнотой... Я мучаюсь, ахаю, жалѣю, а она уговариваетъ:

— Ничего!.. Это всегда такъ... Марья Петровна говоритъ, что потомъ это пройдетъ... Не безпокойся: это отъ того, что у меня зародился ребеночекъ...

Страхъ и радость теперь жили въ нашемъ домикѣ всегда рядомъ, неразлучно, какъ мы съ Зиной. И страхъ гналъ радость, а радость—страхъ, но ни тотъ, ни другая

не хотѣли уступать въ борьбѣ, отравляя намъ жизнь... Зину раздражало мое угнетенное состояніе, а меня—ея легкомысленная радость. Прошелъ еще мѣсяцъ, и радость потускнѣла, а страхъ перешелъ въ глухое нервное раздраженіе. Капризы разрѣшались упреками, слезами, взаимными оскорбленіями, и все рѣже становились свѣтлые промежутки нѣжности и ласкъ. Словно съ нами невидимо поселился проклятый бѣсъ, злой и мелочный, ехидный, подлый бѣсъ, и мѣшалъ намъ понимать другъ друга. Это онъ, бѣсъ, посѣялъ въ душѣ моей Зины ревность, горчайшее изъ нашихъ несчастій, глупую ревность къ тѣнямъ прошлаго...

Однажды, когда я ушелъ на почту, Зина что-то искала и стала рыться въ ящикахъ моего письменнаго стола. Здѣсь ей попался подъ руки альбомъ, подаренный мнѣ Касьяновымъ, и тѣ клочки письма, которые я подобралъ когда-то на улицѣ, собственноручно изорвавъ и потомъ пожалѣвъ письмо Зои. Клочки далекаго прошлаго!..

Ничего не подозрѣвая, я вернулся домой въ пріятномъ настроеніи, потому что получилъ извѣстіе изъ журнала, что мой новый разсказъ принятъ. Хотѣлъ подѣлиться съ Козочкой своею радостью, но ея комната оказалась запертою на ключъ. Въ чемъ дѣло?..

— Зина, повѣсть приняли!..

Молчаніе.

— Ты что тамъ?.. Зина!..

— Вы—негодяй!..

— Что?!

— Негодяй! Ахъ, какой вы негодяй!.. Если бы я знала раньше...

Плачъ, рыданія, истерика... Двинулъ дверь плечомъ, выдернулъ крючокъ:

— Что это значитъ?.. За что?

— Вонъ!.. Донъ-Жуанъ!.. Ловеласъ гадкій!.. Я васъ

ненавижу... Уйдите, иначе я васъ ударю по физіономіи...

— Вотъ какъ?!.

Я вышелъ, сѣлъ за письменный столъ и впалъ въ какое-то отупѣніе... За что? Что случилось въ тѣ полчаса, которые я провелъ внѣ дома?..

Но тутъ мой взглядъ упалъ на раскрытый ящикъ письменнаго стола, и я все понялъ...

— Ахъ, вотъ въ чемъ дѣло: вы изволили произвести обыскъ!.. Похвально!.. Дѣло, вполнѣ достойное жены политическаго преступника...

Никто никогда еще не умѣлъ оскорбить меня такъ больно, какъ оскорбила любимая женщина. Явилась ненасытная жажда самому оскорбить, какъ можно сильнѣе, ядовитѣе. Я кружился по комнатѣ, сжималъ голову руками и весь дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ.

— Вы ошиблись дверью: вамъ слѣдовало выйти замужъ за жандарма, а вы...

— Теперь, говорятъ, въ модѣ женщины-шпіонки... Вотъ бы вамъ поступить!..

Не помню, что еще я кричалъ въ злобномъ изступленіи. Зина молча вышла, одѣлась и ушла:

— Подло, мерзко, недостойно порядочной женщины!..—закричалъ я вдогонку.

Потомъ я повалился на диванъ и до самаго вечера плакалъ, метался, бился головой о ручку дивана... Нѣтъ, сразу ничего нѣтъ: была любовь и словно кто-то растопталъ ее въ грязи!.. Какъ я обманулся въ тебѣ!.. Я думалъ, ты перлъ чистоты, красоты, а ты...

— Мѣщанка!.. Мѣщанка до мозга костей...

Какъ больной, поднялся я съ дивана, зажегъ лампу и рѣшилъ написать кому-то прощальное письмо... Какое, кому, почему прощальное,—не зналъ, но мысленно я называлъ это письмо «прощальнымъ»... Увидалъ вынутый мною альбомъ, перелисталъ до портрета Зои...

— Что ты, мѣщанка, сдѣлала?.. Что ты сдѣлала!..

Оба глаза Зои на любимомъ единственномъ портретѣ были проткнуты булавкой, и отъ этого лицо Зои казалось мертвымъ, страшнымъ...

— Эхъ, ты!.. Да ты мизинца не стоишь этой прекрасной дѣвушки...

Махнулъ рукой, погасилъ лампу и ушелъ къ Касьянову.

— Касьяновъ, давай, голубчикъ, пить! Я хочу пить, много, до забвенія...

— Что за метаморфоза...

— Именно метаморфоза... Жизнь, братъ, сочиняетъ такія метаморфозы, какихъ Овидій никогда еще не придумывалъ... Давай коньяку!..

— Да что ты такой сумасшедшій видъ имѣешь?.. Глаза, какъ у кролика...

— Ничего... Сейчасъ только у меня, братецъ, былъ обыскъ...

— Ну?.. Опять?.. Нашли что-нибудь?..

— Динамитъ, братецъ, динамитъ... А онъ взорвался, и все полетѣло къ чорту. Все! Понимаешь, все: вся жизнь, любовь, радость, поэзія, красота... Одна подлость, братецъ, осталась, подлость жизни!.. Давай коньяку!..

— Боюсь, что твоя жена меня потомъ ругать будетъ...

— Плюнь! У меня нѣтъ жены.

— Что ты мелешь-то?..

Касьяновъ изумленно смотрѣлъ на меня, а я хохоталъ...

Всю ночь мы съ Касьяновымъ пили коньякъ, сперва по дружбѣ и въ память далекаго невозвратнаго, потомъ изъ чувства солидарности и общности нашихъ неудачъ въ личной жизни, потомъ изъ чувства протеста всѣхъ и всего на свѣтѣ... Было что-то анархическое въ нашемъ разгулѣ и въ хмельномъ бреду на разсвѣтѣ. Уснули мы съ нимъ рядомъ, обнявшись, на одной постели...

XXV.

На другой день было то же. Кто-то приходилъ, торкался къ намъ въ дверь, но мы не пускали:

— Идите вы всѣ къ чорту!..

— Опомнитесь, Тархановъ, это я, Марья Петровна!..

— Никого намъ не нужно...

— Мнѣ нужно съ вами поговорить...

— Не о чемъ!.. Все давно сказано...

— Опомнитесь!..

— Оставьте меня въ покоѣ!.. Я не хочу съ вами разговаривать...

— Какая подлость!.. Ахъ, какая подлость!..—послышалось за дверями, и Марья Петровна ушла.

Потомъ приходилъ Гришенька. Его впустили и предложили ему выпить за русскую интеллигенцію. Гришенька былъ хмурый, отстранилъ рюмку и желчно сказалъ:

— А что она, эта самая интеллигенція, дѣлаетъ? Болтаетъ языкомъ, да... пьянствуетъ... Мы, пролетаріи, съ исправниками на брудершафтъ не пьемъ!..

— Это что же, намекъ? — запальчиво крикнулъ Касьяновъ. — Вы пришли насъ обличать?.. Пророки!.. Идите къ чорту!..

Началась ссора, глупая, безпричинная, пьяная... И я тоже накинулся на бѣднаго Гришеньку, наговорилъ такихъ гадостей, отъ которыхъ потомъ долго не могъ опомниться.

— Вы пришли отъ предмета вашего увлеченія, Зинаиды Дмитріевны?.. Знаю, знаю!.. Она свободна!.. Можете!..

— Вы—подлецъ, Тархановъ!..

— Вонъ!.. Вонъ!..—закричалъ я, пьянѣя еще болѣе отъ злобы, и ударилъ Гришеньку по лицу...

Боже мой, какая грязь, какая грязь!.. Цѣлый омутъ грязи, попавши въ который, уже трудно выкарабкаться...

Вечеромъ пришла Сусанна.

— Иди домой!.. Жена зоветъ...

— Нѣтъ у меня, Сусанна, никакой жены!.. На вотъ, выпей-ка лучше!..

— Я вѣдь непьющая... Много благодарна вамъ на угощеніи...

— А ты пригубь!.. Да ну, чего тутъ...

— Ну, ладно, ладно, не мни меня!.. выпью сама, что ли...

— Всю, до дна!..

— Ой, какая у васъ водка-то!.. Инда жжетъ въ нутряхъ...

— Присядь, посиди съ нами!..

— Недосугъ, чай, мнѣ... Тамъ пришла твоя жена, ждетъ...

— Подождетъ да уйдетъ...

— Что это ты?.. Неужели разлюбилъ?..

— На еще!.. Да пей, говорятъ!..

— А ты не играй! У меня—мужъ, а у тебя—жена...

— У тебя—въ солдатахъ, а у меня... Нѣтъ у меня... никого нѣтъ!..

— Что я у васъ остальное-то выпью, тутъ самимъ вамъ мало осталось...

Касьяновъ взялъ въ руки бутылку, посмотрѣлъ, свистнулъ и побѣжалъ въ буфетъ трактира за новой. Масляные глаза и большія колыхающіяся подъ кофтой груди Сусанны рождали пьяную животную похоть. Въ головѣ мелькали грязныя картины похотливой фантазіи... Нѣтъ имъ теперь удержа, потому что теперь у меня все растоптано. Вся жизнь теперь рисуется подлой и незачѣмъ чистота...

— А ты оставь!.. Нехорошо... Вотъ онъ придетъ сейчасъ...

— Нѣтъ, ничего... Я запру... Не пустимъ...
— Вотъ ты какой!.. Ахъ, ты, батюшки... Что ты это?!.
— У, какая ты... кровь съ молокомъ!..
— Ну, поигралъ и будетъ ужъ...
— Нѣтъ...

Когда на слѣдующій день я проснулся, хмель уже исчезъ и оставалась страшная головная боль, тупое отисчезъ и оставалась страшная головная боль, тупое отнаго сознанія мерзости и пакости, въ которыхъ прошли два послѣднихъ дня... Что-то непоправимо гадкое случилось со мной... Больной, разбитый, съ потухшимъ желаніемъ жить, смотрѣть на свѣтъ, валялся я на диванѣ своей квартиры и припоминалъ, что случилось...

— Проснулся, что ли, охальникъ?..—спросила заглянувшая въ комнату Сусанна. И вдругъ я вспомнилъ, что случилось, и почувствовалъ такое отвращеніе къ Сусаннѣ, что злобно, съ гадливостью, закричалъ:

— Не лѣзь сюда!.. Къ чорту, гадина!..

Сусанна бросила мнѣ письмо и съ ворчаніемъ ушла прочь отъ дверей...

«Хотя вы, Геннадій Николаевичъ, не захотѣли меня пустить и поговорить со мною по поводу извѣстнаго вамъ печальнаго случая, но я все-таки не могу успокоиться и хочу вамъ сказать. Не сердитесь, это не вмѣшательство въ чужую жизнь, а моя любовь и расположеніе къ вамъ и особенно къ бѣдной нашей дѣвочкѣ, Козочкѣ. Она на границѣ самоубійства. Стоитъ, право, отбросить гордость и подумать, какъ быть. Она разсказала мнѣ поводъ вашей размолвки. Положительно не могу себѣ представить, чтобы вы, такой умный человѣкъ и при томъ писатель, т. е. человѣкъ, которому больше, чѣмъ кому-нибудь другому, дано понимать человѣческую душу, не приняли въ соображеніе, что со стороны Зины здѣсь сказалась просто больная женщина, беременная женщина, психика которой совершенно не та, какая бываетъ у здоровой

женщины. Женщина въ такомъ положеніи часто дѣлается невыносимо капризной, нервозной, взбалмошной, а многія прямо становятся невмѣняемыми. Объ этомъ есть даже въ законахъ. Ревность въ такихъ случаяхъ—самый обычный спутникъ. Никакого обыска она не дѣлала, а случайно наткнулась на ваши секреты, и вотъ все объясненіе. Ей-Богу, это не такое уже преступленіе передъ любимымъ человѣкомъ, чтобы не только бросить, но даже оскорбить женщину такъ, какъ оскорбляли вы мою бѣдную, хорошую и несчастную Козочку. Объ этомъ подумайте хорошенько, чтобы мелочь не повела за собою очень серьезныхъ послѣдствій. Съ полнымъ уваженіемъ къ вамъ Марія Хохлова».

Внизу приписка рукой жены: «Прости меня Геня, я сама не знаю, что я надѣлала. Если не простишь, то прощай навсегда. Зинаида Тарханова.

Прочиталъ я письмо, и такой жгучій стыдъ, отчаяніе, раскаяніе хлынули въ душу, что, казалось, лучше не жить, не сознавать, не думать, провалиться сквозь землю... Не было обиды и оскорбленія, исчезло преступленіе Зины, и глаза души моей остановились съ ужасомъ предъ загадкой моего собственнаго «я»... Что же такое самъ я, я, который весь въ грязи, весь потонулъ въ пьяномъ вихрѣ разнузданнаго разврата, а смѣетъ «прощать»... Прощать Козочку, мою чистую, какъ ребенокъ, дѣвочку шалунью, больную шалунью!.. Мнѣ прощать ее?!. Какая злая, дьявольски-злая иронія жизни. Дьяволъ, радуйся!.. Она проситъ у меня прощенія... Правъ Касьяновъ, такъ оно и вышло: чортъ съ младенцемъ...

Медленно, съ поникшей головой, бродилъ, какъ осенняя муха, по комнатамъ, и было мнѣ такъ гадко, словно я носилъ въ себѣ всю скверну міра...

Забрелъ въ женину комнату: бѣлая, чистенькая, какъ бѣлый сугробъ только что выпавшаго снѣга, по-

стель, болтающійся на голубой ленточкѣ образокъ въ головахъ, маленькія туфельки подъ кроватью и плачущая надъ младенцемъ Мадонна—надъ постелью... Погасъ огонекъ лампады, зажженный рукою Зины въ память ея умершей матери... Некому его зажечь!..

Тоска, отчаяніе, безграничное и безвыходное отчаяніе!.. Смотрю на Мадонну, съ глазъ которой упала тяжелая слеза скорби, грядущей еще скорби, ибо знаетъ уже вѣщее сердце ея, что ждетъ ея ребенка... И у самого бѣгутъ слезы, и я глотаю ихъ, склоняя голову на бѣлую подушку, отъ которой струится тонкій знакомый ароматъ любимыхъ духовъ Зины... Снова поднимаю глаза на Мадонну, и вдругъ въ памяти встаетъ:

«Здѣсь, именно на этомъ самомъ мѣстѣ, висѣла раньше «Сусанна», та самая Сусанна, за честь которой вступился мой хозяинъ, отставной чиновникъ». Смѣется проклятый бѣсъ...

— Что же, отвѣтъ будетъ, или уходить?..

— Пошла вонъ!.. Къ чорту!.. Я тебѣ сказалъ, чтобы ты, гадина...

— А мнѣ наплевать... Ждутъ тамъ, а мнѣ наплевать...

— Погоди!..

— Отваливай!.. Ты мнѣ не мужъ, чтобы ругаться...

— Молчи, гадина!..

— Самъ лѣзъ, а теперь... Не стало море погано, коли собака полакала...

Нѣтъ, я не могу оставаться въ этихъ комнатахъ. Я долженъ уйти отсюда, уйти куда-нибудь, все равно куда, только бы не быть подъ одной кровлей съ этой омерзѣвшей бабой...

«Зина, прости, если можешь, и забудь все, что случилось. Я, только»... Я писалъ и рвалъ. Все не такъ, все не то, что чувствую... Нѣтъ словъ. Полный упадокъ силъ. Повалился на диванъ, и повисли, какъ плети, руки. Вотъ

немножечко полежу, встану и напишу... Только четверть часа!..

Темная тяжелая гора ползетъ на меня и медленно валится мнѣ на грудь осыпающаяся земля... Тяжело. Трудно дышать... Хочу закричать о помощи, но нѣтъ силы крикнуть... Кто тамъ зоветъ меня, жжетъ меня расплавленными каплями свинца?.. Что вы меня мучаете?!.

Дѣлаю отчаянное усиліе освободиться отъ тяжести и раскрываю глаза...

— Прости меня!.. Ради-Христа, ради нашего ребеночка!.. Никогда я не буду такой гадкой... Только прости меня!.. Вѣдь ты добрый, а я гадкая... Ну, пожалѣй и прости!..

— Зина!..

Упала на грудь и трепещетъ, какъ умирающая птичка... А слезы жгутъ мнѣ щеки, а сбившіеся волосы щекочатъ лицо.

— Я, а не ты... Нѣтъ, не ты, не ты... Я долженъ упасть къ твоимъ ногамъ и ..

— Ты добрый... Я знала, что добрый... Ты... у тебя золотое сердце!..

— Молчи, Зина... Не надо... Забудемъ... Все забудемъ!.. Уѣдемъ отсюда и все уйдетъ... Начнемъ жить снова и не будемъ вспоминать прошлаго...

— А ты говорилъ, что забыть нельзя... что тѣни прошлаго всю жизнь живутъ вмѣстѣ съ нами... Ахъ, какіе мы съ тобой несчастные, мы сами...

— Молчи!.. Все пройдетъ, все... У меня отчаянная боль въ головѣ... Иди, голубка, въ свою комнату... Потомъ я приду къ тебѣ...

— Слава Богу, слава Богу... Я просила покойную маму... я ей молилась...

— Не плачь!.. Иди и успокойся... Не будемъ объ

этомъ говорить... Будто бы ничего не было... Все пройдетъ!.. Все какъ сонъ, все какъ дымъ...

Вотъ и донесъ огромную тяжесть до мѣста и свалилъ ее съ плечъ... Болятъ плечи, болитъ грудь, все еще давитъ пережитое ощущеніе, но теперь можно дышать и плакать... Ахъ, какъ я усталъ!.. Не могу встать... Если бы мнѣ грозили обваломъ потолки, я все-таки не всталъ бы теперь...

Утромъ встали оба боязливые, тихіе и кроткіе, придавленные пошлостью жизни; боялись громко разговаривать и смотрѣть другъ другу въ глаза. Какъ больные, только что вставшіе съ постели... Какъ бѣлая тѣнь, бродитъ Зина, въ чемъ-то бѣломъ, и въ глазахъ ея есть что-то напоминающее скорбную Мадонну. Безстрастны наши ласки и поцѣлуи и безгрѣшны стыдливые взгляды... Она—счастливѣе меня, потому что у ней только тихая печаль и уже оправданіе въ чистотѣ ея думъ и чувствъ... А у меня... Мнѣ нѣтъ прощенія!.. Я самъ не могу себя простить... Нельзя себя простить; надо, чтобы тебя простили. А для этого необходимо полное признаніе, полное до самаго дна души, гдѣ столько страшнаго, грязнаго, непонятнаго самому себѣ... Развѣ можно сказать все?.. и то, самое страшное и самое грязное?.. съ Сусанной... Нельзя. Не надо. Самому страшно и омерзительно. Какъ же можно посвящать въ это почти дѣвочку...

Какъ могло это случиться?.. Какъ собака!.. О, мерзость, пакость, гадость!.. Подлецъ, самый настоящій подлецъ!.. Просить у тебя прощенія!..

Вотъ и примирились, а все-таки не возвращается прежняя радость и былое тихое удовлетвореніе отъ близости любимаго человѣка. Какая-то тѣнь легла на мою любовь, словно тучей закрылось солнышко, и не вспыхиваетъ яркій блескъ безсознательной радости бытія...

Мы оба это чувствуемъ, всѣми силами стараемся отогнать отъ себя, а тѣнь стоитъ, не уходитъ...

Мы радуемся, когда кто-нибудь приходитъ къ намъ, а раньше мы такъ любили оставаться вдвоемъ, только вдвоемъ. Теперь намъ кажется, что мы непремѣнно должны говорить другъ съ другомъ, ибо молчаніе тягостно... Мы ходимъ въ гости; я вдвое внимательнѣе къ женѣ, чѣмъ обыкновенно бывалъ раньше, ухаживаю за ней, какъ за невѣстой, подаю ей шубку, вожу за руку, стараюсь предупредить желанія, угадываю ихъ... и все-таки чего-то нѣтъ въ нашихъ отношеніяхъ, что было и не хочетъ вернуться!..

Надо уѣхать съ этой квартиры. Вѣчно возвращается мысль къ случившемуся: каждое появленіе, шаги, голосъ Сусанны напоминаютъ объ этомъ, и испуганно бьетъ по сердцу вопросъ: а если она все разскажетъ женѣ?.. Тогда нападаетъ какой-то особенный подлый страхъ, сопровождающійся слабостью во всемъ тѣлѣ и холоднымъ потомъ на лбу... Подлая тайна, моя грязная тайна, живетъ теперь съ нами. Это отъ нея ложится тѣнь на всѣ наши взгляды, улыбки, тщетныя попытки вернуть радость чистой взаимности...

— Зина!.. Давай переѣдемъ на другую квартиру...

— Почему?..

— Мнѣ тяжело здѣсь оставаться...

— Да, да!.. Здѣсь случилось такъ нехорошо... Здѣсь я была такая скверная. Я тоже разлюбила нашъ домикъ... Я ненавижу этотъ столъ съ ящиками...

По улицамъ городка ищемъ себѣ комнату. Намъ кажется, что на новомъ мѣстѣ можно жить по-новому, жить съ начала... Тщетное стремленіе убѣжать отъ самого себя! Все кажется, что причины кроются не внутри тебя, а около. Самообманъ и желаніе найти какое-нибудь самооправданіе...

Зина не можетъ видѣть письменнаго стола, онъ внушаетъ ей ужасъ и отвращеніе, а я... я не выношу Сусанны. Къ ней у меня тоже ужасъ и отвращеніе. Ахъ, люди часто бываютъ похожи на страусовъ, которые, спрятавъ свою голову, воображаютъ, что они въ безопасности...

Торопливо, энергично и суетливо, словно грозитъ пожаръ, собираемъ свои вещи, завязываемъ чемоданы и узлы, чтобы поскорѣе перебраться на новую квартиру. Съ меня катится градомъ потъ,—такъ я стараюсь ускорить дѣло... Въ нашей квартиркѣ хаотическій безпорядокъ, все перевернуто вверхъ ногами...

— Уфъ, усталъ!.. Кажется, все готово...

Сажусь на узелъ съ постелями, чтобы покурить и отдохнуть. Въ окна льется яркій свѣтъ теплаго уже солнца, съ крышъ прыгаютъ тяжелыя капли талаго снѣга, такъ хорошо, солнечно и весело на улицѣ...

— Скоро весна...

— Да. И мы уѣдемъ отсюда навсегда...

— Какъ только спадетъ вода и можно будетъ ѣхать на колесахъ....

У воротъ стоитъ уже подвода для перевозки нашихъ вещей... Ямщикъ съ почтовой станціи съ кѣмъ-то разговариваетъ такъ весело...

— Съ кѣмъ это онъ кокетничаетъ?—произноситъ Зина и подходитъ къ окну:—Съ нашей Сусанной!.. Поди —полюбуйся, какъ они... Смѣшные!..

— Удивительно интересно...

Сразу тускнѣетъ настроеніе.

— Надо ѣхать...

— Сусанна! Сусанна!..

— Лучше позвать ямщика... Онъ сразу вытащитъ...

Появляется Сусанна. Я отвертываюсь и припадаю къ чемодану, чтобы покрѣпче стянуть ремни.

— Вынеси, Сусанна, вещи!..

— Мужика надо, барыня, позвать...

— Я говорилъ!.. Я говорилъ тебѣ!..

— Ну что ты сердишься по пустякамъ?..

— Говорятъ: изъ-за пустяковъ, а не по пустякамъ...

— Какой придира!.. Точно учитель...

Ну, наконецъ-то... Все вынесено, можно отправляться... Выходимъ на крыльцо. Здѣсь стоитъ, подперевъ груди руками Сусанна.

— Прощай, Сусанна!..

— Прощайте, барыня!.. Дай вамъ Богъ...

Зина цѣлуетъ Сусанну. Я быстро отворачиваюсь и ускореннымъ шагомъ ухожу... Если бы она знала, если бы знала!..

— Геня! Куда такъ бѣжишь?.. Подожди меня!..

Замедляю шагъ, но не оборачиваюсь. Боюсь увидать Сусанну.

— Ты даже не простился съ Сусанной... Нехорошо. А мнѣ только ее, одну ее и жаль... Она такая веселая и смѣшная...

— Дуреха!.. Корова!.. Удивляюсь, что въ ней тебѣ можетъ нравиться...

— Такъ... нравится.

Цѣлый день устраиваемся на новой квартирѣ. Это отвлекаетъ меня отъ гнетущихъ мыслей и дѣлаетъ на нѣкоторое время почти радостнымъ. Страусъ спряталъ свою голову... Зина тоже весела: тянетъ пѣсенку, устраиваетъ себѣ туалетъ. У насъ—письменый столъ, у жены—туалетъ. Маленькій, но какой характерный пустячекъ! Впрочемъ, у меня здѣсь нѣтъ настоящаго письменнаго стола, съ толстыми ножками, съ ящиками, съ сукномъ; я сооружаю подобіе такого стола изъ простого кухоннаго. Здѣсь лучше: похоже на бѣдную студенческую квартирку. На старой больно ужъ отдавало мелкимъ мѣщанскимъ самодовольствомъ.

Вечеромъ новоселье: пришли Касьяновъ съ Александрой Романовной и Параша. Чаепитіе, гитара, чтеніе но-

вой книжки только что полученнаго журнала. Хорошо. Освѣжились. Когда гости ушли, у меня было такое самочувствіе, словно я очистился, наконецъ, отъ своей скверны. Но на другой день утромъ пришла Сусанна, принесла забытый нами въ углу зонтикъ, и, увидя эту бабу, я снова палъ духомъ... Надо поскорѣе уѣзжать изъ этой проклятой дыры... Ненавижу этотъ городъ, его жителей, его улицы, дома...

— Ахъ, поскорѣе бы весна!.. Уѣдемъ отсюда далеко-далеко, за тысячи верстъ, и тогда я вздохну свободно, вычеркнувъ изъ жизни всю прошлую гадость.

XXVI.

Вотъ и весна!.. Опять гомонъ грачей и воронъ, непролазная грязь по улицамъ, дощечки для переходовъ, радостное сіяніе въ голубѣющихъ небесахъ, звонкіе голоса ребятишекъ, потемнѣвшія, наливающіяся соками земли вѣтки деревьевъ и веселая капель съ крышъ, украшенныхъ ледяными сосульками.

Зина, въ широкомъ капотѣ, сидитъ у окна и грустно смотритъ на улицу. Теперь она часто сидитъ на этомъ стулѣ и всегда грустно смотрить на улицу. О чемъ-то все думаетъ, углубленная, сосредоточенная. Я смотрю на нее издали и думаю: подурнѣла, ужасно подурнѣла... словно стала совсѣмъ другая, не та, которую полюбилъ... Сонливая, неподвижная, вялая... Даже говоритъ и ходитъ по-другому. Она чувствуетъ, что я смотрю на нее, и капризно говоритъ:

— Ну, что ты на меня смотришь?.. Некрасивая я стала... Сама знаю...

Слышалъ я отъ кого-то, что женщины въ такомъ положеніи иногда хорошѣютъ. Неправда все это... Отъ кого я это слышалъ?.. Ахъ, да!.. отъ Калеріи. Она говорила, что у нея дѣлаются какіе-то особенно красивые

глаза и голосъ... Глаза у Зины, пожалуй, стали глубже, интереснѣе, но вообще-то вся она подурнѣла... Точно увядшій цвѣтокъ. Что-то жалкое порой проглядываетъ въ ея фигурѣ. Вспоминается:

Не расцвѣлъ и отцвѣлъ въ утрѣ пасмурныхъ дней...

Толкнется въ душу жалость. Подойду, поглажу по головѣ:

— Что ты пригорюнилась?

— Такъ себѣ...

— Какъ чувствуешь себя?

— Обыкновенно...

— Взяла бы книжку, почитала!..

— Не хочется... Ничего мнѣ не хочется...

— Неужели тебѣ не надоѣло смотрѣть на улицу?

— Все равно, Геня...

— Надо больше ходить, а ты все сидишь. Это— вредно.

— Что же, пойдемъ, пройдемся, пожалуй. Сегодня такъ тепло и хорошо на улицахъ.

Одѣваемся. Шубка точно съ чужого плеча: узка, коротка и еще больше подчеркиваетъ перемѣну. Нижнія пуговицы не застегиваются. Некрасиво. Идемъ тихо по тротуарамъ, и мнѣ какъ-то досадно, что не застегиваются нижнія пуговицы. Мнѣ кажется, что встрѣчные жители смотрятъ на Зину иронически. Это меня раздражаетъ. Хотѣлось бы итти быстро, но нельзя; приходится итти искусственнымъ мелкимъ шажкомъ, приноравливаясь къ шагу Зины. Это тоже раздражаетъ. Какъ-то тяжело виснетъ Зина на рукѣ, а раньше она опиралась твердо, но не тяжело. Встрѣтилась Александра Романовна: стройная, бодрая, съ веселымъ румянымъ лицомъ, походка ровная, легкая, такая изящная. Идетъ и притопываетъ каблучками, и кажется, что вотъ-вотъ побѣжитъ и, если захочешь догнать, ни за что не догонешь.

— Сашенька!.. Куда вы?..

Останавливаемся, перебрасываемся словами, не хочется разставаться.

— Куда вы?..

— На почту.

— Пойдемъ, Геня, и мы!.. Провожать ее. Намъ все равно гулять.

— Хорошо.

Идемъ вмѣстѣ, но недолго.

— Ну, господа, съ вами опоздаешь,—говоритъ Сашенька, наскоро жметъ руки и отдѣляется. Вотъ уже она гдѣ!.. Только мелькаютъ каблуки, постукивая бодро и весело по доскамъ...

— Буксирный пароходъ!..

— Что ты говоришь?..

— Сашенька—пароходъ легкій, а я—буксирный...

— А я какой?..

— Ты выходишь баржой, которую тянетъ буксирный пароходъ...

Обидѣлась. Лицо сдѣлалось сердитое и еще болѣе некрасивое. Идемъ и молчимъ, но чувствуемъ оба, что насъ раздѣляетъ раздраженіе, тайное раздраженіе...

— Ну, будетъ, я устала... Хочу домой...

— Домой, такъ домой. Мнѣ все равно.

А мнѣ совершенно не хочется домой, я совершенно не усталъ. Мнѣ хотѣлось бы надѣть ботфорты и пойти по лужамъ, по грязи, какъ попало, куда-нибудь за городъ, и бродить тамъ до самой ночи. Хорошо бы теперь поохотиться на току... Устроить шалашъ въ лѣсу и засѣсть съ ночи съ ружьемъ караулить тетеревовъ. Я такъ давно не охотился. Кто здѣсь охотникъ? Да, да!.. вѣдь меня звалъ аптекарь съ собой на охоту. Вотъ бы съѣздить!..

— Зина, подожди нѣсколько минутъ, я забѣгу въ аптеку.

— Зачѣмъ?..

— Надо... Ну, за... зубнымъ порошкомъ.

— Есть у насъ!

Не слушаю. Вбѣгаю на крылечко и исчезаю въ дверяхъ аптеки.

— Мое почтеніе!..

— Ну, какъ насчетъ охоты?..

— Я ѣду въ субботу. У меня все приготовлено: шалаши, чучела... Хотите?

— Какъ же, какъ же!.. Но вѣдь у меня нѣтъ здѣсь ружья...

— Пустяки! Я вамъ достану... У исправника возьму...

— Онъ не дастъ и потомъ... мнѣ вѣдь, въ сущности, воспрещается ходить съ ружьемъ.

— Пустяки... Исправникъ мнѣ кумъ... Ничего не будетъ... Ручаюсь.

Воодушевляемся, обсуждая планъ будущей поѣздки. Аптекарь увлекается, начинаетъ врать про разные удивительные случаи на охотѣ, а я слушаю и забываю о Зинѣ. Вспомнивъ, выбѣгаю на крыльцо: нѣтъ ея, ушла. Вѣроятно, обидѣлась. Да оно, конечно, нехорошо... Свинство. Почти бѣгу домой. Такъ и есть: грознѣе тучи...

— Бросилъ среди улицы и забылъ... Въ другой разъ гуляй одинъ, а не зови, если я тебѣ мѣшаю.

Начинаю объяснять, какъ это вышло.

— Мнѣ все равно... Скоро ты станешь забывать, что женатъ... Пора ужъ. Впрочемъ, такъ все и выходитъ, какъ полагается...

Дальше начинается разсужденіе о семьѣ, о дѣтяхъ, о томъ, что вся тягота семейной жизни ложится на женщину, а мужчина...

— Все это я двадцать разъ слышалъ отъ Марьи Петровны...

— Вотъ видите: вамъ даже и слушать тяжело, не то что испытать...

— Чего ты отъ меня хочешь, наконецъ? Вѣдь я, при всемъ своемъ желаніи, не могу самъ сдѣлаться женщиной, а тебя превратить въ мужчину...

Тяжело... Она дѣлается какой-то сварливой... Пусть ужъ лучше сидитъ и смотритъ въ окно...

И снова мы молчимъ. Я сижу за столомъ и пишу или читаю, а Зина, печальная и жалкая, сидитъ подъ окошечкомъ и, кажется, вотъ-вотъ заплачетъ... И опять мнѣ становится жаль ее и снова приходитъ на память:

Не расцвѣлъ и отцвѣлъ въ утрѣ пасмурныхъ дней...

Пришла суббота: сегодня въ лѣсъ, на охоту съ аптекаремъ.

Я еще ничего не говорилъ про охоту съ Зиной. Приготовляю большіе сапоги, смазываю ихъ жидкостью, которая сыграла, при обыскѣ у молодого Куренкова, роль динамита. Смѣшно. Посвистываю и улыбаюсь.

— Ты куда-то собираешься?

— Да. Сегодня подъ вечеръ мы ѣдемъ съ аптекаремъ на охоту...

— А когда вернешься?

— Завтра вечеромъ.

Зина вздохнула и отвернулась къ окну.

— Что ты все вздыхаешь?.. Словно нашъ наблюдающій!

— Если ты меня любишь, то... не поѣдешь на охоту.

Продолжительное молчаніе. Я продолжаю намазывать сапоги, стараюсь казаться равнодушно-спокойнымъ, но въ душѣ копится и просится на языкъ злость, раздраженіе. Пока я изливаю ихъ въ мысленныхъ разговорахъ съ самимъ собою. «Если любишь, то не поѣдешь»!... Какое непреложное доказательство любви! Можно не поѣхать и все-таки не любить—это разъ, а затѣмъ, мужъ, —не комнатная собачка на тесемочкѣ... Я—человѣкъ

свободолюбивый; любить еще не значитъ вѣчно торчать около вашей юбки! Куриная любовь...»

— Я поѣду съ тобой...

— Ты? на охоту?

— Что же тутъ смѣшного? Ты самъ когда-то мечталъ ходить со мною на охоту!

— Да. Но ты... Какъ ты не поймешь, что въ такомъ положеніи глупо думать объ охотѣ?

Зина снова отвернулась къ окну. Въ ея рукѣ мелькнулъ бѣлый платочекъ.

— Ну, опять слезы!.. Чортъ съ ней, съ охотой!

Я сердито швырнулъ сапоги въ уголъ и сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Поѣзжай!.. Мнѣ все равно... Я вижу, что ты меня не любишь...

— Есть въ Африкѣ какое-то племя дикарей—такъ у нихъ, когда жена родитъ, то мужъ тоже лежитъ на подстилкѣ и стонетъ...

Молчаніе, а потомъ:

— Что ты хочешь этимъ сказать?

— Не поняла?

— Нѣтъ.

— Вотъ что я скажу тебѣ, Зина, прямо и искренно: если женщина хочетъ, чтобы ее любили, она не должна оскорблять любовь подобными альтернативами, ультиматумами и т. п.

— Не понимаю. Я оскорбляю любовь?

— Да, оскорбляешь! Любовь—самое свободолюбивое изъ всѣхъ нашихъ чувствъ: она ломаетъ всѣ преграды, всѣ условности нашей жизни, ибо не терпитъ никакихъ стѣсненій. Всѣ жертвы въ любви добровольны— и только тогда онѣ цѣнны. Въ противномъ случаѣ всякая жертва есть оскорбленіе любви и... ея разрушеніе!..

— Сдѣлай одолженіе—поѣзжай, куда хочешь, на сколько времени хочешь, съ кѣмъ хочешь... Я не желаю

стѣснять твоей свободы. Если тебѣ пріятнѣе провести день съ аптекаремъ, сдѣлай одолженіе!

— Туго понимаете.

— Ты хочешь сказать, что я—глупа?

Я промолчалъ. Зина вскочила и убѣжала въ свою комнату, заперлась и притихла.

— Опять та же исторія!

Плюнуть на эти капризы и ѣхать?—это значитъ осложнить конфликтъ, а себѣ отравить все удовольствіе. Какая ужъ это охота: все время злиться и безпокоиться и думать, какъ бы Зинаида Дмитріевна не изволили выкинуть какой-нибудь глупости, убѣдившись, что ихъ не любятъ!.. Наплевать на охоту! Какая ужъ тамъ охота! Сиди на веревочкѣ законнаго брака!

Я ходилъ и потихоньку насвистывалъ мотивъ изъ «Карменъ»: «Любовь свободна». Кто-то подъѣхалъ къ нашему домику. А, это—аптекарь, съ ружьями, съ собакой, обвѣшанный какими-то свисточками, фляжками, ремешками, кинжалами. Тартаренъ изъ Тараскона! Какъ онъ вретъ! какъ художественно вретъ!

— Ну-съ, готовы?

— Здравствуйте! Извиняюсь: я не поѣду.

— Вотъ тебѣ разъ! Почему?

— Жена... не совсѣмъ здорова.

— Ничего, Богъ милостивъ! У меня—тоже прихворнула, да, Богъ дастъ, до завтраго не помрутъ...

— Нѣтъ, я безпокоюсь... Не поѣду. Извините ужъ...

— Зачѣмъ врешь?—раздался голосъ Зины изъ сосѣдней комнаты.—Я совершенно здорова!

— Вы его отпускаете?

— На всѣ четыре стороны! Онъ мнѣ совершенно... лишній.

— Эге! А онъ ссылается на васъ! Ну, стало быть, ѣдемъ... Живо! Одѣвайтесь! Ружье досталъ...

— Нѣтъ, не поѣду.

— Сдѣлай одолженіе! Никакихъ жертвъ мнѣ не надо!

Долго аптекарь уговаривалъ меня ѣхать, каламбурилъ, разсказывалъ анекдоты про женъ и мужей-охотниковъ, заимствованные изъ «Будильника» и «Стрекозы», но я остался непреклоннымъ.

— Я васъ понимаю и одобряю: отъ такой молоденькой и хорошенькой жены грѣшно уѣзжать!—сказалъ очень громко аптекарь на прощанье и уѣхалъ.

Опустились надъ городкомъ грустныя весеннія сумерки, а мы все еще сидѣли въ разныхъ комнатахъ и не разговаривали. Злость у меня пропала, но оставалось на душѣ что-то тяжелое, нудное, тоскливое. Быть можетъ, то шевелилось пока еще безформенное, неосознанное чувство разочарованія въ женщинѣ, съ которой я связалъ себя на всю жизнь. Розоватый отблескъ вечерней зари смутно напоминалъ о чемъ-то далекомъ и прекрасномъ, что прошло и не повторится... На лѣсопилкѣ, за городомъ, загудѣлъ свистокъ,—и вдругъ вся душа моя вздрогнула и насторожилась: въ воспоминаніи, яркомъ и рѣзкомъ, встала зеркальная гладь родной Волги, свистокъ отходящаго парохода, суета и шумъ набережной съ пристанями, верхній трапъ «Гоголя», раскрытое окошечко каюты и смущенное, стыдливое личико дѣвушки... И такой сладкой грустью и печальной радостью пахнуло мнѣ вдругъ въ душу отъ этого далекаго воспоминанія, что слезы навернулись на глазахъ и трудно было подавить желаніе упасть на подоконникъ и громко и горько разрыдаться...

— Геня! Геня! Что съ тобой, милый!

— Уйди! Оставь меня!

— Перестань же, ради Бога! Мужчина, а плачешь!

— Уйди! Оставь!

— Если бы я знала, что охота для тебя...

— Дай мнѣ побыть одному!

— Я тебѣ мѣшаю? Я мѣшаю?

— Да. Мѣшаешь.

— Значитъ, ты меня не любишь?

— Не... значитъ. Не знаю.

— Скажи прямо, и я не буду мѣшать... отравлюсь! Я мѣшаю?

— Сейчасъ, въ данную минуту мѣшаешь... Иногда можетъ мѣшать даже близкій человѣкъ. Какъ ты не поймешь, что нельзя жить только одной любовью и вѣчно твердить, какъ попугай, люблю, люблю, люблю! Я—не попугай.

— Ну, прости! Не сердись! Не буду... Я знаю, что ты меня любишь, а только такъ... капризничаю...

— Знаешь—и прекрасно!

— Побудь одинъ!.. Только выпей сперва воды и успокойся! На, пей! Я уйду и не буду мѣшать. Не буду, милый!

Я пью воду, а она цѣлуетъ меня въ щеку, и это меня опять раздражаетъ. Я дѣлаю нетерпѣливое движеніе плечомъ, морщусь. Наконецъ-то поняла.

— Ухожу!

Она ушла къ себѣ въ комнату и притворила дверь. Тамъ она потихоньку всхлипывала, некрасиво такъ всхлипывала, а я прислушивался къ ея вздохамъ и всхлипываніямъ, представлялъ себѣ ея лицо съ красными вѣками глазъ, съ расквашенными губами, и мысленно спрашивалъ себя:

— «Неужели все кончилось? Не знаю... самъ не знаю... Должно быть, кончилось...»

И съ пугливымъ любопытствомъ и удивленіемъ я время отъ времени взглядывалъ на притворенную дверь и чувствовалъ, что мнѣ даже не жаль Зины... А что, если

бы она въ самомъ дѣлѣ отравилась? Не жалко. Какой я, однако, черствый человѣкъ!..

Прошелъ часъ въ тишинѣ и молчаніи. За дверью—ни одного шороха! Словно умерла уже.

— Зина!

Молчаніе. Заглянулъ въ комнату: спитъ... Какъ некрасиво она спитъ! Раскинуты, какъ у мертвой, ноги и руки, раскрытъ ротъ, дышитъ рѣдко и тяжело... Неужели это—она, моя тонкая, граціозная Козочка?.. Нѣтъ, та была совсѣмъ другая...

Тихо, крадучись, отошелъ я, плотнѣе притворилъ дверь и сѣлъ къ окну. Пусто и тоскливо на душѣ. Словно потерялъ что-то безвозвратно. Неужели я ее не люблю больше? Какъ же это все случилось? И какъ же теперь быть?

Уныло смотрѣлъ я на улицу и со страхомъ прислушивался къ тому, что творилось въ моей душѣ... Тупое раскаяніе и ощущеніе безвыходности...

Кончилось!..

Увидалъ Касьянова: размахивая рукавами накинутаго на плечи пальто, онъ торопливо переходитъ улицу... Счастливый человѣкъ! Вольная птица! А вотъ я... Что будетъ со мною и съ той бѣдной женщиной, которая называется моей женой? Она такъ увѣрена въ моей любви... Пришла ложь!.. Если бы мы были смѣлыми, мы не запутывались бы въ ней, какъ мухи въ паучьихъ тенетахъ!

Звонокъ. Должно быть—Касьяновъ... Эхъ, не вовремя! Никого не хочется мнѣ теперь видѣть, ничего не хочется слышать, ни съ кѣмъ не хочется говорить...

Шумно растворилась дверь въ залъце и появился въ пальто, шапкѣ и калошахъ Касьяновъ:

— Гришенька, братцы, того... кончилъ... застрѣлился!

— Что случилось?—закричала Зина изъ своей комнаты.

— Гришенька застрѣлился!—еще громче крикнулъ Касьяновъ и, передохнувъ, добавилъ:—Вамъ, Зина, онъ оставилъ письмо!

Дикій крикъ вырвался изъ другой комнаты, и что-то упало и разбилось вдребезги...

— Зина! Зина!..

XXVII.

Ко всему привыкаетъ, со всѣмъ примиряется человѣкъ; только одна смерть не можетъ его пріучить и примирить съ собою... Съ сотворенія міра, ежедневно, ежечасно, ежеминутно умираютъ люди—и все-таки, когда смерть выхватываетъ близкаго или любимаго, мы не можемъ свыкнуться съ мыслью, что такъ было и такъ будетъ отнынѣ и до вѣка...

Мы снова всѣ были въ сборѣ и тѣсной кучкой жались другъ къ другу, стоя около гроба, въ которомъ лежалъ Гришенька. Какой маленькій гробъ! Словно умеръ подростокъ-мальчикъ. И лицо у Гришеньки такое бѣленькое, худенькое и маленькое; вострый носикъ какъ-то странно выглядываетъ изъ-подъ широкой ленты бумажнаго вѣнчика... Гришеньку принарядили: онъ лежитъ въ черномъ не по росту сюртукѣ, въ рубашкѣ съ пакрахмаленнымъ воротникомъ, въ черномъ галстукѣ... Никогда я не видалъ Гришеньку въ сюртукѣ съ манишкой и галстукомъ, и потому я съ трудомъ улавливаю знакомыя черты въ лицѣ и въ фигурѣ покойника...

Обѣдня кончилась, сейчасъ начнется отпѣваніе... Странное чувство: давно утратилъ вѣру въ Бога, забылъ, когда былъ въ церкви, отвергаю загробную жизнь и всѣ формальности религіи, а когда священникъ въ черной ризѣ съ серебряными крестами, сойдя съ амвона, направился къ гробу, я незамѣтно перекрестился. Оглянувшись по сторонамъ, я замѣтилъ, что то же самое

сдѣлали Параша, Марья Петровна и Куренковъ. Послѣдній сдѣлалъ это такъ, что не знай—онъ перекрестился, а не знай—застегнулъ на груди пуговицу... Лица у всѣхъ нась какія-то другія, необыкновенныя: испуганно-удивленныя, растерянныя. Кругомъ же только любопытныя. Скользнувъ по чужимъ лицамъ взорами, я замѣтилъ, что всѣ эти люди были въ церкви и тогда, когда меня вѣнчали съ Зиной... И такъ же вытягивали шеи и вставали на цыпочки, чтобы увидать жениха съ невѣстой, какъ это дѣлаютъ они теперь, чтобы получше разглядѣть покойника... Хлѣба и зрѣлищъ! Не такъ ли?

— Молодой какой!

— Не видать крови-то?

— Прямо въ сердце! Откуда крови быть? Маленькая дырочка и больше ничего...

— А лицо спокойное... Словно заснулъ.

Шептались позади и сбоку, проталкивались впередъ и удивлялись:

— И никто не плачетъ! Некому пожалѣть-то!

«Маленькая дырочка и больше ничего»... Хорошо сказано! Для нихъ только маленькая дырочка, и этой дырочкой они больше всего интересуются. Къ огорченію зрителей, не видать и этой дырочки... Какъ противны бываютъ иногда люди!

Изъ всѣхъ церковныхъ службъ я больше всего люблю похоронную. Погребальныя пѣсни полны глубокой философской лирики и волнуютъ меня до невѣдомыхъ глубинъ души, куда сокрылись всѣ мистическія тайны жизни и смерти человѣческой, откуда ихъ не могутъ изгнать ни свѣтъ разума, ни свѣтъ науки...

— Нощь смертная мя постиже неготова, мрачна же и безлунна.

— Се, вси дни мои исчезоша воистину въ суетѣ...

— Ибо друзи мои и знаеміи оставиша мя нынѣ...

Прислушиваешься къ словамъ и печальнымъ напѣвамъ, и на душу опускается смиренный, кроткій покой, и начинаетъ казаться, что самъ ты лежишь въ гробу, а надъ тобою поютъ... Трагедія человѣческой жизни встаетъ въ своемъ мрачномъ величіи, и предъ нею потухаютъ всѣ страсти, всѣ желанія, всѣ радости и печали. Остается только одна, огромная печаль о неизбѣжной судьбѣ человѣческой, и клонится голова предъ чѣмъ-то невѣдомымъ и всесильнымъ... Ахъ, какъ грустны молитвы и напѣвы! Терзаютъ они умъ и сердце; въ глазахъ дрожатъ слезы, огоньки погребальныхъ свѣчъ, позолота иконъ... Смотрю на стоящую немного впереди Зину, и мнѣ дѣлается ее жалко-жалко. Она испуганными глазами смотритъ на икону Божіей Матери, и крупныя капли слезъ прыгаютъ съ ея рѣсницъ на щеки... Моя бѣдненькая дѣвочка! Только тебѣ, одной тебѣ лежащій въ гробѣ сказалъ свое послѣднее «прости» и раскрылъ предъ тобою свою тайну! И отъ этого тебѣ тяжелѣе, чѣмъ всѣмъ другимъ...

— Яко земля еси, и въ землю отыйдеши, аможе вси человѣцы пойдемъ. Надгробное рыданіе творяще пѣснь, аллилуія!

Смотрю на Зину и тоской сжимается сердце: у всѣхъ насъ общая доля, всѣ мы вотъ такъ же будемъ лежать посреди церкви съ бумажными вѣнцами на челѣ. Но чья очередь первая? Не твоя ли, моя бѣдная скорбящая тайной скорбью подруга? Страшная мысль... Быть можетъ, дни твои сочтены: до рокового событія осталось немного: два мѣсяца только два мѣсяца!

Смотрю на Зину, и мнѣ хочется упасть передъ ней на колѣни, заплакать, цѣловать ей ноги и молить о прощеніи...

— И сотвори ему вѣ-чную па-мять!

Хоръ поетъ «вѣчную память»; тухнутъ огоньки восковыхъ свѣчъ, люди тѣснятся у гроба... И вдругъ разди-

рающій душу вопль и суматоха... Кого это выносятъ изъ церкви?..

— Тархановъ! Сюда!

— Зиночка! Моя бѣдная Зиночка! Пропустите же меня!

— Дайте воды! Дайте воды!

— Жена, что ли это?

— Сестра!

— Какое вамъ дѣло?! Отойдите же!

— Потрите ей уши!

На зеленомъ лужку ограды положили Зину. Какъ мертвая... А мимо проходитъ толпа, и надъ ней колыхается крышка гроба... Поютъ вѣчную память...

— Гдѣ же докторъ? Ради Бога, Касьяновъ, доктора!

— Здѣсь я!

— Слава Богу!

— Не слѣдовало ее таскать сюда! Господа, разойдитесь! Ничего интереснаго нѣтъ!

Раскрыла глаза! Раскрыла глаза! Огромные страдальческіе глаза!

— Зина! Милая моя... Очнись! Это я, Геннадій!

— Ты?

Сѣла и испуганнымъ взоромъ обвела окружающихъ.

— Домой! Я очень устала...

— Надо бы лошадь! Чья это лошадь?

— Господина исправника.

— Не стоитъ... Неудобно, господа...

— Почему это? не все ли равно!.. Я поѣду съ ней.

— Спасибо, Марья Петровна!

— Если спроситъ исправникъ, скажите, что я взяла лошадь, я, Марья Петровна!

Уѣхали. Надо зайти, въ послѣдній разъ постоять около Гришеньки вмѣстѣ со всѣми товарищами. Подошелъ къ могилѣ, окруженной тѣснымъ кольцомъ прово-

жающихъ... Уже зарыли. Что-то говоритъ слабенькимъ теноркомъ священникъ. Плохо слышно.

— Уберите вѣнокъ съ красной лентой! Немедленно!

— Не трогать!

— Говорите!

Рѣзкій споръ, ссора съ исправникомъ, замѣшательство въ толпѣ.

Стихло. Кто это говоритъ? Куренковъ... Ничего не разберешь... Говоритъ съ волненіемъ о томъ, что у молодежи пропадаетъ вкусъ къ жизни...

— Почему? А потому что люди сдѣлали изъ жизни каторгу!

Мнѣ не видать оратора, но видно исправника: голова его торчитъ надъ толпой и выраженіе лица—свирѣпое... Когда я не слышу словъ Куренкова, я догадываюсь о смыслѣ ихъ по лицу исправника... Вотъ опять оно насупилось... Смотритъ коршуномъ, такъ бы и растерзалъ!

— Да, господа, были хуже времена, но не было подлѣй!

— Прошу прекратить! Расходитесь, господа!

Небольшое смятеніе, а потомъ громкій голосъ Касьянова:

— Товарищъ закончилъ словами поэта: «не рыдай такъ безумно надъ нимъ, хорошо умереть молодымъ!» Неправда, товарищи! Во-первыхъ, никто здѣсь не рыдаетъ, а во-вторыхъ, и это самое главное,—тяжело и обидно умереть молодымъ! Да здравствуетъ жизнь! Я привѣтствую смерть, когда она нужна во имя жизни! Жизнь есть борьба, непрестанная борьба за лучшее будущее, и честь и слава, вѣчная память честно павшимъ въ этой борьбѣ!.. Я въ этой смерти вижу побѣду жизни! Вижу непримиренность, вижу протестъ, вызовъ самой смерти! Вѣчная память!!..

Обнажили головы, пропѣли хоромъ вѣчную память и стали расходиться по домамъ, погруженные каждый въ

свои одинокія мысли. На нѣсколько часовъ соединилъ насъ въ тѣсную семью мертвый Гришенька, а теперь мы шли, какъ чужіе, и каждый думалъ по-своему... Когда я проходилъ мимо того домика, гдѣ жилъ Гришенька, я невольно пріостановился и заглянулъ въ калитку. И мнѣ вдругъ вспомнился тотъ зимній вечеръ, когда мы, возвращаясь съ лыжной прогулки—я, Параша и Касьяновъ—зашли къ Гришенькѣ, а онъ въ это время училъ латинскій языкъ и, какъ дьячокъ, пѣлъ за перегородкой:

«Сумъ, эсъ, эстъ, сумусъ, эстисъ, сунтъ!»

«Сумъ» значитъ—«я существую»...

Вотъ тебѣ и «сумъ»!.. Я вздохнулъ и вошелъ во дворикъ. Такъ же, какъ тогда, гдѣ-то хрюкаетъ свинья... Свинья жива... а Гришеньки нѣтъ! Какъ это странно, удивительно и возмутительно-безсмысленно! Меня потянуло зайти въ полуподвалъ, гдѣ училъ латинскій языкъ Гришенька.

— Кто тамъ?

— Здравствуйте! Это—я. Товарищъ Гришеньки.

— А! Простите ужъ... Полы мою, прибираюсь послѣ покойничка-то...

Худая женщина опустила подоткнутую юбку и спрятала обнаженныя руки, а потомъ пожаловалась:

— Не отмывается кровь-то... Ужъ я терла-терла, косаремъ надо...

— Хлопотъ вамъ надѣлалъ...

— Да ужъ это что!.. Богъ съ нимъ, а только самъ-то жилъ бы! Жалко...

И женщина потихоньку заплакала, отирая рукавомъ слезы. Я заглянулъ за перегородку: прибрано, на столѣ —книжки, у стѣны—кровать, а на полу, около нея—темныя пятна.

— Косаремъ надо!.. Яша мой больно ужъ жалѣетъ... Второй день пьетъ и дома не ночуетъ... Все имущество Гришенька намъ оставилъ, написалъ, чтобы отдали намъ,

царство ему небесное! Хорошій былъ человѣкъ... Всѣхъ жалѣлъ...

Я постоялъ нѣсколько минутъ съ опущенной головой, вздохнулъ и пошелъ вонъ:

— Ну, прощайте!

— Прощайте!

Я вышелъ за ворота и еще разъ оглядѣлъ знакомый домикъ. Теперь этотъ домикъ выглядѣлъ какъ-то особенно, не такъ, какъ раньше: казалось, что онъ прячетъ какую-то значительную тайну человѣческой жизни. Тихо побрелъ, оглянулся на загадочный домикъ и вдругъ почувствовалъ молчаливый упрекъ своей совѣсти: есть на душѣ какой-то тяжкій грѣхъ, сдѣлалъ какую-то непоправимую ошибку! Медленно, съ понурой головою, шагалъ я по тротуару и прислушивался къ возрастающему безпокойству на душѣ и на совѣсти... Когда я послѣдній разъ видѣлъ Гришеньку живымъ? Давно... Неужели я не видѣлъ его съ того страшнаго дня, когда Гришенька приходилъ въ номера и... Да, больше мы съ нимъ не видѣлись... Встала въ памяти безобразная сцена дикаго насилія и тяжкаго оскорбленія, нанесеннаго товарищу въ чаду пьяной безшабашности. И шевельнулась въ сознаніи мысль: а что, если это оскорбленіе, ничѣмъ не смытое и непрощенное, было послѣднимъ толчкомъ, послѣдней гирей на вйсахъ жизни и смерти покинувшаго землю Гришеньки? Эта мысль была такъ неожиданна и страшна, что я пріостановился и зачѣмъ-то пошелъ обратно къ домику.

— Прости, братъ, меня! Я такъ виноватъ передъ тобою, такъ виноватъ...—шепталъ я въ мукахъ поздняго раскаянія и съ пугливой торопливостью подыскивалъ ключъ къ разгадкѣ Гришенькинаго самоубійства всюду, только не въ нашихъ личныхъ отношеніяхъ... Такъ сложилось, такъ сложилось... Въ сущности никто тутъ не виноватъ, сама жизнь виновата... А я... я глубоко вино-

ватъ передъ нимъ. Я скорблю, что мы разстались непримиренными, что я остался непрощеннымъ въ своей подлости, или вѣрнѣе—въ томъ подломъ поступкѣ, но... Что онъ написалъ Зинѣ въ своемъ прощальномъ письмѣ? Почему она скрываетъ это отъ меня? Конечно, тамъ—главная причина, въ нераздѣленной любви... Вѣдь и раньше онъ говорилъ о самоубійствѣ, въ томъ письмѣ, которое Зина давала мнѣ читать, когда мы съ ней еще не были близки...

Поднялъ глаза на домикъ: смотритъ попрежнему съ молчаливымъ упрекомъ прямо въ душу, знаетъ какую-то тайну.

Зачѣмъ-то торопливо перекрестился и, ускоривъ шагъ, направился къ своему дому. Что тамъ съ Зиной? Ползетъ въ душу какой-то невѣдомый страхъ, смутное безпокойство, пугающія предчувствія...

— Ну, какъ жена здорова?

— Тише! Заснула... Насилу успокоила::: Валерьянки дала:

— Не уходите, Марья Петровна... Я что-то боюсь...

— Не надо было таскать ее на похороны. Въ такомъ положеніи надо избѣгать всякихъ волненій, а вы...

— Конечно...

Я съ досадой махнулъ рукой и сѣлъ въ уголъ, чувствуя невыносимую усталость въ душѣ и тѣлѣ. Тихо, шопотомъ, говорили мы съ Марьей Петровной о разныхъ случайныхъ пустякахъ, подбадривая этимъ другъ друга. Я больше всего боялся, какъ бы Марья Петровна не ушла. Марья Петровна казалась мнѣ теперь значительной, необходимой, какимъ-то якоремъ спасенія...

— Будемъ пить чай? У насъ что-то холодно...

— Откровенно говоря, я ѣсть хочу.

— Накормлю. Я—сейчасъ! Не уходите!

— Куда вы?

— Въ лавку.

— Не надо.

Я наскоро одѣвался и разговаривалъ съ Марьей Петровной больше жестами, чѣмъ словами: пусть сидитъ, а я куплю кое-что перекусить, что тутъ за церемоніи! Проворно сбѣгалъ въ лавку, накупилъ разной снѣди, колбасы, яицъ, завалявшихся консервовъ, какихъ-то копченыхъ рыбокъ, и когда все это положилъ на столъ, Марья Петровна сердито пожала плечами.

— Куда это?

— Ничего... Кушайте! А сейчасъ и самоварчикъ устроимъ...

Странно, что все время я чувствовалъ себя въ чемъ-то виноватымъ передъ всѣми людьми, умалялся въ собственномъ сознаніи, заискивалъ передъ Марьей Петровной и робко косился на ширмы, за которыми спала моя жена. Когда мы пили чай, я выронилъ чайное блюдечко и такъ испугался, словно совершилъ большое преступленіе.

— Что случилось?—прозвучалъ испуганный голосъ за ширмами.

— Ничего, ничего... Я уронилъ блюдечко... Не бойся: у насъ—Марья Петровна.

— У насъ?!

Скоро Зина вышла изъ-за ширмъ, тихая, печальная, покорная, и, кутаясь въ сѣрый пуховый платокъ, подсѣла къ намъ.

— Ну, какъ ты себя чувствуешь?

— Ничего... Все равно...

— Тутъ есть твои любимые омары. Хочешь?

— Нѣтъ.

Мы встрѣтились глазами: равнодушный, безразличный взглядъ! Что-то случилось, глухой стѣной встало

между нами... Даже Марья Петровна почувствовала неловкость, натянутость момента.

— Надо вамъ ѣхать... Скорѣе ѣхать,—вздохнувши произнесла она и значительно взглянула на тихую Зину.

— Какъ только спадутъ рѣки, мы сейчасъ же поѣдемъ... Теперь отсюда не выѣдешь.

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше!—сказала Марья Петровна и снова бросила значительный взглядъ, на этотъ разъ въ мою сторону.

— Все равно,—отвѣтила кому-то Зина, устремившая взоръ въ пространство.

Ушла Марья Петровна. Мы остались одни въ напряженномъ, зловѣщемъ молчаніи. Я пробовалъ заговаривать съ женой, но она отмалчивалась или отвѣчала односложно и нехотя, потомъ ушла за ширмы и легла въ постель, отвернувшись къ стѣнѣ. Не хочетъ говорить, лелѣетъ какія-то свои тайныя думы...

— Ты, Зина, сердишься на меня?

— Нѣтъ, нѣтъ... Оставь меня... Не говори... Не хочется...

Пришла ночь, темная, вѣтряная, непривѣтливая; дождь, рѣдкій, но крупный, хлесталъ въ стекла оконъ, вѣтеръ плакалъ въ трубѣ. Я сидѣлъ, облокотясь обѣими руками на подоконникъ, неподвижно смотрѣлъ въ темное лицо ночи и думалъ о Гришенькѣ... Первая ночь въ могилѣ! Первая страшная ночь въ могилѣ... Моя мысль пронизывала мокрую землю, врывалась до самаго гроба, раскрывала его и рѣзко и выпукло рисовала мнѣ Гришеньку въ чужомъ черномъ сюртукѣ, въ накрахмаленной рубашкѣ со стоячимъ воротничкомъ, въ топорщащемся черномъ галстукѣ, съ острымъ носикомъ, выглядывающимъ изъ-подъ широкой ленты погребальнаго вѣнчика...

— Зина! Ты спишь?

Молчаніе... Странное, пугающее молчаніе...

XXVIII.

Какъ святыню, бережетъ она прощальное письмо Гришеньки, носитъ его всегда съ собою въ сумочкѣ, которую прячетъ на ночь къ себѣ подъ подушку. Иногда я случайно застаю ее въ слезахъ за перечитываніемъ этого письма. Каждый день ходитъ на кладбище и сидитъ на свѣжей могилѣ, пронизывая землю напряженнымъ взоромъ затуманенныхъ слезами глазъ.

Стоятъ яркіе солнечные дни, зеленѣетъ по заборамъ травка, немолчно кричатъ грачи на старыхъ березахъ вокругъ собора. Съ каждымъ днемъ сильнѣе чувствуется пробужденіе и призывъ къ новой жизни, а моя Зина остается тихой, равнодушной, покорной и молчаливой, любитъ одиночество, и никуда, кромѣ кладбища, не ходитъ...

— Зина! Куда ты?

— Туда...

«Туда»—это значитъ на кладбище.

— Опять?! Что съ тобой? Пойдемъ въ поле, за городъ, куда-нибудь... Будетъ ужъ...

— Развѣ я кому-нибудь мѣшаю?

— Странно...

— Пусть!..

— Не понимаю...

— Не ходи со мной. Я хочу одна...

— Я могу подумать, что ты...

Печальная улыбка скользитъ по губамъ, въ глазахъ загадочная снисходительность, вздохъ и отвѣтъ вполголоса:

— Думай, какъ хочешь...

Уходитъ. Я остаюсь одинъ и, ходя взадъ и впередъ по комнатѣ, напряженно думаю о томъ, что творится съ Зиной. Это, наконецъ, тяжело, невыносимо тяжело, такъ нельзя... Въ нашей комнатѣ мнѣ душно. У меня такое

ощущеніе, словно вмѣстѣ съ нами живетъ покойникъ. Это мѣшаетъ жить, мѣшаетъ думать и чувствовать... Что онъ тамъ написалъ ей? Почему эта смерть, эта могила ворвалась въ нашу жизнь, въ наши отношенія, и не хочетъ уходить? Какъ положить этому конецъ? Надо скорѣе уѣхать... Самое вѣрное и радикальное средство вернуть ее къ жизни и радости. Вонъ какъ свѣтитъ солнышко! Не хочу думать о смерти, о могилахъ, о могильныхъ цвѣтахъ и вѣночкахъ... Жизнь такъ прекрасна, такая жажда радости пробуждается отъ весенняго солнца, отъ грачинаго шума, отъ зеленой травки, отъ сверкающихъ лужицъ и воробьиныхъ дракъ, что мертвый Гришенька возбуждаетъ во мнѣ не жалость, а какую-то необъяснимую враждебность... Не хочешь жить—умирай, но не мѣшай живымъ жить и чувствовать радости жизни!..

Я натянулъ пальто, схватилъ шляпу и почти выбѣжалъ на улицу... Какъ хорошо! Точно вылѣзъ изъ склепа... Точно воскресъ изъ мертвыхъ! Улица довольно безлюдна, а жизнь бьетъ ключомъ изо всѣхъ уголковъ, изъ каждой щелки и ямки. Иду бодро, громко звучатъ мои шаги въ весеннемъ воздухѣ, врываясь въ грачиный гамъ и воробьиную суматоху... Вонъ два воробья нахохлились и дерутся на дорогѣ! Молодцы, воробьи! Всталъ и заглядѣлся на воробьевъ... А мимо стремглавъ несутся подравшіеся ребятишки... Одинъ карапузъ ударился мнѣ въ животъ и, отскочивъ въ сторону, принялъ оборонительную и угрожающую позу...

— Ты смотри! Я тебя...

И показываетъ мнѣ маленькій кулачишко...

— А ну-ка, попробуй!

Карапузъ бросилъ въ меня комкомъ липкой глины и засверкалъ голыми пятками босыхъ ногъ...

— Держи, держи его!

Съ веселымъ шумомъ, прыгая по камнямъ и пѣнясь въ ямахъ, бѣжитъ внизъ по улицѣ ручей мутной снѣговой воды. Я слѣжу за его бѣгомъ и невольно уношусь мыслями въ географію: ручьи бѣгутъ въ овраги, изъ враговъ—въ маленькія рѣчонки, изъ нихъ—въ настоящія большія рѣки... Вспомнилъ Волгу. Милая, родная рѣка! Скоро я увижу тебя... Горячей радостью облилось сердце, словно весеннее солнышко ворвалось въ мою душу, и засверкали тамъ яркими красками дорогія полузабытыя воспоминанія... Жить! жить! Огромная, захватывающая жажда жить... Откуда? Почему именно теперь?.. Развѣ что-нибудь угрожаетъ моей жизни? Развѣ кто-нибудь хочетъ встать поперекъ дороги моей жизни? Или это просто инстинктивный протестъ бытія, почуявшій свое отрицаніе въ свершившемся самоубійствѣ... Не знаю, но никогда еще я не испытывалъ такого сильнаго и громкаго призыва къ жизни... Я безцѣльно ходилъ торопливой походкою по улицамъ, жадно всматривался во все окружающее, прислушивался къ радостнымъ голосамъ пробуждающейся жизни, пилъ весенній воздухъ, влажный и вкусный, запахъ сырой земли, дегтя, дыма, гніющей листвы... Что это загромыхало, словно посыпало дровами? А, телѣга! Первая весенняя телѣга! Привѣтъ тебѣ, неуклюжая скрипучая телѣга! Твое громыханіе, твои мелькающія спицами колеса—вѣстники моего скораго отлета въ далекіе родные края!

А вонъ чинно шествуютъ подъ ручку влюбленные, Касьяновъ и Сашенька! Ахъ, соблазнитель! Наклоняется и воркуетъ на ухо... О чемъ онъ воркуетъ?:: А вонъ и голуби тоже воркуютъ, ухаживая другъ за другомъ, по узенькому карнизу дома...

— Здравствуйте! Даже не замѣчаете...

— А, Тархановъ!

— А гдѣ Зина?

— Тамъ!

— Гдѣ тамъ?

— На могилахъ...

— Одна?

— Одна... А вотъ вы все вдвоемъ... Завидно смотрѣть!

Касьяновъ переглянулся съ Сашенькой и многозначительно спросилъ ее:

— Сказать ему?

Сашенька покраснѣла и опустила глаза въ землю:

— Сказать? Ему можно: единственный другъ!

— Да я знаю, знаю!

— Ничего вы не знаете,—сердитымъ шопотомъ произнесла Сашенька и спряталась за спину Касьянова.

— Поздравить, что ли?

Касьяновъ оглядѣлся по сторонамъ и, взявъ меня подъ руку, тихо сказалъ:

— Только, братъ, никому ни полслова! Послѣ Пасхи сочетаемся... Саша! Саша! Куда ты? Погоди меня!.. Вотъ чудачка!.. Извини, братъ...

Касьяновъ наскоро пожалъ мнѣ руку и побѣжалъ догонять Сашеньку. Догналъ, подхватилъ подъ руку и снова сталъ нашептывать что-то на ушко... Счастливчики! Какіе они оба здоровые, сильные, красивые и веселые! Славная подобралась парочка... Смѣшно и весело на нихъ смотрѣть. А вотъ мы...

Я направился было къ кладбищу, чтобы утащить оттуда Зину, но не дошелъ: въ душѣ вспыхнулъ протестъ... Зачѣмъ я пойду на кладбище? Что мнѣ тамъ дѣлать? Проливать слезы? Но у меня нѣтъ ихъ, мнѣ хочется смѣяться, а не плакать. Не желаю!..

И я круто свернулъ и пошелъ по проулку. Вспомнилъ, что въ этомъ проулкѣ живетъ Параша... Славная дѣвушка! Давно ужъ не видалъ я ее, не зайти ли?

— Кто тамъ?

— Я, Параша, Тархановъ!

— Погодите маленько! Я очень ужъ по-домашнему...

Продолжая тихо напѣвать оборванную пѣсенку, Параша что-то тамъ дѣлала, а я стоялъ у закрытой двери и прислушивался къ ея голосу и пѣсенкѣ. Какой пріятный голосокъ у Параши! Низкія контральтовыя нотки какъ-то безпокоятъ и дразнятъ... Топаетъ каблучками такъ положительно; даже черезъ дверь чувствуется въ этой походкѣ здоровая, красивая, жизнерадостная дѣвушка...

— Можно!

Я вошелъ и немного растерялся: очень ужъ красивой показалась мнѣ Параша, красивой и какой-то новой, словно эту Парашу я еще никогда не видалъ...

— Что это... Вы какая-то другая? Прическу перемѣнили, или... вообще...

Параша звонко расхохоталась и, оправляя голову, сказала:

— Да нѣтъ же! Я была въ банѣ, и теперь не слушаются волосы... Ну, вотъ и бѣда!—Развернулся тяжелый узелъ золотистыхъ волосъ, и, какъ жирныя змѣи, поползли по плечамъ дѣвушки косы...

— Не смотрите...

— Оставьте косы!.. Ей-Богу, съ косами лучше!

— Ну, ладно ужъ... Не справишься... А Зина? Почему она прячется?

Я махнулъ рукой.

— Что это значитъ? Жестъ?

— Она... все оплакиваетъ еще Гришеньку... Носитъ ему вѣночки, подаетъ за него просвирочки на поминаньѣ, скорбитъ денно и нощно... Вообще, что-то странное, ненормальное...

Я говорилъ, а самъ смотрѣлъ на Парашу, на ея румяное лицо, каріе съ огонькомъ глаза, на ея косы и грудь. Все сильнѣе смущался подъ ея взглядомъ и неожиданно для себя спросилъ:

— Помните, какъ мы катались на лыжахъ?

— Когда?

Параша остановила на моемъ лицѣ немного изумленный взглядъ и тоже смутилась:

— Ахъ, да, вспомнила!.. Почему вы... Такой неожиданный переходъ!

— Хорошо тогда было!..

Параша не отвѣтила. Опустила глаза и занялась разсматриваніемъ своихъ пальчиковъ. А я смотрѣлъ на нее и до мельчайшихъ подробностей переживалъ то далекое время, тотъ яркій зимній день, когда я, свободный, какъ птица, бѣгалъ на лыжахъ и ссорился шумливо съ Парашей. Что-то начиналось тогда между нами и оборвалось... Были моменты, когда насъ тянуло другъ къ другу, и нѣжныя симпатіи робко прорывались наружу... Все могло выйти иначе... А женился на Зинѣ... Странно...

— Хорошо тогда было!..—повторилъ я, но Параша не отвѣтила. Лицо ея сдѣлалось серьезнымъ и чужимъ, въ комнатѣ наростала какая-то неловкость.

— Скоро вы уѣзжаете?—спросила вдругъ Параша, не поднимая глазъ.

— Да, черезъ недѣлю, полторы... Вамъ меня не жаль?

— Когда-нибудь встрѣтимся... Вы какой-то странный...

— И смѣшной?..

— Что вы такъ на меня смотрите? Не смотрите! Я разсержусь...

Не понимаю, что творится со мной... Мнѣ кажется, что я влюбленъ въ Парашу, и что она тайно любитъ меня... Сижу, сморю на Парашу, и мнѣ не хочется ухо-

дить. Чрезъ раскрытую фортку доносится грачиный гомонъ, воробьиная трескотня, звонкіе голоса ребятишекъ. Солнышко играетъ на подоконникѣ, грѣетъ мнѣ затылокъ...

— Ну, надо итти...

— Пишете что-нибудь?

— Да, пишу романъ... О томъ, какъ герой любилъ одну, а женился на другой...

— Почему?

— По ошибкѣ... Бываютъ, Параша, такіе случаи...

Параша смутилась еще болѣе, а мнѣ такъ нравилось это смущеніе, румянцы на щекахъ, опущенные взоры, рука, смущенно сплетающая и расплетающая косу! Что-то напоминало это мнѣ изъ дней далекихъ, далекихъ...

— Въ юности я любилъ одну дѣвушку, у которой были золотистыя косы...

Эхъ кабы Волга-матушка да вспять побѣжала,
Кабы можно было жить. братцы, сначала!,.

— Странно,—вымолвила Параша и вздохнула.

— Что странно?

— Да такъ, вообще... Ваше желаніе жить сначала и...

— Весной, Параша, всегда хочется жить сначала... Прощайте!

— Поцѣлуйте бѣдную Козочк,, — сказала какъ-то подчеркнуто Параша и протянула мнѣ руку.

— Бѣдную?.. Да, пожалуй... Мнѣ ее тоже жалко.

Я хотѣлъ поцѣловать протянутую руку, но Параша испуганно выдернула ее.

— Не надо! Что съ вами!..

— Ну, ладно, Богъ съ вами!

Я шелъ подъ солнцемъ, слушалъ радостные голоса весны и думалъ: почему я женился на Зинѣ, а не на

Парашѣ? И какъ это случилось, что я женился? Думалъ я объ этомъ какъ-то машинально, безсознательно, и самъ удивился, когда поймалъ себя на этихъ думахъ. Словно въ глубинѣ души кто-то сидѣлъ и думалъ за меня, а я нечаянно подслушалъ... Подслушалъ и удивился...

— Бѣдная Козочка!—прошепталъ я и, поднявъ съ земли взоръ, увидалъ впереди Зину. Она шла съ кладбища тихо, задумчиво, какая-то потерянная и пришибленная, несчастная... Острой жалостью кольнуло въ мое сердце, душа на мгновеніе рванулась къ ней въ порывѣ найти что-то потерянное, дорогое, разбитое. Я догналъ Зину.

Испугалась.

— Ахъ, ты!..

Легкая, едва замѣтная улыбка шевельнула ея губы, и ласковая доброта сверкнула въ глазахъ...

— Я по тебѣ очень соскучилась... Дай мнѣ руку, я очень устала... Точно мы съ тобой не видались давно-давно... Ты—хорошій!.. Ты не сердись на меня! Намъ надо скорѣе отсюда уѣхать... Скорѣе уѣхать!.. Все пройдетъ, все...

Зина освободила руку и, выхвативъ изъ кармана платокъ, стала отирать слезы.

— О чемъ плакать? Что ты все плачешь?.. Это, наконецъ, невыносимо...

— Больше не буду! Больше не буду! Даю тебѣ слово...

Пропала жалость, осталось одно раздраженіе.

— Не люблю несчастныхъ... слезоточивыхъ... Они напоминаютъ нищихъ...

— Не любишь ты меня... Ну, потерпи!.. Недолго ужъ... Скоро я умру... Я знаю, что умру...

Мы замолчали и тихо шли, я—позади. Пришли домой. Долго не разговаривали, избѣгая встрѣчъ глазами.

Я сидѣлъ подъ окномъ и смотрѣлъ на улицу, гдѣ было такъ солнечно, и гдѣ изъ каждаго уголка пробивалась воскресающая жизнь... Вотъ зазвенѣли колокольчики, все ближе, ближе... Мимо веселой рысью бѣжала тройка почтовыхъ лошадей, запряженная въ крытый тарантасъ; за тройкой гнались собаки и ребятишки. И вдругъ сердце мое вздрогнуло и облилось горячей радостью: словно это я ѣхалъ, наконецъ, на родину... Все ярче, тревожнѣе разгоралась эта радость, огромная, свѣтлая радость надеждъ и ожиданій, словно все у меня было впереди, только впереди!..

Неслышно подошла Зина, тихо склонилась и обвила мою шею руками:

— Милый мой... Намъ надо скорѣе уѣхать! Все пройдетъ и будетъ по-старому...

— Да, да...

Что-то еще шептала Зина, а я слушалъ, какъ звенятъ вдали милые колокольчики, и отдавался пробуждающимся въ душѣ воспоминаніямъ и смутнымъ, радостно-безпокоящимъ предчувствіямъ новаго, невѣдомаго, что прячется гдѣ-то впереди на путяхъ моей жизни. Руки жены казались мнѣ тяжелыми, давили горло и мѣшали думать о чемъ-то далекомъ и прекрасно-радостномъ. Я снялъ тяжелыя руки съ плечъ и сказалъ:

— Пусти! Мнѣ трудно дышать...

А колокольчики все еще звенѣли... Я прислушивался къ этимъ замирающимъ вдали колокольчикамъ, и мнѣ смутно вспоминалась милая родина, ненаглядная Волга, будоражущій ея гладь пароходъ, зеленыя горы, какой-то городъ на горахъ съ бѣлыми колокольнями и синими куполами, сады съ цвѣтущей сиренью и таинственными сумерками аллей, чьи-то застѣнчивые взоры, робкіе взгляды, звѣзды, огоньки, музыка въ раскрытыхъ окнахъ, сладкое томленіе ожиданій...

— Надо уѣхать...—съ тоской шепталъ позади меня чей-то голосъ.

— Да, да! Надо уѣхать... Мы скоро уѣдемъ туда...

— И будемъ любить другъ друга, какъ прежде... Да?

— Что ты говоришь?

Молчаніе, а потомъ взрывъ отчаянія, слезы, рыданія... Почему мнѣ не жаль ея? даже не жаль? Почему мнѣ не хочется подойти къ ней и сказать хотя бы одно ласковое слово утѣшенія? Не могу... Вся природа моя противится жалости и лжи. Я молчу, потому что не могу солгать... Развѣ я виноватъ?

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine of five cents a day is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

NOV 16 '51 H

JUN 1 1 '52 H

OCT 25 '54 H

JUN 16 '58 H

FEB 23 '63 H

Slav 4337.4.40
Izgnanie :
Widener Library
004393543
3 2044 085 505 576